С.-А. Г. Б.
Инв. № 160705

ТУРКЕСТАНСКІЙ

СБОРНИКЪ.

Статьи и замѣтки изъ русскихъ и иностранныхъ газетъ.

СБОРНИКЪ СОСТАВЛЯЕТСЯ
по порученію Туркестанскаго Генералъ-Губернатора.

Томъ 541

ТАШКЕНТЪ.

Турк. Кур. 1910.
№№ 27 и 28

Аксы-кентскія соленыя лечебныя озера.

(Какъ мы небрежно относимся къ природнымъ богатствамъ Туркестана).

На этихъ дняхъ отъ моего хорошаго знакомаго пріѣзжаго г. Д., въ бесѣдѣ за стаканомъ чая, узналъ поразительный фактъ. Проѣздомъ по желѣзной дорогѣ онъ разговорился съ однимъ изъ туркестанцевъ, который повѣдалъ, что ѣздилъ въ Вѣну для леченія

женія и по силѣ цѣлебныхъ свойствъ, равныхъ заграничнымъ и дорогимъ маріенбадскимъ и франценсбадскимъ грязямъ, могло бы сдѣлаться выдающимся лечебнымъ курортомъ, тѣмъ болѣе, что вблизи находится превосходная климатическая станція въ кишл. Пангазъ.

Лечебный курортъ Малла-кара, въ 5 верст. отъ ст. „Джебель" Средне-Азіатской жел. дор., обязанъ своимъ недавнимъ устройствомъ счастливой случайности. Какъ мнѣ передавали, желѣзнодорожная вѣтка отъ станціи къ курорту и самый курортъ возникли благодаря, главнымъ образомъ, тому, что г-жѣ супругѣ начальника Средне-Азіатской жел. дор. генерала Гескета пришлось воспользоваться леченіемъ на оз. Молла-кара! не знаю, насколько это правдоподобно, но во всякомъ случаѣ характерно для положенія вещей въ Россіи...

Быть можетъ, и Аксы-кентскія минеральныя грязи ждутъ появленія какой либо вліятельной особы, чтобы быть приведенными въ благоустроенное состояніе.

О поѣздкѣ своей на Аксы-кентскія цѣлебныя грязи г. Максимовичъ разсказываетъ въ „Русскомъ Туркестанѣ" такъ. Отъ ст. Посьетовка надо ѣхать 15 верстъ по безотрадной пустынѣ до переправы черезъ Сыръ-Дарью. На переправѣ имѣется чайхане, гдѣ можно достать баранину. Послѣ переправы 15 верстъ до кишл. Ертунчи, который вблизи Аксы кента. Въ 3 верст. отъ озера находится небольшой казенный баракъ, безъ рамъ и дверей, съ землянымъ поломъ. Все вокругъ загажено. Арба отъ станціи до барака стоитъ 4 руб. Отъ барака до озера возятъ на арбахъ по 30 коп. съ человѣка. Бѣдные тащатся пѣшкомъ. Пріемъ грязевыхъ ваннъ отъ 12 час. до 2 час. дня. Припасы на мѣстѣ дороги: баранина 10 коп. фунтъ, рисъ 8 коп. фун., курица 30 коп., молоко 10 коп. бутылка. Вода ключевая, но ключи содержатся грязно. Лечебный сезонъ г. Максимовичъ считаетъ съ половины мая до половины августа. Онъ признаетъ желательнымъ, чтобы на берегу озера ставились, конечно, за плату, юрты для больныхъ, чтобы здѣсь на періодъ сезона устраивались чайхане и лавочка, а также чтобы на время лечебнаго сезона здѣсь былъ фельдшеръ.

Разсказъ г. Максимовича относится къ іюню 1902 года. Понятно, что съ того времени стоимость припасовъ должна была повыситься, а невозможныя условія прохожденія курса леченія грязями остались такими же.

Совсѣмъ близко отъ озера находится гора Газильджай Кизъ Фатьма, которая, по преданію, является могилой святой Биби-Фатьма. Къ этой могилѣ пріурочена, какъ и всегда, легенда, въ данномъ случаѣ о слышащемся жужжаніи веретена; шумъ веретена слышатъ изъ могилы только праведные!

Мнѣ извѣстенъ случай, какъ г. Д. посылалъ 10 пуд. аксы-кентской грязи въ Кіевскую губ. для г. Я., который, примѣнивъ на дому леченіе этою грязью, получилъ значительное облегченіе отъ застарѣлаго ревматизма. Тотъ

сына—рахитика, при чемъ вѣнское медицинское свѣтило выразило удивленіе, зачѣмъ онъ тащился такъ далеко за леченіемъ сына, когда въ Туркестанѣ подъ бокомъ имѣются знаменитыя минеральныя грязи и соленыя озера. При этомъ вѣнскій профессоръ перечислилъ наши туркестанскіе лечебные курорты.

Знакомый мой, г. Д., кое-что разсказалъ мнѣ объ Аксы-кентскихъ соленыхъ озерахъ и минеральныхъ грязяхъ.

Озеро Аксы-кентъ или Ахъ-капъ расположено въ одной изъ котловинъ глинистыхъ высокихъ горъ, носящихъ названіе Акъ-чеку и расположенныхъ въ Бабадарханской вол. Наманганскаго уѣзда, приблизительно въ 20 верстахъ отъ р. Сыръ-Дарьи. Озеро лежитъ въ 4—6 верст. отъ кишл. Камышъ-курганъ и въ 2 верст. отъ курганчи Ерь-туля. Отъ станціи „Посьетовка" Средне-Аз. жел. дор. эта мѣстность, приблизительно, въ 30 верстахъ.

Цѣлебныя свойства аксы-кентскихъ грязей, соли и воды извѣстны давно. Аксы-кентское озеро пользуется въ этомъ отношеніи громадной славой среди туземнаго населенія ближайшихъ уѣздовъ (Наманг., Кокандскій и Ходжентскій).

Въ минувшемъ десятилѣтіи этимъ озеромъ заинтересовались и русскіе, пріѣзжая туда для леченія цѣлыми группами. Отъ нѣкоторыхъ, побывавшихъ тамъ, пришлось слышать лестные отзывы о лечебномъ значеніи озера, но за то всѣ остались недовольны полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо примитивныхъ удобствъ для леченія и проживанія.

Химическій составъ аксы кентской воды и грязи былъ произведенъ въ 1890 г. въ ташкентской химической лабораторіи. Анализъ грязи далъ слѣдующіе результаты (на 100 частей):

Хлористаго натрія	—	10, 28
Сѣрнокислого натра	—	1, 77
Сѣрнокислой извест.	—	1, 25
Сѣрнокисл. магнез.	—	0, 46
Углекисл. извести	—	7, 62
Углекисл. магнезіи	—	3, 62
Сѣрнокисл. желѣза	—	1, 87
Фосфорнокислой магнезіи	—	0, 12
Растворимаго глинозема	—	1, 04
Кремнезема	—	0, 25
Глины и песку	—	38, 28
Органическ. веществ.	—	0, 83
Воды	—	32, 6

По опредѣленіи того-же анализа, іодистыхъ и бромистыхъ солей въ грязи и водѣ Аксы-кентскаго озера не содержится.

Данныя эти находятся въ протоколахъ засѣданій ферганскаго медицинскаго общества, на стр. 69—77 которыхъ напечатанъ докладъ доктора А. И. Алексѣева объ озерѣ Аксы-кентъ.

Способъ леченія самый примитивный. Въ грязи выкапывается ямка, въ которую и ложится больной. Затѣмъ его обкладываютъ грязью, за исключеніемъ головы, надъ которой устраивается покрышка для защиты отъ лучей солнца. Въ грязи больной остается около полутора часа. Послѣ грязевой ванны обмыванія прѣсной водой не производится. По-

тѣніе (транспирація) происходитъ тутъ же на берегу озера, если имѣется юрта, или въ арбѣ, которая тащитъ больного до курганчи за три версты.

Лечебный сезонъ грязями начинается въ августѣ, такъ какъ раньше этого мѣсяца мѣстность изобилуетъ комарами, которые могутъ заставить сбѣжать изъ этого пустыннаго и угрюмаго мѣста.

По поводу бальнеологическаго значенія аксы-кентскихъ грязей, д-ръ А. И. Алексѣевъ утверждаетъ, что анализы этихъ грязей и грязей получившихъ всемірную извѣстность, въ Маріенбадѣ и Франценсбадѣ, даютъ вещества, постоянно входящія въ ихъ составъ, только въ разныхъ количественныхъ отношеніяхъ. Упомянутый докторъ полагаетъ, что „во всякомъ случаѣ аксы-кентскія минеральныя грязи составляютъ немаловажный рессурсъ въ дѣлѣ подачи помощи въ цѣломъ рядѣ очень важныхъ заболѣваній, какъ-то: сифилиса, золотухи, накожныхъ болѣзней, какъ симптомовъ нарушеннаго питанія, ревматизма, невралгій и нѣкоторыхъ параличей, туберкулеза костной системы и въ рядѣ болѣзней женской половой сферы".

Для правильнаго пользованія названными грязями д-ръ А. И. Алексѣевъ признаетъ необходимымъ устроить тамъ же закрытое помѣщеніе для транспираціи (потѣнія) больныхъ послѣ грязевой ванны, иначе больные рискуютъ простудиться, а затѣмъ, въ виду сильнаго вліянія грязей на организмъ, необходимъ врачебный надзоръ за прохожденіемъ больными курса леченія, который продолжается всего только 2 недѣли. Помимо того, д-ръ А. И. Алексѣевъ рекомендуетъ кишл. Пангазъ въ качествѣ климатической станціи для возстановленія силъ послѣ леченія грязями. Кишлакъ этотъ въ 20 верст. отъ Аксы-кента, въ прекрасной гористой мѣстности, вблизи перевала Кендыръ-даванъ („Туркестанскія Вѣдомости" 1902 года № 47).

Весьма сильныя цѣлебныя свойства аксы-кентскихъ грязей засвидѣтельствованы химическимъ анализомъ, представителемъ медицины и всѣми, которые пользовались этими грязями. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я встрѣтилъ въ поѣздѣ Средне-Азіатской жел. дор. г. М., который возвращался изъ Аксы-кента, гдѣ въ грязевыхъ ваннахъ лечился его сынъ. Туда мальчикъ пріѣхалъ, какъ говорится, совсѣмъ безъ ногъ, а оттуда передвигался уже самостоятельно, слегка лишь опираясь на палочку. Мой сослуживецъ г. Д—ій совсѣмъ излечился въ Аксы-кентскомъ озерѣ отъ ревматизма. Такихъ примѣровъ много.

Несмотря на это, прошло уже 13 лѣтъ со времени опубликованія доклада д-ра А. И. Алексѣева и до сихъ поръ ничего не сдѣлано изъ того, что намѣчено было докладчикомъ для предоставленія больнымъ самыхъ существенныхъ удобствъ, какъ, напримѣръ, закрытое помѣщеніе для потѣнія. Между тѣмъ, Аксы-кентское озеро, по удобству своего располо-

же г. Д., ѣздивши въ Петербургъ, захватилъ съ собою 2 пуда грязи изъ Аксы-кентскаго озера. Послѣ многихъ мытарствъ, съ цѣлью получить тщательный анализъ грязи и узнать компетентное мнѣніе о ея цѣлебности, онъ сдалъ свой грузъ владѣльцу одной водолечебницы, такъ ничего и не узнавъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Д. получилъ въ Петербургѣ благой совѣтъ: прислать въ военно-медицинскую академію 40—50 пуд. аксы-кентской грязи для ея анализа и испытанія на больныхъ. Такимъ образомъ, ему посовѣтовали затратить изъ своего кармана около 100 руб. Думается, что медицинское вѣдомство, узнавъ о достоинствахъ минеральной грязи оз. Аксы-кентъ, должно было само принять мѣры къ полученію для испытанія и анализа требуемаго количества этой грязи, не разсчитывая въ данномъ случаѣ на частную иниціативу и на средства частныхъ лицъ.

Аксы-кентскія грязи имѣютъ серьезное общественное значеніе, а потому желательно, чтобы на нихъ было обращено надлежащее вниманіе.

Слѣдуетъ произвести новый химическій анализъ грязей изъ оз. Аксы-кентъ и принять наконецъ тѣ мѣры къ ихъ благоустройству, которыя рекомендовалъ д-ръ А. И. Алексѣевъ. Это будетъ минимумъ того, что надлежитъ сдѣлать, чтобы аксы-кентскія минеральныя грязи явились доступными для пользованія со стороны русскаго и туземнаго населенія. Въ отношеніи послѣдняго необходимо установить медицинскій надзоръ, ибо неразумное пользованіе грязевыми ваннами туземцами можетъ принести имъ только вредъ.

Судьба цѣлебныхъ грязей оз. Аксы-кентъ наилучшимъ образомъ характеризуетъ наше небрежное отношеніе къ природнымъ богатствамъ Туркестана.

К. Тимаевъ.

Легенда о происхожденіи киргизовъ.

Въ бытность мою учителемъ N. аульнаго училища, Тургайской области мнѣ довелось однажды присутствовать на киргизскихъ скачкахъ. Послѣ скачекъ, борьбы и другихъ игръ, сидѣвшій среди киргизъ акыны *), нарочно привезенный для этого случая откуда-то изъ далека, подъ звуки трехструнной домбры **) спѣлъ слѣдующее сказаніе:

—Это было давно, давно!

Въ этой сторонѣ, гдѣ солнце покой обрѣтаетъ, въ одну темную весеннюю ночь на огромное пространство было всюду свѣтло, всюду плачъ и мольба, всюду стоны и клики войны раздавались.

То пылала, окруженная безчисленною ратью великаго восточнаго царя, страна цѣлаго племени.

Тщетно изъ огненнаго океана старческая и дѣтская мольба раздавалась. Тщетно защитники, напрягая послѣднія силы, показывали чудеса доблести въ борьбѣ со врагомъ. Застигнутые врасплохъ и обезоруженные, они таяли и таяли, какъ легкія тучки при вечерней зарѣ.

Никому и ничему кромѣ красивыхъ женщинъ и драгоцѣнностей не давали

---

*)

пощады свирѣпые воины царя. Охваренные зловѣщимъ свѣтомъ, они точно духи смерти и разрушенія носились на своихъ быстроногихъ коняхъ и, разя бѣглецовъ и защитниковъ, то тамъ, то сямъ выхватывали дорогія вещи и перепуганныхъ красавицъ.

А въ сторонѣ, окруженной многочисленной блестящей свитой, на чудной бѣлой лошади сидѣлъ самъ владыка востока. Трепетное пламя пожара пурпурнымъ отблескомъ причудливо играло на золотомъ и серебряномъ вооруженіи приближенныхъ царя и отъ этого они, казалось, были облиты дымящеюся кровью.

При видѣ богатой добычи и малой потери воиновъ, взоръ царя блисталъ горделивой радостью. Радовалась и свита его.

Лишь одинъ изъ приближенныхъ, длиннобородый величавый старикъ Калча Кадыръ, любимецъ войска и самого повелителя, понуро сидѣлъ на конѣ. Съ грустною задумчивостью взиралъ онъ на вакханалію смерти, чутко вслушиваясь, то въ безгранично-скорбный стонъ умирающихъ, то въ отчаянно-безумный вопль женщинъ и дѣтей. Позднее ли сознаніе жестокости такъ называемыхъ славныхъ походовъ и подвиговъ привело въ грустное раздумье Калчу или старое сердце не выдержало скорбныхъ стоновъ обреченныхъ смерти людей и жалость къ погибавшимъ незримой змѣей заползла въ него—въ грустныхъ очахъ старшаго царедворца нельзя было прочесть. Только ему при видѣ смерти враговъ быть можетъ первый разъ въ жизни было дѣйствительно не по себѣ.

— Кажется нашъ старый слуга не радъ такой блестящей удачѣ!—воскликнулъ царь, пытливо вглядываясь въ очи Калчи.

— Нѣтъ зачѣмъ же—спокойно отвѣтилъ старикъ. А затѣмъ, помолчавъ немного, прибавилъ:—Государь, родина наше далеко, время наступаетъ жаркое и озера и рѣчки на пути могутъ пересохнуть—такъ не прикажешь ли съ утра возвращаться обратно.

«Какъ! возвращаться?! возвращаться теперь, когда хоть одинъ остался въ живыхъ изъ этого презрѣннаго непокорнаго племени? Никогда этого не будетъ!» При этомъ, злобно сверкая очами, царь такъ дернулъ за поводья, что благородный конь его задрожавъ поднялся на дыбы.—Какъ повелишь государь—проговорилъ Калча и опустилъ голову на грудь.

Когда конь немного успокоился, царь и свита его, обливаемые погребальнымъ свѣтомъ, направились къ пожарищу...

Царь сдержалъ свое слово.

Прошло нѣсколько дней и недавно богатая шумная страна представляла лишь груду развалинъ и пепла. Никто кромѣ красивыхъ дѣвушекъ и женщинъ не избѣжалъ лютой смерти и теперь веселый дѣтскій крикъ не нарушалъ уже печальной тишины, а въ вечернемъ свѣжемъ воздухѣ не дрожали какъ прежде безаботно—звонкія пѣсни красавицъ.

Лишь солнце и мѣсяцъ печально взирали на груды разваливъ и труповъ, да шаловливый вѣтерокъ подниметъ закружитъ пепелъ, но вдругъ какъ бы обезсиленный тяжелой ношей вновь опуститъ его и, тихо негодуя на злобу людей, спѣшитъ изъ замолкшей страны

А счастливый и радостный побѣдитель торопливо двигался уже на родину. И торопиться было надо. Путь предстоялъ великій, длинный, время же наступило знойное. Съ каждымъ днемъ вода въ озерахъ и рѣчкахъ уменьшалась все больше и больше и наконецъ ея не стало хватать для всего каравана.

Между тѣмъ свѣтло—голубое раскаленное небо палило все немилосерднѣе. Наконецъ не стало ни освѣжающаго вѣтерка, ни звука—и степь, еще недавно залитая щебетаніемъ пташекъ, казалось, была вѣчно мертва. Озера и рѣчки встрѣчались уже совершенно пересохшія, а трава, сушимая палящимъ зноемъ,—желтѣла, никла все болѣе къ землѣ и обращалась въ пыль. Ужъ третій день двигалось войско по безводной горячей степи. Скотина наконецъ не выдержала и цѣлыми десятками стала падать. Пройденный путь уже обозначался безконечно—длинной веренцей въ поднебесьи вьющихся степныхъ орловъ. Люди истомились, устали и только ночь нѣсколько освѣжала ихъ. Но наступало утро и мученія усиливались. Въ полдень жара достигала такой степени, что голова каждаго человѣка горѣла, тупѣла и становилась точно свинцомъ налитая. Караванъ останавливался и раскладывалъ палатки. Но и въ тѣни ихъ было такъ удушающе жарко, внутренности каждаго такъ болѣзненно ныли, что въ распаленномъ мозгу только неотвязно стояла одна мысль:—пить, пить... Всякій съ радостью отдалъ бы полжизни за глотокъ свѣжей воды, но и это было безполезной мечтой. Однако примѣръ терпѣнія и твердости царя—полководца и надежда на скорое возвращеніе на родину вливали еще силы въ истомленное войско и оно хотя съ трудомъ.

хотя съ мучительнымъ трудомъ, но все-таки двигалось впередъ. Только женщины въ изнеможеніи падали одна за другой на горячую землю, да старому Калчѣ походъ оказался не по силамъ и лѣтамъ.

Онъ ослабъ до того, что уже не могъ сидѣть, а на четвертый день безводнаго пути тѣло его разболѣлось такъ сильно, что малѣйшій толчокъ причинялъ ему невыносимую боль. Жалѣя его, караванъ остановился. Съ грустью взирали воины на то, какъ гасли силы маститаго мудраго любимца ихъ. Остановилось войско и въ ночь, ожидая не прольетъ ли благодатный дождь и не возстановитъ ли хоть сколько нибудь силы Калчи. Но напрасны были ожиданія: дождь не прошелъ, а силы все болѣе оставляли страдальца. Наконецъ подъ утро Калча самъ началъ просить царя не губить людей и вести ихъ скорѣе на родину, а его оставить въ степи. Царь внялъ великодушной просьбѣ

благороднѣйшаго изъ своихъ совѣтниковъ и предъ разсвѣтомъ послѣ печальнаго прощанія войско двинулось въ путь. Съ мучительной болью и тоской взиралъ Калча на удаляющихся друзей. Скоро и они какъ то растаяли-потонули въ предразсвѣтной мглѣ и только многотысяченожный топотъ долго еще передавался тѣлу старика. Замирая постепенно, наконецъ, и онъ затихъ, и въ огромной безмолвной пустынѣ Калча остался одинъ. День какъ на бѣду выдался еще жарче прежнихъ. Мучительная, невыносимая жажда усиливалась съ каждой минутой.

Наконецъ, страданія превзошли границу человѣческаго терпѣнія. Собравъ послѣднія силы, доблестный старый ветеранъ всталъ на колѣни и, воздѣвъ руки и взоры къ небу, началъ молиться: «Великій Всемогущій Творецъ! услышь молитву недостойнаго раба твоего: пошли мнѣ смерть скорую, немедленную и прекрати мои невыносимыя мученія.“

Лишь только произнесъ онъ слова молитвы, какъ небо разверзлось и къ нему въ свѣтломъ освѣжающемъ облакѣ спустилась снѣгоподобная Казъ-Акъ *). Такой видъ приняла на себя одна изъ добрыхъ пери.—Богъ услышалъ твою молитву и за доброе сердце твое послалъ меня къ тебѣ на помощь—чуднымъ, какъ предразсвѣтный вѣтерокъ бодрящимъ, голосомъ сказала она. Эти чарующіе звуки какимъ-то неизъяснимымъ образомъ сразу притупили острую боль отъ мучительной жажды и Калча почувствовалъ облегченіе. Ободривъ маститаго воина и чудеснымъ образомъ доставъ все, что нужно для укрѣпленія силъ, Казъ-Акъ обратилась въ прелестную необычайной красоты дѣвушку.

Вскорѣ Калча забылъ и думать о боли и несчастіи. Забылъ онъ думать и о возвращеніи на родину. Причиной тому было прекрасное лицо дѣвушки и особенно большіе чудные глаза ея. Жгучіе и стыдливые—они стыдили жгли и приводили въ сладостный трепетъ какъ бы помолодѣвшаго Калчу. Глядя въ нихъ онъ загорался страстнымъ, бурно-пламеннымъ желаніемъ юноши.

Дѣвушка осталась жить съ Калчей...

Съ появленіемъ Казъ-Акъ на омертвѣвшую землю стали чаще и чаще падать дожди. Прошло нѣсколько дней и степь преобразилась. Она снова покрылась яркозеленымъ ковромъ.

По ней опять запестрѣли миріады цвѣтовъ. То тамъ, то сямъ попрежнему заблистали зеркальныя озера, окаймленныя осокой или невысокимъ камышомъ. Они снова огласились криками безчисленныхъ гусей, лебедей, утокъ и дичи. А въ вечернемъ свѣжемъ, напоенномъ ароматомъ травъ, воздухѣ опять стоялъ звучный гамъ насѣкомыхъ.

Появилась у новой четы скотина, появились и дѣти.

---

*) Бѣлая гусыня.

Семья съ годами росла все больше и больше и, наконецъ, обратилась въ могучее племя.

Благодарные потомки въ память чудеснаго явленія Калчѣ родоначальницы ихъ стали называть себя казаками **).

**) Слово—киргизъ, какъ татарами и значитъ—разбойникъ.

Коранъ Османа.

Историческая справка.

Столичныя газеты принесли извѣстіе, что петербургскіе мусульмане ходатайствуютъ о передачѣ знаменитаго корана Османа строющейся въ Петербургѣ соборной мечети.

Считаемъ не лишнимъ на страницахъ нашей газеты дать историческую справ-

ку объ этомъ старѣйшемъ памятникѣ мусульманства.

Коранъ написанъ на пергаментѣ куфическимъ шрифтомъ безъ точекъ и гласныхъ, и старинное сказаніе приписываетъ происхожденіе его третьему халифу, Осману.

Какъ гласитъ преданіе всѣ поученія и изреченія Магомета первоначально были записаны на бараньихъ лопаткахъ и хранились у вдовы Магомета. Первый халифъ, Абубекръ, обнародовалъ коранъ, хранившійся въ семействѣ Магомета, но уже при второмъ халифѣ, Омарѣ появились разные варіанты корана со значительными отступленіями, возникли сомнѣнія и споры, которая изъ священныхъ книгъ истинная. Тогда третій халифъ, Османъ, предвидя возможность раскола приказалъ собрать всѣ существовавшіе списки и сжегъ ихъ, объявивъ священнымъ только одинъ коранъ Абубекра.

Коранъ этотъ хранился у Османа же, часто проводившаго часы своего досуга за чтеніемъ «Калями Шерифъ» (святое перо или св. писаніе). Далѣе преданіе гласитъ, что за чтеніемъ этого же корана Османъ былъ убитъ возмутившейся чернью, и что будто бы кровь халифа залила листы корана и слѣды этой крови видны до сихъ поръ.

Трудно провѣрить это древнее сказаніе, но несомнѣнно, что экземпляръ этотъ одинъ изъ самихъ древнихъ (неменѣе 1000 лѣтъ).

Появленіе корана въ Туркестанѣ востокъ, по своему обыкновенію, тоже украсилъ чудесной легендой. Жилъ въ Ташкентѣ когда то благочестивый пиръ, по имени Ходжа-Ахраръ. (Весьма чтимый святой, глава ордена Нахшибенди). Слава о святой жизни Ходжи-Ахрара гремѣла не только по Туркестану, но далеко за предѣлами его, а святой пиръ не только самъ творилъ чудеса, но свою чудодѣйственную силу передавалъ своимъ мюридамъ.

Случилось какъ то, что одинъ изъ его мюридовъ, возвращавшійся изъ Хаджа въ Мекку, забрелъ въ Руму. (Константинополь). Какъ разъ въ это время въ Румѣ лежалъ при смерти халифъ, и никакіе врачи не могли исцѣлить его. Узнавъ о прибытіи туркестанскаго мюрида, халифъ послалъ за нимъ, и мюридъ своими молитвами исцѣлилъ умирающаго. Въ награду онъ попросилъ коранъ Османа, хранившійся у халифа въ хозинэ (казначействѣ). Коранъ имѣлъ тогда громадное значеніе: какъ древняя святыня и какъ безусловно вѣрный списокъ корана, чуждый всякихъ искаженій. Благодарный халифъ отдалъ мюриду не польстившемуся ни на золото, ни на почести, священную книгу, а благочестивый мюридъ отвезъ сокровище въ Ташкентъ къ своему пиру, Ходжѣ Ахрару. Послѣдній вскорѣ переселился въ Самаркандъ, гдѣ выстроилъ медресэ и мечеть и послѣдней, умирая, завѣщалъ мусульманскую святыню. Ходжа Ахраръ

умеръ въ глубокой старости, оплакиваемый многочисленными мюридами и народомъ и погребенъ въ мечети своего же имени. Здѣсь же долгое время (около 400 лѣтъ) хранился драгоцѣнный манускриптъ, и эмиры Бухары, пріѣзжая въ Самаркандъ, поклонялись ему, какъ величайшей святынѣ.

Какъ же поступили самаркандскіе имамы и улемы со своей „великой святыней"? А очень просто: продали ее за 30 серебренниковъ. И если этотъ драгоцѣнный манускриптъ попалъ въ Петербургъ, а не въ Лондонъ, или въ Берлинъ,—то этимъ мы только обязаны Кауфману, этому удивительному человѣку, отъ зоркаго вниманія котораго положительно ничто не ускользало.

При взятіи Самарканда коранъ былъ скрытъ и только впослѣдствіи перенесенъ въ мечеть Ходжа—Ахраръ. Опасаясь, что улемы скроютъ или продадутъ его, Кауфманъ поручилъ начальнику Зеравшанскаго округа, генералу Абрамову пріобрѣсти эту драгоцѣнную древность. Интересно отмѣтить характерную черту Кауфмана. Толерантный и гуманный побѣдитель приказалъ пріобрѣсти святыню, *не оскорбляя религіознаго чувства побѣжденныхъ*. Генералъ Абрамовъ поручилъ полковнику Сѣрову развѣдать: принадлежитъ ли этотъ коранъ какой-нибудь мечети? Имѣетъ ли онъ религіозное значеніе для мусульманъ? Можно ли пріобрѣсти его?

Просвѣщенные улемы г. Самарканда отвѣтили слѣдующее:

Коранъ этотъ никому не принадлежитъ, ибо онъ казенный, эмирскій. Никакой святыней онъ не считается ибо во всемъ городѣ нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы читать куфическій шрифтъ, и слѣдовательно, коранъ представляетъ собою вещь безполезную, годную, пожалуй лишь, какъ предметъ поклоненія хмаровъ. Въ заключеніе они весьма охотно согласились продать его за 125 рублей.

Разумѣется, деньги были немедленно уплачены, коранъ, былъ отосланъ Кауфманомъ министру народнаго просвѣщенія, и послѣднимъ переданъ на храненіе въ Императорскую публичную библіотеку.

Остается лишь пожелать, чтобы петербургскіе улемы, въ случаѣ передачи имъ корана Османа, стояли на большей высотѣ, чѣмъ ихъ самаркандская собратія, и сумѣли бы сдѣлать изъ поручаемаго имъ сокровища дѣйствительно народную святыню мусульманъ.

А. Бирснеръ.

Медицинская помощь въ Бухарѣ.

Кромѣ процента грамотности, степени развитія фабрично-заводской промышленности, общаго благосостоянія края и другихъ принятыхъ мѣрилъ, степень культуры страны, какъ извѣстно, опредѣляется также и постановкой медицинско-лечебнаго дѣла.

Если основываться на этомъ послѣднемъ мѣрилѣ, то приходится признать, что въ Бухарское Ханство не проникли еще и зачатки культуры.

Конечно, это не можетъ относиться къ тѣмъ городамъ и мѣстечкамъ, гдѣ расположены русскія войска. Вполнѣ понятно, что тамъ имѣются госпитали, лазареты, оборудованныя аптеки и представители медицинскаго міра—доктора и фельдшера. Въ такихъ мѣстахъ ихъ помощью широко пользуется окрестное туземное населеніе. Также стекаются больные туземцы къ открываемымъ лѣтомъ въ Бухарѣ санитарнымъ военнымъ станціямъ.

Остальные жители Бухары, населяющіе мѣстности, отдаленныя отъ этихъ сравнительно культурныхъ уголковъ, не имѣютъ понятія о правильномъ леченіи.

Автору этой статьи пришлось нѣсколько лѣтъ тому назадъ попутешествовать по нѣкоторымъ бекствамъ Бухары. Во время поѣздки, имѣя съ собой недурно составленную походную аптеку съ популярными лекарствами, израсходовать ее пришлось почти цѣликомъ на леченіе бухарцевъ.

Какъ это ни странно, туземцы любятъ лечиться.

Вѣроятно, наслышавшись отъ бродячихъ купцовъ, скупщиковъ хлопка и т. п. разныхъ чудесъ о русской медицинѣ, видя, какъ нѣкоторые изъ богатыхъ сосѣдей, бывшіе по разнымъ торговымъ дѣламъ въ „Паттагисарѣ"—Термезѣ и воспользовавшіеся тамъ случаемъ полечиться, возвращались исцѣленными отъ угнетавшихъ ихъ иногда по нѣсколько лѣтъ болѣзней,—они глубоко и убѣжденно вѣрятъ во всемогущество русскихъ врачей, въ ихъ умѣніе лечить, „выгонять" болѣзнь.

Послѣ того, какъ во время путешествія, я случайно помогъ какъ то одному изъ заболѣвшихъ въ свитѣ сопровождавшаго насъ бухарскаго чиновника, ко мнѣ со всѣхъ сторонъ начали обращаться за помощью больные бухарцы.

Большинство изъ обращавшихся ко мнѣ болѣли или желудкомъ, или же страдали отъ нечистоплотности.

Иногда встрѣчались громадныя гноившіяся раны, оголившія, а иногда уже и повредившія кости; тогда приходилось давать антисептическія средства и совѣтовать ѣхать въ Паттагисаръ или къ врачу на санитарной станціи.

Приходили такъ же венерики; привозили разбитыхъ параличемъ, страдающихъ оспой и какими то неизвѣстными мнѣ сыпями.

Конечно, такихъ больныхъ я лечить не могъ, и, объяснивъ про заразность болѣзней, прямо требовалъ, чтобы больного отправили къ настоящему врачу.

И всетаки, несмотря на то, что тяжелымъ больнымъ я не могъ принести никакой пользы, и, посылая ихъ къ врачамъ, прямо заявлялъ о своемъ незнаніи, неумѣніи лѣчить, несмотря на это притокъ ко мнѣ больныхъ съ каждымъ днемъ увеличивался. Иногда пріѣзжали издалека, за 100 и болѣе верстъ.

Бывало, что извѣщенные, вѣроятно чиновникомъ, о маршрутѣ, больные уже ждали меня въ томъ кишлакѣ, гдѣ была назначена ночевка.

Не обошлось, конечно, и безъ кур-

зовъ.

Такъ, однажды, какой-то богатый бай пріѣхалъ ко мнѣ лечиться отъ безсилія. Много смѣху было, когда онъ черезъ переводчика, конфузясь, сбиваясь и закрывая лицо, съ различными подробностями разсказывалъ о развитіи болѣзни. Конечно, лечить его я не могъ. Но послѣ моего отказа, несмотря на мои разъясненія онъ такъ назойливо присталъ ко мнѣ съ просьбой о лѣкарствѣ, что я, что-бы отъ него отвязаться, далъ ему бутылку кипяченой воды, вливъ предварительно въ нее чайную ложку клюквеннаго экстракта и распустивъ нѣсколько кусковъ сахару. Это „лѣкарство" я приказалъ принимать по одному глотку передъ сномъ.

Каково-же было мое удивленіе, когда черезъ нѣсколько дней ко мнѣ прибылъ отъ бая посланникъ. Онъ привезъ большой глиняный кувшинъ, говоря, что такъ какъ его господину мое лѣкарство сильно помогаетъ, то онъ проситъ снабдить его хорошимъ запасомъ.

Въ этомъ я ему не отказалъ и, хорошенько посмѣявшись, наполнилъ корчагу киселькой водицей.

Второй курьезный случай былъ въ другомъ родѣ. Ѣздившій за чиновникомъ, въ видѣ вѣстового, молодой бухарецъ какъ-то разлѣнился и, не желая ѣхать въ жару дальше, заявилъ, что у него болитъ нога. Пришли ко мнѣ. Я, убѣдившись, что мальчикъ представляется, отъ лѣченія отказался.

Тогда туземцы рѣшили, что въ него вошелъ „шайтанъ", котораго нужно выгнать.

Для этого мальчика отнесли къ находящейся за нѣсколько верстъ могилѣ какого-то святого и заставили его три раза прыгать на одной ногѣ вокругъ могилы. Шайтанъ не вышелъ. Пришлось прибѣгнуть къ болѣе сильному средству. Достали откуда-то юрту, поставили ее въ сторонѣ отъ кишлака, окружили зажженными свѣчами, поставили ихъ такъ-же на юрту вокругъ верхняго отверстія, положили въ юрту до гола раздѣтаго „больного" и ввели муллу. Пока этотъ послѣдній произносилъ заклинанія, у входа въ юрту зарѣзали барана и мясо его раздали всѣмъ жителямъ кишлака.

Когда и этотъ обрядъ не помогъ, опять обратились ко мнѣ.

Уже окончательно убѣдившись, что мальчишка представляется, я подтвердилъ, что въ него вошелъ шайтанъ, и взялся его выгнать.

Для этого мальчика съ большой торжественностью снова понесли къ могилѣ святого, здѣсь его раздѣли, положили на коверъ и по моему приказанію слегка выпороли.

При этомъ я черезъ переводчика громко заявилъ, что если шайтанъ не выйдетъ придется экзекуцію усилить, повторить еще 2 раза.

На слѣдующій день, когда мальчика снова хотѣли нести къ могилѣ, онъ вдругъ что-то закричалъ и выздоровѣлъ

Шайтанъ былъ выгнанъ.

Я привожу эти случаи для того, что-бы показать, насколько темны и некультурны бухарцы, и вмѣстѣ съ тѣмъ, несмотря на эту некультурность, какъ сильно они вѣрятъ въ русскую медицину.

Повторяю, я почти каждому больному заявлялъ, что я не докторъ, что медицины почти не знаю, и несмотря на это больные съ большей охотой обращались ко мнѣ, чѣмъ къ туземнымъ знахарямъ и заклинателямъ.

Въ началѣ я былъ увѣренъ, что мое леченіе потому привлекало ко мнѣ туземцевъ, что оно даровое. Они получали даромъ не только совѣтъ но и лекарства. Впослѣдствіи я совершенно случайно узналъ, что солдатъ, служившій мнѣ переводчикомъ, отъ всѣхъ больныхъ получалъ хорошее денежное вознагражденіе.

Изъ всего вышеописаннаго становится вполнѣ ясно, что бухарцы, во всякомъ

случаѣ, не чуждаются правильнаго леченія, они вѣрятъ въ него и готовы хорошо платить лицамъ, могущимъ имъ оказать медицинскую помощь.

И несмотря на это, кромѣ войсковыхъ врачей въ мѣстахъ стоянокъ русскихъ частей, во всей Бухарѣ не существуетъ никакой медицинской помощи; условія-же, при которыхъ проходитъ жизнь туземцевъ, не могутъ не порождать всевозможныхъ болѣзней.

Изъ этихъ условій первое—страшная грязь, съ которой они сжились, затѣмъ совершенно безразличное отношеніе къ случайнымъ поврежденіямъ покрововъ, голодовки, смѣняющіяся обильной и жирной пищей, половое излишество и, наконецъ, существованіе такихъ вредныхъ работъ, какъ, напримѣръ, работы на рисовыхъ поляхъ,—все это порождаетъ различныя заболѣванія.

Заболѣвшіе стремятся къ культурному леченію, но не могутъ его найти.

Пора-бы бухарскому правительству обратить серьезное вниманіе на организацію правильно поставленной медицинской помощи населенію, тѣмъ болѣе, что для этого немного и нужно.

Про лицъ съ высшимъ медицинскимъ образованіемъ я не говорю, но почему-бы не пригласить на первыхъ порахъ хотя-бы фельдшеровъ съ хорошо оборудованными аптечками въ каждое бекство?

Можно положить опредѣленную плату за пользованіе ихъ услугами; туземцы съ удовольствіемъ будутъ платить, лишь-бы была дѣйствительная помощь, и плата лечащихся съ избыткомъ покроетъ какъ расходы по содержанію фельдшеровъ, такъ и стоимость лекарствъ.

Если даже бухарское правительство и не пожелаетъ взять на себя иниціативу и расходы по заведенію врачебныхъ пунктовъ, то въ интересахъ гуманности и въ силу охраны русскихъ подданныхъ и сопредѣльныхъ русскихъ владѣній отъ возможныхъ эпидемій, слѣдовало-бы русскому правительству или частной иниціативѣ заинтересоваться этимъ вопросомъ.

Частныя лица съ медицинскимъ образованіемъ, взявшись за это дѣло, не только не пострадали-бы матеріально, но даже могли-бы имѣть хорошій доходъ, такъ какъ, повторяю еще разъ, по моимъ наблюденіямъ, туземцы-бухарцы ищутъ хорошей медицинской помощи и готовы платить за нее большія деньги.

Г. Наморъ.

Нѣсколько словъ

къ вопросу объ устройствѣ въ м. Кетмень-Тюбе, Наманганскаго у., Ферг. обл., русскаго поселка

Въ Наманганскомъ уѣздѣ, Ферганской области, недалеко отъ границъ Аулієатинскаго уѣзда, Сыръ-Дарьинской области, и Пишпекскаго уѣзда, Семирѣченской области, на берегу рѣки Нарына, есть мѣстность, носящая общее названіе Кетмень-Тюбе. Эта мѣстность представляетъ богатѣйшую долину, расположенную, главнымъ образомъ, по правому, сѣверному берегу р. Нарына, на высотѣ 2800—3200 футъ надъ уровнемъ моря, окруженную высокими горами, проходимыми по узкимъ и весьма труднымъ тропамъ и то только въ теченіе нѣсколькихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, остальное-же время года мѣстность эта, обитаемая двумя киргизскими волостями: Арымской и Сусамырской—всего около 15.000 душъ—бывала совершенно отрѣзана отъ прочаго міра. Площадь эта пересѣкается правыми притоками р. Нарына, рѣчками: Туркенъ, Ничке-Су, Кодулъ-Су, Чичканъ и Узунъ-Ахметъ. Двѣ послѣднія рѣчки весьма многоводны и легко могутъ быть утилизированы для

орошенія большей части этой площади, еще не орошенной.

Вся эта долина приблизительно въ 200—250 кв. верстъ (20.000—25.000 дес.), но орошено изъ нихъ не болѣе 5—6 тыс. десятинъ; между тѣмъ, при сравнительно небольшихъ затратахъ можно было-бы оросить всю площадь. Главная часть этой площади находится между рѣчками Чичканомъ и Узунъ-Ахметомъ, впадающими очень близко другъ отъ друга въ р. Нарынъ и образующими между собой громадный треугольникъ, весьма плодородной и большею частью еще не орошенной земли.

Въ прежнія времена, за неимѣніемъ сбыта, вслѣдствіе отсутствія какихъ-либо дорогъ, киргизы производили тамъ только посѣвы пшеницы, ячменя, кукурузы, проса и нѣкоторыхъ другихъ злаковъ, и то въ крайне ограниченномъ количествѣ.

Съ 1904 года, когда въ Кетмень-Тюбе изъ г. Намангана по правому берегу р. Нарына была проведена вьючная дорога, картина измѣняется: является возможность вывоза сельско-хозяйственныхъ продуктовъ и вотъ киргизы тотчасъ начинаютъ расширять свои распашки и теперь ежегодно вывозятъ значительное количество пшеницы на базары Наманганскаго и Андижанскаго уѣздовъ. Къ сожалѣнію, за недостаткомъ средствъ и времени не удалось, какъ слѣдовало-бы, въ двухъ-трехъ мѣстахъ окончить дорогу, но для доделокъ необходимы порохострѣльныя работы, а для нихъ саперы.

За послѣдніе годы киргизы даже начали производить опыты посѣва хлопка и получали иногда, при благопріятной осени, удовлетворительные результаты.

Кетмень-тюбинскіе киргизы, какъ вообще киргизы, народъ лѣнивый. Они убѣдились, по примѣру Ауліеатинскаго уѣзда, что гдѣ есть русскіе поселки, тамъ и киргизъ обезпеченъ продовольствіемъ въ случаѣ голода. Поэтому еще въ 1900 году они просили устроить въ Кетмень-Тюбе русскій поселокъ и даже согласились отказаться для поселка отъ части земель между рѣками Чичканомъ и Узунъ-Ахметомъ, площадью около 1500 десятинъ, часть которой орошена небольшимъ арыкомъ по имени Курганъ-Арыкъ, прочую-же часть не трудно оросить, возстановивши бывшій арыкъ, голова котораго была однажды сорвана половодьемъ рѣки Узунъ-Ахмета и киргизами не возстановлена. На эту площадь можно вывести воду какъ изъ Узунъ-Ахмета, такъ и изъ Чичкана.

При одномъ изъ послѣднихъ военныхъ губернаторовъ Ферганской области поднялся вопросъ объ устройствѣ въ м. Кетмень-Тюбе русскаго поселка. Былъ снятъ планъ мѣстности, собраны всѣ необходимыя данныя и представленъ проектъ поселка. Но произошла перемѣна губернаторовъ и дѣло затормозилось. Одно было ясно, что устройство въ м. Кетмень-Тюбе русскаго поселка безъ дороги туда немыслимо. И вотъ, послѣ настойчивыхъ хлопотъ и предварительныхъ изысканій, наконецъ, въ 1904 году было отпущено 3200 руб. на порохострѣльныя работы для разработки дороги изъ г. Намангана въ мѣстность Кетмень-Тюбе по правому берегу р. Нарына и лѣтомъ того-же года для той-же цѣли были туда командированы въ распоряженіе уѣзднаго начальника 8 саперъ при 1 офицерѣ. Саперы производили только порохострѣльныя работы, прочія-же работы производили подъ непосредственнымъ руководствомъ уѣзднаго начальника киргизы прилегающихъ къ дорогѣ волостей натуральной повинностью. Къ октябрю мѣсяцу дорога была готова, но, какъ уже было сказано выше, съ небольшими недодѣлками въ двухъ—трехъ мѣстахъ, вслѣдствіе чего проѣздъ въ этихъ мѣстахъ немного затруднителенъ, хотя не невозможенъ. Необходимо еще разъ командировать на эту дорогу саперъ съ опытными офицера-

ми, чтобы окончательно разработать недодѣланныя мѣста и надо непремѣнно ежегодно эту дорогу ремонтировать, а то она, какъ всякая горная дорога, безъ ремонта скоро испортится и всѣ потраченные на ея устройство расходы и труды пропадутъ зря.

Для кетмень-тюбинскихъ киргизъ эта дорога имѣетъ громадное экономическое значеніе и это видно изъ того, что благодаря этой дорогѣ киргизы увеличили посѣвы и начали вывозить изъ м. Кетмень-Тюбе въ значительномъ количествѣ пшеницу и кукурузу, почему цѣна на пшеницу въ Кетмень-Тюбе поднялась съ 20 коп. до 1 рубля за пудъ, а на кукурузу до 80 коп. и киргизское благосостояніе значительно улучшилось.

Съ другой стороны, благодаря той-же дорогѣ, стали въ Кетмень-тюбе проникать русскіе ходоки, которые начали было обращаться за разрѣшеніемъ поселиться тамъ, но когда имъ объявили, что пока еще вопросъ объ устройствѣ русскаго поселка въ м. Кетмень-Тюбе не рѣшенъ и что впредь до окончательнаго разрѣшенія этого вопроса имъ надѣловъ тамъ дано быть не можетъ, то они начали, пользуясь отдаленностью Кетмень-Тюбе отъ административнаго центра—города Намангана (разстояніе около 250 верстъ) постепенно селиться тамъ самовольно и къ осени 1908 года тамъ уже собралось 53 семьи, составлявшія 160 душъ мужского и 152 души женскаго пола. Часть ихъ прошла въ Кетмень-Тюбе черезъ Ауліеатинскій уѣздъ и сел. Дмитріевку, а часть черезъ гор. Андиканъ, Учъ-курганскій мостъ и дальше по разработанной въ 1904 году вьючной дорогѣ по правому берегу р. Нарына, причемъ многіе изъ крестьянъ привезли туда телѣги, плуги и другія сельскохозяйственныя принадлежности, провезши телѣги въ мѣстахъ, гдѣ дорога была очень узка, въ разобранномъ видѣ на вьюкахъ.

Къ 1 октября 1908 года въ м. Кетмень-Тюбе, какъ уже было сказано выше, было 53 семьи русскихъ, которые пришли изъ слѣдующихъ губерній или областей: Воронежской губерніи 16 семействъ, Харьковской 13, Астраханской 4, Полтавской 3, Кіевской 2, Екатеринославской 2, Самарской 2, Саратовской 2, Тульской 1, Симбирской 1, Курской 1, Петроковской 1, Ставропольской 1, Семирѣченской области 1 и Сыръ-Дарьинской 1. Итого 53.

На площади, предназначенной для устройства поселка, они разбили улицы и построили дома, а нѣкоторые произвели и посѣвы. Большая часть ихъ пришла въ теченіе лѣта 1908 года, но нѣсколько семей пришли уже раньше *) и, войдя въ соглашеніе съ киргизами, поселились, построили дома и произвели посѣвы.

Къ 1-му октября 1908 года у всѣхъ 53 семействъ имѣлось: 28 телѣгъ, 20 плуговъ, 16 боронъ, 70 лошадей, 2 вола, 30 коровъ, 30 телокъ, 11 свиней, 18 барановъ и овецъ, 6 козловъ, 5 гусей и 690 куръ и на посѣвъ на 1909 годъ 230 пуд. пшеницы, 20 пудовъ овса, $1^1/_2$ пуд. проса, 20 пуд. картошки, 3 пуда льна и 1 пудъ гороху; между переселенцами были: 4 мельника, 1 кузнецъ, 4 плотника, 2 шорника, 2 пильщика, 1 сапожникъ, 1 торговецъ, 4 охотника и 1 медицинскій фельдшеръ.

Такимъ образомъ, у этихъ, хотя и самовольныхъ переселенцевъ было болѣе или менѣе все необходимое для устройства поселка. Многіе изъ нихъ имѣли деньги для первоначальнаго обзаведенія. Кромѣ того, раньше поселившимися были уже устроены 2 мельницы и 1 кузница.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1908 года мѣстной администраціей испрашивалось разрѣшеніе на устройство ихъ на образованіе въ Кетмень-Тюбе русскаго поселенія, причемъ сами переселенцы просили о названіи по-

*) Въ 1901 году пришли 4 семьи; въ 1902 г. 2 семьи; въ 1905 г.—2 семьи; въ 1906 г.—2 с.; въ 1907 г.—2 семьи, и въ 1908 г.—42 семьи.

селка „Алексѣевскимъ“ въ честь Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича.

Какъ разрѣшится этотъ вопросъ или же разрѣшенъ онъ уже—намъ неизвѣстно, но что поселокъ въ м. Кетменъ-Тюбе будетъ вполнѣ жизнеспособенъ и крайне полезенъ, то это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Земли тамъ очень хорошія и плодородныя, такъ что даже киргизы, при ихъ первобытномъ и крайне небрежномъ способѣ обработки земли получаютъ прекрасные урожаи, а потому переселенцы могутъ надѣяться на еще лучшіе. Камышъ для покрытія крышъ имѣется въ изобиліи. Рѣчки изобилуютъ рыбой, а въ горахъ есть много кабановъ, которые спускаются на посѣвы, гдѣ за ними не трудно охотиться. Затѣмъ въ м. Ничке-Су, верстахъ въ десяти отъ мѣста предполагаемаго поселка, имѣется очень хорошая каменная соль, а по берегу р. Нарына—заливные луга. Все это, вмѣстѣ взятое, указываетъ на выгодность устройства тамъ русскаго поселка. Разъ онъ устроится—онъ обоснуется прочно. Конечно, надо будетъ администраціи помочь новоселамъ устроить орошеніе на всей предназначенной подъ надѣлъ поселка площади, а также при постройкѣ церкви, школы и медицинскаго пріемнаго покоя, хотя на первое время можетъ имъ служить имѣющаяся въ Кетмень-Тюбе русско-туземная школа.

Русскій поселокъ въ Кетмень-Тюбе сыграетъ большую культурную роль для туземнаго киргизскаго населенія и составитъ хотя и не большой русскій оплотъ въ горахъ, недалеко отъ нашей границы съ Кашгаромъ.

Л. І.

Сыръ-Дарьинское земское совѣщаніе.

Засѣданіе областного совѣщанія 1 сего марта было посвящено разсмотрѣнію составленнаго спеціальной комиссіей, состоявшей главнымъ образомъ изъ начальниковъ уѣздовъ, проекта земскаго положенія для Сыръ-Дарьинской области.

Проектъ этотъ отличается отъ дѣйствующаго земскаго положенія 1890 года нѣкоторыми особенностями.

Въ виду отсутствія въ краѣ крупнаго землевладѣнія пониженъ имущественный цензъ, а именно, минимальный цензъ для полученія права быть выбраннымъ въ гласные установленъ въ видѣ простой наличности у избираемаго недвижимаго имущества безъ отношенія къ его цѣнности. Кромѣ того, къ званію гласныхъ допущены и квартиронанимателн, уплачивающіе 1% въ земскій налогъ съ квартирной платы. Вообще расширеніе правъ на званіе гласнаго намѣчено въ томъ размѣрѣ, какъ это установлено для выборовъ въ Государственную Думу.

Кромѣ осѣдлыхъ туземцевъ предоставлено право участія въ земствѣ въ качествѣ гласныхъ и дано право службы въ управахъ и кочевникамъ. Лишить ихъ этого права въ тѣхъ уѣздахъ, гдѣ населеніе почти сплошь состоитъ изъ кочевниковъ, комиссія не нашла основаній.

Обезпеченія интересовъ русскаго населенія и русской государственности комиссіей предположено достигнуть путемъ установленія особыхъ для каждаго уѣзда нормъ гласныхъ изъ туземцевъ и русскихъ; нормы эти для нѣкоторыхъ уѣздовъ находятся въ отношеніи какъ 1 къ 2 (наибольшее отношеніе), а для другихъ,

чительныхъ площадяхъ посѣвовъ.

Только при сдачѣ земель на продолжительный многолѣтній срокъ можно разсчитывать, что найдутся выгодные для казны арендаторы, но никоимъ образомъ не при существующей системѣ раздачи ихъ на одинъ посѣвъ и при томъ весной, когда уже нѣтъ возможности не только удобрять землю, но и обрабатывать ее какъ слѣдуетъ.

Я знаю, что лица, завѣдывающія казенно-оброчными статьми въ Туркестанѣ, не считаютъ для себя обязательнымъ и даже возможнымъ извлекать изъ земель доходъ инымъ путемъ, какъ черезъ сдачу ихъ въ наемъ за деньги. Но это вовсе не обусловлено закономъ.

Статья оброчнаго устава возлагаетъ на завѣдывающихъ обязательства заботиться о наивыгоднѣйшей эксплоатаціи казенныхъ земель и, значитъ, если земля осталась не сданной по контракту, а въ распоряженіи завѣдывающаго, то отъ его усмотрѣнія зависитъ сдать-ли ихъ на одинъ урожай за деньги или изъ половины урожая, съ залогомъ или безъ залога, и подъ посѣвъ того или иного продукта,—безразлично.

Хозяйство—такое живое дѣло, которое не можетъ во всякое время быть втиснуто въ рамку канцелярской формальности и, поэтому то, арендаторъ, обезпечивъ казну залогомъ и условленной годовой платой, въ дальнѣйшемъ совершенно свободенъ въ распоряженіи землей для полученія отъ правильнаго землепользованія выгоды, а не убытка. Также точно и при хозяйственномъ завѣдываніи оброчной статьей свобода дѣйствій предоставлена завѣдывающему хозяйствомъ и его дѣйствія могутъ только впослѣдствіи, при полученныхъ результатахъ, подвергнуться контролю и критикѣ, какъ отвѣтственнаго управляющаго имѣніемъ казны.

Право же, если не удается въ иной годъ раздать всѣ голодно-степскія земли въ аренду за деньги, то всегда найдутся желающіе ихъ обрабатывать исполу (чайрикеры), а полученная при этомъ половина урожая, во всякомъ случаѣ, своей стоимостью во много разъ превысить арендную плату, установленную для этихъ земель.

В. Г.

Очерки Гиссарскаго края.

Теченіе р. Варзобъ.

Восточная половина Бухарскаго ханства, такъ называемая горная Бухара, мало извѣстна намъ, русскимъ, несмотря на то, что со времени перехода таможенной линіи на Аму-Дарью, то-есть съ 1894 года, интересъ къ этимъ, до сихъ поръ еще дикимъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, мѣстамъ возросъ въ значительной степени. Неисчислимыя природныя богатства края, заполненнаго системой хребтовъ Гиссарскаго кряжа, его климатъ, природа и красота ждутъ своей очереди, которая едва-ли придетъ скоро.

До настоящаго времени едва-ли кто-либо побывалъ въ трущобахъ богатѣйшаго Гиссарскаго края за исключеніемъ любителей-путешественниковъ, быть можетъ топографовъ и спеціально командированныхъ въ тѣ мѣста офицеровъ съ разными цѣлями. Хотя нѣсколько дѣльцовъ армянъ уже побывало и въ этихъ мѣстахъ съ цѣлью развѣдки ихъ богатствъ.

Кой-гдѣ въ газетахъ изрѣдка попадаются замѣтки и статейки, трактующія о томъ, что пора-бы-де сдѣлать изъ Бухарскаго ханства русскую провинцію.

Позволительно усумниться въ полезности этого, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока намъ хотя-бы поверхностно станетъ извѣстнымъ весь этотъ огромный край съ

его медвѣжьими углами. Вѣдь у насъ даже на позднѣйшихъ картахъ есть мѣста, показанныя совершенно необслѣдованными, а людей, хотя-бы самымъ поверхностнымъ образомъ знакомыхъ съ краемъ, просто даже побывавшихъ въ немъ разъ—два, можно сказать, почти нѣтъ. Съ такимъ запасомъ знаній о Бухарѣ смѣшно говорить о какихъ-либо перемѣнахъ въ этомъ вопросѣ.

Самыми глухими, менѣе всего изслѣдованными мѣстами горной Бухары, соприкасающимися съ нашей Самаркандской областью (не будемъ уже говорить о самыхъ восточныхъ бекствахъ—Каратегинѣ Дарвазѣ, Кулябѣ и др.), являются теченія рѣкъ, берущихъ начало въ ледникахъ и вообще въ водныхъ запасахъ Гиссарскаго хребта, а именно: Тупаланг-Дарья, впадающая возлѣ г. Денау въ Сурханъ, Оби-Зарангъ и Ширкенъ-Дарья, впадающія въ Каратагъ-Дарью (верхнее теченіе р. Сурхана); затѣмъ верхнее теченіе р. Каратагъ-Дарьи до недавно погибшаго отъ землетрясенія города того-же имени; рѣка Ханака-су, впадающая въ Кафирниганъ-Дарью возлѣ Гиссара; р. Варзобъ, впадающая въ ту-же рѣку недоходя нѣсколько верстъ до г. Гиссара, и, наконецъ, верховья самой Кафирниганъ-Дарьи Сарда-и-Міана, Дэвъ-дара и пр.

Всѣ эти рѣки и потоки являются жизненными артеріями огромнаго горнаго района Гиссарскаго края, и жизнь кипитъ только на нихъ и ихъ притокахъ; далѣе нихъ вглубь горъ и выше эта жизнь замираетъ постепенно, смѣняясь нагорными лугами и рощами, переходящими далѣе въ угрюмые безжизненные, но великолѣпные каменные лабиринты скалъ и вершинъ отроговъ Гиссарскаго хребта.

Поэтому все, что позажиточнѣе и покультурнѣе, стремится внизъ, ближе къ большимъ рѣкамъ, оставляя нагорные луга и охоту въ горахъ своей меньшей братіи-пастухамъ и мергенямъ (охотникамъ). Такимъ образомъ, чѣмъ богата долина, тѣмъ богаты и окружающія ее горы: поэтому съ нѣкоторой долей вѣроятія можно составить себѣ представленіе обо всемъ этомъ краѣ; по тому, что увидишь на главныхъ его жизенныхъ артеріяхъ—рѣкахъ.

Самымъ дикимъ изъ всего этого дикаго края нужно признать районъ теченія р. Тупаланг-Дарьи. Причиной тому служитъ почти абсолютное бездорожье какъ по ней самой, такъ и по ея притокамъ. Въ этомъ отношеніи съ этимъ райономъ не можетъ соперничать даже Дарвазъ, Запянджскій Дарвазъ и Сѣверной Бадахшанъ.

Отсюда яснымъ становится, почему теченіе р. Тупаланг-Дарьи, находящееся всего въ какихъ-нибудь 65 верстахъ отъ г. Пянджикента, и, стало быть, отъ Самарканда, въ 120—130 верстахъ, до сихъ поръ даже не нанесено на карту, а лица, изслѣдовавшія этотъ районъ, насчитываются единицами (подполковникъ Барщевскій, капитанъ Данталь, нынѣ умершій, и два—три другихъ.

За райономъ р. Тупаланг-Дарьи въ смыслѣ труднодоступности и дикости нужно отдать пальму первенства рѣкамъ Оби-Зарангъ, Ширкенъ-Дарьѣ, Ханака-су. И послѣ нихъ уже идетъ Каратагъ-Дарья, Кафирниганъ съ верхними притоками и, наконецъ, рѣка Варзобъ.

Весь же районъ, включающій въ себѣ теченія всѣхъ перечисленныхъ выше рѣкъ, занимаетъ, такимъ образомъ, площадь около 180 верстъ въ длину (съ запада на востокъ) и отъ 50 до 70 верстъ въ ширину (по меридіану), т. е. около 13 тыс. квадр. верстъ. При этомъ совершенно не считается самая низменность Гиссарской долины, т. е. районъ отъ г. Сары-Джуя до г. Кафирнигана, гдѣ побывать не представляется особаго труда по полной до-

ступности этого района для любопытствующихъ.

Такимъ образомъ, типичнѣйшими углами сѣвернаго нагорнаго Гиссарскаго края являются: теченіе р. Варзоба, какъ самое доступное для изслѣдованія, и теченіе р. Тупаланъ-Дарьи, какъ, наоборотъ, менѣе доступное по своему бездорожью.

Если пробраться изъ Самаркандской области черезъ г. Пянджикентъ, р. Фанъ, по Ягнобу и ручью Джижикъ-руту на перевалъ Шутуръ-гарданъ, то путникъ очутится надъ верховьями ручья Май-хура, представляющаго собою начало р. Варзоба. Мѣстные жители называютъ эту рѣчку не Май-хура, какъ она обозначена на картахъ, а Кара-куль. Названіе же, данное ей на картѣ, она принимаетъ лишь съ того мѣста, гдѣ въ нее съ сѣвера изъ подъ безымяннаго, сосѣдняго Шутуръ-гардану, перевала вливается ручей Хошъ-тамаша.

Необыкновенно трудный, почти отвѣсный спускъ съ Шутуръ-гардана къ Каракулю представляется даже и весьма опаснымъ особенно въ періодъ весны до конца мая, когда колоссальныя залежи снѣговъ покрываютъ собою буквально все такъ, что не только нѣтъ никакой возможности разобрать признаки лѣтней головоломной тропы, но даже нельзя видѣть конфигурацію скалъ и ущелій, такъ какъ все это буквально покрыто снѣгомъ на много саженъ толщины.

Высота перевала изъ среднихъ (около 11.500 ф.) для Гиссарскаго хребта. О растительности, конечно, нѣтъ и помину: таковая начинается только лишь возлѣ лѣтовки Хошъ-тамаша въ видѣ низкорослыхъ таловъ вдоль отводныхъ канавъ.

Первымъ населеннымъ пунктомъ въ верховьяхъ р. Варзоба является лѣтовка Бодомакъ на 7 т. футъ абсолютной высоты, расположенная верстахъ въ 8 подъ переваломъ на ручьѣ Кара-куль. Истоки этого ручья находятся верстахъ въ 10 къ западу отъ Бодомака; поэтому возлѣ него ручей представляетъ изъ себя уже потокъ около 3 саженъ ширины, быстро несущійся къ востоку подъ отвѣсами гигантскихъ скалъ праваго берега. Лѣвый же берегъ болѣе пологій, вслѣдствіе чего на немъ пріютился рядъ лѣтовокъ, какъ Бодомакъ, Хошъ-тамаша, Гульзаръ, Май-хура и другихъ, куда въ концѣ іюня пригоняютъ стада овецъ, рогатаго скота и табуны лошадей.

Тропа вьется такъ-же по лѣвому берегу отъ лѣтовки къ лѣтовкѣ еще и потому, что движеніе по правому берегу опасно, особенно въ маѣ, вслѣдствіе грандіозныхъ снѣговыхъ обваловъ по ущельямъ, увлекающихъ за собой массу камней и обломковъ скалъ и разрушающихъ на пути буквально все. Обвалы эти бываютъ настолько велики, что спустившаяся лавина снѣга не только загромождаетъ все сравнительно ровное пространство праваго берега р. Май-хуры, самый потокъ, образуя такимъ родомъ снѣжный мостъ черезъ него, но заваливаетъ даже и часть лѣваваго берега. Пишущему эти строки пришлось быть свидѣтелемъ небольшого обвала возлѣ лѣтовки Бодомакъ, въ первыхъ числахъ мая мѣсяца. Картина была по истинѣ величественная; а своеобразный и характерный металлической грохотъ катящихся камней былъ слышенъ на нѣсколько верстъ.

Потокъ Кара-куль (онъ-же Май-хура) имѣетъ протяженіе около 18 верстъ, принимаетъ въ себя слѣва изъ подъ вершинъ главнаго Гиссарскаго хребта 4 небольшихъ ручья и добѣгаетъ до такого-же, какъ и онъ, потока, Зигди, гдѣ, сливаясь съ нимъ, и образуетъ рѣку Варзобъ. Зигди беретъ начало подъ перевалами Куль и Анзобъ и течетъ съ востока на западъ навстрѣчу р. Май-хура; Зигди

крупнѣе послѣдней, длиннѣе ея (около 30 верстъ) и многоводнѣе; теченіе ея не такъ стремительно; на берегахъ попадаются значительныя ровныя площадки; вслѣдствіе этого на Зигди раскинулись 4 кишлака, тогда какъ на Май-хурѣ имѣются всего лишь 5 лѣтовокъ. При сліяніи этихъ двухъ рѣкъ имѣется ровная площадка, поросшая березою, кленомъ, древовиднымъ боярышникомъ и таломъ. Здѣсь-же имѣется солидная плотина. Вся эта мѣстность поражаетъ своею красотой.

Здѣсь и начинается рѣка Варзобъ, принявшая генеральное направленіе на югъ и выдержавшая его до самаго выхода изъ горъ у г. Дюшамбе (за усключеніемъ незначительныхъ частныхъ отклоненій). И здѣсь же жалкіе талы рѣшительно уступаютъ мѣсто болѣе цѣннымъ породамъ деревьевъ.

На всемъ своемъ теченіи, протяженіемъ около 70 верстъ, считая отъ сліянія Май-хуры съ Зигди, р. Варзобъ принимаетъ въ себя рядъ большихъ и малыхъ притоковъ, именно: справа 18 и слѣва 22. Большинство изъ нихъ имѣетъ характеръ обычныхъ горныхъ потоковъ, каскадомъ низвергающихся къ рѣкѣ и достигающихъ не болѣе 5—8 верстъ длины. При этомъ весной и осенью они представляютъ изъ себя бурные полноводные потоки-водопады; лѣтомъ же, именно къ августу, по словамъ жителей, воды въ нихъ нѣсколько меньше.

Во всякомъ случаѣ они настолько невелики, что черезъ нихъ не перекинуты даже и мосты. Нѣкоторые же изъ притоковъ, какъ справа: р. Капуть, въ 3 верстахъ ниже сліянія Май-Хуры съ Зигди, Сіома, въ 6 верстахъ отъ того же пункта, Дара-и-Оби-Гармъ*), впадающая въ Варзобъ противъ кишлака Хушъ-ёра, главнаго населеннаго пункта всей округи, Гурке, противъ кишл. Пугусъ; и слѣва: р. Пяндхокъ, ручей Хушъ-ёръ, р. Варзобъ-болё, впадающая въ Варзобъ у к. Пугусъ, р. Оби - Оджукъ, впадающая возлѣ кишлака Варзобъ, р. Зійноватъ, возлѣ кишлака Ходжа-Амбіе; эти притоки имѣютъ болѣе значительное протяженіе (отъ 18 до 26 верстъ) и несутъ массу воды. Такимъ образомъ, водные запасы системы р. Варзоба очень значительны, и по количеству воды она является одной изъ самыхъ значительныхъ горныхъ рѣкъ Гиссара. Варзобъ вездѣ непроходимъ вбродъ, за исключеніемъ нижняго его теченія отъ г. Дюшамбе и ниже. Противъ этого города имѣется бродъ (хотя есть и мостъ) для скота, допускающій движеніе на лошади, причемъ вода подходитъ подъ лавки ленчика.

Пишущему эти строки, однако, пришлось быть свидѣтелемъ, какъ большой караванъ ишаковъ былъ шутя сметенъ волной на этомъ бродѣ и разметанъ на 2—3 версты внизъ вмѣстѣ съ людьми. Это было въ концѣ іюля, т. е. когда воды было не такъ много. Присутствіе бродовъ въ нижнемъ теченіи рѣки объясняется тѣмъ, что возлѣ г. Дюшамбе она окончательно выходитъ изъ стѣсняющихъ ее горъ и течетъ по сравнительно ровному ложу. Въ этихъ мѣстахъ она разливается шириною отъ 400 шаговъ до полуверсты, образуя иногда галечныя отмели и островки. Ширина же ея на всемъ остальномъ теченіи нигдѣ не падаетъ ниже 35—40 шаговъ, при огромной скорости и массѣ воды, недопускающей никакихъ бродовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ нѣсколькимъ верстахъ послѣ впаденія въ нее рѣки Сіома, Варзобъ разливается на ширину до 100 саженъ и несется бѣшенымъ могучимъ потокомъ мимо береговыхъ горныхъ громадъ и дѣвственнаго лѣса, покрывающаго здѣсь оба берега рѣки съ проглядывающими среди деревь-

*) На ней по словамъ жителей, имѣются горячіе ключи.

евъ рѣдкими лачугами мѣстныхъ таджиковъ.

Вообще все теченіе Варзоба, особенно верхняя его половина, поражаетъ путника своей величественной красотой, массой растительности и быстротой смѣны пейзажей. Этими качествами р. Варзобъ выдѣляется изъ многихъ горныхъ рѣкъ Самаркандской области и восточной Бухары. На всемъ 70-верстномъ протяженіи до г. Дюшамбе черезъ Варзобъ перекинуто 13 мостовъ, по которымъ тропа и перекидывается съ одного берега на другой. Кромѣ того, построено еще 6 мостовъ черезъ главнѣйшіе изъ притоковъ; всего, слѣдовательно, 19 мостовъ, тщательно охраняемыхъ и исправно содержимыхъ.

(Здѣсь не упоминается о главнѣйшемъ притокѣ праваго берега—р. Лючъ-оби, какъ представляющей изъ себя особый населенный районъ. Она впадаетъ въ р. Варзобъ въ самой долинѣ и имѣетъ протяженіе около 50 верстъ).

Поверхность района теченія Варзоба представляетъ изъ себя невѣроятное нагроможденіе горныхъ хребтовъ, отроговъ отдѣльныхъ пиковъ, въ лабиринтѣ коихъ разобраться очень трудно. Все же характеръ поверхности замѣтно измѣняется по мѣрѣ пониженія хребта; поэтому можно подраздѣлить весь этотъ районъ, правда приблизительно, на 4 типичныхъ участка, отличающихся другъ отъ друга въ достаточной степени.

Первый участокъ,—по теченію рѣки Кара-Куль (Май-хура), около 20 верстъ,—несмотря на присутствіе колоссальныхъ отвѣсовъ на правомъ берегу имѣетъ характеръ отчасти холмистый. По рѣкѣ есть достаточно ровныя пространства. Съ Гиссарскаго хребта спускаются холмистые, правда крутые и грандіозные, отроги, частью покрытые каменистыми отсыпями, а частью—нагорными лужайками, привлекающими на лѣто огромныя стада овецъ, постепенно, недѣля за недѣлей, подвигающихся снизу изъ долины вверхъ по теченію рѣки подъ самый перевалъ. Здѣсь лѣтомъ царство травъ, зарожденіе силевыхъ потоковъ, таяніе снѣговъ. Деревьевъ нѣтъ, за исключеніемъ низкорослаго тала, посаженнаго возлѣ лачугъ лѣтовочныхъ ауловъ. Абсолютная высота колеблется отъ 10 до 7 /2 тыч. фут.

Такую-же картину представляетъ изъ себя и Зигди-Дарья, изъ сліянія которой съ Кара-кулемъ и образуется Варзобъ. Разница состоитъ только въ томъ, что на Зигди пріютилось 4—5 сравнительно порядочныхъ кишлаковъ, имѣется нѣсколько больше равныхъ площадокъ и дорога съ перевала Анзобъ болѣе удобна; тогда какъ на Май-хурѣ имѣется всего лишь 5—6 лѣтовокъ по 4—5 дворовъ каждая.

Второй участокъ—отъ сліянія этихъ рѣкъ до сел. Хушъ-ёръ является райономъ грандіознѣйшихъ скалистыхъ отвѣсовъ, отдѣльныхъ пиковъ, каменистыхъ хребтовъ, нависнувшихъ надъ рѣкой и низвергающихъ въ нее буквально на каждой полуверстѣ гремящіе потоки и ручейки, катящіеся изъ каждой складки и каждой щели по уклону едва-ли не въ 45 градусовъ. Большаго количества воды, бѣгущей къ рѣкѣ со всѣхъ этихъ горныхъ громадъ, трудно себѣ представить. Этотъ участокъ имѣетъ абсолютную высоту отъ 7 до 5 тысячъ футъ (Хушъ-ёръ около 1500 метровъ). Въ маѣ мѣсяцѣ, когда снѣгъ еще не стаялъ, снѣжныя лавины спускаются здѣсь къ самой рѣкѣ, заваливая тропу и даже нависая надъ самой рѣкой.

Горы, великолѣпные угрюмые отвѣсы висятъ надъ головой и надъ небольшими ровными площадками по самой рѣкѣ. Шумъ отъ падающихъ водопадами ручьевъ стоитъ въ ушахъ. Воды въ это время года такое обиліе, что карнизы, по которымъ вьется тропа, мѣстами залиты и движеніе по нимъ больше, чѣмъ риско-

вано.

Попутно съ этимъ, здѣсь-же расцвѣтъ древесной растительности. Березы, клены, боярышникъ, наверху гигантская арча, всевозможныя кустарниковыя породы забиваютъ всѣ щели и складки отвѣсовъ и ущелій и заполняютъ всѣ ровныя площадки. Рощи, густыя, какъ щетка, облѣпляютъ все теченіе рѣки, перекидываются на островки, затопленные частью водою. Болѣе дивной и могучей растительности не приходилось видѣть въ горныхъ районахъ Кавказа и Средней Азіи. Впечатлѣніе на зрителя чарующее.

Эта полоса лѣса тянется сплошь до к. Хушъ-ёра, то-есть на протяженіи 14 вер. Особенно могуча растительность на участкѣ между притоками праваго берега р.р. Капути и Сіома. Словомъ здѣсь великолѣпное царство водопадовъ, гигантскихъ каменистыхъ хребтовъ, отдѣльныхъ пиковъ и лѣса средней полосы. Южнѣе впаденія р. Сіома начинаетъ примѣшиваться орѣхъ и миндаль; причемъ первый, по мѣрѣ движенія на югъ, занимаетъ преобладающее мѣсто и образуетъ, такимъ образомъ, дѣвственныя рощи могучихъ деревьевъ.

Третій участокъ отъ Хушъ-ёра до селенія Дагана-и-Варзобъ (на картѣ Ходжа-Саузы) можно охарактеризовать такъ: холмистыя горы постепенно вступаютъ въ борьбу со скалистыми и, чѣмъ ниже, тѣмъ рѣшительнѣе вытѣсняютъ ихъ. Абсолютная высота постепенно падаетъ до 3½ т. футъ. Ровныхъ площадокъ попадается больше. Видны запашки. Снѣга нѣтъ уже нигдѣ.

Попутно съ этимъ всѣ ущелья рѣчекъ и ручьевъ буквально забиты зеленью и всякой растительностью, начиная съ винограда, урюка, миндаля, гранатника, тута, яблонь, айвы и пр. Вдоль-же самаго теченія Варзоба тянется лѣсъ великолѣпныхъ орѣховыхъ деревьевъ, никѣмъ не охраняемыхъ вѣковыхъ великановъ, тутъ-же падающихъ и загораживающихъ путникамъ дорогу на столько, что по низу двигаться нельзя, ибо стволы упавшихъ великановъ достигаютъ 2 и болѣе аршинъ въ діаметрѣ. Поэтому тропа здѣсь взбирается на самую вершину контрфорсовъ, въ боярышниковыя и другія заросли.

Тутъ-же встрѣчаются ползущія постепенно вверхъ подъ перевалъ колоссальныя стада барановъ. Здѣсь въ каждой щели жизнь бьетъ ключемъ; видны на каждомъ шагу небольшіе, но поразительные по красотѣ мѣстоположенія кишлаки. Рѣка Варзобъ течетъ въ глубокомъ ложѣ и бурно несетъ массу воды, заключенная въ постоянныхъ крутыхъ и высокихъ берегахъ.

Четвертый участокъ, отъ селенія Дагана-и-Варзобъ до гор. Дюшамбе, есть преддверіе самой Гиссарской долины. Холмистыя горы и контрфорсы постепенно вырождаются до степени небольшихъ барокъ, незамѣтно расползающихся передъ этимъ городомъ по нагорной хлѣбородной степи. Растительность держится ближе къ водѣ; затѣмъ только по ней и постепенно замѣняется передъ самымъ выходомъ въ долину кустарниковыми порослями, ежевикой и пр. Всюду хлѣбныя поля, сады, виноградъ, по арыкамъ тополя.

На второмъ и третьемъ участкѣ прекрасная охота на кіпковъ (по Брэму C pra ibex) и винторогихъ козловъ, изрѣдка на небольшого горнаго медвѣдя. Мѣстные мергени попадаются на каждой верстѣ. Внизу, ближе къ Дюшамбе, въ холмистыхъ отрогахъ бродятъ волки.

Дороги—самый больной вопросъ. Какія могутъ быть дороги въ трущобахъ Гиссарскаго хребта, кромѣ козьихъ тропъ, „охотничьихъ“ дорогъ и „хорошихъ“ дорогъ. Причемъ хорошей дорогой называется тропа, гдѣ можетъ идти лошадь, въ отличіе отъ „большой“ дороги Гиссар-

ской долины, допускающей движеніе на колесахъ, если-бы во всемъ Гиссарскомъ краѣ была хоть одна телѣжка или арба за исключеніемъ 4 старыхъ пушекъ, какими-то судьбами доставленныхъ въ Каратагъ подъ навѣсъ возлѣ „дворца". (Вѣроятно теперь это все разрушено землетрясеніемъ).

Сообразно съ этимъ, средствомъ передвиженія и перевозки тяжестей являются исключительно лошади и ишаки; лошади такъ называемой гиссарской породы, т.-е. близкія къ карабаирамъ ура-тюбинскаго района, но мельче, уже, съ болѣе бѣднымъ крупомъ, тонкими плоскими ногами съ длинными щетками. Какъ горные дорожные кони, онѣ незамѣнимы; ходятъ по всякимъ дорогамъ, не зная подковъ.

Въ нижней, холмистой округѣ теченія Варзоба, являющейся главной производительницей хлѣба, нерѣдко можно видѣть самаго примитивнаго вида сани, на которыхъ таджики свозятъ въ долину хлѣбъ, дерево, дрова, сѣно и солому. Эти сани состоятъ изъ двухъ прототиповъ полозьевъ, сбитыхъ двумя, тремя поперечинами; отъ передней изъ нихъ идетъ жердь, служащая дышломъ, въ которое впрягаютъ воловъ посредствомъ примитивнаго ярма. На этихъ саняхъ лѣтомъ горные таджики перевозятъ громоздкіе предметы своего обихода въ долину, а изъ нея везутъ камышъ на постройку крышъ домовъ.

Населеніе всего района р. Варзоба — исключительно горные таджики, аборигены страны, издавна забившіеся въ непроходимыя трущобы Гиссарскаго хребта и благодаря этому сохранившіе свои патріархальные нравы и обычаи. Только возлѣ г. Дюшамбе есть к. Чагатай, населенный тюрками, и к. Джаръ, населенный арабами, держащимися совершенно отдѣльно отъ таджиковъ.

Таджики—тихій, трудолюбивый, честный и безхитростный народъ, живущій впроголодь и добывающій свое пропитаніе путемъ упораго тяжелаго труда. Несмотря на то, что лѣтомъ большинство таджиковъ удаляется изъ кишлаковъ на лѣтовки, поближе къ травѣ, ради своихъ лошадей и барановъ, таджика нужно причислить къ совершенно осѣдлому типу. Они очень привержены къ своимъ кишлакамъ, мѣняютъ свое мѣстопребываніе крайне неохотно и живутъ въ оборудованныхъ по своему долговременныхъ сакляхъ обычной горной постройки. Кибитки можно видѣть лишь на лѣтовкахъ. Достатокъ таджиковъ невеликъ; все его богатство заключается въ козахъ, лошадяхъ и баранахъ; кромѣ того, сады и пашни. Въ общемъ таджики не могли-бы пожаловаться на особую бѣдность, если-бы ихъ не донимали всякаго рода бухарскіе чиновники, люди чуждые имъ, пришедшіе въ эти дикіе даже для нихъ края, чтобы поскорѣе нажиться.

Всѣ они обыкновенно привозятся бекомъ съ собой и получаютъ на откупъ то или иное амлякдарство или волость. Только аксакаловъ, старшинъ селеній можно встрѣтить изъ среды таджиковъ.

Бухарскіе чиновники всѣхъ степеней смотрятъ на жителей сверху внизъ, и послѣдній джигитъ амлякдара является важной персоной и въ сущности позволяетъ себѣ много, пользуясь безобидностью характера таджика.

Амлякдарскій кишлакъ для таджика столица, а объ Гиссарской долинѣ и такихъ примашкахъ, какъ базаръ въ Каратагѣ, Гиссарѣ и Дюшамбе, онъ можетъ только мечтать получить это удовольствіе раза два-три въ годъ.

Суровость зимы и обиліе снѣга въ горахъ заставляютъ таджика сидѣть въ своей хона по 5 мѣсяцевъ, такъ какъ снѣга буквально заваливаютъ не только тропы, но и цѣлыя ущелья; а весенніе и осенніе сили зачастую сносятъ мосты и тѣмъ пре-

рываютъ надолго сообщеніе съ долиной Отъ этого отчасти таджикъ замкнутъ самъ въ себѣ, на видъ угрюмъ, покоренъ судьбѣ и какъ-то вросъ въ окружающія его горныя щели съ ревущими внизу ручьями, нависшими скалами, среди которыхъ царствуютъ всякаго ранга и качества духи, аджахоры и пр., преимущественно враждебные бѣдному, заброшенному въ эти дыры человѣку. Къ этимъ духамъ справедливость требуетъ причислить и бухарскую администрацію.

Все населеніе сбилось, главнымъ образомъ, въ селеніяхъ вдоль самаго Варзоба. До дюжины небольшихъ кишлаковъ, впрочемъ, есть и на главнѣйшихъ его притокахъ, какъ-то: на Май-хура, Зигди и на р. Варзобъ-болё. Населеніе распредѣляется такъ: въ лѣтовкѣ Будомакъ 4 двора, въ Хошъ-Тамаша—4, въ Гульзари—3, въ Май-хура—4, въ к. Хушъ-ёръ—70, въ Патарѣ—40, въ Пугусѣ—20, въ Гажни—30 (на картѣ Гаджди), въ Биргаерѣ—30, въ Варзобѣ—25, въ Дарал-Фанфарокъ—15, въ Шафтаміонѣ—6, въ Дагана-Варзобѣ—10, въ Новобадѣ—12, въ Джангалякѣ—10, въ Зіиноватѣ—5, въ Дагоба—10, въ Чарбагѣ—20, въ Ходжа-Амбіе—10, въ Чагатагѣ—30, въ Заргарѣ около 25 и въ г. Дюшамбе 500 (?) Такимъ образомъ въ 21 кишлакѣ, кромѣ Дюшамбе, стоящаго уже въ долинѣ, насчитывается около 373 дворовъ; если на 1 дворъ положить въ среднемъ 10 душъ, то общее населеніе собственно теченія р. Варзоба достигнетъ 3730 человѣкъ. Кромѣ того, на притокахъ въ 14 кишлакахъ въ среднемъ около 1500 человѣкъ. А всего въ районѣ р. Варзоба, такимъ образомъ, можно считать около 5200 жителей*).

Въ г. Дюшамбе, по словамъ амлякдара, до 500 дворовъ, т. е. около 5 т. жителей, а во всемъ Дюшамбинскомъ амлякдарствѣ до 5000 дворовъ, т. е. до 50 тыс. жителей. Эти цифры хотя и относятся до равниннаго района, гдѣ селенія дѣйствительно очень густы, но все-же надо полагать преувеличены. Что-же касается статистическихъ данныхъ собственно горнаго района, принадлежащаго къ Варзобскому амлякдарству, то онѣ являются болѣе вѣроятными. Эти свѣдѣнія сходятся и съ показаніями амлякдара, сообщившаго, что въ его вѣдѣніи находится 500 дворовъ, т. е. въ среднемъ 5 тыс. жителей.

Административными центрами являются: сел. Варзобъ и г. Дюшамбе, гдѣ есть значительный хлѣбный базаръ.

Варзобъ, а не его старшій братъ Хушъёръ, втрое превосходящій его по размѣрамъ, избранъ какъ мѣстопребываніе амлякдара потому, что Варзобъ запираетъ выходъ въ долину, мѣсто сбыта сырыхъ продуктовъ; такимъ образомъ, жители волей-неволей должны являться на тягостную регистрацію къ этому бухарскому чиновнику. Наличіе двухъ дорогъ въ Самаркандскую область черезъ перевалы Анзобъ и Шутуръ-Гарданъ не обезпокаиваетъ администрацію потому, что оба эти перевала открыты для коннаго движенія всего лишь—Шутуръ-Гарданъ съ 1 іюня по 1 октября, а Анзобъ на 1 мѣсяцъ не больше. При этомъ, разумѣется, на 12-тысячный перевалъ на лошадяхъ никто не повезетъ хлѣбъ и дрова; больше-же вывозить изъ Варзоба нечего.

Зато эти-же перевалы являются путями, черезъ которые изъ Самарканда везутъ цѣнные и негромоздкіе товары, какъ, напримѣръ, ситцы, сахаръ, даже керосинъ, лампочки и желѣзныя издѣлія. А дюшамбинскому амлякдару привезли даже полдюжины старыхъ вѣнскихъ стульевъ и одну лампу-молнію.

Вслѣдствіе того, что не только перевалъ Шутуръ-Гарданъ и Анзобъ, но и всѣ остальные, ведущіе изъ Гиссарскаго края

*) Сакли покрыты двускатными соломенными, частью обмазанными глиною крышами

въ Самаркандскую область, находятся въ ужасномъ состояніи изъ нихъ наилучшій Анзобъ), нѣкоторые-же изъ нихъ прямо недоступны конному, все богатство края—хлѣбъ, ячмень, клеверъ, лѣсъ и пр.—стекается на базары въ Гиссарскую долину, гдѣ этихъ продуктовъ и такъ болѣе, чѣмъ достаточно. Поэтому горные таджики, несмотря на свое исключительное трудолюбіе и стоическую борьбу съ природой, надолго обречены на нищенство. Какъ иллюстрацію къ только что сказанному, приводимъ продажную цѣну на базарѣ въ главномъ городѣ края, Гиссарѣ: 11 сноповъ клевера—2 пули, 12 пудовъ пшеницы—10 тенегъ и т. д. Отсюда ясно, что простой ситцевый халатъ для таджика является цѣлымъ состояніемъ. А они такъ любятъ эти халаты, особенно желтые съ широкими темно-красными полосами. Въ этомъ одѣяніи, въ бѣлой доматканой чалмѣ, съ палкою въ рукахъ, широкая сильная, невысокая фигура таджика, его лицо съ густой широкой, курчавой бородой, испещренное глубокими морщинами, словомъ, весь онъ, стоящій надъ своимъ стадомъ, представляетъ собою великолѣпный библейскій типъ. Его довѣрчивость, добродушіе и гостепріимство особенно располагаютъ въ его пользу.

Рѣдкій кишлакъ, завидя путника, кто-бы онъ ни былъ, не вышлетъ на околицу группу дѣтей съ двумя тремя взрослыми мужчинами и не поднесетъ прохожему кисть винограда на лепешкѣ и въ толстой большой орѣховаго дерева пашкѣ катыку (кислаго козьяго молока, разбавленнаго водой, превосходно утоляющаго жажду). При этомъ, несмотря на необыкновенную цѣну денегъ, никто не рискнетъ принять у гостя ни чеки за это угощеніе.

Что горные таджики—арійцы, это, повидимому, внѣ сомнѣній, хотя за послѣднее время начинаютъ раздаваться отдѣльные голоса, что горные таджики восточной Бухары не чужды большой доли родства евреямъ; въ подтвержденіе своихъ догадокъ приводятъ въ примѣръ обычай не совершать денежныхъ операцій по субботамъ. Пишущему эти строки такого обычая наблюдать не приходилось.

Чѣмъ же можетъ заинтересовать этотъ край, т. е. теченіе р. Варзоба, насъ? Кромѣ исключительной красоты мѣстности и ископаемыхъ богатствъ, которые, кстати, еще и не изслѣдованы, нужно указать на запасы лошадей и овецъ. Затѣмъ хлѣбные злаки, главнымъ образомъ пшеница и ячмень. Но надъ всѣмъ этимъ стоитъ огромное количество великолѣпныхъ орѣховыхъ деревьевъ. Вотъ главное и дѣйствительное богатство Варзоба. Орѣховыя рощи буквально загромождаютъ мѣстами все ущелье; деревья никто не рубитъ: они отъ времени падаютъ сами, заваливая своими стволами и вѣтвями ущелье и заставляя тропу перебраться повыше. Орѣховые наплывы, эта цѣннѣйшая отрасль торговли, не обращаютъ на себя ничьего вниманія. И только бѣдняки таджики вырѣзаютъ изъ цѣльныхъ кусковъ орѣха свои огромныя деревянныя туфли на 3-хъ каблукахъ, выбирая кусокъ потемнѣе и покрасивѣе.

Вотъ гдѣ сотни тысячъ дохода для предпріимчиваго человѣка. Жаль будетъ, если все это пропадетъ въ хищныхъ рукахъ какого нибудь спекулянта.

Такова въ общемъ картина этого уголка горной Бухары.

Бассейнъ р. Тупаланъ-Дарьи съ составляющими ее притоками до сихъ поръ не только не изслѣдованъ, но даже и не намѣченъ со сколько-нибудь возможной вѣроятностью*). Находясь всего въ какихъ-нибудь 100 съ небольшимъ верстахъ отъ Самарканда, этотъ участокъ южныхъ склоновъ Гиссарскаго хребта давно уже, приблизительно съ восьмидесятыхъ годовъ, привлекалъ вниманіе изслѣдователей. Въ пері-

*) Передъ нами карта, полученная въ военно-топограф. отдѣлѣ въ 1903 г., какъ самая новая.

одъ времени съ 1893 по 1897 г. на него велись особенно яростныя атаки со стороны любителей новыхъ мѣстъ и сильныхъ ощущеній; но все-же теченіе Тупаланґъ-Дарьи и до сихъ поръ осталось не изслѣдованнымъ; а попытки свести всѣ добытыя такъ или иначе свѣдѣнія на карту не привели ни къ чему и только, пожалуй, еще больше запутали дѣло. До сихъ поръ исправленія 10-верстной карты въ этомъ районѣ были неудовлетворительны и намъ до сихъ поръ не пришлось увидѣть таковой съ нанесеннымъ уже райономъ р. Тупаланґъ-Дарьи.

Всѣ свѣдѣнія объ этой мѣстности получены почти исключительно отъ изслѣдовавшихъ ее подполковника Барщевскаго, капитана Данталь (нынѣ умершаго) и отчасти отъ пишущаго эти строки. О другихъ лицахъ, побывавшихъ въ бассейнѣ Тупаланґъ-Дарьи, до сихъ поръ не слышно.

Причиной тому служитъ полное бездорожье въ описываемомъ районѣ, граничащее съ дѣйствительной опасностью не только погубить вьючныхъ животныхъ, но самому свернуться внизъ съ какого-нибудь карниза или балкона. Кромѣ того, исключительная бѣдность страны, сырость и холода даже въ іюлѣ мѣсяцѣ дѣлаютъ продолжительное пребываніе тамъ крайне тягостнымъ.

Вслѣдствіе этого изслѣдователи не имѣли присутствія духа сразу, что называется въ одинъ пріемъ, заглянуть во всѣ закоулки этого по истинѣ дикаго края, а дѣлали это частями, разбивая работу даже на другіе года. Поэтому при сведеніи матеріаловъ въ одно цѣлое получались такія противорѣчія, что работу дѣлать было нельзя.

Можно лишь добавить, что, по нашему мнѣнію, пунктиры на картѣ изданія 1889 г. показывали систему бассейна р. Тупаланґъ-Дарьи вѣрнѣе, чѣмъ, напр., 1894 г.

Причиной такой исключительной дикости и полнаго бездорожья этого района служитъ то обстоятельство, что онъ прилѣпился въ томъ мѣстѣ Гиссарскаго хребта, гдѣ послѣдній, значительно повышаясь, образуетъ нѣсколько пиковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ горъ Султанъ-Хазретъ. Отъ этой группы вершинъ Гиссарскій хребетъ круто поворачиваетъ на юго-юго-западъ.

И, кромѣ того, отъ вершинъ Хазретъ-Султана отдѣляется огромный Самаркандскій хребетъ, тянущійся прямо на западъ.

Словомъ это вздутіе Гиссарскаго хребта служитъ точкой, отъ которой отдѣляются три огромныхъ кряжа: Гиссарскій—на востокъ, Чакъ-чаръ—на юго-юго-западъ и Самаркандскій—на западъ. И вотъ въ юго-восточномъ углу первыхъ двухъ хребтовъ и пріютился бассейнъ Тупаланґъ-Дарьи. Если къ этому прибавить, что въ этомъ мѣстѣ Гиссарскій хребетъ повышается приблизительно въ среднемъ до 54 т. футъ абсолютной высоты, а хребетъ Чакъ-чаръ (онъ-же Тамъ-шушъ) достигаетъ 13 - 13½ т. футъ, то станетъ ясно, почему уголъ между этими хребтами всегда былъ, есть и будетъ самымъ дикимъ и непроглядным райономъ среди всѣхъ сосѣднихъ.

Такимъ образомъ, бассейнъ Тупаланґъ-Дарьи отдѣленъ отъ Самаркандской области Гиссарскимъ хребтомъ и именно самой высокой его частью, а отъ Шахризябской долины Бухарскаго ханства хребтами Чакъ-чаръ и Тамъ-шушъ. Изъ ледниковыхъ запасовъ обоихъ этихъ кряжей и беретъ свое начало какъ Тупаланґъ-Дарья, такъ и ея притоки.

Между прочимъ, въ углу этихъ хребтовъ находятся до сихъ поръ толкомъ не изслѣдованные большіе ледники, кажется, кѣмъ то заранѣе названные ледниками Сѣверцева.

Такъ какъ средняя высота обоихъ кряжей достигаетъ въ районѣ теченія Тупаланґъ-Дарьи 14 т. футъ абс. высоты,

а перевалы, ведущіе изъ долины Зеравшана и Шахризяба не ниже 13 т. ф., то станетъ понятно, почему попасть въ этотъ край весьма трудно.

Болѣе извѣстные изъ переваловъ слѣдующіе: самый восточный Вору; пѣшій ведетъ въ ущелье р. Зинъ-объ самаго большого восточнаго притока Тупаланга; главный Пянджъ-объ; абсолютная высота его не менѣе 14 т. ф., ледниковый; лошади едва берутъ его, открытъ съ конца іюля по средину сентября; отъ него дорога идетъ по рѣкѣ Хованъ (въ верховьяхъ зовется Дарахта-сурхъ), главной, которая при сліяніи съ такой-же р. Ша-турутъ и принимаетъ названіе Тупаланга. Въ 10—15 верстахъ западнѣе Пянджъ-оба перевалъ Су-баши, около 13 т. футъ, снѣжный; ведетъ на одинъ изъ притоковъ Тупаланга, названіе коего не установлено.

Перевалы черезъ хребетъ Чакъ-чаръ слѣдующіе: Акбаи-Гиссари (на картѣ Гава-Гиссаръ); около 13½ т. футъ, ледниковый. Трудно доступный для лошадей; открытъ съ начала іюля по конецъ сентября; ведетъ въ ущелье р. Ханака-су, впадающей, вѣроятно, въ р. Ша-турутъ. За Акбаи-Гиссари слѣдуютъ 2 перевала Тамъ-шушъ, оба пѣшихъ, два Ша-хакъ, такого же свойства, и, вѣроятно, нѣсколько намъ совсѣмъ неизвѣстныхъ.

Все теченіе р. Тупалангъ отъ верховьевъ ея до впаденія въ р. Сурханъ возлѣ г. Денау достигаетъ 100 верстъ. Насъ же интересуетъ менѣе извѣстная ея часть до г. Сары-джуя, то есть до того мѣста, гдѣ горы окончательно отходятъ отъ рѣки и начинается собственно Гиссарская долина.

Въ общемъ болѣе дикаго и угрюмаго края, чѣмъ бассейнъ Тупаланъ-дарьи, представить себѣ трудно. Ея большіе притоки, изъ которыхъ и образуется эта рѣка, берутъ начало подъ ледниками на высотѣ не менѣе 13 т. футъ, въ крутыхъ холмистыхъ гигантскихъ спускахъ съ Гиссарскаго кряжа, въ іюлѣ представляющихъ довольно необычное зрѣлище зеленой короткой травы и снѣжныхъ лавинъ, иногда не тающихъ до новаго снѣга.

Въ это же время, то есть въ іюлѣ, подъ самыми перевалами гуляетъ масса косяковъ лошадей и стада овецъ. На протяженіи отъ перевала Пянджъ-объ до перваго постояннаго селенія на р. Хованъ—кишлака Хованъ, т. е. на протяженіи 21 версты прикочевало 9 ауловъ; нѣкоторые изъ нихъ, ниже по теченію, носятъ характеръ постоянныхъ. Первый, ближайшій къ перевалу,—аулъ Пянджъ-объ.

Деревья начинаютъ попадаться только верстахъ въ 20 отъ перевала; до того же тропа вьется по холмистымъ крутымъ отрогамъ среди лѣса зонтичнаго растенія, извѣстнаго подъ названіемъ вонючки, издающаго пренепріятный запахъ; это растеніе достигаетъ въ высоту 2½ и даже 3 аршина.

Рѣка, имѣющая у аула Пянджъ-Объ всего 10 шаговъ ширины, возлѣ аула Хованъ, т. е. пройдя 20 верстъ, уже представляется огромнымъ потокомъ, недопускающимъ бродовъ.

Тропа отъ самаго перевала до г. Сары-Джуя, то есть на протяженіи болѣе 70 верстъ, является сносной лишь въ самыхъ верховьяхъ до к. Хованъ, т. е. около 25 верстъ, и внизу отъ сел. Хардъ-Руи до Сары-Джуя—10 верстъ. Остальной участокъ около 40 верстъ представляетъ собою сплошное мученіе для путника и животныхъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ ½ верстѣ ниже сліянія р.р. Хованъ и Ша-Турутъ, даже разъвьюченныя лошади не могли пройти по карнизу. Пришлось ихъ отправить вплавь по рѣкѣ до к. Мінзотъ, а вьюки тащить волокомъ на веревкахъ людямъ.

Ниже к. Мінзотъ такъ же пришлось верстъ пять вести ихъ въ водѣ частью

вплавь, частью по брюхо въ водѣ; вьюки же шли на шлакахъ.

Присутствіе подъ переваломъ большого количества лошадей туземцевъ объясняется тѣмъ, что они гонятъ свои косяки извѣстными только имъ однимъ тропами, переваливая изъ одного ущелья въ другое сосѣднее. Доказательствомъ этому служитъ поголовное заявленіе таджиковъ экспедиціи, что она по р. Ховану въ Сары-Джуй не пройдетъ. Но экспедиція прошла, правда, съ потерей третьей части лошадей. Послѣ путешествія по среднему теченію Тупаланга трущобы Запянджскаго Дарваза и Романа показались участникамъ экспедиціи не страшными, несмотря на прославленную ихъ дикость.

Словомъ, безконечная лента карнизовъ, качающихся балконовъ, лѣстницъ, отвѣсовъ, головоломныхъ мостовъ, снова карнизовъ, изрѣдка уширеній съ бродами на рѣкѣ, орѣховыми рощицами, жалкими кишлаками; а надъ головами мрачные громады скалъ и хребтовъ, угрюмыя, безжизненныя и голыя. Зелень имѣется только по теченію рѣки, запашекъ почти нѣтъ; орѣховыя рощи невелики. Какъ то не хочется сравнивать нарядный, веселый, хотя и грандіозный Варзобъ съ этимъ краемъ лишеній.

Только возлѣ сел. Хардъ-Руи, гдѣ отвѣсныя береговыя скалы послѣдній разъ бросаютъ тропу на самую вершину надъ Тупалангомъ, картина сразу мѣняется; горизонтъ уширяется; появляются селенія, виноградъ, зелень. (Правда, виноградъ встрѣчался и раньше въ к. Міизотъ, но это былъ единственный случай). Здѣсь же стоятъ развалины небольшой крѣпости, искусно запирающей выходъ съ сѣвера въ Гиссарскую долину. Видимо, въ доброе старое время администрація благословеннаго Гиссарскаго края была въ достаточной мѣрѣ обезпокоена поведеніемъ горныхъ дикарей Тупаланга.

Верховья р. Ханака-Су и ея окрестности, пожалуй, еще болѣе унылы, дики и безлюдны, чѣмъ р. Хованъ. Нѣсколько веселѣй выглядываетъ ущелье р. Зинчъ-Объ, по крайней мѣрѣ въ нижнемъ ея теченіи.

По всему теченію р. Хована и продолженія его—Тупаланга имѣется 20 мостовъ, въ томъ числѣ почему то отмѣченный даже на картѣ мостъ Пули-Бай. Насколько тропа мечется съ одного берега на другой, гонимая безпощадно нависшими надъ рѣкой отвѣсами, видно уже потому, что несмотря на всю тяжесть постройки мостовъ, таковыхъ перекинуто черезъ Тупалангъ возлѣ к. Заммакъ 3 на протяженіи какихъ нибудь полутораста саженъ. Кромѣ того, имѣются мосты на р. Шатурутъ, при впаденіи ея въ Хованъ-Дарью, на Зинчъ-Оби, невдалекѣ отъ кишлака того же имени, и черезъ р. Маляндъ, впадающую въ Тупалангъ возлѣ к. Хордъ-Руи. Мы не говоримъ про 21-й мостъ въ г. Сары-Джуѣ, чѣмъ гордится особенно амлякдаръ; этотъ мостъ даже съ перилами.

Итакъ, край этотъ является исключительнымъ по своей недоступности даже среди горныхъ трущобъ Гиссара. Несчастные таджики, попавшіе туда, болѣе чѣмъ гдѣ либо обречены на голодовки; кишлаки ихъ ничтожны; имъ даже часто нѣтъ мѣста на рѣкѣ; поэтому нѣкоторые изъ нихъ должны взбираться на кручи. Сообщеніе черезъ рѣку часто невозможно; мосты пріурочены для движенія вдоль рѣки, а не для сообщенія одного берега съ другимъ; поэтому нѣкоторые кишлаки скорѣе получаютъ новости изъ сосѣднихъ районовъ, напримѣръ, съ Каратагъ-Дарьи, чѣмъ имѣютъ ихъ съ другого берега Тупаланга.

Сады въ кишлакахъ невелики. Исключеніе составляетъ к. Міизотъ и, пожалуй, Хардъ-Руи. Орѣховыя рощи, попадающіяся по низу рѣки, такъ-же незначительны и вообще лѣсными богатствами край ще-

гольнуть далеко не можетъ. Только вверху надъ к. Заммакъ виденъ лѣсъ, куда ведетъ порядочно раздѣланная тропа видимо, дальше есть тоже селеніе.

Жители выходятъ на лѣто, т. е. на іюль и августъ изъ кишлаковъ въ аулы; при этомъ аулы являются тоже постоянными и носятъ названія кишлаковъ, откуда пришли ихъ хозяева; всѣ кишлаки лѣтомъ пусты.

Внизу, ближе къ мосту Пули-бай, среди ауловъ горныхъ таджиковъ попалось нѣсколько и цыганскихъ (лю-ли).

Населеніе тѣ-же горные таджики, что и въ районѣ Варзоба, кроткіе, нищіе, безропотные и пришибленные. Административный центръ края—г. Сары-Джуй, гдѣ сидитъ амлякдаръ, посылаемый изъ Бухары эмиромъ, тогда какъ всѣ остальные амлякдары, кромѣ дюшамбинскаго, суть ставленники гиссарскаго кушъ-беги.

Населенные пункты ничтожны: к. Хованъ—10 дворовъ, Заммакъ (онъ-же имѣетъ лѣтовку Хурватанъ)—около 20, Сумчахъ—около 15, Міизотъ—около 30, Танчирукъ—10, Хурдъ-Руп—около 20, Гиссарокъ—около 25, Хупаръ — около 15, Зарчаоъ, около 20 и, наконецъ, въ самомъ Сары-Джуѣ не болѣе 50 дворовъ, да въ Хассанъ-ханѣ, кишлакѣ на другомъ берегу Тупаланга противъ этого городка, около 30 дворовъ. Итого въ 10 кишлакахъ (безъ Сары-Джуя) около 195 дворовъ, то есть около 1900 чел. жителей. Если прибавить къ этому остальные 16 ничтожныхъ кишлаковъ, разсѣянныхъ по притокамъ Тупаланга, то въ общемъ во всемъ районѣ Тупаланъ-Дарьи едвали наберется 3½ тысячи жителей вмѣстѣ съ главнымъ ея городомъ СырыДжуемъ.

Самый городокъ послѣ ряда лишеній кажется большимъ селеніемъ. Особенно импонируетъ большая заброшенная глинобитная крѣпость, красиво выступающая своими зубчатыми стѣнами надъ обрывомъ и смотрящаяся въ воды Тупаланга. Сначала кажется, что по грознымъ стѣнамъ ходятъ часовые, но, присмотрѣвшись въ бинокль, можно видѣть цѣлыя семейства аистовъ, степенно разгуливающихъ по опустѣлымъ стѣнамъ.

На всѣ разспросы амлякдара, какъ-же живутъ въ этихъ краяхъ подчиненные ему жители, онъ только учтиво улыбался. Можно было вывести безошибочное заключеніе, что, во всякомъ случаѣ, амлякдару живется не плохо въ Сары-Джуѣ, подъ великолѣпной чинарой въ 7 обхватовъ на берегахъ смирившагося здѣсь Тупаланга. Къ тому-же раскинувшіеся небольшіе сады и огромныя богарныя поля пшеницы какъ то заставляютъ забывать о томъ, что дѣлается по ту сторону горной щели у кишлака Хардъ-Руи вплоть до почти отвѣсныхъ громадъ самаркандскихъ и шахризябскихъ перевалъовъ.

Лицамъ, ищущимъ цѣльную, неразбавленную долинными перетасовками частичку арійскаго племени, именуемаго горными таджиками восточной Бухары, слѣдуетъ побывать на среднемъ теченіи Тупаланга: любопытнымъ, ищущимъ неоткрытыя еще никѣмъ мѣста, Тупаланъ дастъ полное удовлетвореніе: еще ледники вблѣ горы Хазретъ-Султана до сихъ поръ не изслѣдованы.

Но людямъ, задавшимся спекулятивными цѣлями, предпринимателямъ можно посовѣтовать не тратить даромъ дорогого времени на ознакомленіе съ богатствами Тупаланъ-Дарьи. Кромѣ косяковъ кобылицъ и барановъ, уходящихъ осенью въ долину, тамъ ничего не найдешь. Для этой цѣли Варзобъ послужитъ съ честью; его лѣсныя богатства ждутъ только предпринимателя.

Б. Л.

Туркменія и туркмены.

Туркмены населяютъ почти всю Закаспійскую область и представляютъ большой интересъ какъ въ бытовомъ, такъ и въ историческомъ смыслѣ. Но, къ сожалѣнію, о нихъ мало пишутъ, слѣдовательно, большинство читателей мало знакомы съ ними. А между тѣмъ, мы живемъ въ одномъ краю. Къ нашему стыду туркмены о насъ больше знаютъ, чѣмъ мы о нихъ.

Туркмены живутъ въ Асхабадскомъ, Красноводскомъ, Тедженскомъ, частью въ Мангишлакскомъ и большею частью въ Мервскомъ уѣздахъ Закаспійской области. Всѣ они дѣлятся на племена (ёмуды, ахалъ-теке, теке или „така" и др.). Каждое изъ этихъ племенъ дѣлится на роды; напр., „така", Мервскаго уѣзда, на: отамыш (утомыш), тахтамыш (тухтомыш) и сычмаз.

Большинство этихъ родовъ между собой или въ открытой враждѣ, или затаенной, которая прорывается наружу при спорахъ, судебныхъ разбирательствахъ и пр. Вражда эта, иногда, доходитъ до столкновеній и часто кровавыхъ, въ особенности, при раздѣлѣ воды.

Слово „туркмен" или, правильнѣе, „тюрк мэн", строго говоря, не есть названіе этой народности, по крайней мѣрѣ, сами себя они такъ не называютъ. Часто и сартъ на вопросъ—„кто ты"? отвѣчаетъ „манъ—тюркман", что значитъ: „я тюрк". Туркмэны Мангишлакскаго (минг-кишлак—тысяча селеній) уѣзда никогда не отвѣчали мнѣ „тюрк мэн", а говорили: „ёмуд". Каахкинцы, тедженцы и мервцы называютъ себя „така" и только асхабадцы и то не всѣ—„тюрк мэн".

Туркмены въ большинствѣ случаевъ живутъ очень бѣдно, т. к. солончаковыя пустыни Закаспія, безъ орошенія, мало пригодны для хлѣбопашества. Кто ѣхалъ отъ Красноводска къ Мерву, тотъ изъ окна вагона видѣлъ, конечно, печальную картину: степь, ужъ дѣйствительно, „безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину", совершенно лишенная растительности, въ особенности въ Красноводскомъ уѣздѣ.

Почва сама-по-себѣ очень плодородна, но не хватаетъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, „жизненной влаги"—воды. Тамъ, гдѣ она имѣется хоть въ маломъ количествѣ, —картина рѣзко мѣняется: среди голой пустыни, вдругъ, появляются поля, сады. Дышать становится легче. Глазъ отдыхаетъ на зелени деревьевъ и травы. И чѣмъ дальше отъ моря, тѣмъ такіе оазисы попадаются чаще и чаще, воды въ нихъ больше и больше, трава зеленѣе и вообще растительность сильнѣе.

Наиболѣе счастливымъ, въ отношеніи воды, является мервскій оазисъ благодаря знаменитому Мургабу. Изъ пустыни—здѣсь вода сдѣлала садъ. Изъ туркмена дикаго „аламана"—мирнаго землепашца.

Туркмены очень гостепріимны, любознательны и не прочь попутешествовать. Раньше я говорилъ, что туркмены насъ знаютъ больше, чѣмъ мы ихъ—это, къ сожалѣнію, вѣрно. Мнѣ часто приходилось поражаться свѣдѣніями о русскихъ туркменъ самыхъ дальнихъ ауловъ. Тамъ мнѣ, съ поразительной точностью, разсказывали, что происходитъ въ городѣ, что интересуетъ русскихъ, чѣмъ они занимаются. Тамъ въ степи я услышалъ біографіи болѣе или менѣе выдающихся жителей Мерва. Замѣчательно, какъ быстро вѣсти разносятся по степи: не успѣешь узнать какую-нибудь важную новость, а въ особенности касающуюся туркменъ, какъ уже въ степи она извѣстна!

Большинство зажиточныхъ туркменъ путешествовали по Россіи, останавливаясь подолгу въ столицахъ. Все видѣнное и слышанное эти счастливцы разсказываютъ

одноаульцамъ, возбуждая и въ нихъ стремленіе попутешествовать. Правда, не все видѣнное понимается и передается такъ, какъ нужно, но все-же польза отъ этихъ путешествій громадная.

Не обходится и безъ курьезовъ.

Извѣстный мервскій богачъ-туркменъ съ нѣсколькими сотоварищами, тоже туркменами, попалъ въ зоологическій садъ въ Петербургѣ. Тамъ имъ все объясняли и показывали, но, конечно, не все они упомнили, и вотъ какъ разсказывали въ аулѣ: „Привели насъ въ звѣринецъ и показали нашего ишака да верблюда и говорятъ: это „курсак илэ" (съ животомъ, т. е. животное), „спозвонокъ" (произносится по-русски) и „молокомъ-питающее", а я ему и говорю,—забавляетъ разсказчикъ подъ хохотъ слушателей, ага, вотъ спасибо, что научили, а то мы ихъ больше колючкой кормимъ". Мнѣ пришлось долго объяснять, что это за „спозвонокъ" и „молокомъ питающее"...

Жалко только, что въ Питерѣ наши туркмены знакомятся съ загородными ресторанами и т. п. увеселительными заведеніями. Но большіе русскіе города далеко, а вотъ гораздо хуже, что здѣсь, дома, на каждомъ шагу соблазнительно открыты двери „пиво-ханэ" и „бай-кабаковъ". Особенно, почему-то, не могутъ удержаться отъ этихъ соблазновъ, цвѣтъ туркменской аристократіи—ханы. Ни для кого не секретъ, что одинъ изъ уважаемыхъ хановъ зарѣзался въ припадкѣ бѣлой горячки... Часто приходится видѣть, какъ изъ заднихъ дверей кабака, крадучись, выходитъ туркменъ, сынъ уважаемаго лица, подозрительно покачиваясь.

Водка—эта язва народа—начинаетъ разъѣдать нетронутую натуру туркмена. Высокая, до сихъ поръ, нравственность начинаетъ падать. Прелюбодѣяніе у туркменъ по обычаю (адат) должно караться смертію, но т. к. по русскому закону это не разрѣшается, то общество клеймитъ полнымъ презрѣніемъ согрѣшившаго, а тѣмъ болѣе согрѣшившую—это, пожалуй, еще хуже всякой смерти.

Поэтому туркменокъ-развратницъ чрезвычайно мало, а профессіональныхъ проститутокъ нѣтъ совсѣмъ. Но въ послѣднее время мужчины, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ и уже вкусившіе сладость преступной любви, позволяютъ себѣ подрывать семейное счастье сосѣда. Въ газетахъ нѣтъ—нѣтъ да промелькнетъ извѣстіе о кровавыхъ столкновеніяхъ на этой почвѣ. Слава Богу, что главная туркменская масса еще крѣпко держится завѣтовъ старины и избѣгаетъ вкушать отъ этихъ плодовъ „цивилизаціи".

Держась завѣтовъ старины и сторонясь всего предосудительнаго, масса эта идетъ, по крайней мѣрѣ теперь, навстрѣчу хорошему,-полезному. Возьмемъ мы русско-туркменскую школу, какъ проводника культуры, и посмотримъ, что было нѣсколько лѣтъ тому назадъ и теперь. Раньше туркмены на школу смотрѣли, какъ на, такъ сказать, мастерскую обрусѣнія. А обрусѣніе у нихъ—понятіе очень растяжимое. Стоитъ правовѣрному, стоящему близко къ русскимъ, сдѣлать хоть маленькій промахъ, какъ о немъ скажутъ: „ну, конечно, онъ вѣдь обрусѣлъ: и вилкой ѣстъ, и волосы на головѣ запустилъ, и даже намазовъ не совершаетъ—совсѣмъ „капыр" (невѣрный)". А между тѣмъ самъ не брилъ голову давнымъ-давно и насчетъ намазовъ тоже слабовато. Ну, да вѣдь онъ „съ „орус"-ами не якшается!" А тутъ, изволите-ли видѣть, нужно отдать сына, родного сына, „капыр"-амъ въ школу,—ни за что!.. И школы пустовали... Тогда администрація стала, съ одной стороны, принуждать, а, съ другой, платить ученикамъ жалованіе (отъ 4 до 8 руб. въ мѣсяцъ).

Понятно, зажиточные люди не прель-

стились деньгами, зато бѣднота двинулась, подъ градомъ насмѣшекъ и укоровъ, въ школу. И, оказалось, что много выиграли: дѣти ихъ великолѣпно чувствовали себя въ школѣ. Еще бы?! Кушали такъ, какъ дома и во снѣ не снилось, спали на желѣзныхъ кроватяхъ, шестяными одѣялами прикрывались, да еще и жалованіе получали! И все это за то только... что учились... Чудеса,—и „тельпековъ" (папахъ) съ нихъ не снимаютъ и въ церковь креститься не ведутъ. Странно... Но посмотримъ, что изъ этого выйдетъ?! А вышло вотъ что: ученики кончили, да чуть-ли не сразу и попали, кто писцомъ, а кто и переводчикомъ къ „бояру", приставу. А переводчикъ для туркменъ того времени былъ и самъ-то чуть-ли не „бояр" (такъ они называютъ каждаго власть имущаго русскаго), во всякомъ случаѣ персона очень важная. Вѣдь отъ переводчика ой-ой какъ зависѣлъ исходъ каждаго дѣла!

Картина рѣзко перемѣнилась. Теперь ужъ не платятъ ученикамъ, а школы далеко не пустуютъ. Мало того, отдаютъ дѣтей учиться въ дальніе города въ чисто русскія учебныя заведенія (городскія и реальныя училища, гимназіи, учительскую семинарію, корпусъ и т. п.). Часто приходятъ и просятъ совѣта—куда опредѣлить сына, чтобъ вышелъ изъ него „духтур", а чаще или „аписер" или „анжинар" (инженеръ). И посылаютъ... И денегъ не жалѣютъ!..

А одинъ такъ спрашивалъ:—„А не послать-ли къ „фаранкам" или „инглисам"?.. Я хочу, что-бъ сынъ мой все зналъ!" Возможно, что сына къ фаранкамъ онъ не пошлетъ и спросилъ это только, желая порисоваться. Но одно то, что такая мысль у него явилась, и это ужъ много значитъ!

Имѣя возможить наблюдать школьниковъ-туркменчатъ въ двухъ русско-туркменскихъ школахъ, я замѣтилъ, что они по большей части очень способны и учатся, сравнительно, легко. Легче всего имъ дается математика, въ особенности устный счетъ. Что-же касается каллиграфіи, такъ нашимъ школьникамъ до нихъ далеко! Замѣчательно, что каллиграфія хорошо дается всѣмъ туземцамъ Туркестана. Причиной, мнѣ кажется, служитъ природное терпѣніе и прилежаніе.

Вѣжливый способъ здороваться у туркменъ.

Вся жизнь мусульманина идетъ по обычаю, по извѣстному этикету. На каждый моментъ есть правило и даже извѣстная молитва. Съ самаго ранняго утра и до поздняго вечера онъ долженъ поступать согласно положеній святыхъ отцовъ (да будетъ надъ нами миръ и благословеніе). Есть даже цѣлый сводъ этихъ правилъ—довольно объемистая книга (ان الله لا يضيع اجر المحسنين). Книга эта очень интересна, но слишкомъ утомительна для чтенія, такъ какъ въ ней съ поразительной мелочностью разсматривается чуть-ли не каждый шагъ мусульманина и положительно она усыпана арабскими текстами. Всѣ мусульмане придерживаются этихъ правилъ, но каждая народность имѣетъ свои индивидуальныя особенности.

Вотъ, напримѣръ, вѣжливый способъ здороваться у туркменъ:

Встрѣчаются два туркмена и, по общему правилу, начинаетъ привѣтствовать старшій — младшаго, ѣдущій — идущаго, идущій—стоящаго или сидящаго, богатый —бѣднаго, знатный—не знатнаго и т. д.

Но всегда предпочтеніе отдается старшему по возрасту, въ рѣдкихъ случаяхъ старшему по положенію. Привѣтствуется такъ: „ассалям алейкум", т. е. да будетъ надъ *вами* миръ, но нельзя говорить: „ассалям алейк" (надъ *тобой*) или „ассалям алейку" (надъ *нимъ*, страница 224 вышеупомянутой книги). Отвѣтъ на это при-

вѣтствіе надо дать безостановочно, сейчасъ-же, и такимъ образомъ: „ва алейкум ассалям“, т. е. и надъ вами да будетъ миръ. „Капыру“—невѣрному можно сказать просто: „вэ алейкум“, т. е. „и надъ вами“, а что надъ вами—неизвѣстно!

Когда покончено съ пожеланіемъ мира, то начинается, если можно такъ выразиться, „споръ вѣжливости“. Старшій изъ собесѣдниковъ говоритъ: „Сура'ш“ (спрашивай). Этимъ онъ предоставляетъ слово младшему, а младшій изъ уваженія, въ свою очередь, проситъ о томъ-же старшаго: „айдывэр“ или „айт“ (говори ты).

Старшій продолжаетъ: „Сэн айт“ (ты говори), но не уступаетъ и младшій: „айт, айт“ (говори, говори). Наконецъ, старшій сдается и приступаетъ къ разспросамъ. Получается такая катехизація.

Старшій: „Аман ми“ (здоровъ-ли).

Младшій: „Аман лык дыр“ (здоровъ).

— „Салык ми?“ (какъ твое самочувствіе).

— „Салык дыр“ (хорошо).

— „Углон (сыновья), ушок (тоже дѣти вообще), мал (имущество, скотъ), башинг (голова твоя), хэммэ (вообще все) салык ми дыр?

— „Худая шукур (благодареніе Богу) салык дыр!

— Кэйпынг кок мы? (весело-ли твое настроеніе).

— Кокъ дыр (да).

Джанынг саг ми? (здорова-ли душа твоя?)

— Худая шукур; саг дыр....—и такъ далѣе, до безконечности.

Когда старшій, наконецъ, кончитъ свои разспросы, то начинаетъ спрашивать тоже самое младшій, получая тѣ-же отвѣты.

Если туркменъ войдетъ въ юрту, гдѣ сидитъ цѣлая компанія, онъ сначала у входа дѣлаетъ общій „сэлям“, а затѣмъ протягиваетъ обѣ руки каждому, причемъ передъ почетнымъ или уважаемымъ лицомъ всѣ встаютъ. Вновь прибывшій садится и начинаетъ „споръ вѣжливости“ съ каждымъ отдѣльно.

Про туркменъ надо сказать, что къ одному лицу очень рѣдко обращаются во множественномъ числѣ. Кто-бы ни былъ собесѣдникомъ, туркменъ, а въ особенности на туркменскомъ языкѣ, всѣмъ говоритъ „ты“.

Совсѣмъ не то мы видимъ у сартовъ. Здѣсь прямо казуистика: увидитъ васъ сартъ въ первый разъ въ жизни, говоритъ вамъ, ну, напримѣръ, отъ глагола „гяпырмак“ (разговаривать): „гяпырингиз“ (разговаривайте); познакомится поближе, скажетъ: „гяпыринг“ (среднее между „ты“ и „вы“) и, наконецъ, за панибрата: „гяпыр“.

Языкъ туркменъ вообще довольно бѣденъ и очень не членораздѣленъ. Это скорѣе зависитъ отъ манеры говорить. При разговорѣ туркменъ сильно выдвигаетъ нижнюю челюсть, такъ что нижніе зубы выдаются надъ верхними впередъ. При такомъ положеніи зубовъ языкъ „лопатой“ упирается въ верхніе зубы, почему нѣкоторые звуки или вовсе не произносятся или произносятся не чисто. Такъ, напримѣръ, туркмены не произносятъ, какъ слѣдуетъ, ни одной свистящей буквы.

Способы угощенія.

Когда гости разсядутся, то каждому подается по чайнику „геок чай“ (зеленый чай) и по одной „кэсэ“ (чашка).

Гость выпиваетъ первую чашку самъ, а потомъ угощаетъ изъ своего чайника сосѣда, которому почему-либо не дали своего чайника. Случается, что отдавая свою „кэсэ“, самъ угощающій получаетъ, въ свою очередь, отъ другого сосѣда его „кэсэ“.

Послѣ чая приносится красная или вообще цвѣтная скатерть, кстати сказать,

сомнительной чистоты. Въ этой скатерти завернуто кушанье, состоящее изъ мелко накрошенныхъ и перемѣшанныхъ между собой хлѣба, вареннаго бараньяго мяса и луку.

Когда гости покушали этого кушанья, скатерть уносится, а взамѣнъ ее разстилаютъ другую, на которую ставятъ большую чашку или блюдо съ традиціоннымъ пловомъ.

Къ кушанью не притрогивается никто до тѣхъ поръ, пока не взялъ старѣйшій изъ сотрапезниковъ. И опять таки не обходится безъ „спора вѣжливости“,

Послѣ плова подается обыкновенно дыня, и трапеза заканчивается общей молитвой, которую читаетъ, если есть, мулла или старѣйшій изъ присутствующихъ.

При угощеніи хозяинъ долженъ соблюдать слѣдующія правила: не долженъ говорить гостямъ въ родѣ—„господа, не прикажете-ли подать чаю или плову?“, а давать угощеніе безъ опросовъ. Есть по этому поводу даже пословица: „Сурошиб бирганчан—уруп бер“, логическій переводъ которой таковъ: „лучше побей (ударь), чѣмъ угощать по опросу!“ Не докучать просьбами: „да кушайте-же, пожалуйста, ну хоть еще одинъ кусочекъ“ и т. д., такъ какъ каждый долженъ кушать, разъ его угощаютъ. Если-же вы ѣсть не хотите, то все-же надо хоть отвѣдать, иначе нанесете обиду хозяину. Затѣмъ хозяинъ долженъ хоть понемногу, а ѣсть до тѣхъ поръ, пока не перестанутъ ѣсть всѣ гости. Это дѣлается для того, чтобы не смущать голоднаго или любителя покушать.

Было жарко, несмотря на конецъ февраля, когда я ѣхалъ верхомъ въ сопровожденіи моихъ друзей туркменъ на торжество постройки новой юрты. Ѣдкая солончаковая пыль проникала всюду: въ носъ, ротъ, уши...

Мы ѣхали, изрѣдка перекидываясь словами. Туркмены вообще не разговорчивы, а тутъ еще эта несносная пыль положительно отбивала всякую охоту къ разговорамъ.

Я давно уже не былъ въ степи и потому съ удовольствіемъ отдавался созерцанію простора и шири... На грустныя думы наводитъ наша степь... Сколько свободной земли, и земли, которая могла-бы дать такой урожай, о какомъ наши внутреннія губерніи и мечтать-то не смѣютъ... И лежитъ эта земля и угрюмо проситъ: „пить... воды... воды дайте“... Но отвѣта нѣтъ... И лежитъ этотъ великанъ, какъ Илья Муромецъ и угрюмо ждетъ „каликъ перехожіихъ“, что напоятъ его чарой студеной воды „въ полтора ведра“... И ужъ слышны по степи слухи радостные: принесутъ-проведутъ воду съ рѣки Аму...

— А-а нама, мулло, ёдодынг му? (Что, мулла, усталъ?)—отрываетъ меня отъ думъ одинъ изъ спутниковъ.

— Гельдык (прибыли).

Дѣйствительно мы подъѣзжали къ усадьбѣ одного изъ богатѣйшихъ туркменъ, М. Оразова.

Странную картину представляетъ эта усадьба. Представьте себѣ степь угрюмую съ разбросанными по ней кое гдѣ бѣдными юртами и вдругъ передъ вашими глазами выростаетъ европейскій домъ изъ жженаго кирпича, подъ желѣзной крышей, утопающій лѣтомъ въ зелени деревьевъ!

Эта картина какъ-то не вяжется съ окружающей обстановкой.

Насъ увидѣли и уже спѣшатъ навстрѣчу... Вотъ и хозяинъ. Мы спрыгиваемъ съ лошадей и съ удовольствіемъ разминаемъ уставшіе члены послѣ почти двухъчасовой ѣзды. Начинается обмѣнъ привѣтствій, послѣ котораго двигаемся всѣ гурьбой въ домъ. На верандѣ сидятъ на разосланныхъ коврахъ ранѣе прибывшіе гости-туркмены.

Опять обмѣнъ привѣтствій и мы, по этикету, присаживаемся тутъ-же выпить „бір кэсэ геок-чай“ (одну чашку зеленаго чая), передъ которой намъ дали вымыть руки и ополоснуть ротъ водой. Хорошій обычай!

Послѣ чая любезный хозяинъ (онъ окончилъ русское городское училище, былъ нѣсколько разъ въ Петербургѣ) повелъ показывать свой домъ. Весь домъ состоитъ изъ четырехъ комнатъ, передней и корридора. Всѣ стѣны и потолки покрыты масляной краской, а въ гостинной—„михман ханэ“—стѣны разрисованы пейзажами, правда, довольно не мудрыми, ну да что же и требовать въ степи, вдали отъ города! Надъ каждой дверью и вдоль верхняго карниза написаны стихи на фарсидскомъ и арабскомъ языкахъ. На полахъ вездѣ дорогіе ковры и кошмы. Повсюду, кромѣ „михман ханэ“, полное отсутствіе мебели. Зато въ гостиной посрединѣ обѣденный столъ, вдоль стѣнъ тахта, прекрасные стулья, по угламъ столики, на одномъ изъ которыхъ недурной граммофонъ съ подборомъ пластинокъ азіатскаго репертуара. Въ кабинетѣ хозяина цѣлая коллекція охотничьихъ ружей... Ну, словомъ, помѣщикъ да и только!

Все есть у М.Оразова: и лошади, и домъ, и жены... Все исполняется по его желанію, только... только не хотятъ его жены жить подъ желѣзной крышей, а предпочитаютъ свою родную юрту. И пришлось Оразову строить для нихъ во дворѣ юрты. Женилъ онъ младшаго брата и для него пришлось построить юрту. А постройка новой юрты—это цѣлое торжество. Вотъ на это-то торжество и пригласилъ Оразовъ гостей.

Пока гости пьютъ и ѣдятъ, женщины уже начали устанавливать новую юрту. Каждому туркестанцу приходилось видѣть, какъ это дѣлается, и потому я не буду описывать способа ея установки. Скажу только, что поставивъ остовъ и не закрывая его кошмами, женщины удалились. Въ это-же время гостямъ разнесли знаменитый пловъ, а гостей было около двухсотъ человѣкъ! Послѣ плова всѣ чинно помолились и двинулись къ новой юртѣ. Во внутрь остова юрты вошли хозяинъ и нѣсколько самыхъ почетныхъ гостей, а остальные обступили юрту снаружи тѣснымъ кольцомъ. Другъ хозяина принесъ нѣсколько шелковыхъ платковъ, халатовъ и кусковъ матеріи. Взявъ одинъ изъ платковъ, хозяинъ завязалъ въ него нѣсколько крановъ (персидская монета, около 35 коп. на наши деньги) и посредствомъ палки укрѣпилъ его въ самомъ верху остова юрты. Затѣмъ желающимъ предложено было прыгнуть и достать этотъ платокъ. Я, по правдѣ сказать, усумнился, чтобъ можно было такъ высоко прыгнуть. Но оказалось, что среди публики были спеціалисты по этой части.

Они уже давно ожидали этого момента и живо разулись и скинули халаты. Два халата были туго свернуты и положены въ извѣстномъ разстоянія отъ середины юрты. Они должны были играть роль трамплина. Такъ какъ желающихъ прыгать оказалось нѣсколько человѣкъ, то между ними установили очередь по старшинству лѣтъ.

Прыгать нужно было съ разбѣга. Это еще больше затрудняло и безъ того трудную задачу. Дѣло въ томъ, что дверь юрты очень низка и имѣетъ высокій порогъ и прыгающему приходится на всемъ ходу сразу согнуться, перешагнуть черезъ порогъ и только тогда уже прыгать, оттолкнувшись отъ халатовъ ногами.

Первый прыжокъ былъ удаченъ—платокъ очутился у прыгуна и сдѣлался его добычей. Зато надъ вторымъ пришлось помучиться.

Слѣдующій прыгунъ – высокій, бородатый туркменъ, не разсчитавъ разстоянія, наступилъ не на середину халата, а немного въ бокъ и, сдѣлавъ антраша въ воздухѣ, шлепнулся во весь свой ростъ на землю. Это вызвало цѣлый взрывъ хохота у публики. Потокъ безцеремонныхъ шутокъ и двусмысленныхъ совѣтовъ были наградой неудачнику, который, однако, не смутился и самъ принялъ участіе въ общемъ смѣхѣ.

Чѣмъ больше было ловкихъ прыжковъ, тѣмъ болѣе публика приходила въ азартъ. Богачи вынимали трешницы, пятишницы и сами завязывали въ платки. Среди всѣхъ выдѣлялся громадный малый, который дѣйствительно ловко прыгалъ.

Особенно удачный прыжокъ вознаграждался, кромѣ платка съ деньгами, еще и халатомъ или кускомъ матеріи.

Еще по вопросу о поселкѣ въ Кетмень-Тюбе.

Въ № 49 „Туркестанскихъ Вѣдомостей" была помѣщена статья, посвященная описанію мѣстности Кетмень-Тюбе, Наманганскаго уѣзда, гдѣ предполагается основать русскій поселокъ.

Будучи нѣсколько знакомъ съ этими мѣстами, какъ и вообще съ Ферганой, я вполнѣ соглашаюсь съ авторомъ этой статьи относительно пригодности названной долины для поселенія русскихъ крестьянъ и для веденія тамъ продуктивнаго хозяйства.

Однако, я смотрю на это дѣло нѣсколько иначе, чѣмъ смотритъ г. Л. І., и думаю, что нѣтъ никакой надобности сейчасъ орошать всю эту площадь, такъ какъ на высотѣ 3 т. ф., гдѣ расположена долина, земледѣліе вполнѣ возможно подъ дождь и при утилизаціи прибылыхъ водъ во время разлива горныхъ рѣчекъ.

Въ томъ то наша и бѣда, что мы всегда стараемся не упрощать, а усложнить всякое дѣло. Управленіе земледѣлія и переселенческое управленіе въ Туркестанѣ ни разу до сихъ поръ не остановились на мысли основывать поселки въ предгорьяхъ на богарныхъ земляхъ, а непремѣнно держатся проектовъ дорого стоющихъ ирригаціонныхъ сооруженій.

Само собой разумѣется, что ограниченность казенныхъ кредитовъ и недостатокъ свѣдущихъ техниковъ не допускаютъ выполнить такія работы въ короткій срокъ и на значительныхъ площадяхъ, а потому наши переселенцы годами ожидаютъ надѣловъ и еще не скоро дождутся окончанія такой волокиты.

Сами крестьяне въ этомъ случаѣ поступаютъ гораздо проще, такъ какъ они

очень практичны и опытны въ такихъ дѣлахъ и сразу соображаютъ, гдѣ наиболѣе подходящія условія для веденія хозяйства.

Такъ и въ этомъ случаѣ сама администрація никогда не додумалась бы до использованія Кетмень-Тюбинской долины для колонизаціи, но пришли ходоки, облюбовали это мѣсто и поселились на немъ со своими друзьями-товарищами.

Несмотря на дорогостоющія ирригаціонныя работы въ Голодной степи желающихъ тамъ поселиться сейчасъ очень немного, а предложите горную мѣстность вродѣ указанной и масса устремится туда.

Кетмень-Тюбе можно заселять сейчасъ же безъ всякаго орошенія, а поселенцы сами, осмотрѣвшись, возобновятъ нѣкоторые ближайшіе арыки, по которымъ будетъ собираться къ нимъ въ хаузы снѣговая и вешняя вода. Если же и представится возможность имъ помочь въ дѣлѣ искусственнаго орошенія нѣкоторой части надѣльныхъ земель, хотя-бы сады и огороды, то это можно будетъ сдѣлать современемъ, исподволь, при посредствѣ областныхъ ирригаторовъ.

Теперь же забота переселенческой партіи должна заключаться въ томъ, чтобы проложить къ этой долинѣ колесный путь, что вполнѣ возможно и не потребуетъ особенно крупныхъ расходовъ.

Къ разбивкѣ долины на надѣлы и къ записи поселенцевъ можно приступить теперь-же, а лѣтомъ, какъ только дорога будетъ разработана, начать устройство самаго поселка.

О культурѣ хлопка въ предгорьяхъ не можетъ быть никакого разговора, а хлѣба, травы, ленъ и корнеплоды прекрасно могутъ тамъ расти, такъ какъ эти злаки не требуютъ большей влаги, чѣмъ тамъ ее имѣется отъ годовыхъ осадковъ. Излишнее орошеніе такихъ земель имѣетъ даже отрицательное значеніе и, вѣроятно, ради него то киргизы и просятъ оросить эту долину, а именно, чтобы завести тамъ рисовые посѣвы.

Рисъ совсѣмъ нежелателенъ въ верховьяхъ горныхъ рѣкъ, такъ какъ онъ потребляетъ массу воды, обездоливая ниже лежащіе культурные районы и служа, и поэтому, причиной постояннаго раздора между кишлаками, доходящаго до форменныхъ сраженій.

Водныхъ источниковъ въ Ферганѣ крайне ограниченное количество и запасъ воды нужно сберегать для низменныхъ долинныхъ районовъ, гдѣ безъ поливки никакая культура немыслима; а вмѣстѣ съ тѣмъ понадобятся вскорѣ и такія земли для поселенія.

Поэтому я рѣшительно отрицаю предположенія объ искусственномъ орошеніи предгорныхъ земель и допускаю для ихъ пользованія только излишнюю прибылую воду, которая, между прочимъ, использовывалась въ такихъ мѣстахъ еще и въ ханскія времена.

Если обратить вниманіе на заброшенные старые арыки въ указанныхъ мѣстахъ, то можно замѣтить нѣкоторое повышеніе ихъ головъ отъ постояннаго уровня горной рѣчки, изъ которой они питались водой; а это и доказываетъ, что такіе арыки служили, главнымъ образомъ, для отвода воды при таяніи снѣговъ, что несомнѣнно уменьшало силу силевыхъ потоковъ.

Въ горахъ такихъ долинъ, какъ Кетмень-Тюбе, очень много, и если-бы онѣ были изъяты изъ пользованія кочевого населенія, то сразу-бы оказался значительный колонизаціонный фондъ, хотя и пришлось-бы понести казнѣ расходы на устройство подъѣздныхъ къ нимъ путей, но такой расходъ все-же не можетъ сравниться съ расходомъ на оросительныя работы, которыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ превосходятъ 100 рублей на десятину.

Если считать, что въ Кетмень-Тюбе можно поселить только 1000 семей и надѣлить ихъ по 15 десятинъ на дворъ, то, положивши подесятиннаго расхода по 5 рублей, получится сумма въ 75.000 рублей, болѣе чѣмъ достаточная на проложеніе дороги. Но еслибъ даже расходъ этотъ повысился до 150 тысячъ рублей, т. е. по 10 рублей съ десятины, то и тогда это всетаки будетъ пустякомъ по сравненію съ общей стоимостью переселенческаго дѣла.

Что касается до разстоянія Кетмень-Тюбе отъ Намангана, то трудно опредѣлить его по горной дорогѣ; по картѣ прямая линія занимаетъ разстояніе менѣе 100 верстъ, но, считая подъемы и спуски, конечно, путь окажется много длиннѣй.

Между прочимъ, въ ханскія времена тамъ была крѣпость, что ясно говоритъ о томъ, что здѣсь пролегалъ путь изъ Ферганы въ Семирѣчье и, вѣроятно, онъ тогда былъ болѣе удобенъ, чѣмъ теперь, такъ какъ въ горныя крѣпости всегда доставлялся фуражъ изъ долины.

Сколько мнѣ извѣстно, переселенческое управленіе уже намѣтило Кетмень-Тюбе для поселка и г. Молчановъ, завѣдующій подрайономъ, самъ ѣздилъ туда но, кажется, предположено тамъ произвести предварительно ирригаціонныя работы. Если это такъ, то очень жаль, что зря потратится много лишняго времени и лишнихъ денегъ.

В. Г.

Какое должно быть у насъ земство.

(Размышленія подъ впечатлѣніемъ совѣщаній о земствѣ).

Собираніе матеріаловъ по вопросу о введеніи земства въ краѣ закончено. Выработанъ даже—страшно сказать—цѣлый „законопроектъ". И все-таки, надо признать, что сдѣлано не то и не такъ, какъ надлежало-бы. Въ мѣстной печати не разъ уже справедливо указывалось на безпочвенность работъ совѣщаній, на отсутствіе въ нихъ тѣхъ принципіальныхъ основъ, которыя однѣ могли-бы дать опредѣленно цѣльный характеръ работамъ. Въ связи съ этимъ кардинальнымъ дефектомъ трудовъ совѣщаній находятся и многія другія ошибки, противорѣчія, бросающіяся въ глаза при самомъ бѣгломъ просмотрѣ статей составленнаго проекта.

Объ одномъ очень важномъ упущеніи я хочу теперь сказать нѣсколько словъ. Я имѣю въ виду очень большой вопросъ о мелкой земской единицѣ. Областное совѣщаніе пришло къ заключенію, что введеніе мелкой единицы преждевременно и на уѣздномъ земствѣ остановилось, какъ на послѣдней самой близкой къ жизни земской инстанціи. Этимъ самымъ совѣщаніе оторвало все земство отъ земли, лишило его почвы.

Вредныя практическія послѣдствія этого, можно сказать, неисчислимы. На нѣкоторыхъ изъ нихъ я хочу остановиться теперь. Я-бы хотѣлъ, напримѣръ, указать на тѣ будущія недоразумѣнія, коллизіи, шероховатости, тормазы въ земской дѣятельности, къ которымъ неизбѣжно приведетъ боязливая и неосновательная въ корнѣ непослѣдовательность совѣщанія.

Правда, неумѣло и юридически слиш-

комъ примитивно,—совѣщаніе все-таки провело мысль объ отдѣленіи земскаго дѣла и хозяйства отъ администраціи въ лицѣ уѣздныхъ начальниковъ. Послѣдніе не участвуютъ въ работѣ земства; ихъ роль сводится къ надзору за дѣятельностью органовъ самоуправленія.

Оставляя сейчасъ безъ обсужденія чрезвычайно важный вопросъ о крайней неопредѣленности и невыясненности формъ этого надзора, о которыхъ совѣщаніе даже не подумало, мы должны признать, что самая мысль эта вполнѣ правильна, что разграниченіе сферъ дѣятельности земствъ и администраціи безусловно необходимо. Въ уѣздѣ, значитъ, хозяйство ведетъ земское собраніе и его органъ,—управа. Уѣздный начальникъ наблюдаетъ, указываетъ,—прибавимъ отъ себя: въ предѣлахъ закона,—совершенно не вмѣшиваясь. Но вѣдь, кромѣ хозяйства уѣзда, есть хозяйство участковъ, волостей, сельскихъ обществъ и ауловъ. Здѣсь уже, по проекту, земства нѣтъ; здѣсь все остается по старому, т. е. уѣздный начальникъ, пристава участковъ и дальнѣйшіе низшіе органы управленія ведутъ всѣ мѣстныя хозяйственныя дѣла соотвѣтствующихъ районовъ. Въ этихъ районахъ уѣздному земству, не имѣющему своихъ собственныхъ исполнительныхъ органовъ, придется вступать въ какую-то незаконную, противоестественную связь съ органами административно-сословными, имѣющими свое начальство. Неужели не очевидно, сколько создастся недоразумѣній, когда отношенія между земствомъ и администраціей чуть-чуть обострятся, когда земство захочетъ хозяйничать въ нѣкоторой части уѣзда, въ какомъ-нибудь кишлакѣ, не такъ, какъ это нравится мѣстному административному начальству. Что дѣлать тогда бѣднымъ старшинамъ селеній, отъ которыхъ земство требуетъ правильнаго распредѣленія нѣкоторыхъ денежныхъ повинностей на тотъ мостъ на арыкѣ между двумя кишлаками, необходимость котораго не признаетъ или хоть только не одобряетъ—болѣе корректный и активно не вмѣшивающійся участковый приставъ или уѣздный начальникъ. Или еще. Волостной управитель получилъ бумажку отъ уѣзднаго земства, требующаго извѣстныхъ соображеній или приговора нѣсколькихъ ауловъ объ открытіи въ томъ или другомъ мѣстѣ базара. Уѣздное земство рѣшило, что базаръ нуженъ, ибо этотъ вопросъ подняли и провели нѣкоторые гласные. Но на мѣстахъ произошло разногласіе между представителями разныхъ ауловъ, и оппозиція (по поводу мѣста) находитъ теперь поддержку въ своемъ начальствѣ—въ администраціи, на попеченіи которой, по проекту, должно лежать хозяйство ауловъ. Легко понять, что получится изъ такого мудро придуманнаго двоевластія. Ясно вѣдь, что сельская администрація, сходы и должностныя лица, все время будутъ стараться угадать (надо принять еще при этомъ во вниманіе психику туземца), подъ чьимъ-же руководствомъ должны вести они свое хозяйство: исполнять-ли пожеланія и просьбы земства или-же придерживаться „руководящихъ приказаній“ своего ближайшаго начальства, которое совершенно не подчинено земству? Вообразите, что будетъ происходить, въ смыслѣ пользы дѣла, когда администрація потребуетъ отъ подчиненныхъ ей старшинъ сбора государственныхъ повинностей, а земство въ то-же время станетъ упрашивать тѣхъ-же старшинъ, ему не подчиненныхъ, собрать и земскія повинности. Хорошо, если уѣздный начальникъ играетъ въ карты съ предсѣдателемъ уѣздной управы или часто ѣстъ съ нимъ пирогъ съ осетриной. Тогда пріятельскія отношенія сгладятъ и уничтожатъ всѣ недочеты и недоразумѣнія законной почвы. Но вѣдь на это только разсчиты-

вать нельзя. Наоборотъ, мы знаемъ случаи изъ дѣйствительной жизни, когда возникали недоразумѣнія между начальникомъ гарнизона и мѣстнымъ администраторомъ изъ-за мѣста въ церкви. Но именно дѣйствительной жизни участники совѣщанія и не приняли во вниманіе. Они, напримѣръ, совсѣмъ даже забыли упомянуть о томъ, во что превратятся участковые пристава, какія отношенія будутъ ихъ къ земству, гдѣ и въ чемъ предѣлы ихъ компетенціи въ хозяйственной сферѣ. Совѣщаніе держалось закона 90 года, „яко слѣпой стѣны", по выраженію Петра Великаго, и совершенно забыло, что у насъ условія жизни не таковы, какъ во внутренней Россіи. Тамъ, въ Россіи, въ связи съ положеніемъ 90 года, есть, все: и земскіе начальники, и земство, и становые, и исправники; нѣтъ только достаточнаго количества, и притомъ хорошихъ, школъ, плоха медицина, нѣтъ агрономической помощи для населенія, нѣтъ раціональнаго мелкаго кредита, правильно организованной помощи при неурожаяхъ, нѣтъ, словомъ, того, что называется культурой и что именно такъ необходимо для массъ, этой основы и фундамента государства. И нѣтъ потому, что она недостижима при той несогласованности дѣйствующихъ на мѣстахъ силъ, тянущихъ въ разныя стороны, которая царитъ въ Россіи. Развитіе хозяйства и культуры невозможно безъ первой земской ступени, безъ мелкой земской единицы, въ связи съ которой находится и правильная организація всего земскаго строя, закономѣрно независимаго отъ администраціи. Во внутренней Россіи имѣются сословно-административныя самоуправляющіяся волости и общества, а надъ ними—земство и земскіе начальники, плюсъ еще крайне несовершенная полиція. Изъ этого многовластія въ хозяйственной жизни проистекаетъ не усиленіе власти и контроля, о чемъ хлопочутъ, а полная анархія въ самоуправляющихся единицахъ, у которыхъ нѣтъ настоящей свободы, за которыми нѣтъ никакого законнаго и разумнаго надзора, въ которыхъ дѣла вершаются по большинству штофовъ водки. Тоже самое хочетъ совѣщаніе ввести и у насъ, въ Туркестанѣ, обрывая земское дѣло въ уѣздѣ, искусственно сплетая, уродливо перемѣшивая на мѣстахъ, на порогѣ самой непосредственной жизни, двѣ власти, двѣ иниціативы, два руководства. Скромно настроенное земство будетъ скромно умывать руки и надѣяться, что его предначертанія дойдутъ до кишлаковъ и ауловъ и воплотятся въ жизнь при благосклонномъ содѣйствіи и одобреніи администраціи. Невластолюбивый и нечестолюбивый администраторъ (который и теперь по закону во многое не долженъ вмѣшиваться), съ своей стороны будетъ стараться передать хозяйство въ руки земства, того земства, у котораго на мѣстахъ нѣтъ рукъ, чтобы сдѣлать самое простое дѣло. Въ томъ и другомъ случаѣ конечнымъ результатомъ будетъ безвластіе, отсутствіе надзора, анархія и та „самобытная" жизнь степей и горъ, которую мы видимъ теперь, когда участковый приставъ въ районѣ отъ 15000 до 50000 квадратныхъ верстъ и администраторъ, и законодатель, и судья, и судебный приставъ, и полицейскій.

Въ связи съ высказаннымъ въ предыдущихъ строкахъ мнѣ хотѣлось-бы сдѣлать еще нѣкоторые дальнѣйшіе выводы и примѣрно нарисовать ту, теперь пока, разумѣется, только приблизительную схему, въ какую могутъ вылиться наши будущіе органы земства съ принятіемъ мелкихъ единицъ. Разумѣется, спѣшу предупредить, что эта схема—одна изъ многихъ возможныхъ. При детальномъ и конкретномъ обсужденіи этого вопроса можно выработать подробную организацію земскаго представительства и самаго зем-

скаго хозяйства болѣе совершенную, болѣе справедливую и практически цѣлесообразную. Все будетъ зависѣть отъ тѣхъ условій и обстоятельствъ, которыми будетъ обставлена задача введенія земства въ краѣ. Характеръ нашего земства будетъ въ очень большой мѣрѣ зависѣть отъ всей общественно-политической конъюктуры внутренней Россіи. Предрѣшать что-либо въ этомъ направленіи сейчасъ нѣтъ возможности.

Но мнѣ представляется необходимымъ теперь-же выяснить недоразумѣнія, окружающія то возраженіе, которое сдѣлалъ противъ мелкой земской единицы на послѣднемъ областномъ совѣщаніи г. С. и которое, по особымъ обстоятельствамъ осталось безъ обсужденія. Это возраженіе не выдерживаетъ никакой критики; оно основано на полной непродуманности, предвзятыхъ мысляхъ и незнакомствѣ съ сущностью мелкой земской единицы.

Повторяю, ограничиваться однимъ уѣзднымъ земствомъ, обрѣзать лѣстницу земской организаціи на немъ невозможно. За уѣздомъ, ниже его, стоитъ административный участокъ, существующій въ большинствѣ уже не одинъ десятокъ лѣтъ.

Земскимъ хозяйствомъ его должны вѣдать особые органы—участковое земское собраніе и участковая управа. Участковый приставъ долженъ играть роль приблизительно ту-же, которую хотятъ создать для уѣзднаго начальника, ибо послѣднему не разрываться-же на всей территоріи нашихъ огромныхъ уѣздовъ съ ихъ развивающейся экономической жизнью, съ ежегодно возрастающимъ населеніемъ.

Я не имѣю возможности останавливаться здѣсь подробно на взаимоотношеніяхъ земствъ и участковыхъ приставовъ вмѣстѣ съ прочей администраціей. Скажу только опять, что закономѣрность, строгія нормы закона—альфа и омега всей дѣятельности, сколько-нибудь плодотворной и разумной, и участковыхъ, и уѣздныхъ начальниковъ. Эти представители правительственной власти ни въ какомъ случаѣ не должны тормозить дѣятельность земства; они—стражи закона и престижа русской власти. А земства, въ свою очередь, не должны подкапываться и дискредитировать авторитета власти администраціи. Необходимо строго-законное разграниченіе сферъ, а не проектируемое смѣшеніе. У насъ, на окраинѣ, это особенно серьезный вопросъ. Въ связи съ этимъ нельзя не упомянуть, кстати, что намъ, русскимъ, слѣдовало-бы взять примѣръ съ англичанъ, и съ гораздо большимъ выборомъ назначать лицъ на отвѣтственныя административныя должности. По свидѣтельству одного нѣмецкаго автора, въ Индію англичане посылаютъ цвѣтъ своей администраціи. Все самое талантливое и образованное въ администраціи покидаетъ метрополію для Индіи, для поднятія престижа англійскаго короля и Соединеннаго Королевства среди 280.000.000 индійскаго цвѣтного населенія. Настоятельно необходимо и у насъ, въ краѣ, ввѣрять административныя должности людямъ съ образовательнымъ цензомъ, по крайней мѣрѣ, не ниже средняго, тѣмъ болѣе, что этотъ цензъ совѣщаніе признало (не вполнѣ здѣсь справедливо) нужнымъ и для занятія земскихъ должностей. У насъ, къ сожалѣнію, совершенно забываютъ объ этомъ, и многотрудныя, серьезныя обязанности вершителя судебъ массъ и охранителя русскаго закона несутъ люди случая, parvenu, люди мало интеллигентные, а иногда и нравственно неустойчивые.

Но вернемся къ земству.

Участковое земство должно опираться на еще болѣе мелкую единицу, на сельскіе аульные сходы, сельскіе совѣты, управы,—назовите какъ угодно. Я оставляю волости въ сторонѣ на томъ основаніи, что въ большинствѣ,—по крайней мѣрѣ, въ тѣхъ уѣздахъ, которые мнѣ извѣстны,—волости наши представляютъ

скорѣе чисто административные институты, единицы болѣе искусственныя, чѣмъ сходы односельчанъ или ауловъ, объединенныхъ общими интересами и къ землѣ, и къ водѣ. Независимыя въ своей хозяйственной дѣятельности отъ учрежденій административныхъ, сельскія земства черезъ участковое земство связаны неразрывно съ самыми высшими органами, вплоть до земства краевого, осуществляя на мѣстахъ, воплощая въ жизнь всѣ предначертанія этихъ высшихъ органовъ. Вѣдь самыя сложныя культурныя начинанія, въ родѣ планомѣрной борьбы съ эпидеміями, сѣти школъ, агрономической помощи, мелкаго кредита, доходя до самыхъ низовъ жизни, такъ или иначе касаются каждаго отдѣльнаго жителя кишлака или аула, вызываютъ необходимость извѣстной работы на мѣстахъ мѣстныхъ людей, распредѣляющихъ наиболѣе справедливо новую необходимую денежную повинность, указывающихъ наиболѣе подходящее мѣсто для школы, наиболѣ дешевый, по мѣстнымъ условіямъ, способъ осуществленія тѣхъ или иныхъ работъ. Высшіе органы земства рѣшаютъ и ставятъ задачи; мелкія, подчиненныя земства претворяютъ въ жизнь наиболѣе удобно, цѣлесообразно, справедливо и менѣе для жителей обременительно то, что предложено выше стоящими органами. Такимъ образомъ, составъ мелкихъ земствъ долженъ и можетъ быть чисто мѣстнымъ: киргизскій сходъ или совѣтъ состоитъ изъ киргизъ даннаго аула; у сартовъ—свои выборные и въ сходѣ, состоящемъ примѣрно изъ 6—10—12, и въ управѣ—изъ 2—3 человѣкъ, подъ предсѣдательствомъ старѣйшаго,—ведущей дѣла селенія; у крестьянъ—свои поселковые сходы или совѣты и управы.

Все это населеніе участка, объединенное для работы на мѣстахъ въ поселковые и аульные сходы и управы, посылаетъ затѣмъ своихъ представителей въ участковое земство, примѣрно скажемъ, по одному человѣку отъ каждыхъ 5—6000 жителей. Въ участкѣ, значитъ, имѣющемъ 90—100,000 жителей, будетъ 15—18—20 гласныхъ. Это въ земствѣ на 100,000 человѣкъ совсѣмъ не много; для болѣе полнаго представительства мѣстныхъ нуждъ скорѣе даже мало.

Нѣтъ никакой надобности искусственно увеличивать въ этомъ земствѣ представительство русскаго крестьянскаго населенія, во-первыхъ, потому, что хозяйство участка настолько еще примитивно, что русская культура и государственность врядъ-ли могутъ здѣсь сталкиваться съ косностью туземныхъ массъ; во-вторыхъ, несправедливое для русской группы или вообще невѣжественное рѣшеніе этого земства будетъ отмѣнено земствомъ уѣзднымъ или областнымъ, и, въ третьихъ, русскій элементъ долженъ быть усиленъ непремѣннымъ требованіемъ, предъявленнымъ закономъ къ населенію, о выборѣ опредѣленнаго числа гласныхъ изъ учителей, священнослужителей, русскихъ арыкъ-аксакаловъ и прочей служилой и не служилой интеллигенціи. Въ Британской Индіи при той высотѣ, на которой стоятъ тамъ представители администраціи и европейцы, введеніе въ земство культурнаго элемента даже по назначенію не извращаетъ, какъ оказывается, принципа самоуправленія. Но я теперь не предрѣшаю этого вопроса, зависящаго отъ многихъ данныхъ.

Уѣздное земство, районъ дѣятельности котораго гораздо шире, а культурныя задачи сложнѣе и глубже, должно быть организовано такъ, чтобы представительство русской группы было усилено и, вмѣстѣ съ введеніемъ указаннаго интеллигентнаго элемента, непремѣнно доведено до половины всего состава глас-

ныхъ въ собраніи. Туземцы найдутъ такое отношеніе вполнѣ справедливымъ, тѣмъ болѣе, что въ низшихъ единицахъ преимущество будетъ на ихъ сторонѣ. При назначеніи числа гласныхъ собранія надо непремѣнно помнить вышеприведенное условіе и всемѣрно заботиться о наиболѣе полномъ представительствѣ мѣстныхъ интересовъ. Такимъ образомъ, въ уѣздахъ можетъ быть 30—40—50 гласныхъ. Указанная необходимость возможно-болѣе полнаго и правильнаго отраженія въ земствѣ особенностей и нуждъ разныхъ отдѣльныхъ мѣстъ и группъ ведетъ къ тому, что всѣ многочисленныя отдѣльныя земскія единицы должны быть организованы не по одному шаблону, не по одному лекалу, выработанному въ канцеляріи (даже вопросъ о предсѣдателяхъ не можетъ быть предрѣшенъ заранѣе). Принципы сепаратныхъ земскихъ организацій, принципъ индивидуализированія организаціонныхъ деталей, столь умѣло примѣненный въ Индіи, необходимъ и у насъ. Но это большой и важный вопросъ, находящійся въ связи съ началомъ децентрализаціи, о которыхъ нельзя говорить въ нѣсколькихъ словахъ.

Въ областномъ земствѣ, если признано будетъ имѣть болѣе ограниченное число гласныхъ, туземцевъ тоже должно быть не менѣе половины. При большемъ составѣ собранія, въ которомъ яснѣе и детальнѣе представятся отдѣльныя мѣстности, туземцевъ можетъ быть и менѣе половины; это можетъ быть признано желательнымъ также и въ виду огромныхъ культурныхъ задачъ областного земства. Усиленіе русской группы здѣсь непремѣнно должно достигаться путемъ сливанія указаннаго уже интеллигентнаго элемента. Желательно, разумѣется, сохраненіе принципа выборности, но это, какъ я уже говорилъ, зависитъ отъ разныхъ привходящихъ обстоятельствъ.

Вотъ въ самыхъ общихъ отрывочныхъ чертахъ схема, которая должна быть осуществлена. Я не имѣю возможности въ газетной замѣткѣ входить въ детали и подробности, которыя вытекаютъ изъ основныхъ началъ; но я хочу подчеркнуть, что эти общія черты и начала ни въ какомъ случаѣ не должны быть похожи на тѣ искусственныя дѣленія избирателей, на тѣ искусственныя группы выборщиковъ и гласныхъ, которыя приняты совѣщаніемъ. Эти дѣленія и группы, списанныя цѣликомъ съ закона 90-го года, оказались крайне вредными даже для внутренней Россіи.

Во сколько-же разъ они искусственнѣе и вреднѣе у насъ, въ краѣ, гдѣ въ сущности нѣтъ никакихъ организованныхъ сословій и гдѣ въ этомъ не встрѣчается и надобности. У насъ существуютъ отдѣльныя народности; существуютъ еще жители городовъ и селеній. Совмѣстная жизнь, совмѣстные интересы объединяютъ и объединятъ въ общей земской работѣ не только мѣщанъ, крестьянъ и частныхъ владѣльцевъ (разночинцевъ, купцовъ, дворянъ), но и представителей разныхъ народностей. И къ такому именно объединенію и должны стремиться дальновидные представители русской государственности. Это будетъ тотъ широкій и прочный земскій, укрѣпленный на землѣ, фундаментъ, на которомъ только и должна быть организована вся хозяйственная жизнь, все земство края. Всякая иная организація, на иныхъ началахъ будетъ мертворожденная въ культурно-общественномъ смыслѣ, или поведетъ къ такимъ осложненіямъ, раздѣлываться съ которыми придется будущимъ поколѣніямъ. Не дай Богъ, если они будутъ имѣть право обвинять насъ въ преступномъ легкомысліи, бюрократической самоувѣренности и плохомъ пониманіи окружающей насъ жизни.

Б. Т—л.

Охота съ ловчими птицами у киргизъ.

Кромѣ различныхъ празднествъ, развлеченіемъ у киргизъ нашего края бываютъ охоты, изъ которыхъ я постараюсь описать нѣкоторыя, какъ особенно оригинальныя или имѣющія промышленный интересъ. Самая характерная и любимая киргизами охота—съ ястребами и соколами на лебедей, дикихъ гусей, дрофъ, зайцевъ и т. п. Туземцы больше цѣнятъ и чаще пользуются на охотѣ услугами ястреба корчега (Astur p lumbarius) и сокола балопана (Hennaia sacer и Hennaia Kendersoni). Первый изъ нихъ крупнѣе балопана; перья имѣетъ сѣраго цвѣта съ рыжеватымъ оттѣнкомъ; глаза сѣро-желтоватые, мало выразительные; характеръ этого ястреба болѣе флегматичный; онъ не такъ быстръ въ движеніяхъ, не такъ ловокъ и рѣшителенъ, какъ балопанъ. Балопанъ гораздо меньше ростомъ, стройнѣе и плотнѣе сложенъ; перья у него темныя, а глаза совершенно черные, бойкіе, выразительные. Онъ положительно сангвиникъ; движенія у него быстры, какъ молнія; при малѣйшемъ голодѣ онъ ни минуты не посидитъ спокойно на мѣстѣ: постоянно вертится, высматриваетъ всюду добычу, кричитъ и бросается въ разныя стороны. Только и успокаивается, когда ему нанадѣваютъ на голову особую кожаную шапочку, которая спускается до самой шеи и не позволяетъ ему ничего видѣть.

Ястреба-корчега ловятъ обыкновенно сѣтью, натянутою на полукруглый обручъ, укрѣпленный нѣсколько наклонно на подставкѣ. Подъ сѣтью привязываютъ голубя, а ловецъ-киргизъ для себя устраиваетъ маленькій шалашикъ въ разстояніи нѣсколькихъ шаговъ отъ этого снаряда и по цѣлымъ днямъ караулитъ прилетъ хищника*). Какъ только ястребъ бросится на добычу, дуга съ сѣтью падаетъ и накрываетъ его. Затѣмъ начинается дрессировка, и когда ястребъ дойдетъ до полнаго повиновенія и по приказанію будетъ бросаться на добычу и возвращаться обратно, хозяинъ отправляется съ нимъ ловить балопана. Нужно замѣтить, что корчега и балопанъ посто-

*) Для устройства ловушки набираютъ высокія скалистыя мѣста горъ; къ ловлѣ хищниковъ приступаютъ осенью, въ сентябрѣ.

янно враждуютъ между собой. Корчега, какъ болѣе сильный, всегда побѣждаетъ балопана, несмотря на всю его ловкость и изворотливость.

Выѣхавъ въ степь и замѣтивъ гдѣ нибудь въ вышинѣ балопана, киргизъ старается направить на него своего корчега. Балопанъ, съ высоты увидѣвъ человѣка съ ястребомъ на рукѣ, своимъ злѣйшимъ врагомъ, начинаетъ быстро подыматься вверхъ. Въ это время киргизъ бросаетъ корчега съ руки и тотъ, поднявшись вверхъ, пускается въ погоню за балопаномъ. Долго балопанъ увертывается отъ своего врага; наконецъ, корчега съ трудомъ настигаетъ его, залетаетъ снизу и вдругъ, опрокинувшись навзничь, хватаетъ балопана когтями. Завязывается бой: они бьютъ другъ друга клювами такъ, что перья летятъ по воздуху, и вмѣстѣ кубаремъ падаютъ на землю. Киргизъ этого и ждетъ—балопанъ въ его рукахъ.

Дрессировка ястребовъ корчега, кыргея (Accipiter nisus) и сокола балопана производится одинаково. Начинаютъ съ того, что у пойманнаго ястреба закрываютъ глаза, т. е. подтягиваютъ нижнее вѣко кверху конскимъ волосомъ и завязываютъ волосъ на затылкѣ; такъ держатъ его въ кибиткѣ 5 дней, кормятъ мясомъ рѣзанымъ и намоченнымъ въ водѣ. Затѣмъ двѣ ночи глаза у ястреба держатъ открытыми при свѣтѣ лампы или свѣчи, днемъ же глаза вновь закрываютъ указаннымъ способомъ. Такимъ образомъ, птица постепенно привыкаетъ къ свѣту и, наконецъ, спустя еще двое—трое сутокъ, глаза ей открываются окончательно. Кусками рѣзанаго мяса хозяинъ пріучаетъ птицу къ себѣ и носитъ ее на рукѣ по цѣлымъ днямъ. Что-бы ястребъ не улетѣлъ, ему прикрѣпляютъ къ ногамъ сафьяновые ремешки, къ которымъ привязываютъ небольшой шнурокъ и держатъ этотъ шнурокъ въ рукѣ между пальцами. Къ ногамъ-же ястреба привязываются еще маленькіе бубенчики и колокольчики, которые постояннымъ своимъ звономъ напоминаютъ ему о неволѣ и не даютъ дичать въ то время, когда онъ не въ рукахъ своего хозяина. Вынашиваютъ ястреба недѣли двѣ или три. Въ это время его очень мало кормятъ и, проморивъ голодомъ, заставляютъ прилетать на руку, приманивая кускомъ сырого мяса. Конечно, сначала спускаютъ его на длинномъ шнуркѣ. Пріучивъ птицу являться на руку за кормомъ, хозяинъ начинаетъ приманивать ее на гусиныя или лебяжьи крылья, произнося при этомъ повелительныя слова, всегда впрочемъ одни и тѣ-же. Дрессируютъ ястреба также и на утку домашнюю и дикую; хорошо выученный ястребъ, поймавъ птицу, садится на землю, но не рветъ добычи. Съ каждымъ днемъ разстояніе, на которое приманиваютъ ястреба, увеличивается и, когда, наконецъ, онъ вполнѣ начнетъ понимать всѣ повелѣнія хозяина и въ точности исполнять ихъ, дрессировку доканчиваютъ безъ шнурка, предоставивъ ястребу полную свободу.

Ястребъ-корчега всегда бьетъ добычу снизу вверхъ, а балопанъ, наоборотъ, сверху внизъ. Охотясь съ корчега, киргизъ старается спускать этого ястреба въ то время, когда добыча на самомъ близкомъ разстояніи; иначе корчега, по своему флегматическому характеру, нехотя взмахнувъ нѣсколько разъ крыльями, оставляетъ добычу и преспокойно спускается на землю. Что бы помочь этому, охотникъ всегда имѣетъ при себѣ на поясѣ небольшой барабанчикъ изъ тонкой жести или латуни, въ который онъ барабанитъ туго-сплетеннымъ ременнымъ жгутомъ и этимъ шумомъ пугаетъ корчега и заставляетъ его подыматься вверхъ и преслѣдовать свою жертву.

Охота съ балопаномъ совсѣмъ другое дѣло: онъ такъ горячъ и ретивъ, что его часто приходится сдерживать, успокаивать; въ понуканіяхъ же онъ никогда не нуждается.

Вотъ нѣсколько человѣкъ киргизъ собрались на охоту за лебедями. Осень. Перелетъ въ полномъ разгарѣ. Едва, едва начинаетъ свѣтать. У кибитокъ видны сборы къ охотѣ, слышится торопливый говоръ, ржаніе лошадей, звонъ бубенчиковъ на ногахъ ястребовъ и соколовъ. Охотники сѣдлаютъ коней и выѣзжаютъ въ степь. У всѣхъ балопановъ (чункаръ) надѣты на головы шапочки, чтобы они не могли развлекаться; каждый изъ нихъ спокойно сидитъ на правой рукѣ своего хозяина. Совершенно разсвѣтаетъ. Освѣтились пожелтѣвшія поля. Вотъ и камыши видны. Охотники ѣдутъ рысью, торопятся. Начались мочежинники, показалась Сыръ-Дарья. Востокъ забагровѣлъ, зазолотился. Солнышко начинаетъ всходить. Зачирикали, запѣли разныя мелкія птицы; гусь гдѣ-то въ камышахъ зычно прокричалъ; стая утокъ со свистомъ и шумомъ пронеслась мимо. Охотники переглянулись, начали приготовляться, поправлять путы балопановъ, отвязывать отъ ногъ ихъ шнурки. Вдругъ показалась вдали вереница лебедей. Киргизы взяли балопановъ въ руки и направились къ нимъ навстрѣчу. Лебеди уже близко, мирно машутъ крыльями, вытянувъ свои длинныя шеи. Еще минута—шапочка сдернута съ головы перваго ястреба, охотникъ встряхнулъ рукой — ястребъ мгновенно зорко оглянулъ окрестность, увидѣлъ лебедей и началъ рваться съ руки. Охотникъ бросаетъ ястреба. Онъ, какъ стрѣла, ринулся впередъ, взмылъ кверху и въ нѣсколько мгновеній очутился подъ лебедями; они ускоряютъ полетъ. Въ вереницѣ лебедей замѣтно нѣкоторое смятеніе и безпорядокъ; они ускоряютъ полетъ. Балопанъ несется надъ ними, самоувѣренно посматриваетъ и, какъ молнія, бросается сверху на самаго задняго лебедя. Онъ вцѣпляется когтями ему въ голову, вырываетъ глаза и бросается за слѣдующимъ. Лебедь, ошеломленный, кубаремъ летитъ съ вышины на землю. Хорошій балопанъ часто такимъ образомъ переловитъ всю вереницу лебедей и угонится за ними на нѣсколько верстъ. Хозяинъ скачетъ верхомъ и постоянно имѣетъ его въ виду. Наконецъ, послѣдній лебедь пойманъ; балопанъ выклевываетъ или вырываетъ ему глаза, бросаетъ его и самъ спускается за нимъ на землю. Хозяинъ въ это время подоспѣваетъ къ уставшему балопану, беретъ его опять на руку, надѣваетъ на голову шапочку и, если охота окончилась, то тутъ-же кормитъ его немного и отправляется обратно въ кочевье.

Интересно также видѣть, какъ ястребъ-корчега нападаетъ на зайца и какъ заяцъ обороняется отъ него. Охотникъ бросаетъ корчега изъ руки и онъ почти надъ самою землею несется за бѣгущимъ зайцемъ и настигаетъ его. Перепуганный заяцъ останавливается, опрокидывается навзничь и ногами начинаетъ защищаться отъ своего врага. Ястребъ трясетъ крыльями, держится въ воздухѣ на одномъ мѣстѣ, зорко поглядываетъ на свою жертву и разомъ бросается на нее. Окрестность оглашается жалобнымъ крикомъ зайца, похожимъ на плачъ ребенка. Ястребъ выклевываетъ ему глаза, впивается когтями въ голову и этимъ заканчиваетъ существованіе беззащитнаго звѣрька.

Здѣсь умѣстно назвать тѣхъ ловчихъ птицъ, которыя употребляются для охоты въ краѣ. Изъ нихъ, называемый по туземному—лачинъ, благородный соколъ—сапсанъ (Falco peregrinus) ловится въ горахъ Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Семирѣченской областей и часто привозится въ Туркестанъ для продажи изъ Башкиріи. Это—лучшій соколъ для охоты, хотя приученіе его и обученіе требуетъ много времени и труда и при всемъ томъ

онъ часто улетаетъ и пропадаетъ; этотъ видъ, какъ и всѣ соколиныя, бьетъ птицу сверху; неученый продается за 10—15 руб., хорошо обученый за 80—100 руб. Въ Семирѣчьѣ, кромѣ того, ловится Falco leucogenus. На охотѣ этими видами соколовъ въ Сыръ-Дарьинской области пользуются рѣдко.

Изъ лачиновъ здѣсь употребляется багрынъ (чеглокъ—Falco subbuteo) изъ такъ называемыхъ неблагородныхъ соколовъ, сходный со своими родичами, но легко обучаемый; характерный признакъ его—черная полоска изъ перьевъ отъ глазъ черезъ голову до шеи; онъ беретъ добычу гораздо крупнѣе себя, бьетъ клювомъ, а не когтями, утку, фазана.

Чункаръ, соколъ-балопанъ (Hennaia sacer), водится на Уралѣ и въ Туркестанѣ. Названіе чункаръ относится къ птицѣ старшаго возраста, когда она въ опереніи темно-сѣромъ или почти черномъ, въ возрастѣ 2—3 лѣтъ; молодыя птицы, до 2-хъ лѣтняго возраста, съ опереніемъ красноватымъ носятъ названіе ительги; въ Туркестанѣ водится еще одинъ видъ сокола—Hennaia Kendersoni; оба вида для охоты хотя пригодны, но далеко не столь смѣлы и добычливы, какъ лачинъ и багрынъ.

Самая распространенная ловчая птица у туземныхъ охотниковъ за утками—корчега (ястребъ-тетеревятникъ, Astur palumbarius); этотъ хищникъ легко справляется съ фазанами, степными курочками, рябками; бьетъ птицу снизу; съ крупною дичью, напримѣръ, съ лебедемъ, справиться не можетъ, напротивъ, корчега побѣждается имъ; лебедь бьетъ его на лету крыльями и носомъ и успѣшно отбивается.

Также весьма обыкновенная ловчая птица у мѣстныхъ сартовъ—кыргей (Accipiter nisus, ястребъ, перепелятникъ); малъ величиной, опереніе черновато - сѣрое сверху; нижняя часть тѣла бѣлая съ рыжеватыми полосками; это одна изъ самыхъ хитрыхъ и кровожадныхъ хищныхъ птицъ, чрезвычайно дерзкая, смѣлая.

Но самыя лучшія ловчія птицы, сильныя дорогія и рѣдкія—это два вида кречетовъ Hierofalco altaicus—тую-гунъ, и H. uralentis—акъ-чункаръ. Первый водится въ горахъ Семирѣчья, но рѣдко встрѣчается въ продажѣ на мѣстѣ, ибо большею частью обученые охотѣ хищники этого вида сбываются въ Китай, Хиву и Бухару за высокую цѣну; такъ, напримѣръ, за необученаго еще тую-гуна платятъ 80—100 руб., хорошо обученый стоитъ до 200 руб. Передняя часть тѣла этого хищника бѣлая съ темнымъ рисункомъ изъ пятенъ сѣраго и чернаго цвѣта сзади.

Другой видъ кречета, употребляемый на охотѣ, по киргизски акъ-чункаръ, чисто бѣлаго цвѣта, крупнѣе перваго (тую-гуна), ловится въ Башкиріи и привозится въ киргизскую степь и Туркестанъ. Кречеты бьютъ птицу сверху. Они употребляются для охоты за птицей всякаго рода (лебеди, гуси, фазаны, легко бьютъ также журавлей и цапель).

Туземное населеніе Сыръ-Дарьинской области пользуется для охоты на мелкую дичь еще двумя видами небольшихъ ловчихъ птицъ; одна изъ нихъ называется чаули, другая—букать-ана; киргизы относятъ ихъ къ роду ястребовъ (коренга), съ которыми опереніе ихъ и сноровка на охотѣ одинаковы.

Встрѣчается, хотя рѣдко, у киргизъ и сартовъ пріученный къ охотѣ беркутъ (Aquila chrisaëtus). Съ нимъ охотятся не только на крупную птицу, но и на звѣрей; онъ легко беретъ зайца, одолѣваетъ лисицу (корсакъ), управляется съ молодымъ сайгакомъ, безстрашно нападаетъ на волка и задерживаетъ его, вцѣпляясь

въ него когтями сзади, а при попыткѣ послѣдняго огрызнуться, бьетъ его клювомъ въ глаза. Однако, разсказамъ киргизъ о томъ, что беркутъ можетъ, будто бы, вполнѣ справиться съ волкомъ, я не довѣряю.

Относительно охоты съ ловчими птицами нигдѣ въ законѣ 1892 года не упомянуто, что такой способъ охоты воспрещается. Между тѣмъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ ташкентскимъ обществомъ охоты возбуждалось предъ г. Главнымъ Начальникомъ края ходатайство о запрещеніи туземцамъ подобной охоты по причинѣ массы подранковъ (пораненной птицы), которые, будто бы, всегда являются въ результатѣ охоты съ ловчими птицами, причемъ послѣднія приравнивались даже къ запрещеннымъ орудіямъ лова, подлежащимъ отобранію.

Охота съ ловчими птицами производится въ краѣ съ незапамятныхъ временъ, составляя любимое развлеченіе туземцевъ, да и продукты улова служатъ не малымъ подспорьемъ въ хозяйственномъ ихъ обиходѣ. Лишить киргизъ этого удовольствія и нѣкотораго заработка отъ охоты на пернатую дичь и звѣрей врядъ-ли цѣлесообразно и справедливо, тѣмъ болѣе, что по разсчету ежедневная добыча дичи во время охоты помощью ловчихъ птицъ, по моему мнѣнію, значительно ниже въ количественномъ отношеніи суточной добычи ружейнаго охотника*).

Чтобы закончить разсказъ, я опишу другіе виды охоты у туземнаго населенія.

Въ киргизскихъ степяхъ водится очень много корсаковъ. Это одинъ изъ самыхъ маленькихъ видовъ лисицы. Киргизы постоянно преслѣдуютъ корсака изъ промышленныхъ цѣлей. Мѣхъ его очень теплый, мягкій и густой, лѣтомъ красновато-желтаго цвѣта, а зимой темно-желтаго, или бѣлорыжеватаго. Корсакъ любитъ уединенныя сухія мѣста на песчаномъ грунтѣ, близи рѣкъ. Онъ скрывается днемъ въ норы съ нѣсколькими выходами, которыя роетъ самъ безъ особеннаго труда, а ночью выбирается изъ своей засады, ловитъ мышей, птичекъ, разоряетъ ихъ гнѣзда, а также не даетъ пощады ящерицамъ и лягушкамъ. Охотятся на него киргизы всѣми возможными способами: различные капканы, западни, сѣти и силки—все идетъ въ дѣло; но самая употребительная охота производится выкуриваніемъ корсака изъ норы. Найдя въ степи нору корсака, охотники закладываютъ ея выходы соломой или камышемъ, оставляя одно или два отверстія открытыми. Солому зажигаютъ, дымъ наполняетъ нору и заставляетъ корсака искать спасенія и выбраться въ то отверстіе, которое не заложено. Какъ только корсакъ выбѣжитъ изъ норы, его убиваютъ палками или ловятъ ястребами. Часто въ норахъ закладываютъ всѣ выходы и такимъ образомъ душатъ корсака дымомъ, а потомъ разрываютъ нору и достаютъ его. Разрытіе норъ производится очень легко, такъ какъ онѣ всегда почти находятся на песчаномъ или глинистомъ грунтѣ.

Шкурки корсаковъ киргизы употребляютъ на шубы и шапки для себя, но въ большемъ гораздо количествѣ сбываютъ на ярмаркахъ въ городахъ и кишлакахъ. Киргизы Семирѣчья ежегодно продаютъ 40—50.000 шкуръ корсака, не считая оставляемыхъ для собственнаго употребленія.

Киргизы охотятся также на сайгаковъ, видъ дикой козы, и на волковъ. Первая охота не представляетъ ничего особенно интереснаго: сайгаковъ выслѣживаютъ конные и начинаютъ гонять, стараясь направить ихъ на камыши, которые всегда есть тамъ, гдѣ водится сайгакъ. Перепуганные сайгаки, увидѣвъ предъ собой

*) Туземцы Туркестанскаго края не имѣютъ права пріобрѣтать огнестрѣльнаго оружія.

сплошную стѣну непроходимыхъ камышей, останавливаются въ недоумѣніи, но видя приближеніе погони, кидаются въ камыши и, не имѣя возможности пробраться чрезъ ихъ чащу, снова останавливаются, совершенно растерявшись отъ страха. Охотники подъѣзжаютъ къ нимъ, слѣзаютъ съ лошадей и, выбирая болѣе жирныхъ и крупныхъ сайгаковъ, тутъ же ловятъ ихъ руками и рѣжутъ. Истинному охотнику не выносимо смотрѣть на эту бойню, на этихъ кроткихъ, измученныхъ животныхъ, забившихся въ чащу камыша и съ покорностью ожидающихъ своей участи.

Охота на волковъ у киргизъ имѣетъ сходство съ предыдущей охотой. Вотъ конные охотники гонятъ звѣря по степи. Волкъ несется что есть духу отъ своихъ преслѣдователей. Ближайшій киргизъ сдерживаетъ коня, сберегаетъ силы и зорко слѣдитъ за звѣремъ; въ правой рукѣ его увѣсистая дубинка; онъ ею помахиваетъ, приспособляется. Волкъ бѣжитъ тише и тише, онъ напрягаетъ послѣднія силы; охотникъ не торопится и держится отъ него въ почтительномъ отдаленіи. Измученный звѣрь задыхается отъ усталости, длинный языкъ вывалился изо-рта и виситъ, какъ одеревенѣлый; онъ поджалъ хвостъ, повернулъ голову въ сторону своего преслѣдователя, безпрестанно взглядываетъ на него изъ подлобья; рванется нѣсколько разъ впередъ, потомъ еще больше начнетъ пріуставать. Киргизъ наблюдаетъ, выбираетъ удобную минуту... Еще мгновеніе, онъ быстро поворачиваетъ коня и, заскочивъ съ противоположной стороны волка, перевѣсившись съ сѣдла, наноситъ ему дубиной ударъ за ударомъ. Звѣрь дрогнетъ сначала, покачнется, бросится въ сторону. Новый ударъ—и онъ летитъ почти безъ чувствъ на землю. Охотникъ соскакиваетъ съ коня и добиваетъ его окончательно.

И. Орѣховъ.

Нѣсколько словъ о вакуфахъ.

Что такое вакуфъ. Какое имущество можетъ быть сдѣлано вакуфомъ. Виды вакуфовъ. Есть ли у насъ опредѣленный взглядъ на вакуфъ. Вакуфъ съ точки зрѣнія религіозной, юридической и фискальной. Шаріатъ о вакуфѣ. Вакуфный вопросъ въ Туркестанскомъ краѣ. За чѣмъ остановка?

Въ непосредственной связи съ предполагаемымъ пересмотромъ Положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ стоитъ между прочимъ и разрѣшеніе вакуфнаго вопроса, которому до сихъ поръ особенно не везло: неоднократныя попытки урегулировать его ни къ какимъ положительнымъ результатамъ не привели. Этотъ вопросъ разбирался и совмѣстно съ другими и отдѣльно, работали комиссіи, писались доклады. Результатомъ всѣхъ этихъ трудовъ былъ выводъ: да, надо урегулировать дѣло. На этомъ пока и остановились. Въ прошломъ году, если не ошибаюсь, должны были быть созваны областные съѣзды, была выработана программа работы съѣздовъ, и въ послѣднюю минуту они были отложены...

Правда, вакуфный вопросъ не принадлежитъ къ числу вопіющихъ, но тѣмъ не менѣе и онъ представляетъ извѣстный интересъ, вполнѣ заслуживающій того, чтобы работа канцелярій была облегчена людьми, могущими сказать свое компетентное слово. Цѣлью настоящаго моего очерка, который рамки журнала заставили сжать до крайнихъ предѣловъ, является желаніе вызвать обмѣнъ мнѣній относительно трактуемаго предмета.

Что такое вакуфъ? Вакуфъ, точнѣе вакфъ, есть имущество, пожертвованное собственникомъ на какое-нибудь доброе дѣло или въ пользу какого-либо благотворительнаго или богоугоднаго учрежденія. Для дѣйствительности вакуфа необходимо, чтобы имущество было уступлено безвозмездно, а не продано, хотя бы и за самую низкую цѣну. При учрежденіи вакуфа составляется особый документъ (вакф-намэ), который отнюдь не является, какъ нѣкоторые ошибочно считаютъ, доказательствомъ законности существованія вакуфа. Назначеніе его совсѣмъ иное. Учрежденіе вакуфа, по смыслу являясь актомъ религіознымъ, по формѣ представляетъ имущественный актъ. На самомъ дѣлѣ, какимъ путемъ можетъ быть установленъ или учрежденъ вакуфъ? Онъ можетъ быть установленъ путемъ дара, или отказа отъ имущества въ пользу другого, или завѣщанія. Всѣ эти имущественные акты требуютъ регистраціи въ силу какъ юридическихъ, такъ и фискальныхъ соображеній. Помимо того, отдача кому-либо своихъ денегъ или имущества сама по себѣ еще не составляетъ добраго дѣла, предписываемой Кораномъ благотворительности; необходимо, чтобы задача эта была

вызвана мотивами, ясно говорящими о благотворительномъ характерѣ дѣянія. Для этого и указывается назначеніе имущества въ вакф-намэ, который является какъ бы письменнымъ завѣщаніемъ установителя; для устраненія впослѣдствіи споровъ о подлинности документа, онъ свидѣтельствуется духовнымъ судьей или казіемъ. При выполненіи этихъ условій вакуфъ является дѣйствительнымъ, и султанская или ханская печать къ этой дѣйствительности ничего прибавить не могутъ. Султанъ или ханъ, какъ глава государства, можетъ освободить вакуфное имущество отъ уплаты причитающихся казнѣ налоговъ, и только. Платитъ ли вакуфъ въ казну налоги или нѣтъ, характеръ его отъ этого нисколько не измѣняется.

Какое имущество можетъ быть сдѣлано вакуфомъ? Вакуфомъ можетъ быть сдѣлано всякое имущество, удовлетворяющее двумъ слѣдующимъ условіямъ: 1) оно должно быть полной собственностью того, кто жертвуетъ его, и 2) оно должно быть годно для извлеченія изъ него выгоды или вообще для пользованія. Это и все, что требуется.

Вл. Череванскій пишетъ: [1])

„Мусульманскій міръ богатъ вакуфами—имуществами, посвященными то въ пользу мечетей, съ которыми связана обычно и мѣстная школа, то на общественную пользу. Мусульманинъ можетъ заповѣдывать только имущество, изъ котораго доступно извлечь пользу, и при томъ законно пріобрѣтенное и не оскорбляющее мусульманскую нравственность... Заповѣданіе не дѣйствительно въ пользу неправовѣрныхъ и для дѣйствій, не согласныхъ съ правовѣріемъ“.

Послѣднее не совсѣмъ правильно, такъ какъ вотъ что мы находимъ въ спеціальномъ сочиненіи о вакуфахъ: [2])

„Нѣтъ необходимости, чтобы учредитель (вакуфа) былъ подданнымъ мусульманскаго государства; напримѣръ, если иностранецъ обращаетъ въ вакуфъ свой домъ, этотъ вакуфъ будетъ дѣйствителенъ.

Нѣтъ необходимости, чтобы учредитель и тотъ, въ чью пользу (вакуфъ) устанавливается, были одной религіи. Отсюда слѣдуетъ, что мусульманинъ можетъ изъ своей собственности установить вакуфъ въ пользу бѣдныхъ не-мусульманъ, или не-мусульманинъ можетъ установить вакуфъ въ пользу бѣдныхъ мусульманъ,—и въ томъ и въ другомъ случаѣ вакуфы будутъ дѣйствительны“.

Какъ иллюстрацію къ этому можно привести въ примѣръ то, что въ Турціи и сейчасъ существуютъ вакуфы въ пользу не-мусульманъ; съ другой стороны, въ Положеніи объ управленіи Кавказомъ говорится о порядкѣ установленія вакуфовъ не-мусульманами.

Въ мусульманскихъ государствахъ, гдѣ, казалось бы, вакуфы должны были, какъ религіозное установленіе, управляться исключительно духовнымъ закономъ, съ теченіемъ времени гражданское законодательство было вынуждено вмѣшаться. „Чтобы понять всю важность спеціальнаго для вакуфовъ законодательства, надо составить себѣ ясное понятіе о различныхъ

---

[1]) Міръ ислама и его пробужденіе. ч. II, стр. 57.
[2]) Ахкям-юль-эвкафъ. Омера Хильми-эффенди. стр. 59 и 60.

категоріяхъ вакуфовъ и объ ихъ отношеніи какъ къ гражданскому, такъ и къ духовному закону". [1])

Разсматриваемая съ разныхъ точекъ зрѣнія, вакуфныя имущества могутъ быть раздѣлены на различныя категоріи.

I. По своей природѣ вакуфныя имущества раздѣляются на: а) жертвованныя имущества, выгода отъ которыхъ получается отъ пользованія ими, а не отъ дохода съ нихъ. Таковыми являются благотворительныя учрежденія и заведенія, храмы, школы, библіотеки, пріюты, больницы, мосты, фонтаны, водоемы, кладбища, имарэты [2]) и т. п.

б) Жертвованныя имущества, выгода которыхъ заключается въ извлеченіи изъ нихъ дохода. Таковыми являются:

1) „Мустагилятъ" т. е. недвижимости, какъ виноградникъ, садъ и т. п. или движимое имущество, какъ опредѣленная сумма денегъ или «гэдикъ» (наборъ инструментовъ, необходимыхъ для занятія какимъ-нибудь мастерствомъ).

2) „Мусакафатъ", т. е. доходная недвижимость, постройка подъ крышей.

«Мустагиль (отъ «галь»—продуктъ) арабское слово и обозначаетъ что-либо, приносящее доходъ; примѣняется въ особенности къ сельскимъ доходнымъ имуществамъ.

«Мусакафъ (отъ „сакфъ" крыша) арабское слово и обозначаетъ всякое строеніе подъ крышей.

«Слово «мустагилятъ употребляется для обозначенія «мустагиль», который не есть «мусакафъ, такъ какъ, собственно говоря, «мусакафъ» есть лишь разновидность «мустагиль». [3])

II. Разсматриваемыя съ точки зрѣнія рода получаемаго дохода, вакуфныя имущества—какъ мустагилятъ, такъ и мусакафатъ—могутъ быть раздѣлены на три вида:

1) Имущества съ одиночной арендной платой (иджарэ-и вахидэ) сдаваемыя въ аренду на опредѣленный срокъ, который, безъ спеціальнаго разрѣшенія, не долженъ превышать трехъ лѣтъ. Получаемая арендная плата имѣетъ спеціальное благотворительное назначеніе, а часть ея идетъ на поддержаніе самого недвижимаго имущества.

2) Имущества съ двойной арендной платой (биль-иджаретейнъ), т. е. имущества, сдаваемыя въ аренду за единовременный безвозвратный взносъ (иджарэ и муаджелэ) и ежемѣсячную (или ежегодную, смотря по условію) плату. Имущество можетъ сдаваться въ долгосрочную аренду, и за вакуфомъ остается лишь право собственности.

3) Имущества съ опредѣленнымъ доходомъ (мукатаа). Обыкновенно это бываетъ земельная недвижимость, принадлежащая вакуфу, а возведенныя на ней постройки, посаженныя деревья и т. п. составляютъ полную собственность частнаго лица или другого вакуфа. Собственникъ построекъ

---

[1]) Corps de droit ottoman. George Young. v. VI. p. 114.
[2]) Общежитія для учениковъ школъ и страннопріемные дома.
[3]) Ахкям-юль-эвкафъ. Омера Хильми. стр. 7.

и насажденій ежегодно уплачиваетъ въ пользу вакуфа сумму, равную арендной платѣ за землю.

III. Съ точки зрѣнія примѣняемыхъ къ вакуфнымъ имуществамъ законоположеній, вакуфы могутъ быть раздѣлены на дѣйствительные (сахиха) и недѣйствительные (гайр-и-сахиха).

1) Дѣйствительными вакуфами являются тѣ, которые установлены полными собственниками. Они не подчинены гражданскому законодательству и управляются исключительно по принципамъ шаріата.

2) Недѣйствительными вакуфами называются тѣ, которые установлены посредствомъ отчужденія имуществъ общественнаго пользованія. Отчужденіе это можетъ быть сдѣлано или главой государства или съ его разрѣшенія. Отчужденіе это дѣлается со спеціальнымъ назначеніемъ (тахсисатъ).

„Спеціальное назначеніе (тахсисатъ) вакуфа можетъ быть двухъ родовъ: «тахсисатъ» является дѣйствительнымъ, если принадлежащіе казнѣ доходы предназначаются для цѣли, выполненіе которой также лежитъ на обязанности казны; и «тахсисатъ» будетъ фиктивнымъ, если выполненіе цѣли, для которой назначаются доходы, не лежитъ на обязанности казны“.[1])

„Вакуфъ-тахсисатъ можетъ быть установленъ султаномъ на землѣ, составляющей (чью-либо) полную собственность, назначеніемъ получаемыхъ съ этой земли налоговъ на какое либо благотворительное дѣло“. [2])

„Если полный собственникъ земли передаетъ свои права (на нее) въ пользу какого-либо благотворительнаго учрежденія, а султанъ (передаетъ въ пользу благотворительнаго учрежденія) налоги съ той же земли, то одно и тоже имущество является одновременно и дѣйствительнымъ и фиктивнымъ вакуфомъ-тахсисатъ“. [3])

Фиктивные вакуфы раздѣляются на три категоріи:

а) Казенныя земли, право собственности на которыя осталось за казной, но доходы съ которыхъ переданы въ пользу вакуфа. Эта категорія вакуфовъ, называемая «мэвкуфэ», управляется гражданскимъ законодательствомъ.

б) Казенныя земли, налоги съ которыхъ поступаютъ въ казну, но право пользованія предоставлено вакуфу, который и эксплоатируетъ землю, сдавая ее въ аренду. Къ этой категоріи вакуфовъ также примѣняются постановленія шаріата.

в) Казенныя земли, право пользованія которыми и налоги съ которыхъ переданы въ пользу вакуфа. Къ этой категоріи вакуфовъ также примѣняются постановленія шаріата.

IV. Съ точки зрѣнія управленія вакуфными имуществами, они раздѣляются на три категоріи:

1) Вакуфы «мазбута», т. е. захваченные: это—имущества, управляемыя министерствомъ вакуфовъ и подраздѣляющіяся въ свою очередь на:

а) Вакуфы султановъ (эвкаф-и-шарифэ), управленіе которыми, при-

---

[1]) Тоже ст. 141.
[2]) Тоже ст. 137.
[3]) Тоже ст. 142.

надлежащее царствующему султану, довѣряется имъ министерству вакуфовъ:

б) Вакуфы, управляемые министерствомъ вакуфовъ вслѣдствіе пресѣченія потомства учредителя.

в) Вакуфы, управленіе которыми взято министерствомъ вакуфовъ въ свои руки за выплату опредѣленной суммы тому, въ чью пользу былъ установленъ вакуфъ.

2) Вакуфы «мюльхака» управляются спеціальнымъ управителемъ (мутевэли), который назначается учредителемъ или судьей, подъ наблюденіемъ министерства вакуфовъ. Это наблюденіе имѣетъ мѣсто лишь въ силу полномочій, предоставленныхъ министерству лицами, пользующимися вакуфными доходами.

3) Вакуфы „мустэсна" или исключительные, которые управляются безо всякаго вмѣшательства министерства вакуфовъ. Эти вакуфы въ свою очередь подраздѣляются на двѣ категоріи:

а) Вакуфы завоевателей (гази), управляемые исключительно тѣми, въ пользу кого они установлены.

б) Вакуфы, установленные въ пользу учрежденій и церквей не мусульманскихъ подданныхъ; они управляются духовными начальниками, которые замѣняютъ вакуфныхъ управителей (мутевэли).

Въ государствахъ не мусульманскихъ, гдѣ мусульманское населеніе входитъ лишь незначительнымъ сравнительно составляющимъ элементомъ, конечно, не можетъ быть всѣхъ видовъ этихъ вакуфовъ. Но я счелъ нужнымъ упомянуть о всѣхъ категоріяхъ вакуфныхъ имуществъ, чтобы потомъ было легче разобраться въ той путаницѣ понятій, которая происходитъ у насъ изъ-за того, что не имѣется опредѣленнаго взгляда на вакуфы.

Если для выясненія вопроса, что такое вакуфъ, и какъ онъ разсматривается съ государственной точки зрѣнія, мы обратимся къ нашему законодательству, невольно мы должны будемъ прійти къ заключенію, что у насъ не существуетъ общаго понятія о вакуфѣ, какъ извѣстномъ установленіи мусульманской жизни, но вакуфамъ придано чисто мѣстное значеніе. Такъ, существуютъ положенія для вакуфовъ крымскихъ, кавказскихъ, туркестанскихъ и степныхъ. При этомъ мы встрѣчаемся съ самыми разнообразными оцѣнками означеннаго установленія. Нѣсколько статей Положенія объ управленіи Туркестанскаго края, посвященныхъ вакуфамъ, въ сущности очень мало освѣщаютъ трактуемый предметъ, и неопредѣленность ихъ можетъ дать очень широкое мѣсто для всякихъ недоразумѣній. Это положеніе занимаетъ какъ бы среднее мѣсто между категорическимъ, но едва-ли удовлетворительнымъ рѣшеніемъ этого вопроса въ Степномъ краѣ [1]) и болѣе или менѣе подробно разработаннымъ положеніемъ о вакуфахъ крымскихъ и кавказскихъ. Тогда какъ въ Степномъ краѣ вакуфамъ велѣно не быть, на Кавказѣ ихъ существованіе и дальнѣйшее образованіе считается естественнымъ условіемъ мусульманской жизни:

---

[1]) Ст. 100-я Положенія объ управленіи Степного края говоритъ: „вакуфы не допускаются.

такъ, при переходѣ края въ русское владѣніе, мулламъ было положено временное жалованье до образованія мечетскихъ имуществъ. Чѣмъ можно объяснить такое несогласіе взглядовъ на одинъ и тотъ же предметъ? Едва ли только государственными соображеніями. Если вакуфы считаются вреднымъ съ государственной точки зрѣнія установленіемъ (а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вредъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію, о чемъ будетъ сказано ниже), то не естественнѣе, казалось бы, проявиться опасенію именно на Кавказѣ, пограничномъ съ мусульманскимъ государствомъ, отъ котораго онъ только что былъ отторгнутъ, а не въ Степномъ краѣ, для котораго необозримыя пространства служатъ хорошей изоляціей отъ мусульманскихъ странъ. Поэтому, въ такомъ категорическомъ рѣшеніи вопроса нельзя не видѣть нѣкотораго недоразумѣнія.

Вслѣдствіе отсутствія общей и опредѣленной точки зрѣнія на вакуфъ, правительство, въ лицѣ административныхъ чиновниковъ, и мусульманское населеніе не могутъ иногда другъ друга понять. Для этого населенія подраздѣленіе вакуфовъ на „признанные“ и „непризнанные“ совершенно ничего не говоритъ, и, если взглянуть на вопросъ глубже, то нисколько и не мѣняетъ положенія. На дѣлѣ получаются вещи очень странныя; замѣчается какая то боязнь слова. Именно слова, а не того, что этимъ словомъ обозначается. Неумолимая логика заставляетъ сдѣлать такой выводъ, и принять его приходится, если вообще признавать логику. Я не хочу быть голословнымъ и приведу примѣры, на которые мнѣ самому приходилось наталкиваться въ служебной практикѣ. Для того, чтобы имѣть точку опоры, возьму лишь одно положеніе, которое думаю, ни съ чьей стороны не вызоветъ возраженій, а именно: вакуфъ есть пожертвованное съ благотворительной цѣлью имущество, годное для извлеченія изъ него выгоды.

Примѣръ признаннаго вакуфа. Столько то десятинъ земли, пожертвованной въ пользу такой то мечети или школы; налогъ уплачивается; земля заброшена, и никто ею не пользуется, или она сдается въ аренду за уплату государственнаго налога; управителя (мутевэли) нѣтъ.

По шаріату такое имущество совершенно утрачиваетъ характеръ вакуфа, и оно должно быть отобрано отъ управителя (мутевэли) который привелъ его въ такое состояніе; если же его совсѣмъ не имѣется, то въ казну. Дѣйствительно, назначеніе вакуфа—принести матеріальную выгоду мечети или школѣ—совершенно не достигается: въ томъ случаѣ, когда земля сдается въ аренду за уплату податей, мечеть или школа не получаетъ ничего; въ томъ же случаѣ, когда земля совершенно заброшена, то мечеть, уплачивающая за эту землю налогъ, несетъ еще лишній расходъ.

Примѣръ непризнаннаго вакуфа. Столько-то десятинъ земли, пожертвованной въ пользу мечети; за уплатой налога, мечеть получаетъ съ этой земли столько то рублей дохода; все имущество содержится исправно, и деньги расходуются согласно волѣ завѣщателя.

Въ первомъ случаѣ вакуфъ является признаннымъ, такъ какъ на дарственной записи имѣется ханская печать; во второмъ случаѣ этой пе-

чати нѣтъ.*) Выходитъ что то неладное: имущество, которое уже совершенно утратило характеръ вакуфа, признается вакуфомъ; дѣйствительный же вакуфъ таковымъ не признается.

Оставимъ и это,—возьмемъ два совершенно одинаковыхъ вакуфныхъ имущества (прим. 2-й), изъ которыхъ одно считается признаннымъ вакуфомъ, а другое нѣтъ. Какая между ними разница? Совершенно никакой, если не считать того, что записаны имущества въ разныхъ графахъ книги или вѣдомости. Этотъ вакуфъ признанъ, а этотъ (все таки вакуфъ же?)— не признанъ,— въ обоихъ случаяхъ доходы съ имущества расходуются совершенно одинаковымъ образомъ согласно волѣ завѣщателя. Цѣль этой классификаціи была бы видна, если бы имущества, пожертвованныя въ пользу мечетей, и дѣйствительными вакуфами не признанныя—были бы отъ этихъ мечетей отобраны въ казну. Этого пока нѣтъ, да и практически это не такъ легко выполнимо: если мнѣ запретятъ гласно перевести свое имущество на какое-нибудь учрежденіе, кто же можетъ воспрепятствовать мнѣ, оставя это имущество за собой, отдавать означенному учрежденію весь получаемый съ этого имущества доходъ? Такимъ образомъ въ дѣйствительности могли бы образоваться „секретные" вакуфы, о которыхъ администраціей края собирались и собираются свѣдѣнія. Если допустить существованіе секретныхъ вакуфовъ въ настоящее время, то есть ли возможность обнаружить ихъ, пока не произведена повсюду подворно-участковая съемка? Конечно нѣтъ, и пока для обнаруженія этихъ секретныхъ вакуфовъ приходится обращаться за содѣйствіемъ къ тѣмъ же туземцамъ, которыхъ въ этомъ сокрытіи подозрѣваютъ. Тоже, какъ будто, что то ненормальное.

Какую цѣль преслѣдуетъ разыскиваніе секретныхъ вакуфовъ, если таковые дѣйствительно имѣются? Цѣлью этой, вѣроятно, является регистрація и занесеніе ихъ въ графу непризнанныхъ. Есть ли для мусульманскаго населенія какое нибудь основаніе бояться обнаруженія такихъ вакуфовъ? Нѣтъ, такъ какъ пока это обнаруженіе ничего для него не измѣняетъ. Образовать же эти вакуфы легко,—для этого достаточно запретить пожертвованія въ пользу мечетей и школъ.

Что можно обнаружить, такъ это не секретные, а скрытые вакуфы. Подъ секретнымъ, вѣроятно, надо разумѣть вакуфы, фактъ установленія которыхъ скрытъ отъ правительства въ силу самаго факта, а это можетъ имѣть мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда это установленіе является запрещеннымъ. Подъ „скрытымъ" вакуфомъ я разумѣю также вакуфъ, фактъ установленія котораго скрытъ отъ правительства съ опредѣленной цѣлью присвоенія пожертвованнаго кѣмъ-либо имущества. Такіе факты безспорно существуютъ, но обнаруженіе подобныхъ имуществъ возможно лишь при помощи пересмотра казійскихъ книгъ (если бы онѣ оказались цѣлы) за рядъ прежнихъ лѣтъ, и при томъ еще условіи, что казіи аккуратно все время вели записи актовъ. Но едва ли возможно и даже благоразумно на

*) Ханская печать имѣетъ лишь смыслъ освобожденія имущества отъ уплаты налоговъ, а не утвержденія вакуфа; вакуфъ, освобожденный отъ налога однимъ ханомъ, могъ быть вновь обложенъ слѣдующимъ.

это разсчитывать... Злоупотребленія всегда были и будутъ, въ особенности тамъ, гдѣ нѣтъ правильно организованнаго контроля. Вотъ что, напримѣръ, было въ Турціи, гдѣ вакуфное законодательство является прекрасно разработаннымъ.

«До XVII вѣка вакуфы, сдаваемые теперь за двойную арендную плату сдавались за одиночную плату, и всѣ расходы по содержанію падали на самый вакуфъ. Иногда случалось, что доходовъ съ вакуфнаго имущества было недостаточно для его поддержанія, и часто не находилось арендатора, который произвелъ бы необходимыя поправки въ зачетъ арендной платы.

«Вслѣдствіе этого и была введена система двойной арендной платы. При наймѣ арендаторъ обязанъ былъ сдѣлать безвозвратный взносъ, въ зависимости отъ цѣнности имущества, который и предназначался на поддержаніе имущества; и долженъ былъ обязаться платить ежегодную аренду: неуплата арендной платы въ теченіе трехъ лѣтъ лишала арендатора права пользованія имуществомъ. Такъ какъ одновременно арендаторъ получалъ право уступить свои права третьему лицу или оставить ихъ своимъ дѣтямъ, то ежегодная уплата была необходима, чтобы предохранить отъ давностнаго срока жертвованное имущество.

«Но такъ какъ долгосрочная аренда ханефитскимъ ученіемъ запрещена, то для обращенія простого вакуфа въ двойной было необходимо рѣшеніе духовнаго суда. Съ теченіемъ времени злоупотребленія системой двойного вакуфа сдѣлались общими. Какъ управители вакуфовъ, такъ и частныя лица пользовались этой системой, чтобы корыстолюбивымъ сдѣлкамъ придать видъ благочестиваго дѣла: простые вакуфы были обращены въ двойные, причемъ совершенно не принималось во вниманіе, въ хорошемъ или дурномъ состояніи они находились; результатомъ этого для вакуфа всего чаще бывала потеря какъ первоначальнаго взноса, такъ и права собственности. Частныя лица обезпечивали для своихъ имуществъ привиллегіи вакуфовъ, уступая ихъ благотворительнымъ учрежденіямъ за взносъ въ 7%—10% ихъ стоимости, принимая на себя ежегодную уплату налога, являющагося извѣстнымъ процентомъ съ этой суммы и удерживая за собой право пользованія имуществомъ.

«Не-мусульманскія благотворительныя учрежденія широко пользовались этой системой обращенія своихъ капиталовъ въ недвижимость... Чтобы бороться съ этимъ зломъ, законъ 1280 года*) караетъ тюремнымъ заключеніемъ всякое незаконное преобразованіе вакуфовъ въ „мукатаа“.“ **).

Въ мусульманскомъ государствѣ, гдѣ вакуфное законодательство создалось вѣками, подвергаясь измѣненіямъ въ силу того, что нормы шаріата приходилось примирять съ современными условіями жизни, не могло, конечно, встрѣтиться такихъ трудностей, какъ у насъ.“

Безъ сомнѣнія, составленію Положеній объ управленіи различныхъ областей Имперіи, являющихся результатомъ трудовъ законодательныхъ учрежденій, предшествовало изученіе вопроса. Какъ выше было сказано,

---

*) Дустуръ (сводъ зак. Оттом. имперіи), т. II, стр. 146.
**) Corps de droit ottoman. George Young. v. VI, p. 115, 116.

различныя положенія различно рѣшаютъ этотъ вопросъ. Изъ этого можно сдѣлать такой выводъ, что изученіе имѣло слишкомъ мѣстный характеръ, —это же едва ли вообще можетъ быть признано достаточно научнымъ. Здѣсь, въ частности, эта недостаточность усугублялась еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, во-первыхъ, администраторы принуждены были окунуться въ совершенно новую для нихъ область, и горячее ихъ желаніе принести дѣлу пользу не могло вполнѣ замѣнить необходимаго въ данномъ случаѣ основательнаго знакомства съ мусульманскимъ правомъ; во-вторыхъ, сфера не была достаточно чистой для того, что-бы опытное изученіе ея могло замѣнить теоретическую подготовку: это были, какъ бы, уроки незнакомаго языка, даваемые человѣкомъ, который самъ плохо говоритъ на немъ. Поясню свою мысль. То состояніе, въ которомъ русская власть застала вакуфное дѣло въ краѣ, отнюдь не слѣдуетъ считать нормальнымъ и правильнымъ его состояніемъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ вакуфный вопросъ значительно искаженъ. Постепенно, въ теченіе вѣковъ, наслоявшіяся неправильности давно уже получили право гражданства. Но едва ли такое анормальное положеніе можетъ считаться обязательнымъ къ принятію русской властью. Если допускать существованіе этого установленія, то слѣдуетъ разсмотрѣть его въ чистомъ видѣ и, если въ томъ встрѣчается необходимость съ государственной точки зрѣнія, поставить извѣстныя ограниченія. Такъ какъ тѣ изъ образованныхъ мусульманъ, которые могли бы съ успѣхомъ помочь намъ разобраться въ этой путаницѣ понятій, не считаютъ для себя удобнымъ или выгоднымъ это сдѣлать, надо сдѣлать это самимъ.

Для изученія вакуфнаго дѣла надо на время забыть о вакуфахъ въ Туркестанѣ и выяснить, что такое вакуфъ вообще, и разсмотрѣть его съ точки зрѣнія религіозной, юридической, фискальной и государственной. Религіозная сторона уже сама собою подразумѣвается, разъ рѣчь идетъ о вакуфѣ, который является выполненіемъ религіознаго предписанія. Если не отличающіеся большой щедростью мусульмане отказываются считать благотворительность обязательной, никто изъ нихъ не рѣшится не признать ее по крайней мѣрѣ рекомендованной. Оставивъ пока государственную точку зрѣнія, т. е. желательность или нежелательность этого учрежденія, необходимость его ограниченія и т. п., и, разсматривая вакуфъ съ точки зрѣнія правовой, мы увидимъ, что положенія—„вакуфы не допускаются"— не должно быть, такъ какъ вакуфъ есть или родъ завѣщанія, или отказъ отъ имущества въ пользу другого (лица или учрежденія), или даръ. Слѣдовательно, всякое юридически правоспособное лицо можетъ дѣйствительнымъ образомъ установить вакуфъ (ср. ст. 266 Пол.), о законности котораго тогда вопросъ можетъ быть только въ отношеніи выполненія всѣхъ требуемыхъ въ данномъ случаѣ формальностей. Т. е. слѣдуетъ по шаріату точно опредѣлить, какія условія—въ отношеніи лица и имущества—требуются для дѣйствительности акта. Надо думать, что „вакуфы не допускаются" сказано не съ юридической точки зрѣнія.

Разсматриваемый съ фискальной точки зрѣнія, вакуфныя имущества могутъ быть раздѣлены на освобожденныя отъ уплаты государственныхъ

налоговъ и не освобожденныя. Но у насъ, конечно, въ этомъ отношеніи вакуфы не могутъ представить той опасности, какъ въ Турціи, гдѣ нежелательность существованія вакуфовъ съ фискальной точки зрѣнія была отмѣчена многими финансистами. Вотъ что говоритъ между прочимъ Моравицъ[1]).

«Милліонами приходится исчислять убытки, причиняемые государству этимъ учрежденіемъ, которое оказываетъ громадное вліяніе на финансовое положеніе страны и составляетъ одну изъ главныхъ причинъ жалкаго состоянія ея финансовъ".

У насъ имѣется слишкомъ мало имуществъ, освобожденныхъ отъ уплаты налоговъ, а впредь таковыхъ или совершенно не будетъ, или освобожденіе это не будетъ сопряжено съ убытками для казны.

Съ государственной точки зрѣнія вакуфы могутъ быть или допустимыми или нежелательными. Если они и нежелательны, все же пожалуй лучше допустить ихъ, установивъ за ними строгій контроль, такъ какъ однимъ запрещеніемъ едва ли возможно ихъ уничтожить. Серьезную опасность можно было бы видѣть тогда, если бы это установленіе приняло слишкомъ яркую соціальную окраску. Подобное положеніе явилось бы опаснымъ даже въ мусульманскомъ государствѣ, примѣромъ чему можетъ служить Турція, гдѣ свѣтская власть была вынуждена самымъ рѣшительнымъ образомъ вмѣшаться въ эту духовную область.

Въ Турціи существуетъ отдѣльное министерство, называемое министерствомъ вакуфовъ, которое и имѣетъ общее наблюденіе за управленіемъ вакуфными имуществами. Первоначально наблюденіе за богоугодными заведеніями и за распоряженіемъ имуществами, пожертвованными въ пользу этихъ заведеній, было поручаемо султанами начальнику бѣлыхъ евнуховъ, а съ 1591 года начальнику черныхъ евнуховъ съ титуломъ главнаго управителя вакуфовъ Священныхъ Городовъ. Верховное наблюденіе оставалось за самими султанами *).

Въ 1840 году было образовано особое министерство вакуфовъ, число служащихъ въ которомъ достигаетъ свыше двухъ тысячъ человѣкъ. Расходовъ для казны это министерство совершенно не вызываетъ, такъ какъ содержится исключительно на отчисленія изъ доходовъ съ вакуфныхъ имуществъ, а также съ наслѣдствъ **). Въ каждомъ вилайэтѣ (провинціи) министерство вакуфовъ представлено особымъ директоромъ, обязанности котораго заключаются въ слѣдующемъ ***): сборъ вакуфныхъ доходовъ и отсылка ихъ въ опредѣленные сроки въ центральную кассу въ Константинополѣ; счетоводство и веденіе приходо-расходныхъ книгъ по вакуфнымъ

---

[1]) Les finances de la Turquie. Morawits. p. III.

*). По шаріату два лица являются отвѣтственными за правильное распоряженіе вакуфнымъ имуществомъ каждаго вакуфа, а именно: управитель (мутевэли) и инспекторъ (назыръ), которые первоначально и назначаются учредителемъ, а затѣмъ судьей согласно сдѣланныхъ въ вакф-намэ распоряженій.

**). Дустуръ, т. II, стр. 289; Зейль, т. IV, стр. 133; Ляхика-и-каванинъ, т. I, стр. 375.

***). Дустуръ, т. II, стр. 625 (ст. 32-я закона объ управленіи вилайэтами). Въ первое время на этихъ директоровъ была возложена обязанность составленія описи вакуфныхъ имуществъ и провѣрки вакуфныхъ документовъ.

имуществамъ въ провинціи; провѣрка, въ концѣ каждаго года отчетовъ управителей (мутевэли); покупка и поддержаніе секулярныхъ вакуфовъ; провѣрка состоянія вакуфныхъ имуществъ, относительно которыхъ учредителями не было поставлено никакихъ условій; наблюденіе за управленіемъ вакуфныхъ кассъ и за соблюденіемъ законоположеній, относящихся до вакуфовъ.

Какъ религіозно-соціальный режимъ, вакуфы пустили въ Турціи глубокіе корни, распространившись въ настоящее время едва ли не на большую половину всѣхъ культурныхъ земель. Мало того, режимъ этотъ не ограничился однимъ мусульманскимъ міромъ, но съ успѣхомъ былъ воспринятъ не только не-мусульманскими общинами турецкихъ подданныхъ, но и иностранными колоніями. Были случаи установленія вакуфовъ немусульманами въ пользу мусульманъ, и наоборотъ.

Гигантскій ростъ этого учрежденія въ связи съ тѣми аномаліями и злоупотребленіями, которыми изобиловало это государство въ государствѣ, въ концѣ концовъ вызвали вмѣшательство гражданскаго законодательства. Такъ какъ уже слишкомъ часты были случаи, что установленіе вакуфовъ имѣло цѣлью совершенно не благотворительный характеръ, какъ это должно бы было быть, а исключительно желаніе уклониться отъ уплаты государственныхъ налоговъ, то правительство и вынуждено было принять на себя наблюденіе за назначеніемъ вакуфныхъ имуществъ. Цѣлый рядъ принятыхъ мѣръ показываетъ, что онѣ были вызваны массой открытыхъ злоупотребленій. Это послѣднее обстоятельство заставило подумать объ измѣненіи самой системы, иначе дѣло грозило принять слишкомъ дурной оборотъ.

Султанъ Абдулъ Азизъ одно время думалъ разомъ покончить съ вакуфами, и въ 1867 году было обнародовано ирадэ, приглашавшее къ изученію мѣръ, годныхъ для совершеннаго уничтоженія вакуфовъ, какъ учрежденія вреднаго съ государственной точки зрѣнія. Попытка эта увѣнчалась лишь относительно ничтожнымъ успѣхомъ, такъ какъ гражданскому законодательству было не подъ силу побороть вліяніе духовенства, которое, конечно, не хотѣло выпустить изъ своихъ рукъ такой жирный кусокъ. Все же удалось внести нѣкоторыя измѣненія въ существовавшій до этого времени режимъ. Этому помогло то обстоятельство, что около этого времени какъ разъ занялись кодифицированіемъ нормъ религіознаго закона. Коснулись отчасти и вакуфныхъ имуществъ, установивъ гражданскую давность для судебныхъ дѣлъ, возникающихъ относительно этихъ имуществъ [1]).

---

[1]). „Китаб-уль-дава" въ ст. 1660—1662 указываетъ сроки этихъ давностей, а именно. Для исковъ, не относящихся до собственности вакуфныхъ имуществъ, существуетъ 15-лѣтняя давность. Таковыми являются иски относительно... пользованія вакуфными имуществами за одиночную или двойную арендную плату, или относительно доходовъ съ такихъ имуществъ. Иски, вчиненные вакуфными управителями (мутевэли) и состоящими на иждивеніи вакуфовъ пенсіонерами (муртэзика) и относящіеся до чистой собственности вакуфовъ, принимаются къ разбору въ теченіе 36 лѣтъ. По истеченіи этого срока, право на предъявленіе иска утрачивается за давностью. Если, напримѣръ, какое-нибудь лицо владѣло недвижимымъ имуществомъ на правахъ полной собственности въ теченіе 36 лѣтъ, то послѣ этого вакуфный управитель уже не можетъ заявить право на это имущество, говоря, что оно было отдано въ пользу управляемаго имъ вакуфа. Иски относительно пра-

Различныя злоупотребленія вынудили правительство издать особый законъ о томъ, что вакуфныя имущества, при долгахъ, могутъ подлежать продажѣ. Необходимость этого закона была вызвана тѣмъ обстоятельствомъ, что по шаріату вакуфныя имущества являются неотчуждаемыми до пресѣченія потомства жертвователя. Этимъ многіе усердно пользовались и за вывѣской вакуфа прятались отъ долговъ.

„Вакуфныя имущества—земли и строенія—съ двойной арендной платой могутъ быть проданы на уплату казенныхъ долговъ, какъ личныхъ, такъ и по поручительству, если для покрытія этихъ долговъ другого имущества, оставшагося послѣ смерти должника, не хватаетъ“ [1]).

„Вакуфныя имущества, наравнѣ съ частной собственностью, могутъ быть проданы безъ согласія должника для пополненія взысканія по исполнительному листу... Имущество освобождается отъ продажи, если должникъ докажетъ, что въ трехлѣтній срокъ онъ выплатитъ долгъ съ законными процентами изъ чистаго дохода своей недвижимости“ [2]).

Что говоритъ шаріатъ о вакуфѣ? Въ турецкомъ законодательствѣ (гражданскомъ,—духовнаго, въ которомъ громадное мѣсто отведено собственно порядку установленія вакуфовъ и ихъ управленія, я не касаюсь) указывается отношеніе къ вакуфамъ свѣтской власти, и я считаю не безынтереснымъ привести кое-какія выдержки.

Уставъ о пользованіи землями [3]).

«Ст. 2. Полная собственность даетъ владѣльцу право какъ угодно распоряжаться своимъ имуществомъ и между прочимъ установить его вакуфомъ.

«Ст. 4. Вакуфныя земли бываютъ двухъ категорій:

1) тѣ, которыя, въ основѣ будучи полной собственностью, обратились въ вакуфъ вслѣдствіе выполненія предписанныхъ шаріатомъ формальностей. Право пользованія и всѣ соединенныя съ собственностью права принадлежатъ министерству вакуфовъ; эти земли управляются исключительно согласно сдѣланныхъ учредителемъ условій.

2) Земли, которыя, будучи изъяты изъ общественнаго пользованія, были обращены въ вакуфы или самими султанами или другими лицами съ разрѣшенія султановъ. Такъ какъ этотъ видъ вакуфовъ является лишь удѣленіемъ со стороны правительства нѣкоторой части доходовъ на опредѣленное назначеніе, то онъ и не можетъ быть разсматриваемъ какъ ва-

---

ва прохода, права водопользованія и права сброса воды теряютъ свою силу за истеченіемъ 15-лѣтней давности, если эти сервитуды принадлежатъ недвижимостямъ, состоящимъ во владѣніи на правахъ полной собственности. Если же эти сервитуды принадлежатъ вакуфнымъ имуществамъ, то управители ихъ имѣютъ право вчиненія иска въ теченіе 36 лѣтъ... Внѣ—судебное заявленіе о своемъ правѣ не прерываетъ теченія давности... Въ искахъ относительно вакуфныхъ имуществъ, переходящихъ по условію изъ поколѣнія въ поколѣніе, давность, въ отношеніи потомковъ второго поколѣнія, начинаетъ свое теченіе лишь съ момента, когда болѣе не осталось потомковъ перваго поколѣнія, такъ какъ до этого времени потомки второго поколѣнія не имѣютъ права иска.

[1]). Дустуръ, т. I, стр. 243 (ст. 6 закона о принудительной продажѣ вакуфныхъ имуществъ за долги казнѣ).

[2]). Дустуръ, т. I, стр. 242 (ст. 1 и 2 закона о принудительной продажѣ вакуфныхъ имуществъ за частные долги).

[3]). Дустуръ, т. I, стр. 165.

куфъ дѣйствительный и въ собственномъ смыслѣ.. Большинство вакуфовъ относится именно къ этой категоріи.

Среди этихъ вакуфовъ имѣются также другіе, которые подраздѣляются на два вида:

Одинъ въ основѣ принадлежитъ государству, которое и получаетъ съ него десятину и другіе налоги, право же пользованія (т. е. цѣна пріобрѣтенія этого права) предоставлено спеціальному назначенію.

Другой въ основѣ принадлежитъ государству, но какъ налоги съ него, такъ и доходы поступаютъ на опредѣленное назначеніе.

„Ст. 46. Право преимущественной покупки не распространяется на вакуфы.

„Ст. 89. Если составляющее вакуфъ зданіе, построенное на казенной землѣ, пришло въ полное разрушеніе, и если мутевэли не производитъ ремонта и не платитъ казнѣ наемной платы (за землю), имущество отбирается отъ него и дается другому... Точно также будетъ и въ томъ случаѣ, если зданіе принадлежитъ одному вакуфу, а земля, на которой оно построено, принадлежитъ другому.

„Ст. 90. То же будетъ въ случаѣ полной пропажи фруктовыхъ деревьевъ и лозъ, посаженныхъ на казенной землѣ и принадлежащихъ вакуфу.

„Ст. 106. Естественно выросшія на вакуфной землѣ деревья принадлежатъ вакуфу.

Ст. 107. Мины, открытыя въ вакуфныхъ, категоріи „тахсисатъ", земляхъ, принадлежатъ казнѣ [1]); пользующійся землею, лицо или учрежденіе, получаетъ лишь оцѣночную сумму за отчужденіе. Мины, открытыя въ земляхъ дѣйствительныхъ вакуфахъ, принадлежатъ вакуфамъ.

„Ст. 116. Вакуфная земля не можетъ быть заложена; какъ исключеніе, допускается, съ разрѣшенія подлежащей власти, передача этой земли кредитору съ правомъ обратнаго полученія этой земли по уплатѣ долга [2]).

„Ст. 120. Передача вакуфной земли, совершенная на смертномъ одрѣ, считается правильной и дѣйствительной; переданная такимъ образомъ, при посредствѣ властей, земля не можетъ перейти по наслѣдству къ прямымъ наслѣдникамъ, и, за отсутствіемъ ихъ, она не можетъ быть отобрана въ казну [3]).

„Ст. 121. Владѣлецъ, но не полный собственникъ, земли не можетъ обратить ее въ вакуфъ.

Ст. 122. Церковныя и монастырскія земли, будучи таковыми ab antiquo, не могутъ быть отобраны въ казну; земли же, бывшія казенными, но пе-

---

[1]) Согласно ученія шаріата, нѣдра земли, равно какъ и воздухъ надъ землей, принадлежатъ собственнику земли.

[2]) Это является лишь казуистическимъ обходомъ закона: фактъ временнаго отчужденія земли не мѣняется отъ того или другого наименованія.

[3]) Нѣсколько иначе было бы, если бы дѣло шло о простомъ дарѣ. „Когда даритель совершаетъ даръ во время болѣзни, этотъ актъ сохраняетъ всю свою дѣйствительность и послѣ его выздоровленія; но, если даритель умираетъ отъ болѣзни, во время которой онъ сдѣлалъ даръ, наслѣдники имѣютъ право на удержаніе двухъ третей наслѣдства, лишь одну треть оставляя одаренному". (Droit musulman. Tornauw. p. 183).

решедшія въ пользу монастырей, продолжаютъ разсматриваться какъ казенныя (т. е. не освобождаются отъ уплаты налоговъ).

Горный уставъ [1]).

«Эксплоатирующіе мину платятъ два налога: 1) опредѣленный (съ кв. единицы поверхности земли подъ концессіей) и 2) отъ 1% до 20% съ добычи руды. Первый налогъ идетъ въ пользу частныхъ собственниковъ и дѣйствительныхъ вакуфовъ; съ казенныхъ земель и съ земель вакуфовъ типа „тахсисатъ" идетъ въ пользу казны... Пропорціональный налогъ съ земель дѣйствительныхъ вакуфовъ, за отчисленіемъ одной пятой въ пользу горнаго управленія, поступаетъ въ пользу вакуфа.

Уставъ лѣсной [2]).

„Лѣса, принадлежащіе вакуфамъ, уподобляются землямъ, зависящимъ отъ управленія вакуфовъ: доходы съ нихъ употребляются на содержаніе учрежденій, въ пользу которыхъ эти земли предоставлены.

«Ст. 20. Лѣса, находящіеся въ непосредственномъ вѣдѣніи управленія вакуфовъ, будутъ находиться подъ постояннымъ наблюденіемъ. Продажа и эксплоатація ихъ будутъ подчинены правиламъ, существующимъ для казенныхъ лѣсовъ.

«Ст. 27. Нарушенія устава, произведенныя въ вакуфныхъ лѣсахъ, нанаходящихся въ завѣдываніи м-ва земледѣлія, будутъ разбираться общими судами.

Затѣмъ были пересмотрѣны таксы различныхъ налоговъ, взимаемыхъ съ вакуфныхъ лѣсовъ [3]), и наконецъ управленіе ими было передано лѣсному вѣдомству [4]).

Обратимся теперь къ Положенію объ управленіи Туркестанскаго края.

«Ст. 265. Населенныя земли, входящія въ составъ признанныхъ правительствомъ вакуфовъ, остаются во владѣніи сельскихъ обществъ, на основаніяхъ, опредѣленныхъ ст. 255—261, 263 и 264. Не населенныя земли, составляющія признанные правительствомъ частные вакуфы, остаются за тѣми лицами, въ пользу которыхъ вакуфы учреждены и наслѣдниковъ этихъ лицъ до пресѣченія ихъ потомства».

Изъ сопоставленія второй части этой статьи со статьями 286 и 289 можно заключить, что частные вакуфы отъ уплаты налоговъ не освобождаются. Такимъ образомъ, этотъ родъ вакуфныхъ имуществъ является обыкновеннымъ частнымъ имуществомъ, съ тою, однако, разницей, что лицо, въ пользу котораго вакуфъ установленъ, или его наслѣдники имѣютъ право пользованія имуществомъ, будучи лишены права совершить его отчужденіе. Съ пресѣченіемъ потомства этихъ лицъ, имущество, какъ выморочное (махлуль), должно перейти въ казну.

---

[1]). Corps de droit ottoman. George Young. v. VI. p. 17. (Новый законъ, опубликованный въ 1906 году въ отмѣну законовъ 1869 и 1886 годовъ).

[2]). Дустуръ, т. II, стр. 404.

[3]). Дустуръ, т. III стр. 287 и 291.

[4]). Дустуръ, т. IV стр. 417.

Такимъ образомъ является необходимымъ выяснить, кто является наслѣдникомъ. По шаріату, вакуфныя имущества—какъ мусакафатъ, такъ и мустагилятъ—съ двойной арендной платой переходятъ по наслѣдству къ слѣдующимъ лицамъ въ порядкѣ постепенности [1]):

1) къ ребенку или дѣтямъ того или другого пола;
2) за неимѣніемъ дѣтей, къ внукамъ того или другого пола;
3) къ отцу или матери;
4) къ полнороднымъ братьямъ или сестрамъ;
5) къ единокровнымъ братьямъ или сестрамъ;
6) къ единоутробнымъ братьямъ или сестрамъ;
7) къ оставшемуся въ живыхъ супругу.

Наличность наслѣдника высшей степени лишаетъ всѣхъ другихъ права на наслѣдство. За неимѣніемъ наслѣдниковъ, имущество, какъ выморочное, переходитъ въ казну.

Это обстоятельство показываетъ, что правительственная власть должна регулярно слѣдить за всѣми измѣненіями, происходящими среди лицъ, могущихъ оказаться претендентами на полученіе вакуфнаго имущества въ свое пользованіе. Безъ этого всегда могутъ найтись охотники, которые, заявивъ себя наслѣдниками, при благосклонномъ содѣйствіи лицъ туземной администраціи, завладѣютъ имуществомъ, долженствующимъ перейти въ казну.

„Ст. 266. Учрежденіе новыхъ вакуфовъ допускается не иначе, какъ съ разрѣшенія Генералъ-Губернатора, который дозволяетъ сіе единственно въ случаяхъ, заслуживающихъ особаго уваженія".

Редакція этой статьи болѣе чѣмъ темная. Какіе могутъ быть случаи, заслуживающіе особаго уваженія? О вакуфахъ какого рода здѣсь говорится? Съ какой точки зрѣнія разсматриваются здѣсь вакуфы? На все это въ Положеніи нѣтъ никакого отвѣта. Какъ выше было сказано, вакуфы могутъ быть разсматриваемы съ религіозной, государственной, юридической и фискальной точекъ зрѣнія. Когда возникаетъ вопросъ объ учрежденіи новаго вакуфа, это можетъ быть или разрѣшено, или нѣтъ. Разсматриваемое съ юридической точки зрѣнія, учрежденіе вакуфа является простымъ имущественнымъ актомъ, совершеніе котораго не можетъ быть воспрещено человѣку, пользующемуся гражданскими правами; слѣдовательно, эту точку зрѣнія здѣсь въ разсчетъ принимать не приходится. Если учрежденіе новаго вакуфа разрѣшается, то это дѣлается лишь „въ случаяхъ, заслуживающихъ особаго уваженія". Другими словами, дозволеніе учредить новый вакуфъ является лишь исключеніемъ, снисхожденіемъ, уступкой. Если представилась возможность сдѣлать исключеніе (изъ общаго правила—не допускать учрежденія новыхъ вакуфовъ), то съ увѣренностью можно сказать, что съ государственной точки зрѣнія это учрежденіе не представляетъ никакихъ неудобствъ, такъ какъ, очевидно, государственными интересами правительство не поступится. Приходится оставить и государственную точку зрѣнія. Кромѣ того, если признать за русско-подданн-

---

[1]) Дустуръ, т. III, стр. 463.

нымъ мусульманиномъ право распоряженія своимъ имуществомъ, то и государственныя соображенія могутъ служить препятствіемъ не для учрежденія вакуфа, а для назначенія доходовъ съ пожертвованныхъ имуществъ, т. е. въ томъ случаѣ, когда правомѣрное въ принципѣ дѣяніе преслѣдуетъ какую-либо противозаконную цѣль (какъ политическая или противоправительственная пропаганда и т. п.). Возможность пожертвованій на преслѣдованіе преступныхъ цѣлей не можетъ служить поводомъ къ запрещенію пожертвованій вообще, иначе все законодательство должно было бы обратиться въ одно сплошное запрещеніе не только двигаться, но и дышать. Допустить же возможность незакономѣрности назначенія пожертвованій не только можно, но и должно, и средствомъ борьбы съ этимъ зломъ можетъ быть лишь правительственный контроль—гласный и дѣйствующій по строго выработанной системѣ. Если случаи пожертвованій имѣютъ мѣсто, значитъ, что они вызываются какими-либо нуждами или стремленіями: запрещеніе, конечно, не можетъ ни удовлетворить нуждъ, ни уничтожить стремленій, которыя будутъ существовать, какъ и раньше, но будутъ лишь загнаны въ подполье. Трудно думать, что бы подобный оборотъ дѣла былъ въ интересахъ правительства. Разъ жизненныя требованія, въ данномъ случаѣ укладъ мусульманской жизни вызываетъ извѣстный фактъ, то лучше, чтобы этотъ фактъ существовалъ не тайно, а вполнѣ открыто.

Остаются двѣ точки зрѣнія—религіозная, всегда неразрывная съ вакуфомъ, какъ установленіемъ религіознымъ, и фискальная, о которой, надо думать, и идетъ рѣчь*). Т. е., въ иныхъ случаяхъ, когда назначеніе вакуфа (помимо простой благотворительности, какъ сущности этого установленія) преслѣдуетъ цѣли, которыя кромѣ одобренія заслужить ничего не могутъ, правительство можетъ поступиться фискальными соображеніями. На самомъ дѣлѣ, это будетъ лишь одна видимость, и фискъ, освобождая имущество отъ уплаты налоговъ, въ возмѣщеніе получитъ гораздо больше, чѣмъ отдаетъ. Почему, напримѣръ, не освободить имущество отъ уплаты налоговъ въ размѣрѣ отъ 20 до 30 рублей, если жертвователь назначаетъ доходы съ этого имущества, скажемъ, на полное содержаніе школы, въ которомъ до того правительство участвовало гораздо большей суммой? Если конечно, препятствіемъ здѣсь не явится то обстоятельство, что казна будетъ представлена разными министерствами...

«Ст. 267. Утвержденіе вакуфныхъ документовъ, устройство управленія вакуфами, наблюденіе за правильностью употребленія вакуфныхъ доходовъ и право ревизіи ихъ принадлежитъ областнымъ правленіямъ».

Эта статья содержитъ въ себѣ четыре крупныхъ пункта, и ни одинъ изъ нихъ не выполненъ. Причины этого слишкомъ сложны, и говорить о нихъ было бы слишкомъ долго, но фактъ остается фактомъ, и для администраціи края рѣшеніе этой задачи является насущной необходимостью.

Положеніе вакуфнаго дѣла въ краѣ, какъ это наглядно видно изъ обстоятельной записки г. Наливкина, едва ли можетъ быть признано удов-

---

*) Хотя прим. 1 къ ст. 286 (изданіе съ примѣч. Б. Н. Каплуна) разрушаетъ и это предположеніе. О чемъ же тогда говорится? Это примѣчаніе, въ свою очередь, не совсѣмъ вяжется со ст. 289, что и позволило мнѣ привести мой примѣръ.

петворительнымъ. Такъ было послѣ 30 лѣтъ русскаго владычества (записка составлена въ 1900 году), такъ осталось и теперь. Одно время, съ 1890 года, контроль надъ вакуфными имуществами (не всѣми) былъ возложенъ на учебное вѣдомство, но черезъ нѣсколько лѣтъ, съ упраздненіемъ должности 3-го инспектора народныхъ училищъ, въ этомъ отношеніи былъ сдѣланъ шагъ назадъ. Въ 1898 году спеціальная комиссія высказала мнѣніе, что учрежденіе въ краѣ особаго управленія вакуфными имуществами не можетъ считаться желательнымъ, но нельзя пренебрегать надзоромъ за самыми имуществами, какъ долженствующими въ извѣстныхъ случаяхъ перейти въ казну; что „для достиженія этой задачи необходимо прежде всего привести въ извѣстность существующія вакуфныя имущества и изучить ихъ какъ съ юридической, такъ и съ фискальной стороны». Пожеланія, высказанныя въ заключеніе авторомъ записки, сводятся къ слѣдующему: 1) надо установить единообразный взглядъ на вакуфныя имущества въ собственномъ смыслѣ и на имущества, освобожденныя отъ уплаты государственной подати *) 2) разсмотрѣть не разсмотрѣнные еще до сихъ поръ вакуфные документы, а также выяснить отношеніе къ тѣмъ вакуфнымъ имуществамъ, документы на которыя до сихъ поръ не были представлены, и 3) учредить контроль надъ вакуфными имуществами.

Съ этими пожеланіями нельзя не согласиться, но едва ли можно считать ихъ полными. Оставивъ разсмотрѣніе вакуфныхъ документовъ, что является уже работой чисто мѣстнаго характера, но выполненіе которой возможно лишь послѣ рѣшенія перваго вопроса, мы видимъ, что пожеланія автора записки повторяютъ высказанное въ 1898 году комиссіей рѣшеніе— изучить вакуфныя имущества и учредить правильный за нимъ контроль въ цѣляхъ предупрежденія возможнаго ихъ расхищенія; т. е. сдѣлать то, настоятельная необходимость въ чемъ ощущается давнымъ давно. Теперь остается только узнать, какъ это сдѣлать?

Конечно, самымъ правильнымъ и пожалуй, единственнымъ средствомъ для точнаго выясненія вакуфныхъ имуществъ является подворно-участковая съемка, необходимость которой уже давно чувствуется. Но громадная затрата средствъ и времени, съ которой сопряжена эта работа, заставляетъ видѣть выполненіе ея лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Провѣрка казійскихъ книгъ, при правильномъ ихъ веденіи, также должна бы была дать на этотъ вопросъ надлежащій отвѣтъ, и, гдѣ возможно, пренебрегать этимъ средствомъ не слѣдуетъ. Помимо этихъ средствъ остается лишь опросный путь. Если другія средства непримѣнимы, то поневолѣ приходится ограничиться этимъ наименѣе совершеннымъ средствомъ. Всѣ возможныя свѣдѣнія, кажется, этимъ путемъ уже добыты. Остается провѣрить документы, уже представленные раньше и не провѣренные до сихъ поръ, а равно и представленные въ позднѣйшее время. Затѣмъ слѣдуетъ вести отдѣльную регистрацію вакуфныхъ имуществъ, осво-

*). Смыслъ этого раздѣленія ясенъ: дѣйствительный вакуфъ вовсе не связанъ обязательно съ освобожденіемъ отъ уплаты государственныхъ налоговъ, что является лишь частнымъ случаемъ; напротивъ, имущество, почему-либо освобожденное отъ уплаты налоговъ, не является въ силу этого вакуфомъ.

божденныхъ отъ уплаты налоговъ, и имуществъ, съ которыхъ налоги взыскиваются. Имущества, считающіяся вакуфными, но не приносящія никакого дохода тому учрежденію, въ пользу котораго они пожертвованы, отобрать въ казну, такъ какъ ихъ можно отнести къ категоріи выморочныхъ.

Что касается принятія мѣръ къ охранѣ имущества отъ расхищенія, то контроль требуется не исключительно въ силу одного того обстоятельства, что имущество можетъ перейти въ казну. Такъ какъ въ большинствѣ случаевъ вакуфы устанавливаются въ пользу юридическихъ лицъ, являющихся или опредѣленнымъ учрежденіемъ или группой лицъ, то правительство не можетъ не имѣть контроля надъ администраціей и хозяйствомъ подобныхъ имуществъ; откуда вытекаетъ необходимость имѣть правильно разработанныя инструкціи, гдѣ, помимо внутренняго порядка, было бы ясно и опредѣленно указано отношеніе вакуфной администраціи къ правительственной власти (ст. 267). При составленіи подобной инструкціи не слѣдуетъ пренебрегать тѣмъ, что уже для этого сдѣлано у насъ на Кавказѣ, а также и постановкою этого дѣла въ мусульманскихъ государствахъ.

Когда все это уже будетъ сдѣлано, то подлежащей власти уже легче будетъ рѣшить, что съ государственной точки зрѣнія является вреднымъ, и что можетъ безпрепятственно поддерживаться. Установленіе же строгаго контроля надъ хозяйствомъ вакуфныхъ имуществъ и веденіемъ денежной отчетности будетъ служить надежнымъ средствомъ, чтобы слѣдить какъ за отливомъ русскихъ денегъ за-границу, чему всегда будетъ возможность воспрепятствовать, такъ и за веденіемъ пропаганды на присылаемыя изъ мусульманскихъ странъ деньги.

П. Цвѣтковъ.

Правила охоты по шаріату.

„Охота“,—какъ ловля и истребленіе дикихъ животныхъ (звѣрей, птицъ и рыбъ),—существовала среди людей съ самыхъ отдаленныхъ, съ незапамятныхъ временъ: какъ первый, естественный источникъ пропитанія, охота древнѣе человѣческой цивилизаціи, такъ какъ является занятіемъ еще доисторическаго періода, и потому распространена не только среди разныхъ человѣческихъ расъ и племенъ, находящихся на различныхъ ступеняхъ культурной жизни, но и среди животныхъ.

Въ этомъ случаѣ интереснымъ представляется сопоставленіе пережитка охотническихъ склонностей у людей и животныхъ: въ древности дикіе и полудикіе народы охотились по необходимости, чтобы добыть себѣ пищу. Съ переходомъ къ культурной жизни, дикари не оставили своей унаслѣдованной отъ предковъ склонности къ охотѣ, хотя первобытной нужды въ ней уже не имѣли. И послѣ, до настоящаго времени, охота сохраняетъ свое существованіе среди самыхъ культурныхъ народовъ—или какъ узаконенный и въ деталяхъ организованный промыселъ, или какъ особое, сложное и серьезное развлеченіе, психологія котораго понятна только «охотникамъ». Ссылаясь въ этомъ случаѣ на описанія охоты у русскихъ и иностранныхъ писателей, мы обращаемъ особое вниманіе на тотъ историческій фактъ, что царственный любитель соколиной охоты Московскій Государь Алексѣй Михайловичъ витіевато и вмѣстѣ съ тѣмъ задушевно и выразительно высказался объ удовольствіи, доставляемомъ соколиною охотой въ такихъ словахъ: «Зѣло потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя и забавляетъ веселіемъ радостнымъ и веселитъ охотниковъ сія птичья добыча... Будите охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою зѣло потѣшно и угодно и весело, да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія»...*).

Умѣло и успѣшно воспользовался культурный человѣкъ для своихъ охотничьихъ цѣлей прирожденными инстинктами нѣкоторыхъ животныхъ и птицъ, дрессируя ихъ въ необходимомъ ему направленіи, причемъ охотникъ пользовался также разнообразными орудіями, соотвѣтственно техникѣ даннаго времени. Вслѣдствіе этого охота имѣетъ свою исторію, въ которой обыкновенно различаютъ четыре періода.

1) Самый древній періодъ охоты обнимаетъ собою время доисторическое, когда охота служила главнымъ источникомъ пропитанія и глав-

*) Н. Кутеповъ. Великокняжеская и царская охота на Руси. С.-Петербургъ, 1896. Томъ второй. Стр. 18.

нымъ занятіемъ людей,—въ продолженіе охотничьей стадіи жизни. Тогда охота не подлежала и не могла подлежать какимъ-либо ограниченіямъ, потому что въ то время среди людей не было еще опредѣленныхъ законовъ, не было и побужденій къ ограниченіямъ охоты. „Для древнѣйшихъ обитателей земли охота являлась жизненною необходимостью. Для дикаря жить значило охотиться, и, истребляя звѣрей, онъ тѣмъ самымъ дѣлалъ свое существованіе болѣе обезпеченнымъ противъ трехъ его главныхъ враговъ—голода, холода и четвероногихъ хищниковъ. Охота, какъ борьба за существованіе, до послѣдней степени напрягала всѣ силы дикаря, постепенно развивая въ немъ способность наблюденія и умѣнье пользоваться результатами его, содѣйствовала развитію въ немъ способности мышленія и, благодаря ей, отчасти, онъ получилъ первыя понятія о природѣ. Она разбудила спавшій геній человѣка, и человѣкъ изобрѣлъ копье, лукъ и стрѣлу—первыя орудія, которыя цивилизовали человѣка. Мало того, охота должна была дисциплинировать волю дикаря; чтобы сразить звѣря, иногда нужно было выждать моментъ, когда ударъ всего вѣрнѣе, и принять то положеніе, которое всего удобнѣе. Сообразительность и ловкость, настойчивость и выносливость—вотъ тѣ навыки, какіе должны были образоваться въ борьбѣ со звѣремъ, навыки, получившіе особенную цѣнность впослѣдствіи, когда человѣку пришлось вести борьбу уже не со звѣрями, а съ подобными себѣ *).

2) Съ переходомъ первобытныхъ охотниковъ къ осѣдлой жизни, охота стала ограничиваться прежде всего опредѣленнымъ пространствомъ, потому, что дичь уменьшалась пропорціонально расширенію населенныхъ человѣкомъ пунктовъ. Тогда собственники землевладѣльцы старались ограничить право охоты предѣлами замежеванной собственности, на которую посторонніе охотники не имѣли права. Въ это время, когда человѣкъ научился побѣждать вредныхъ и страшныхъ звѣрей, а животныхъ полезныхъ съумѣлъ приручить и сдѣлать своими слугами, его мысль открыла способъ извлекать пользу изъ земли. Земледѣліе повлекло за собою осѣдлость, а осѣдлость сократила районъ охоты. Съ этого времени человѣкъ до извѣстной степени прикрѣпился къ землѣ, а раньше онъ свободно перемѣнялъ мѣста, и гдѣ было много звѣря, гдѣ былъ просторъ и приволье для охоты, тамъ было и его обиталище. Когда человѣкъ сдѣлался землепашцемъ, охотничья добыча перестаетъ быть для него единственнымъ средствомъ существованія: матеріальное значеніе охоты съуживается, она становится у нѣкоторыхъ народовъ вспомогательнымъ или второстепеннымъ занятіемъ, на зато болѣе рельефно обозначается ея другая сторона,—какъ благороднаго занятія, какъ искусства, обладателямъ котораго, если они отличаются храбростью и ловкостью, она доставляетъ славу, уваженіе, и нерѣдко даже самую власть **).

3) Съ развитіемъ государственности среди народа наступаетъ третій періодъ въ исторіи охоты, когда правительство объявляетъ это занятіе казеннымъ промысломъ и облагаетъ его извѣстнымъ налогомъ въ пользу

*) Н. Кутеповъ. Томъ первый. Стр. 2—3.
**) Тамъ же.

казны. Этотъ періодъ наблюдается только среди цивилизованныхъ народовъ. Тогда охота становится уже искусствомъ и притомъ по преимуществу высшихъ классовъ общества; тогда охота является не случайной забавой, но подчиняется извѣстнымъ правиламъ, выработаннымъ изъ опыта. Такая охота требуетъ большаго и сложнаго порядка, спеціально подготовленнаго служебнаго состава и массы охотничьяго инвентаря, какъ говоритъ талантливый описатель оффиціальной охоты на Руси. На такую охоту нужно много досуга и матеріальныхъ средствъ, а также любви къ дѣлу, безъ чего она утрачиваетъ свой основной характеръ. Такого положенія охота на Руси достигла при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, который именуется „достовѣрнымъ" т. е. истымъ охотникомъ, составившимъ для соколиной охоты особое руководство, извѣстное подъ именемъ „Урядника сокольничья пути". По словамъ г. Кутепова никто лучше Тишайшаго царя не зналъ охоты и не понималъ поэтической стороны ея, да едва ли кто могъ соперничать съ нимъ и относительно психической стороны вообще охотничьяго дѣла.

Какъ глубокій знатокъ и любитель охоты соколиной, царь Алексѣй Михайловичъ напоминаетъ своего отдаленнаго предка Владиміра Мономаха, который «и въ ловчихъ ловчій нарядъ держалъ, и въ конюхахъ, и о соколахъ, и о ястребахъ самъ заботился и трудился *«ловы дѣя»*, а также Василія III Ивановича, который умѣлъ находить въ охотѣ художественную сторону и наслаждался ею *).

4) Наконецъ, современный періодъ въ развитіи законодательства объ охотѣ составляетъ четвертый періодъ, характеризующійся свободой въ занятіи охотой, подъ высшимъ надзоромъ за ней со стороны государства **). Самый послѣдній по времени проектъ русскаго закона объ охотѣ выработанъ въ 1909 году комиссіей, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Сергія Михайловича, и сводится къ слѣдующему:

Законъ объ охотѣ распространяется на всякую охоту. Безъ именного охотничьяго свидѣтельства охотиться никому не дозволяется. Плата за свидѣтельство взимается въ предѣлахъ отъ пяти до сорока рублей. Въ цѣляхъ предотвращенія истребленія рѣдкихъ цѣнныхъ породъ, предусматривается полное воспрещеніе добыванія рѣчного бобра въ Европейской Россіи, зубровъ, мараловъ, манчжурскихъ пятнистыхъ оленей-самокъ, лосей, благородныхъ сѣверныхъ оленей-самокъ, дикихъ козъ и телятъ этихъ породъ. Для охоты на животныхъ другихъ отдѣльныхъ породъ устанавливаются опредѣленные разрѣшительные и запретные сроки, общіе для всей имперіи. Въ каждой губерніи и области учреждаются губернскіе и областные по дѣламъ охоты комитеты, въ каждомъ уѣздѣ и округѣ—одинъ или нѣсколько ловчихъ. Завѣдываніе охотничьимъ капиталомъ возлагается на главное управленіе землеустройства, отчисляющее въ непосредственное распоряженіе мѣстныхъ комитетовъ не менѣе восьмидесяти процентовъ, собранныхъ въ данной губерніи денегъ, въ цѣляхъ развитія охотничьяго хо-

*). См. сочин. Н. Кутепова, томъ второй, стр. 113—139.

**). См. подробное изложеніе этого вопроса въ Энциклопед. словарѣ Брокгауза и Ефрона, подъ словомъ „Охота" полутомъ XXIIа.

зяйства. Съ разрѣшенія губернаторовъ и начальниковъ областей, могутъ быть открываемы общества охотниковъ, кромѣ губерній привислянскихъ, девяти западныхъ и кавказскихъ, въ которыхъ эти общества открываются только по Высочайшему разрѣшенію. Комиссіей выработанъ также проектъ нормальнаго устава охотничьихъ обществъ *).

При такомъ распространеніи охоты въ исторіи человѣчества, естественно встрѣчаются упоминанія и описанія разныхъ видовъ охоты въ историческихъ сочиненіяхъ древнихъ народовъ, а также изображенія разныхъ моментовъ охоты на стѣнахъ древнихъ памятниковъ, особенно у народовъ восточныхъ. Въ цитированномъ сочиненіи Н. Кутепова «Великокняжеская и царская охота на Руси» (три тома), кромѣ подробнаго историческаго изслѣдованія охоты на всемъ тысячелѣтнемъ протяженіи русской исторіи, мы находимъ также прекрасные рисунки, изображающіе русскую охоту, отдѣльныя сцены которой близко напоминаютъ намъ живыя картины, наблюдаемыя иногда здѣсь, въ Туркестанѣ, и въ настоящее время. Историческія описанія древне-русскихъ посольствъ въ Бухару и Хуву лучше всего подтверждаютъ близкое сходство пріемовъ охоты въ древней Россіи и въ ханствахъ Средней Азіи и служатъ доказательствомъ важнаго значенія охоты въ установленіи дружественныхъ отношеній между московскими царями и ханами Средней Азіи, особенно въ вѣкъ Михаила и Алексѣя изъ дома Романовыхъ. Оба эти государя, миролюбивые по природѣ, по словамъ названнаго изслѣдователя древн.-русской охоты, употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы жить въ мирѣ и согласіи съ сосѣдними азіатскими ханами, а средствомъ къ этому служили царскіе подарки, отправляемые къ сосѣднимъ правителямъ съ особыми посольствами и состоявшіе въ значительной мѣрѣ изъ *ловчихъ птицъ*, которыя одинаково цѣнились, какъ въ Москвѣ, такъ въ Бухарѣ и Хивѣ. Даже турецкому султану ежегодно посылались изъ Москвы 20 кречетовъ и 5 ястребовъ. Крымскимъ ханамъ, начиная съ 1615 года ежегодно посылались „поминки" до 1670 года, состоявшіе также изъ лучшихъ кречетовъ и ястребовъ. Московскіе подарки ловчими птицами высоко цѣнились также персидскими шахами, такъ какъ въ Персіи съ самыхъ древнихъ временъ была распространена и пышно практиковалась соколиная охота, о чемъ разсказываетъ извѣстный англійскій посолъ 17 вѣка А. Олеарій въ описаніи своего путешествія въ эту страну **).

---

*). Въ „Новомъ Времени" (№ 11,971 отъ 11 іюля 1909 года) сообщалось: „Одинъ изъ департаментовъ министерства земледѣлія выработалъ удивительный законопроектъ о лишеніи правъ всего населенія Россійской Имперіи въ пользу очень незначительнаго числа счастливцевъ, располагающихъ крупною земельною собственностью. Дѣло идетъ о правѣ на охоту, которое предположено предоставить только владѣльцамъ имѣній свыше 75 десятинъ, причемъ собственники болѣе мелкихъ участковъ, ниже 74 десятинъ, точно такъ же, какъ и всѣ остальные русскіе граждане, начиная отъ петербургскихъ чиновниковъ, среди которыхъ есть не мало страстныхъ охотниковъ, и кончая многими тысячами крестьянъ, живущихъ охотою, какъ промысломъ, могутъ предаваться излюбленному занятію даже на своей собственной землѣ не иначе, какъ въ качествѣ преступныхъ закононарушителей и браконьеровъ". Надо думать, что этотъ странный проектъ былъ разсмотрѣнъ и закритикованъ на происходившемъ въ ноябрѣ 1909 г. московскомъ съѣздѣ.

**). У персидскаго шаха того времени было до 800 соколовъ, выдрессированныхъ не только для охоты на птицъ, но и на кабановъ, дикихъ ословъ, антилопъ и даже на людей, которымъ соколы были пріучены выклевывать глаза. Любопыт-

Шахъ Аббасъ 2-й былъ большимъ любителемъ и знатокомъ охоты, какъ и Московскій царь Алексѣй Михайловичъ. Поэтому, въ числѣ другихъ подарковъ, шаху отправляли изъ Москвы 28 кречетовъ и 2 ястребовъ со всѣми нарядами, причемъ на самаго дорогого кречета изготовлялись самыя роскошныя украшенія, унизанныя жемчугомъ и драгоцѣнными камнями. И шахъ цѣнилъ такіе подарки московскаго царя и не только поддерживалъ съ нимъ миръ, но и помогалъ ему въ тогдашнихъ затруднительныхъ финансовыхъ дѣлахъ Россіи. Съ посольствомъ 1652 года персидскому шаху были отправлены, кромѣ ловчихъ птицъ, *семь* псовыхъ драгоцѣнныхъ своръ съ золотыми и серебряными украшеніями на ошейникахъ, унизанныхъ жемчугомъ. При этомъ посламъ поручилось показать шаху самый порядокъ охоты, установленный въ Москвѣ. Бухарскому хану охотничьи птицы посылались въ 1622 и въ 1675 гг., а въ 1641 году былъ отправленъ кречетъ для хивинскаго хана Асфендіяра.

Также посылались ловчія птицы въ 17 столѣтіи калмыцкому князьку и грузинскимъ царямъ Теймуразу и Александру, (послѣднимъ неоднократно).

Изъ этихъ историческихъ справокъ можно видѣть, что мусульманскіе властители Азіи интересовались охотой и многіе изъ нихъ пользовались ею, какъ хорошимъ развлеченіемъ. Отъ нѣкоторыхъ современниковъ намъ приходилось слышать, что прежніе ханскіе выѣзды на охоту были многолюдны и пышны и сопровождались сложнымъ церемоніаломъ. Кто знаетъ, можетъ быть охотничій церемоніалъ москов. царей постепенно складывался подъ вліяніемъ подражанія сначала ханамъ Золотой Орды, а затѣмъ ханамъ Бухары и шахамъ Персіи. По крайней мѣрѣ, можно съ увѣренностью сказать, что во внѣшнихъ пріемахъ обращенія съ ловчими птицами сходство было полное: и теперь еще можно встрѣтить, даже въ окрестностяхъ Ташкента, туземнаго охотника съ кречетовъ на рукѣ, необыкновенно напоминающаго сокольничаго временъ царя Алексѣя Михайловича.

Но само собою понятно, что это сходство было внѣшнее, касалось общихъ пріемовъ держанія, перевозки и спуска охотничьихъ птицъ на добычу, а частныя правила самой охоты должны были отличаться особенностями, соотвѣтственно отличительнымъ условіямъ жизни русскихъ, какъ христіанъ, и туземцевъ, какъ мусульманъ.

Приступая къ изложенію правилъ шаріата объ охотѣ, сообщаемъ читателямъ, что эти правила изложены въ разныхъ сочиненіяхъ по шаріату, подробно и сокращенно *); въ нашемъ очеркѣ правила охоты излагаются по сборнику «*Хидая*», авторомъ котораго былъ уроженецъ Ферганы Шейху-ль-исламъ Бурхану-д-динъ Али бенъ Аби-Бекръ Аль-Маргинани (т. е. Маргеланскій, умершій въ 593 г. гиджры, который, по Вюстенфельду соотвѣтствуетъ 1197 г. по Р. Хр.) Этотъ ученый законовѣдъ Сред-

---

ныя описанія охоты шаха приведены въ сочиненіи Н. Кутепова. (Томъ II, стр. 145 и слѣд.)

*) См. Мухтасару-ль-викая и Мухтасару-ль-Кудури, глава объ охотѣ (*Сайдъ*).

ней Азіи (род. въ 1117 г.) былъ современникомъ извѣстнаго русскаго князя, любителя охоты, Владиміра Мономаха, и его внука, князя Андрея Боголюбскаго. Къ этому времени шаріатъ уже вошелъ въ полную силу въ жизни средне-азіатскихъ мусульманъ и позднѣе мы видимъ, что средне-азіатскіе ханы и эмиры руководились правилами этого кодекса при своихъ полевыхъ развлеченіяхъ, обставляя охоту большимъ церемоніаломъ и торжественностью, что въ свою очередь сказалось на порядкахъ и обстановкѣ охоты русскихъ князей и московскихъ царей, съ тою разницей, что для русскихъ князей и царей „охота" была потѣхой, и правила ея не имѣли ничего общаго съ религіознымъ закономъ, а правила шаріата объ охотѣ носятъ характеръ религіозныхъ предписаній.

Первымъ правиломъ шаріата относит. охоты служитъ разрѣшеніе пользоваться для нея всякаго рода охотничьими животными, кромѣ свиньи, которая не можетъ быть допущена на охотѣ ни въ качествѣ охотничьяго животнаго, ни въ качествѣ охотничьей дичи, вслѣдствіе омерзительности свиньи съ точки зрѣнія шаріата: изъ этого животнаго воспрещается извлекать какую бы то ни было пользу. Поэтому мусульманскіе охотники не охотятся на кабановъ, хотя ихъ въ разныхъ мѣстностяхъ Туркестана много, и хотя эти дикія животныя причиняютъ иногда серьезный вредъ хлѣбнымъ посѣвамъ.

Охотничьими животными, разрѣшаемыми шаріатомъ, считаются извѣстныхъ породъ птицы, собаки и нѣкоторыя другія хищныя животныя.

Охоты съ ловчими птицами болѣе распространены среди туземцевъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ хорошихъ охотничьихъ ружей и въ настоящее время, а въ эпоху составленія шаріата ружейной стрѣльбы еще не было; кромѣ того, охота при помощи ловчихъ птицъ представляетъ болѣе интереса и увлекательности для самихъ охотниковъ. Поэтому охотничьи птицы въ самыя отдаленныя времена пользовались большимъ вниманіемъ и заботливостью со стороны охотниковъ. На туркестанской выставкѣ 1891 года были представлены разныя охотничьи птицы: орлы, соколы, ястреба, копчики. Относительно орловъ существуетъ извѣстіе, что прирученіе ихъ для цѣлей охоты впервые было испробовано въ древнее время въ гор. Мосулѣ, на р. Тигрѣ, и что оно было извѣстно также древнимъ монголамъ и китайцамъ. По другимъ извѣстіямъ, вынашиваніе ловчихъ птицъ приписывается времени персидскаго царя Хозрова, при сынѣ котораго въ Багдадѣ были пріобрѣтены всѣ принадлежности соколиной охоты. Изъ Персіи охота при помощи ловчихъ птицъ перенесена была въ Среднюю Азію, гдѣ она имѣла гораздо большее распространеніе, чѣмъ въ Европѣ. Въ Азіи насчитываютъ до 70 видовъ охотничьихъ птицъ (орлы, соколы, ястреба, сарычи, коршуны, луни), которыя приручались и вынашивались для цѣлей охоты *). Съ нѣкоторыми изъ этихъ породъ ловчихъ птицъ и до сихъ поръ туземцы Средней Азіи охотятся на перепеловъ, куропатокъ, фазановъ, дикихъ гусей, утокъ, а въ рѣдкихъ случаяхъ и на четвероногихъ животныхъ (сайгаковъ, лисицъ, куницъ и зайцевъ). Въ литературѣ Персіи

*). См. „Правит. Вѣстникъ" 1895 г № 163 ст. „Прирученіе хищныхъ птицъ въ центральной Азіи".

и Средней Азіи очень распространены фантастическіе разсказы о томъ, какъ скучающій молодой царевичъ отправляется со своей свитой на охоту и, преслѣдуя дикую лань, попадаетъ въ замокъ красавицы-царевны, въ обществѣ съ которой у царевича начинается своеобразный романъ, украшенный всевозможными приключеніями, понятными въ Азіи *)

Недавно намъ пришлось слышать отъ одного туземца разсказъ, какъ бывшій кокандскій ханъ Малля-ханъ, братъ Худояръ-хана (1857—1858) загрустилъ на охотѣ послѣ того, какъ дикій орелъ убилъ его любимаго сокола, и какъ потомъ опять развеселился, когда подаренный ему придворными соколъ оторвалъ этому орлу голову. Другой придворный съ своимъ соколомъ едва не поплатился жизнью за то, что подаренный имъ хану соколъ, будучи спущенъ на дикихъ гусей, исчезъ изъ глазъ вмѣстѣ съ гусями. Виновный въ недостаточной выучкѣ сокола былъ посаженъ въ зинданъ, но былъ выпущенъ ночью подъ условіемъ, что найдетъ улетѣвшаго сокола. Освобожденный при помощи охотничьяго барабана (*Чиндауль*), вернулъ сокола, который, какъ оказалось, гонялся за гусями и всѣхъ ихъ перебилъ на лету, а послѣдняго живого пригналъ на мѣсто охоты и вмѣстѣ съ нимъ спустился на землю.

По этому-то шаріатъ и требуетъ, чтобы охотничьи птицы и животныя были надлежащимъ образомъ выдрессированы, о чемъ будетъ сказано ниже.

Шаріатомъ разрѣшается мусульманамъ охотиться на всякаго рода животныхъ, независимо отъ того, дозволено ли религіознымъ закономъ въ пищу мясо пойманныхъ и убитыхъ на охотѣ черевроногихъ животныхъ, звѣрей и птицъ. Отъ животныхъ и птицъ, не разрѣшенныхъ шаріатомъ въ пищу, охотникъ-мусульманинъ можетъ пользоваться мѣхомъ, кожей, костями и перьями; въ случаѣ же, когда животное четвероногое или птица не представляютъ ничего годнаго къ личному употребленію мусульманина, или для сбыта въ торговлѣ, тогда они убиваются какъ причиняющія вредъ хозяйству мусульманина, или опасность для его жизни. Всѣ такія побужденія къ охотѣ считаются въ шаріатѣ похвальными.

Что же касается употребленія въ пищу мяса животныхъ и птицъ, убитыхъ на охотѣ, то для законности такой пищи охотникъ-мусульманинъ долженъ соблюдать разныя правила, начиная съ призыванія имени Божія и кончая выпусканіемъ крови изъ пораненной дичи, что приравниваетъ такое мясо къ мясу домашнихъ животныхъ, заколотыхъ въ пищу по установленному въ шаріатѣ способу, и отличаетъ мясо охотничьей дичи отъ падали, запрещенной въ пищу мусульманамъ. Въ связи съ этимъ и установленъ въ шаріатѣ взглядъ на дозволенность мусульманамъ употребленія въ пищу мяса убитыхъ на охотѣ животныхъ четвероногихъ и птицъ. О пищѣ дозволенной (*халяль*) и запрещенной (*харамъ*) мусульмане получаютъ представленіе дома и въ школѣ съ дѣтскихъ лѣтъ. Такимъ образомъ, каждый охотникъ-мусульманинъ долженъ быть освѣдомленъ въ основныхъ по-

*). См. „Приключенія Царевича Сапаубара" въ Сборникѣ въ честь семидесятилѣтія Григорія Николаевича Потанина. С.-Петербургъ. 1909 г. Сказки сартовъ моего изданія (Ташкентъ, 1893 и 1906 г.) и Арабскія сказки 1001 ночь.

становленіяхъ шаріата относительно охоты, чтобы и самому не согрѣшить, и другихъ не ввести въ грѣхъ. Такое элементарное ознакомленіе съ правилами охоты достигалось въ прежнее время цѣховымъ характеромъ охотничьяго промысла и особымъ рукописнымъ руководствомъ (*рисаля*), которое долженъ читать, или слушать охотникъ.

Самымъ употребительнымъ на охотѣ четвероногимъ животнымъ считается *собака*, а изъ птицъ *соколъ*. Нѣкоторыя законовѣды допускаютъ пользоваться во время охоты и хищными животными и птицами, не исключая тигра и коршуна; но имамъ Абу-Юсуфъ исключаетъ изъ числа охотничьихъ животныхъ тигровъ и медвѣдей, а изъ птицъ—коршуновъ, вслѣдствіе ихъ дикости и прожорливости.

Какъ общее правило законности дичи для употребленія ея мяса въ пищу мусульманиномъ считается произнесеніе охотникомъ имени Божія, какъ это требуется шаріатомъ при началѣ каждаго законнаго дѣла. Призываніе имени Божія предъ спускомъ охотничьей собаки или ловчаго сокола на дичь ни въ какомъ случаѣ не должно быть забываемо, тѣмъ болѣе намѣренно, пот. что въ такомъ случаѣ затравленная или подбитая дичь не разрѣшается въ пищу мусульманину. Если же охотникъ *по забывчивости*, а не намѣренно не произнесетъ имени Божія при спускѣ охотничьяго животнаго или охотничьей птицы на дичь, которую поймаетъ или ранитъ это животное или птица, и дичь потомъ умретъ, то такая дичь разрѣшается въ пищу мусульманину.

На каждый отдѣльный спускъ охотничьяго животнаго на дичь требуется особое призываніе имени Божія, какъ на отдѣльный самостоятельный актъ охоты, причемъ въ шаріатѣ предусматриваются слѣдующіе случаи:

а) Если собака, спущенная охотникомъ на какую-нибудь дичь, поймаетъ ее и убьетъ, а затѣмъ погонится за другой дичью и также поймаетъ и убьетъ ее, то въ этомъ случаѣ обѣ добычи считаются разрѣшенными въ пищу, такъ какъ при этомъ собака не дѣлала передышки, вслѣдствіе чего произнесеніе имени Божія, при спускѣ ея на дичь, сохраняло свою освятительную силу на обѣ схватки дичи.

б) Но если собака, послѣ поимки первой дичи, приляжетъ на землю для отдыха и пролежитъ въ покоѣ продолжительное время, то первый спускъ ея считается окончившимся. И если послѣ этого та же собака, отдохнувъ и замѣтивъ другую дичь, бросится на нее и убьетъ ее, то такая дичь не можетъ быть употребляема въ пищу, такъ какъ произнесеніе имени Божія на эту вторую дичь не распространялось.

в) Если же собака, послѣ поимки первой дичи, прилегла на землю, чтобы ввести дичь въ заблужденіе, то и вторая дичь, пойманная собакой послѣ такого пріема, считается законною для употребленія въ пищу. На этомъ же основаніи считается дозволенною въ пищу дичь, пойманная пантерой, которая, по свойству природы своей, до нападенія на дичь держится въ засадѣ и во время нападенія прилегаетъ къ землѣ и дѣлаетъ разныя другія уловки, чтобы вѣрнѣе схватить дичь.

г) Напротивъ дичь, пойманная и убитая охотничьимъ животнымъ,

которая бросилась на дичь, когда охотникъ не произнесъ имени Божія, считается не дозволенною въ пищу.

Дрессированнымъ животнымъ признается такое, которое было на охотѣ не менѣе *трехъ* разъ и, поймавши дичь, не растерзало ее. По отношенію къ соколу, считается признакомъ достаточной подготовки его къ охотѣ возвращеніе его къ своему хозяину послѣ спуска на дичь, по зову послѣдняго. Эти признаки установлены, согласно природѣ названныхъ животныхъ: послушаніе сокола, по природѣ дикаго, и воздержанность собаки отъ пожиранія дичи, по мнѣнію мусульманскихъ законовѣдовъ, считается признакомъ достаточной дрессировки и именно—при троекратномъ обнаруженіи указанныхъ свойствъ. Двухкратное воздержаніе собаки отъ пожиранія пойманной ею дичи считается недостаточнымъ доказательствомъ ея выдрессированности, такъ какъ въ этомъ случаѣ возможно допустить предположеніе о томъ, что она была въ данное время сыта. Кромѣ того, число *три* считается освященнымъ въ Коранѣ примѣромъ изъ исторіи Моисея, и въ арабскомъ языкѣ представляетъ собою *наименьшій* признакъ множественности *). Впрочемъ Абу-Ханифа не совѣтуетъ ограничиваться въ подобныхъ случаяхъ троекратнымъ опытомъ, такъ какъ установленіе извѣстнаго числа должно быть предписано священной книгой, а не простымъ предположеніемъ человѣка; а такъ какъ такого предписанія въ священныхъ книгахъ нѣтъ, то и нужно предоставить рѣшеніе вопроса о достаточной дрессировкѣ животнаго усмотрѣнію самого охотника, какъ лица, наиболѣе заинтересованнаго и наиболѣе опытнаго въ охотѣ. Оба ученика Абу-Ханифы считаютъ *законною* дичь, которую поймала собака, спущенная на охоту уже въ четвертый разъ, такъ какъ первыя три побѣжки ея за дичью устанавливаютъ возможное окончаніе ея дрессировки; между тѣмъ самъ Абу-Ханифа допускаетъ законность дичи, пойманной собакой въ *третій* спускъ и не съѣденной ею, такъ какъ это послѣднее условіе служитъ признакомъ достаточной выдрессированности охотничьяго животнаго.

Другія условія законности дичи къ употребленію въ пищу, слѣдующія:

1) Если собака оторветъ и съѣстъ часть пойманной ею дичи, то оставшуюся часть дичи нельзя употреблять въ пищу; но если соколъ пожретъ часть пойманной птицы, то употребленіе въ пищу оставшейся дичи разрѣшается.

2) Если собака, нѣсколько разъ приносившая охотнику пойманную дичь въ нерастерзанномъ видѣ, затѣмъ, при новомъ спускѣ на дичь, съѣстъ часть ея, то такая дичь считается незаконною, такъ какъ это обстоятельство указываетъ на недостаточную выдрессированность собаки. И для того, чтобы послѣ этого случая пойманная и принесенная этой собакой дичь была законна для пищи, собаку необходимо вновь дрессировать, хотя на этотъ счетъ существуетъ разногласіе во мнѣніяхъ Абу-Ханифы и его учениковъ.

---

*) Число *два* въ этомъ языкѣ показываетъ только двойственность, а не множественность, почему въ араб. языкѣ есть особыя окончанія склоненія и спряженія въ двойственномъ числѣ.

3) Если соколъ, спущенный на дичь, улетитъ отъ своего хозяина и будетъ пропадать нѣкоторое время, а затѣмъ поймаетъ дичь и возвратится съ нею къ хозяину, то такую дичь не разрѣшается употреблять въ пищу, такъ какъ невозвращеніе сокола къ своему хозяину д. служить признакомъ его невыдрессированности, а дичь пойманная невыдрессированнымъ животнымъ, незаконна къ употребленію, по общему положенію.

4) Если охотничья собака только попьетъ крови пойманнаго ею животнаго, но не будетъ ѣсть самаго мяса, то такую дичь дозволяется употреблять въ пищу, такъ какъ (по Хидаѣ) это свидѣтельствуетъ о достаточной дрессировкѣ собаки, которой полагается ѣсть то, что не разрѣшается для ея хозяина и оставлять послѣднему разрѣшенныя закономъ и годныя для питанія его части животнаго.

5) Если охотникъ отрѣжетъ кусокъ отъ пойманной собакою дичи и броситъ ей, а послѣдняя съѣстъ этотъ кусокъ, то остальная часть дичи законна къ употребленію, такъ какъ дичи уже не составляетъ. Равнымъ образомъ, если собака прыгнетъ на своего хозяина, выхвативъ у него изъ рукъ часть мертвой дичи, съѣстъ этотъ кусокъ; или если собака нападетъ на козу своего хозяина и заѣстъ ее, то во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ нѣтъ наличности доказательствъ отсутствія дрессировки охотничьяго животнаго.

6) Если собака, схвативъ дичь зубами, откуситъ часть ея тѣла и съѣстъ, а дичь вырвется и побѣжитъ, но собака настигнетъ ее, поймаетъ и принесетъ къ хозяину несъѣденною, то дичь считается незаконною, такъ какъ собака обнаружила недостаточность дрессировки. Если-же собака не съѣстъ вырваннаго куска и, поймавъ убѣжавшую отъ нея дичь принесетъ ее къ хозяину, то такая дичь считается законною къ употребленію, хотя-бы собака нашла потомъ оторванный ею кусокъ и съѣла бы его.

Относительно дичи, пойманной живою, но пораненной собакой охотника, шаріатъ требуетъ, чтобы хозяинъ дичи зарѣзалъ пойманное животное по правиламъ „забха", изложеннымъ въ шаріатѣ; если же охотникъ не успѣетъ прирѣзать пораненое собакой животное и оно умретъ, то мясо его считается падалью и не можетъ быть употреблено въ пищу. Основаніемъ въ этомъ случаѣ служитъ взглядъ шаріата на *законность* употребленія мусульманами мяса животныхъ и птицъ въ пищу, подъ условіемъ правильной рѣзки (забхъ) *).

Такія же требованія предписываются шаріатомъ и для птицъ, пораненыхъ охотничьимъ животнымъ и пойманныхъ затѣмъ живыми.

Ханифитскіе законовѣды разсуждаютъ въ этомъ случаѣ такъ, что животное, пойманное живымъ, уже не составляетъ *дичи*, п. что у него остается возможность къ продолженію жизни.

Дичь, пойманная собакой и не отнятая у нея, пока не умретъ, не можетъ служить пищей мусульманину, если охотникъ имѣлъ возможность

---

*) Шаріатъ, какъ законъ всецѣло религіозный, требуетъ, чтобы въ пищу было употребляемо мясо животныхъ, которымъ перерѣзано горло съ произнесеніемъ имени Божія.

совершить надъ нею обрядъ «забха», т. е. прирѣза; но если у охотника не было времени для прирѣза пойманной дичи, то ее можно употребить въ пищу.

Если собака, спущенная охотникомъ на какую-либо опредѣленную дичь, поймаетъ вмѣсто этой дичи другую, то и послѣдняя дичь законна къ употребленію, такъ какъ для охотника та или другая дичь безразлична, и такъ какъ невозможно требовать отъ собаки, чтобы она ловила только указанное въ данный моментъ животное.

Любопытны также слѣдующія правила охоты:

а) Если дрессированной собакѣ на охотѣ будетъ помогать другая не дрессированная собака, или собака, принадлежащая магу (огнепоклоннику), или такая собака, при спускѣ которой на дичь намѣренно не было произнесено имя Божіе, то такая дичь считается незаконною для пищи.

Примѣчаніе. Одинаково съ магомъ, дѣлаютъ дичь незаконною вѣроотступники и другіе мухримы, т. е., лица, оскверняющія святость шаріата. И если такія лица подберутъ пойманную на охотѣ дичь, то она не разрѣшается мусульманамъ въ пищу.

б) Если охотникъ произнесетъ имя Божіе и спуститъ собаку на дичь, а собака, схвативъ дичь, выпуститъ ее, и затѣмъ снова поймаетъ и убьетъ, то такая дичь считается законною.

в) Дичь будетъ законна для пищи и въ томъ случаѣ, если на нее будутъ спущены съ призываніемъ имени Божія двѣ собаки, изъ которыхъ одна ослабитъ дичь, а другая затѣмъ поймаетъ и убьетъ. Точно также будетъ законна дичь, ослабленная, пойманная и убитая двумя собаками, принадлежащими двумъ разнымъ охотникамъ, при непремѣнномъ условіи произнесенія имени Божія обоими охотниками.

г) Въ этомъ случаѣ дичь считается принадлежащею тому охотнику, собака котораю загоняла и ослабила дичь, такъ какъ на долю этой собаки выпала задача лишить дичь свойства дичи, т. е. возможности убѣжать, чтобы спастись отъ охотника.

Необходимымъ условіемъ для законности употребленія въ пищу мяса дичи служитъ выпускъ крови изъ ея тѣла, что равняется прирѣзу животнаго по правиламъ шаріата. Поэтому мясо не пораненой дичи, а задушенной охотничьимъ животнымъ, не разрѣшается въ пищу. Что же касается подстрѣленной дичи (подразумѣвается стрѣлой изъ лука), то на этотъ случай существуютъ слѣдующія своеобразныя правила:

а) Если охотникъ выпуститъ стрѣлу по направленію услышаннаго имъ шума въ воздухѣ, въ предположеніи, что этотъ шумъ исходитъ отъ дичи, и если выпущенная такимъ образомъ стрѣла попадетъ въ дичь и убьетъ ее, то мясо этой дичи разрѣшается къ употребленію въ пищу, хотя бы шумъ исходилъ и не отъ той именно дичи, по которой была выпущена охотникомъ стрѣла, потому что охотникъ имѣлъ намѣреніе подстрѣлить дичь, какая бы то ни была. Исключеніемъ въ этомъ случаѣ служитъ, по мнѣнію Абу-Юсуфа (ученика Абу-Ханифы), свинья, почему, если бы обнаружилось потомъ, что шумъ, побудившій охотника выпустить стрѣлу, исходилъ отъ свиньи, а стрѣла попала бы въ дичь и убила ее, то мясо такой дичи не разрѣшается употреблять въ пищу.

б) Если стрѣла будетъ направлена въ извѣстную птицу, а попадетъ въ другую, также летящую птицу, то мясо этой послѣдней будетъ законно. Если же стрѣла, направленная въ верблюда, подстрѣлитъ дичь, а верблюдъ убѣжитъ, то дичь считается не законною, потому что верблюдъ не относится къ дикимъ животнымъ. Но если дичь будетъ убита стрѣлой, пущенною въ рыбу или въ саранчу, то считается законною, такъ какъ рыба и саранча не прирученныя животныя и могутъ быть отнесены къ дичи.

в) Если охотникъ, услышавъ шумъ вдали, предположитъ, что этотъ шумъ исходитъ отъ злонамѣреннаго человѣка, отъ котораго нужно защищаться, и потому выпуститъ стрѣлу по направленію предполагаемой опасности, а на самомъ дѣлѣ окажется, что шумъ былъ произведенъ дичью и стрѣла убьетъ дичь, то она считается законною, потому что дѣйствительность опровергла первоначальное предположеніе охотника.

г) Если охотникъ, спуская стрѣлу, произнесетъ имя Божіе и дичь будетъ поранена, а затѣмъ умретъ, то мясо такой дичи дозволяется въ пищу, такъ какъ пораненіе послѣ призыванія имени Божія равносильно законному зарѣзанію; но если пораненная дичь попадетъ въ руки охотника еще живою, то должна быть прирѣзана по правиламъ шаріата.

д) Если стрѣла вонзится въ тѣло птицы, которая улетитъ вмѣстѣ съ стрѣлою, а затѣмъ умретъ, то охотникъ, нашедшій эту дичь уже мертвою, можетъ употребить ее въ пищу. Но если охотникъ не будетъ имѣть намѣренія отыскать подстрѣленную имъ дичь и потомъ найдетъ ее мертвою *случайно*, то мясо ея не считается законнымъ, такъ какъ при этомъ возможно предположеніе, что найденная имъ дичь умерла отъ другой причины.

е) Если въ описанномъ случаѣ у найденной дичи окажется другая рана, кромѣ причиненной стрѣлою охотника, то такая дичь считается незаконною, хотя бы поиски охотника сопровождались его намѣреніемъ, о чемъ упомянуто въ предыдущемъ пунктѣ.

ж) Если подстрѣленная дичь упадетъ въ воду, или на крышу дома, или на какую-нибудь другую возвышенность, съ которой потомъ свалится на землю, то такую дичь ѣсть не разрѣшается, такъ какъ при этомъ возможно предположить, что смерть дичи произошла отъ паденія и удара о землю или о воду, а не отъ стрѣлы.

з) Если у водяной птицы, подстрѣленной охотникомъ, рана окажется на нижней части тѣла, погруженной въ воду, то такую дичь также запрещено употреблять въ пищу, равно какъ и всякую птицу, упавшую въ воду, если рана окажется на нижней части ея тѣла. Очевидно, запрещеніе вытекаетъ изъ предположенія, что въ данномъ случаѣ рана не была причинена птицѣ охотникомъ.

При такой точкѣ зрѣнія на законность или незаконность употребленія въ пищу мяса той или другой дичи, въ шаріатѣ существуютъ особыя правила относительно дичи, убитой ударомъ какого-нибудь предмета или орудія не охотничьяго. Напримѣръ:

а) Если дичь будетъ убита ударомъ тупой стрѣлы, то мясо такой дичи не разрѣшается въ пищу, такъ какъ въ этомъ случаѣ не было пора-

ненія, сопровождающагося истеченіемъ крови и потому не приравниваемаго къ законному зарѣзанію.

б) Подобно этому не разрѣшается употреблять въ пищу мясо дичи, убитой сомострѣломъ, равно какъ незаконна дичь, убитая тяжелымъ камнемъ, потому что въ этомъ случаѣ не было пораненія и причиною смерти дичи могла служить сила удара, а не острота предмета, брошеннаго въ дичь. При такомъ соображеніи допускается употребленіе въ пищу дичи, убитой легкимъ, но острымъ камнемъ, который причинилъ ей пораненіе, сопровождавшееся истеченіемъ крови. И наоборотъ, когда дичь будетъ убита маленькимъ булыжникомъ, причемъ не будетъ оторвана отъ тѣла дичи какая-либо часть, а также,—если дичь будетъ убита палкой или вообще обрубкомъ дерева, то считается незаконной, потому, что удары, причинившіе смерть дичи, не сопровождались раною и истеченіемъ крови. А потому, если палка и другой предметъ, которымъ убита дичь, имѣли острые края и причинили дичи рану, то мясо ея разрѣшается въ пищу, такъ какъ въ этомъ случаѣ орудія удара приравниваются къ мечу или пикѣ.

в) Въ тѣхъ случаяхъ, когда остается сомнѣніе относительно причины смерти дичи, т. е., отъ удара или отъ раны, то ради предосторожности предъ возможностью нарушить законъ, не разрѣшается употребленіе такой дичи въ пищу.

г) То же разсужденіе примѣняется и къ тому случаю, когда дичь будетъ убита мечомъ или ножомъ: если ударъ былъ произведенъ рукояткой или тупою стороною ножа или меча, то дичь считается незаконною къ употребленію.

д) Незаконность дичи къ употребленію въ пищу обусловливается также и вѣроисповѣданіемъ охотника: если дичь будетъ убита магомъ, вѣроотступникомъ или идолопоклонникомъ, какъ почитателей изображеній, то дичь считается незаконною. Это правило не распространяется, однако, на христіанъ и евреевъ, которымъ разрѣшается „*забхъ*“ (рѣзаніе), хотя на практикѣ возникаютъ недоумѣнія и споры изъ-за продажи на базарѣ мяса животныхъ, зарѣзанныхъ христіанскими и еврейскими мясниками, какъ это было въ Ташкентѣ, Самаркандѣ и Кокандѣ.

Къ изложеннымъ основнымъ взглядамъ шаріата на законность или незаконность дичи относятся также разные казуистическіе случаи, каковы напримѣръ:

а) Если охотникъ поранитъ дичь стрѣлой, но не лишитъ ее возможности убѣжать отъ подстрѣлившаго ее охотника, а другой охотникъ случайно встрѣтитъ ее и убьетъ своею стрѣлою, то дичь считается принадлежащею второму охотнику. Если же первый охотникъ настолько ослабилъ дичь, что она не могла убѣжать, то хотя бы другой охотникъ убилъ ее, она принадлежитъ первому охотнику. И этотъ послѣдній не долженъ употреблять въ пищу ея мяса, такъ какъ при этомъ возможно предположеніе, что дичь умерла отъ второй раны. Въ этомъ случаѣ пораненую дичь, лишенную возможности бѣжать, слѣдовало бы, по шаріату, прирѣзать. И второй охотникъ становится отвѣтственнымъ предъ первымъ за стоимость дичи, такъ какъ онъ испортилъ чужую собственность. На слу-

чай разсчета второго охотника съ первымъ за порчу подстрѣленной дичи существуютъ особыя правила, отличающіяся своею оригинальностью.

б) Если дичь будетъ убита двумя послѣдовательными выстрѣлами одного и того же охотника, то случай этотъ приравнивается къ случаю нанесенія раны одной и той же дичи двумя лицами, т. е., дичь становится тогда незаконною, ибо ее слѣдовало бы послѣ перваго пораненія *прирѣзать*.

Таковы правила шаріата объ охотѣ.

Въ дополненіе къ этимъ правиламъ, слѣдуетъ упомянуть, что въ числѣ такъ называемыхъ «Рисаля», трактующихъ о разныхъ ремеслахъ, среди сартовъ извѣстна также «Рисаля» объ охотѣ, но уже подновленная представленіемъ о фитильномъ ружьѣ. Въ этой рисалѣ отъ имени имама Джагфара Садыка (внука Алія) говорится, что впервые ружье было изготовлено пророкомъ Давидомъ при помощи архан. Гавріила *), принесшаго ему изъ рая кусокъ желѣза, а богатырь Измаилъ-Руми сдѣлалъ деревянное ложе для этого перваго ружейнаго ствола. Первый выстрѣлъ изъ этого перваго ружья былъ направленъ въ кяфировъ (невѣрныхъ), которые были обращены въ бѣгство.

Ссылка на пророка Давида въ рисалѣ сдѣлана на томъ основаніи, что этотъ пророкъ считается изобрѣтателемъ кузнечнаго ремесла, а самое искусство стрѣлять изъ ружья ведетъ начало отъ богатыря Измаила Руми (Румелійскаго), отъ котораго путемъ преемственной передачи оно дошло до Ахмеда Замжи, и затѣмъ распространилось по всему свѣту. Триста учениковъ этого святого, по взаимному соглашенію, установили правила стрѣльбы изъ ружья для послѣдующихъ временъ; но эти правила касаются не техники заряжанія ружья, прицѣла и выстрѣла, а опредѣляютъ, какіе молитвенные возгласы, или какія имена Божіи, нужно произносить во время стрѣльбы. Какъ на наиболѣе оригинальные возгласы, укажемъ на слѣдующіе:

При вкладываніи пули въ ружейный стволъ, нужно произносить: «О подавляющій (глотающій) гнѣвъ! О прощающій людей!».

При разматываніи нитокъ для фителя, рекомендуется произносить: „О откликающійся! О дарующій прежде нашего прошенія! Прошу тебя, о Прощающій!“.

При нажиманіи спуска, слѣдуетъ произносить: «Богъ любитъ добронравныхъ».

Когда будетъ произведенъ выстрѣлъ, нужно сказать: «О сущій! Ты—свѣтъ».

Далѣе въ рисалѣ указывается на 12 нравственныхъ качествъ, какими долженъ отличаться стрѣлокъ, именно: щедрость, доброжелательность, воздержаніе, вѣжливость, попечительность о сиротахъ и др. Охотникамъ ре-

---

*) Такъ обыкновенно въ разныхъ рисаляхъ разсказывается о началѣ ремеслъ и занятій, относящихся къ домашнему хозяйству, напримѣръ: о земледѣліи, о хлѣбопекахъ, о портняжномъ, сапожномъ, плотничьемъ и т. д. ремеслахъ.— Всѣхъ такихъ рисаля среди сартовъ много: изъ нихъ двѣнадцать изданы были въ туземной газетѣ за разные годы.

комендуется расходовать свои заработки на нужды „Пути Божія“ т. е. на дѣла благочестія по Корану и въ томъ числѣ на войну съ невѣрными, о которой говорится во многихъ мѣстахъ Корана.

Нѣчто подобное сартовской „Рисалѣ“ мы находимъ и въ русской литературѣ, имѣя въ виду книжку «Псовый охотникъ», изданную въ 1785 году тогдашнимъ любителемъ охоты Г. Б. Эта книжка служила руководствомъ для лучшихъ охотниковъ 18-го вѣка и представляла сводъ правилъ, выработанныхъ дѣйствительностью и примѣнявшихся на дѣлѣ. Она показываетъ, что охота въ Россіи въ концѣ 18 ст. стояла высоко въ глазахъ любителей этой забавы, составляла „цѣлую науку со множествомъ строго выработанныхъ правилъ, съ подробною, точною, исключительно русскою терминологіей“, какъ говоритъ почтенный авторъ „Императорской охоты на Руси“ Н. Кутеповъ. Въ руководствѣ приведены въ систему издавна установившіеся пріемы русскихъ охотниковъ и съ этой стороны оно далеко оставляетъ за собою сартовскую рисалю, написанную по мусульманскому шаблону и почти на содержащую въ себѣ ничего касательно техники охоты. Тѣмъ не менѣе вниманіе наше невольно останавливается на перечисленіи свойствъ псоваго охотника, въ чемъ рисаля сходится съ чисто русскимъ произведеніемъ. «Псовый охотникъ»—говорится въ руководствѣ «долженъ быть слѣдующихъ свойствъ, а именно: вѣренъ, трезвъ, хорошихъ поступковъ, трудолюбивъ, вѣжливъ, опрятенъ, остороженъ, примѣчателенъ, чутокъ, не горячъ, разсудителенъ, проворенъ, хитеръ, нестрашливъ, несонливъ и ласковъ и долженъ знать въ совершенствѣ, во всѣхъ подробностяхъ, все охотничье дѣло *). Въ рисалѣ, преслѣдующей цѣль религіозную, а не практическую, наоборотъ, рекомендуется охотнику быть строго исполнительнымъ относительно всѣхъ религіозныхъ обязанностей. Отсюда становится понятнымъ и такое странное наставленіе рисали: «Пусть стрѣлокъ обратится въ сторону кяфировъ и выстрѣлитъ одинъ разъ. Независимо отъ того, попадетъ или не попадетъ пуля въ цѣль, стрѣлокъ въ моментъ выстрѣла соединится съ Богомъ»...

Старый, неподдѣльный исламъ вездѣ и при всякомъ случаѣ ненавистничаетъ противъ невѣрныхъ..

Какъ самую сильную угрозу несоблюдающимъ эти правила, рисаля объявляетъ, что всякая дичь, подстрѣленная изъ ружья безъ соблюденія этихъ правилъ, будетъ для нихъ *поганѣе свиного мяса*, что сами они будутъ невѣрными, а жены ихъ будутъ удалены отъ нихъ посредствомъ *„развода“* **).

Рисаля такимъ образомъ не запрещаетъ современному охотнику пользоваться огнестрѣльнымъ оружіемъ. Но есть и болѣе строгіе послѣдователи чистаго шаріата XII столѣтія нашей эры (когда была составлена Хидая), которые говорятъ, что дичь, убитая ожигающимъ снарядомъ (ихракъ), не должна быть употребляема въ пищу... Однако время измѣняетъ взгляды людей: Tempora mutantur et nos mutamini in illis то есть недословно: вмѣ-

---

*). Царская и Императорская охота на Руси. Томъ 3. стран. 176—177 (С.-Петербургъ 1902 г.)

**). Свѣдѣнія объ этой рисалѣ заимствованы изъ замѣтки Н. С. Лыкошина, напечатанной въ № 38 «Туркест. Вѣдом. отъ 13 мая 1901 года.

стѣ со временемъ измѣняются и взгляды людей. Въ этомъ состоитъ основной законъ развитія человѣческой культуры. Въ наше время охотничій лукъ составляетъ археологическую древность; даже фитильное ружье можно встрѣтить только въ глухихъ мѣстахъ, а при употребленіи скорострѣльнаго ружья некогда строго выполнять мелочныя правила рисали.

Н. Остроумовъ.

Бракъ и разводъ у киргизъ*).

У нашихъ туземцевъ есть пословица: „сартъ, когда разбогатѣетъ, крышу ставитъ (т. е. строитъ домъ), а киргизъ когда разбогатѣетъ—женится. Если значеніе этой пословицы и схватывается по-началу въ смыслѣ характерной разницы сартовъ и киргизъ во вкусахъ и взглядахъ, то не мѣшаетъ, можетъ быть, имѣть въ виду также и то обстоятельство, что у сартовъ „калымъ" (выкупъ за невѣсту), можетъ доходить до двухъ (не менѣе, правда) рублей, тогда какъ у киргизъ этотъ „калымъ" менѣе десяти головъ рогатаго (безразлично-крупнаго или мелкаго) скота не бываетъ. Такимъ образомъ, сарту, чтобы жениться, иногда и вовсе не надо быть богатымъ, тогда какъ киргизъ изъ бѣдныхъ—сплошь и рядомъ холостъ, и чтобы жениться, ему надо, именно разбогатѣть. О томъ какъ женятся киргизы и и разводятся, мы и хотѣли бы теперь подѣлиться свѣдѣніями, которыя намъ удалось получить непосредственно отъ одного киргиза, по своему оффиціальному положенію компетентнаго въ вопросахъ туземнаго быта. Къ сожалѣнію, только, свѣдѣнія эти, не по нашей, правда, винѣ, не отличаются желательной полнотой, каковой пробѣлъ, впрочемъ, мы не теряемъ все же надежды въ свое время пополнить.

Брачное совершеннолѣтіе у киргизъ опредѣляется—для женскаго пола въ 12, а для мужского въ 15 лѣтъ. Вступленіе въ бракъ до достиженія брачнаго возраста не допускается; въ случаѣ же, если-бы такого рода бракъ и состоялся (конечно, уже по недосмотру старшихъ), то никакія наказанія, за неустановленностью ихъ на этотъ счетъ, не примѣняются, и лишь предупреждается дальнѣйшее сожительство. Прежде всего, конечно, выясняется согласіе повѣнчаться—будущей невѣсты, если она совершеннолѣтняя и—согласіе ея родителей, если она несовершеннолѣтняя. Согласіе это выясняется черезъ свата, котораго посылаютъ родители будущаго жениха. Надо замѣтить здѣсь, что согласіе невѣсты на бракъ безусловно необходимо, такъ что безъ него калымъ, если-бы уже и былъ уплаченъ, то возвращается и свадьба разстраивается. Предварительное соглашеніе родителей взаимно повѣнчать своихъ дѣтей, имѣетъ значеніе лишь желанія ихъ породниться, но чтобы этотъ условленный, предустановленный родителями обѣихъ сторонъ бракъ могъ состояться, для этого обоюдное согласіе жениха и невѣсты всецѣло необходимо. Насколько при бракосочетаніи важно согласіе самихъ брачущихся—видно изъ того, напримѣръ, что иногда киргизу для женитьбы приходится похищать невѣсту, разумѣется, по предварительному

*) Свѣдѣнія собраны въ Ташкентскомъ уѣздѣ при содѣйствіи М. В. Ш., любезно оказавшаго услугу въ качествѣ переводчика.

о томъ съ нею соглашенію. Заручившись согласіемъ невѣсты на бракъ, а за ея несовершеннолѣтіемъ—согласіемъ на то ея родителей,—стороны договариваются о размѣрѣ калыма, который платятъ (отцу невѣсты) всѣ киргизы, какъ и всѣ вообще мусульмане. Богатые уплачиваютъ въ калымъ 60 барановъ, 4 кобылицы съ жеребятами и 2-хъ жеребцовъ, а бѣдные—не менѣе 10 головъ рогатаго, крупнаго или мелкаго, скота безразлично. Такъ какъ бѣдные, обыкновенно, не въ состояніи уплатить калымъ сразу, то уплачиваютъ его постепенно, начиная съ того времени, когда ихъ будущимъ женамъ отъ роду всего только два года. При опредѣленіи размѣра калыма письменныхъ сдѣлокъ никакихъ не заключаютъ, но если свадьба справляется до уплаты калыма полностью, то недоплаченная къ этому времени часть калыма, что случается рѣдко, обезпечивается распискою. Эта часть калыма, если молодые живутъ хорошо, обыкновенно, не взыскивается, а если и взыскивается, то въ пользу отца молодой, а не ея самой, какъ у сартовъ. При недоплатѣ какой-либо части калыма до бракосочетанія—свадьба можетъ и разстроиться, но если бракъ уже состоялся, то за недоплату какой-либо части калыма онъ не расторгается, до суда дѣло тоже не доходитъ, и отецъ молодой, обыкновенно, отказывается отъ этой недоплаченной части. Калымъ не возвращается, если невѣста больна или умретъ, если женихъ отказывается самъ или умретъ, но калымъ возвращается, если невѣста отказывается отъ брака. Почему калымъ считается неотъемлемой частью мусульманскаго брака, что, собственно, собою выражаетъ онъ, является-ли калымъ возмѣщеніемъ отцу расходовъ по воспитанію дочери, представляется ли онъ обыкновенной торговой сдѣлкой и тогда подчеркиваетъ въ глазахъ жены ея положеніе предъ мужемъ какъ рабы и старшей собственности, означаетъ-ли онъ и то и другое вмѣстѣ, или, наконецъ, ни того ни другого, а что-нибудь совершенно иное и что, именно, такое—этого намъ, при всемъ стараніи, такъ и не удалось дознаться. Сарты категорически отрицали всѣ предложенныя на эту тему догадки, особенно же толкованіе калыма въ смыслѣ торговой сдѣлки, киргизы соглашались признать калымъ возмѣщеніемъ отцу расходовъ по воспитанію дочери, но тѣ и другіе вмѣстѣ неодобрительно относились къ дальнѣйшей пытливости и вопросамъ о сущности калыма, заявляя, что для нихъ онъ представляется догматомъ, не подлежащимъ никакому обсужденію, какъ учрежденіе, установленное примѣромъ самого пророка. Киргизы, впрочемъ, какъ бы въ оправданіе установившейся за ними репутаціи „плохихъ мусульманъ" проявляли всетаки въ обсужденіи вопроса о значеніи и сущности калыма нѣкоторое свободомысліе, добавляя, что „калымъ возвышаетъ жену въ глазахъ мужа, такъ какъ безъ калыма можно было-бы жениться каждый день".—Невѣста, при выходѣ замужъ, по состоянію и обыкновенно приноситъ съ собой приданое, (одежду, домашнюю утварь, скотъ), которое дается для жизни, составляетъ ея личную собственность и при разводѣ возвращается ей. По минованіи совершеннолѣтія невѣсты (обыкновенно съ 15 лѣтъ), отецъ жениха—богатый даетъ отцу невѣсты на устройство свадьбы и не въ счетъ калыма 500—600 руб., а бѣдный даетъ сколько можетъ. Передъ свадьбой устраиваются отдѣльно—„дѣвишникъ" и „мальчишникъ" („той"), на который всѣ одно-

аульцы приглашаются наканунѣ,—и здѣсь назначается день свадьбы, обыкновенно не позднѣе 5—6 дней послѣ „тоя". На „той" только родственники и знакомые приходятъ съ подарками (скотъ, деньги, домашняя утварь). Женихъ и невѣста, какъ это ни странно, не участвуютъ-онъ въ „мальчишникѣ", она въ „дѣвишникѣ". Со времени начала сватовства женихъ видится съ невѣстой только по ночамъ и притомъ украдкой отъ родныхъ невѣсты. Обыкновенно, на другой день послѣ „тоя", въ домѣ невѣсты, куда приходитъ и женихъ и гдѣ видится съ нею уже открыто, совершается имамомъ въ присутствіи родныхъ и родственниковъ сторонъ молитвословія, послѣ котораго брачущіеся считаются уже мужемъ и женою. Съ этого времени они и живутъ уже въ отдѣльной юртѣ. Первыя три дня (не болѣе) молодые живутъ возлѣ родныхъ жены, а затѣмъ перебираются въ аулъ родныхъ мужа (если онъ изъ другого аула) или вообще поближе къ его роднымъ, если оба молодыхъ изъ одного аула. Записей при бракосочетаніи никакихъ не дѣлается.— Причиною развода бываетъ—семейная неурядица и измѣна сторонъ. Положеніе мужа-низкое настолько, что оно признавалось-бы наносящимъ ущербъ репутаціи родни, не даетъ основаній къ разводу,—наоборотъ, отецъ жены долженъ всячески поддерживать зятя въ трудныхъ для него обстоятельствахъ. Разводъ совершается такъ: недовольная сторона съ объясненіемъ причинъ нежеланія продолжать совмѣстное супружеское сожительство является къ „бію" или „казію" (судьѣ), который, послѣ разбирательства выдаетъ разводный листъ („талакъ-хатъ"), и разведенные мужъ и жена—послѣ этого тотчасъ же изолируются; въ разводномъ листѣ обозначается, обыкновенно, имущественное положеніе каждаго изъ разведенныхъ. Для вторичнаго замужества жена должна получить разводъ, послѣ же смерти мужа можетъ выйти лишь черезъ 4 мѣсяца и 10 дней траура.—Мужъ же можетъ жениться вторично и безъ развода, а послѣ смерти жены, когда угодно.

А. Подварковъ.

ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ.

Слѣды шаманства у киргизовъ.

До настоящаго времени мусульманство не могло вытѣснить слѣды шаманства среди киргизскаго народа, и киргизы мусульманскіе обряды смѣшиваютъ съ шаманскимъ суевѣріемъ.

Скажу вкратцѣ, въ чемъ заключается шаманство у киргизовъ. Большинство киргизовъ вѣритъ въ Аллаха, приноситъ жертвы на гробницахъ мусульманскихъ угодниковъ, вѣритъ въ шамана (колдуна-баксы), а шаманы призываютъ вмѣстѣ съ духами мусульманскихъ ангеловъ и восхваляютъ Аллаха. Киргизы вѣрятъ во все это вмѣстѣ.

Хотя мусульманство укоренилось среди киргизскаго народа, но тѣмъ не менѣе шаманскія понятія остаются по прежнему.

Шаманство есть почитаніе природы, обожаніе вселенной и духа умершихъ людей.

Солнце, луна, звѣзды пользуются у киргизовъ уваженіемъ, и въ народѣ сохранились нѣкоторые обряды ихъ культа.

Киргизъ никогда не скажетъ: „О, Алла!"—Онъ скажетъ: „О, Тангри!".

Тангри есть Небо, которому поклонялся шаманистъ. Шаманистъ приписывалъ небу, солнцу, лунѣ власть надъ человѣкомъ, вліяніе это дѣйствовало на него отъ рожденія до смерти. Человѣкъ могъ родиться подъ покровительствомъ природы и умереть отъ ея гнѣва; по смерти власть природы на него прекращалась, и человѣкъ послѣ смерти становился божествомъ свободнымъ „арвахомъ".

Ему устраивали поминки, чтобы онъ былъ спокоенъ и покровительствовалъ роднымъ.

Поминки эти встрѣчаются и по настоящее время. Киргизы называютъ шамана „баксы", и по мнѣнію ихъ, ему покровительствуютъ небо и духи.

Шаманъ есть человѣкъ, одаренный волшебствомъ. Когда рѣчь идетъ о шаманахъ, то многіе думаютъ, что шаманъ есть просто шарлатанъ. По этому поводу Чоканъ Валихановъ въ запискахъ Императорскаго русскаго географическаго общества по отдѣленію этнографіи за 1904 годъ, томъ XXIX, не опровергая такого мнѣнія, повторяетъ слова Карлейля: „мнѣ грустно даже предположить, чтобы шарлатанство, хотя въ дикарѣ, могло породить вѣру".

Вообще, шаманство, какъ вѣра, господствовавшая когда-то у всѣхъ народовъ передней Азіи, составляетъ предметъ неизслѣдованный и ждетъ систематическаго, научнаго изслѣдованія въ будущемъ.

***

Почему плохо поютъ сарты.

(Киргизское преданіе).

Это было давнымъ давно, когда Пѣсня (миѳическое олицетвореніе) ходила между людьми и учила „пѣснѣ" родъ людской.

У однихъ она гостила подолгу, другіе слышали ея далекій голосъ.

Когда всѣ племена, принадлежащія къ Алачу*), кочевали на рѣкѣ Сырѣ, разъ Пѣсня остановилась ночевать въ стойбищахъ карагалпаковъ (узбеки).

Скоро дано было знать о прибытіи гостьи всѣмъ карагалпакамъ. Собралось много народу,—всѣ слушали дивную гостью до утренней зари, и карагалпаки сохранили тысячи пѣсенъ въ своей памяти.

Узнали о прибытіи невиданной гостьи киргизы, туркмены поздно ночью и только услышали окончаніе чудныхъ пѣсенъ.

Вѣсть дошла и до сартовъ, но долго собирались они по кишлакамъ, боясь ѣхать ночью, и какъ-бы не заблудиться. И когда пріѣхали сарты, Пѣсня уже спала.

Стоя на берегу Сыра, услыхали они вой собакъ, приняли тотъ вой за пѣсню и слушали до восхода солнца.

Поэтому карагалпакамъ далась поэзія, они и поютъ хорошо. Киргизы, туркмены поютъ уже не такъ, какъ карагалпаки, но за то сартовъ никто не можетъ слушать безъ смѣха, такъ какъ они вой собакъ приняли за дивную пѣсню.

***

Кто сильнѣе?

Киргизская сказка.

Одинъ фазанъ, у котораго были красныя перья и длинный хвостъ, подружился съ перепелкой и пошли гулять по льду.

Перепелка поскользнулась и сломала себѣ обѣ ноги.

Фазанъ, который находился при этомъ, былъ не мало удивленъ такой неожиданностью, постигшей перепелку, и обратился ко льду съ вопросомъ, откуда ледъ взялъ такую силу.

Ледъ сказалъ, что морозъ сильнѣе его, потому что онъ замораживаетъ его лицо.

Фазанъ обращается къ морозу, говоря, откуда онъ взялъ силу.

Морозъ говоритъ, что сильнѣе его облако, которое закрываетъ его лицо.

Тогда фазанъ спрашиваетъ облако, гдѣ оно взяло силу.

---

*) Нарицательное имя всѣхъ казачьихъ ордъ.

Отвѣчаетъ облако, что оно не считаетъ себя сильнымъ, такъ какъ дождикъ и снѣгъ проходятъ сквозь него.

„Дождикъ, дождикъ, откуда взялъ силу?“ спрашиваетъ фазанъ.

Дождикъ и говоритъ, что, если бы онъ былъ сильнымъ, то не цвѣли бы тюльпаны, такъ какъ онъ прибилъ бы ихъ къ землѣ.

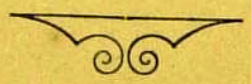
Обращается фазанъ къ тюльпану съ тѣмъ же вопросомъ.

Тюльпанъ отвѣтилъ, что сильнѣе его волкъ, который топчетъ его.

Спрашиваетъ фазанъ волка, который говоритъ, что и онъ не такъ силенъ, потому что его жалитъ муравей.

Обращается онъ тогда къ муравью. А муравей ему отвѣчаетъ, что кому быть сильнѣе его, когда онъ шесть батмановъ земли поднимаетъ и кладетъ себѣ на спину. Такимъ образомъ, муравей оказался сильнѣе всѣхъ.

М. Бекимовъ.



Испытаніе пророка Магомеда.

По повелѣнію Бога, на землю являлось 18000 пророковъ и въ концѣ-концовъ, какъ бы вѣнцомъ всѣмъ былъ посланъ Пророкъ Магомедъ, да будетъ благословенно Имя Его. Много совершилъ пророкъ великаго и теперь жизненный путь его близился къ концу, ему шелъ 63-й годъ. Подавленный годами и сверхчеловѣческими трудами, утомленный, сидѣлъ Магомедъ и смотрѣлъ на небо, любуясь закатомъ солнца. Онъ чувствовалъ приближающійся конецъ, онъ зналъ, что скоро онъ отойдетъ къ отцу всѣхъ изъ этого бреннаго міра, въ міръ настоящій. Внезапно его вниманіе привлекъ жаворонокъ, быстро спускавшійся къ нему. Жаворонокъ упалъ прямо на колѣни Пророка и сказалъ: Пророкъ, защити меня. Соколъ уже третій день гонится за мной и желаетъ схватить меня. Это бываетъ не рѣдко, но, Пророкъ, у меня 6 птенцовъ въ гнѣздѣ. Погибну я, погибнутъ и дѣти. Пророкъ, если тебѣ не жалко меня, то пожалѣй моихъ птенчиковъ, вѣдь ихъ 6 штукъ.

Чѣмъ ты жаворонокъ прогнѣвилъ Бога, что на тебя такая напасть. Я помолюсь за тебя Богу и замолю твой грѣхъ, но въ этотъ моментъ со свистомъ спустился соколъ и сѣлъ на сукъ ближайшаго дерева.—Хорошъ посланникъ Божій, началъ соколъ... Я три дня гонялся за жаворонкомъ и когда уже настигалъ его, то жаворонокъ бросился къ тебѣ и ты укрываешь его. Я 3 дня гонялся за нимъ, 3 дня не ѣлъ, не ѣли 3 дня и мои 6 птенчиковъ. Какой разговоръ о правдѣ, о справедливости, если Самъ Пророкъ Магомедъ обижаетъ меня, не отдавая законную добычу. Пророкъ—ты супротивникъ Бога, отдай мнѣ мою добычу.

Пророкъ ласково посмотрѣлъ на сокола и сказалъ: я тебя не обижаю, я не отдаю тебѣ жаворонка, у котораго 6 птенчиковъ въ гнѣздѣ. Съ его гибелью гибнутъ и его птенчики, пожалѣй ихъ.—Эхъ, Пророкъ, посланникъ Божій, дожилъ ты до 63-хъ лѣтъ, разсуждаешь какъ ребенокъ. Самъ Богъ завелъ этотъ порядокъ, нѣжное мясо птицъ намъ служитъ пищей и Богъ для этого сотворилъ жаворонка, такъ что же ты дѣлаешь, отдай мнѣ, мою добычу.

Пускай я буду супротивникомъ Бога, пускай я попаду въ адъ, но жаворонка не отдамъ, въ его гнѣздышкѣ стонутъ 6 голодныхъ птенчиковъ. Жалко мнѣ и тебя, жалко мнѣ и твоихъ птенчиковъ, а поэтому я прикажу зарѣзать лучшаго барана и мясо его отдамъ въ пищу тебѣ и твоимъ птенцамъ, вамъ хватитъ дня на 4.

Пророкъ, ты смѣшенъ, еще разъ повторяю, говоришь, какъ ребенокъ. Благородные соколы только питаются нѣжнымъ мясомъ птицъ. Твоя же баранина—падаль и можетъ служить пищей для поганыхъ коршуновъ. Отдай мнѣ мою добычу.

Задумался Пророкъ, взоръ его затуманился, онъ былъ въ этотъ моментъ ничтоженъ. Хотѣлось ему спасти жаворонка, но не зналъ какъ сдѣлать, какъ вдругъ блестящая мысль осѣнила его голову: Соколъ, ты правъ. Баранье мясо плохая пища для тебя и твоихъ птенцовъ, но не удовольствуешься ли мясомъ Пророка Магомеда?—Вотъ это другое дѣло. Вѣдь твое мясцо Божественнаго происхожденія и его мы покушаемъ съ большимъ удовольствіемъ. Давай скорѣе, не держи.

Пророкъ быстро выхватилъ ножъ, захватилъ рукой часть бедра и съ силой ударилъ ножемъ. Ножъ свернулся спиралью, но не вошелъ въ тѣло Пророка. Бросилъ Пророкъ негодный ножъ и выхватилъ кинжалъ, лучшее издѣліе Дамасска. Снова и съ силою ударилъ Пророкъ кинжаломъ по бедру, но съ кинжаломъ случилось то же, что и съ ножемъ. Пророкъ растерялся, но въ это время съ неба раздался голосъ: —Пророкъ Магомедъ, Я вѣрилъ тебѣ и не ошибся, ради спасенія 6-ти птенчиковъ жаворонка ты готовъ былъ отдать часть своего тѣла. Помни, испытывали тебя моихъ два лучшихъ ангела: жаворонокъ—Михаилъ, соколъ—Гавріилъ. Слава и честь тебѣ пророкъ изъ пророковъ. Ты печать всѣмъ пророкамъ.

Записано со словъ прохожаго туземнаго барда—Думбрачи въ Андижанскомъ уѣздѣ.

Гор. Ошъ. **В. Орловъ.**

Къ вопросу объ обложеніи податями населенія Памировъ

На очереди вопросъ объ обложеніи государственными податями кочевого и осѣдлаго населенія Памирскихъ горъ.

Совѣтъ Генералъ-Губернатора, Управленіе Таможеннымъ округомъ и Контрольная палата высказались за преждевременность обложеній и только управляющій Казенной палатой г. Ипатовъ въ одномъ изъ своихъ докладовъ настаиваетъ на своевременности и желательности обложеній.

Находящійся въ оффиціальныхъ учрежденіяхъ матеріалъ достаточно выясняетъ, что и для рѣшенія даннаго вопроса не имѣется опредѣленныхъ данныхъ и свѣдѣній для безошибочности практическихъ выводовъ. Политическое положеніе и экономическій бытъ памирскаго и припамирскаго населенія изучены слабо и вслѣдствіе сего во всѣхъ выводахъ и отзывахъ, имѣющихся въ дѣлахъ, замѣчается нетвердая увѣренность и неубѣжденность.

На ряду съ этимъ докладъ г-на Ипатова съ опредѣленными выводами и наличностью ссылокъ на цифровый матеріалъ является особенно убѣдительнымъ и можетъ привести къ рѣшенію вопроса въ пользу обложенія.

Доводы г-на Ипатова главнымъ образомъ зиждятся на слѣдующемъ: а) кочевники—киргизы и нынѣ уплачиваютъ подати авганскому эмиру, а слѣдовательно они платежеспособны и въ нашу пользу; б) опасаться перекочеванія киргизъ въ Авганистанъ нѣтъ основаній; в) обложеніе по три рубля съ кибитки является для кочевниковъ ничтожной въ виду сравнительнаго ихъ благосостоянія, причемъ въ подкрѣпленіе послѣдняго приводится подсчетъ имущественнаго положенія кочевниковъ и осѣдлаго населенія.

Въ своемъ мѣстѣ я болѣе обстоятельно остановлюсь на этихъ доводахъ, а пока отмѣчу весьма серьезный дефектъ доклада г-на Ипатова.

Придавая доминирующее значеніе экономическому положенію Памирскаго населенія, г. Ипатовъ почти игнорируетъ политическое построеніе Памировъ и политическое же вліяніе проектируемыхъ обложеній.

Между тѣмъ при рѣшеніи даннаго вопроса на Памирахъ, находящихся въ исключительныхъ условіяхъ, эта сторона должна быть поставлена на первое мѣсто.

93 4.

Памирскій узелъ, гдѣ въ высшей степени серьезно сталкиваются интересы Россіи, Англіи, Китая, Авганистана и Бухары, требуетъ особенно осторожнаго и тщательнаго къ себѣ отношенія.

Въ настоящее время политическія отношенія и связи между Россіей, Англіей и Китаемъ вырабатываютъ себѣ новые пути, выходя нынѣ на правильную, исторически предопредѣленную дорогу; съ Англіей состоялось уже болѣе или менѣе твердое соглашеніе, значительно измѣнившее взаимное международное положеніе государствъ всего міра, а съ Китаемъ вырабатываются принципы новыхъ отношеній, имѣющіе первостепенное значеніе въ противовѣсъ растущему вліянію Японіи и панисламизма.

Въ этомъ двойномъ направленіи нашей политики не всѣ пути вполнѣ намѣчены и общее согласованіе интересовъ ближайше заинтересованныхъ государствъ добывается съ серьезными затрудненіями, во всякомъ случаѣ такъ или иначе тѣсный политическій и экономическій союзъ этихъ трехъ государствъ представляетъ твердую структуру, гарантирующую міровое равновѣсіе и одинаково выгодную для всѣхъ трехъ заинтересованныхъ государствъ.

Само собою разумѣется, что каждая изъ этихъ трехъ могучихъ державъ, одинаково заинтересованныхъ въ конечныхъ результатахъ мирнаго соглашенія, вмѣстѣ съ тѣмъ на практикѣ дѣла старается ***использовать для себя детали благопріятной коньюнктуры каждаго даннаго момента.***

Слѣдовательно, по отношенію тѣхъ географическихъ пунктовъ, которые входятъ въ сферу взаимныхъ вліяній и по отношенію къ заселяющимъ ихъ народностямъ, интересы нашего государства требуютъ вниманія не съ фискальной стороны, а съ точки зрѣнія привлеченія и укрѣпленія симпатій пограничнаго населенія, дабы при рѣшеніи серьезныхъ политическихъ вопросовъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ наши домогательства справедливо подкрѣплялись бы и желаніями тѣхъ народностей, на которыхъ распространяется сфера нашего вліянія и интересовъ коихъ такъ или иначе трактуемый вопросъ касается.

Переходы памирскаго и припамирскаго населенія какъ сунитовъ—киргизъ, такъ и таджиковъ—пэнджъ тэни въ подданство изъ одного государства въ другое совершались, неоднократно, привлекая къ себѣ вниманіе и интересъ всѣхъ сильныхъ сопредѣльныхъ государствъ. И съ этой точки зрѣнія увѣренность г. Ипатова, безъ достаточной оцѣнки совершающихся на Памирахъ событій и безъ достаточно разработанныхъ данныхъ, является слишкомъ субъективной. Въ исторіи нашей окраины мы имѣли уже поучительный примѣръ перекочеванія огромнаго количества нашихъ низовыхъ киргизъ въ Китайскія владѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ потери части этого трудолюбиваго, честнаго и полезнаго въ вопросѣ о заселеніи дикихъ степей населенія.

Прежде чѣмъ рѣшать столь важные вопросы въ ту или иную сторону, необходимо тщательно изучить политическое настроеніе Памировъ данной минуты и взаимныя отношенія конкурентныхъ государствъ при-

мѣнительно къ спорному узлу, составленному изъ конгломерата разныхъ народностей, заселяющихъ Памиры.

По полномъ выясненіи политической стороны даннаго вопроса, необходимо будетъ считаться еще и съ религіознымъ міровоззрѣніемъ памирскаго населенія.

Приступить къ этому вопросу съ нашей обычно выработанной системой обложеній невозможно въ силу особенностей религіозныхъ воззрѣній кочевого и осѣдлаго мѣстнаго населенія.

Взгляды наши на суннитовъ Туркестана и кавказскихъ шіитовъ выработаны продолжительнымъ періодомъ тѣснаго съ ними общенія и долгой кропотливой подготовкой. Но въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ совершенно иными особенностями религіозныхъ воззрѣній памирскихъ народностей.

Памирскіе киргизы, какъ и туркмены Закаспійской области въ сущности могутъ быть называемы мусульманами только съ внѣшней стороны. Отсутствіе присущаго мусульманству фанатизма, религіозный индиферентизмъ, равнодушіе къ формамъ обрядностей и внѣшнимъ проявленіямъ вѣрованія, дѣлали бы киргизъ очень мягкимъ матеріаломъ для экспериментовъ всякого рода, если бы освященный у всѣхъ мусульманъ и взимаемый съ нихъ съ благотворительными цѣлями зякетъ не былъ сопряженъ у памирскихъ киргизовъ съ чисто практическими политическими и экономическими задачами. Съ этой стороны сборы, вносимые ими Авганскому правительству, являются отчасти арендным вознагражденіемъ за пастбища съ одной стороны и податью на случай необходимости покровительства Авганистана въ настоящемъ и будущемъ.

Совершенно въ иномъ видѣ представляется религіозное положеніе бекетовъ Родшана (Зучана), Шугнана и Вахана.

Политическимъ покровительствомъ пользуются они со стороны русскаго государства; посильные подати подъ формулой зякета и амляка они вопреки своимъ взглядамъ и стремленіямъ вносятъ бухарскому правительству; религіознымъ же своимъ главою всѣ пэнджъ тэни этихъ бекетовъ признаютъ верховнаго пира, проживающаго въ англійской Калькуттѣ, и ежегодно отсылаютъ ему добровольно налагаемый на себя зякетъ.

Въ виду этого, прежде чѣмъ практически рѣшать вопросы о формахъ, размѣрахъ и вообще желательности податныхъ обложеній всѣхъ народностей близкихъ къ границамъ, эта сторона вопроса также должна быть тщательно и детально изучена.

И только по всестороннемъ ознакомленіи съ даннымъ вопросомъ по двумъ намѣченнымъ направленіямъ, останется выясненіе экономическаго быта памирскихъ народностей въ цѣляхъ развитія ихъ благосостоянія вообще и обложенія ихъ податями въ частности.

Уг-на Ипатова въ его докладѣ замѣчаются двѣ серьезныя погрѣшности; во первыхъ, его подсчетъ экономическихъ силъ Памирскаго населенія сдѣланъ на основаніяхъ весьма скуднаго и недостаточно точнаго оффиціальнаго матеріала по Ферганской области и по отношенію къ

Памирамъ грѣшитъ несоотвѣтствіемъ его выводовъ съ дѣйствительностью.

Засимъ, предлагая даже облегченный размѣръ обложенія въ три рубля вмѣсто пяти, уплачиваемыхъ нынѣ въ остальномъ Туркестанѣ каждымъ киргизскимъ дымомъ, г. Ипатовъ считаетъ это значительной льготой.

Но при этомъ онъ упускаетъ изъ виду, что первоначальное обложеніе русскихъ киргизъ началось съ суммы менѣе одного рубля и размѣръ податей увеличивался съ годами по мѣрѣ усиленія платежной способности киргизъ въ зависимости отъ увеличенія ихъ благосостоянія подъ вліяніемъ русской эгиды.

За сорокъ лѣтъ стоимость личнаго труда киргизъ, ихъ скота и продукцій скота и полеводства увеличились во много кратъ. Уничтожены были всѣ первоначальные произвольные налоги, разорявшіе киргизъ въ ханскія времена, засимъ водворенный въ краѣ русскими миръ далъ киргизамъ полную возможность безпрепятственнаго развитія ихъ экономическаго благосостоянія и разцвѣтанія культурныхъ силъ.

При такихъ условіяхъ обложеніе ихъ податью въ суммѣ пяти рублей съ дыма на общегосударственныя нужды является соотвѣтствующимъ ихъ экономическому положенію и увеличенію цѣнности—ихъ труда и продуктовъ.

Если считать установившійся въ среднемъ въ краѣ дневной заработокъ рабочаго въ 80 копѣекъ, стоимость шерсти въ аулахъ въ 4 рубля за пудъ и легкую возможность сбыта своихъ скотоводственныхъ и земледѣльческихъ продуктовъ на русскіе рынки по цѣнамъ въ 4—5 разъ превышающимъ ихъ цѣнность сорокъ лѣтъ назадъ, то обложеніе киргизъ въ пять рублей слѣдуетъ приравнять шестидневному ихъ заработку.

Памирское населеніе находится въ особенно неблагопріятныхъ условіяхъ. Деньги тамъ дороги, трудъ за неимѣніемъ непосредственно оплачиваемаго примѣненія и продукты за трудностями вывоза весьма дешевы. При этихъ условіяхъ дневной заработокъ горнаго населенія едва ли можно считать выше десяти копѣекъ.

Стало быть обложеніе въ три рубля съ дыма равносильно заработку тридцати рабочихъ дней противъ шести дней уже обложенныхъ киргизъ. И такимъ образомъ, льгота г. Ипатова является непомѣрнымъ и непосильнымъ обложеніемъ.

Вотъ три основныхъ положенія, кои требуютъ детальнаго изученія и разработки и поэтому вопросъ объ обложеніи Памирскаго населенія долженъ быть шире разсмотрѣнъ съ трехъ точекъ зрѣнія—политической, религіозной и экономической.

Только назначивъ на Памиры спеціальную комиссію и комиссаровъ для всесторонняго изученія всѣхъ отраслей жизни памирскихъ народностей, можно будетъ имѣть достаточно основательный матеріалъ для всякаго рода государственныхъ построеній и обложеній.

И. Слуцкій.

Евреи въ Бухарѣ. *)

I

Бухарское іудейство съ іудействомъ Афганистана составляютъ отпрыскъ того древняго іудейства, начало котораго теряется во тьмѣ доисторическаго времени. Нѣкоторые писатели до сухъ поръ утверждаютъ, что Бухарская территорія извѣстна въ Библіи (II царствъ, XVII) (la Habor de la Bible (II Rois, 6) какъ одно изъ мѣстъ ссылки десяти колѣнъ Израилевыхъ, которыя нѣкогда были разселены ассирійскими царями.

Мѣстныя преданія вполнѣ согласуются съ іудейскими данными о о происхожденіи бухарскихъ евреевъ. По этимъ преданіямъ, по языку и даже типу евреевъ Бухарскаго ханства надо считать выходцами изъ Персіи Веньяминъ Тюдель, (Benzamin de Tudel) путешественникъ двѣнадцатаго вѣка, является первымъ авторомъ точныхъ свѣдѣній о іудействѣ Трансоксаніи.

Данныя, которыми мы ему обязаны, нужно считать особенно цѣнными, такъ какъ относятся еще къ эпохѣ монгольскихъ завоеваній. Онъ указываетъ на присутствіе въ Адербанѣ (Adhcraban) и въ областяхъ Куфръ эль Туркъ (Koufre el Tourq) іудейскихъ племенъ, воинственныхъ и независимыхъ. Въ то же время онъ констатируетъ присутствіе въ Хивѣ, которую онъ называетъ Жина (Gina)—8,000 еврейскихъ семействъ, въ Самаркандѣ большомъ городѣ, находящемся въ концѣ халифата, считаетъ тогда до 50,000 евреевъ. Нѣкій Обадія (Obadia) управлялъ какъ наси іудейскаго синедріона или князь ихъ жизнью. Сомнѣніе является въ существованіи евреевъ въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напримѣръ въ Балкѣ (Balkh), который считался древнимъ центромъ еврейскихъ раскольниковъ, также нѣтъ никакихъ упоминаній о самомъ городѣ Бухарѣ, величина котораго обращаетъ на себя вниманіе только съ эпохи монголовъ. И только Вамбери утверждаетъ, что этотъ городъ имѣлъ обитателями евреевъ до завоеванія Чингизъ-хана 1220 г. (Исторія Бухары, 1, 1, с. 156).

Начиная съ этого времени дѣлается извѣстной исторія Бухарской общины. Если вѣрить преданіямъ самихъ евреевъ то предки ихъ появились здѣсь въ самой глубокой древности, такъ ихъ можно было встрѣтить при Чингизъ-ханѣ въ Зальзамарѣ (Zalzamar) расположенномъ около Мешхеда и на путяхъ въ Мервъ и Хиву

---

*) Настоящая статья напечатана въ журналѣ „Revue du monde Musulman".

Послѣ разрушенія Самарканда Баби-Махметъ-ханомъ (Babi-Mahomet-Khan) множество евреевъ изъ этого города бѣжали въ Бухарскую общину и увеличивъ ее подняли значеніе настолько, что она заняла первое мѣсто въ Центральной Азіи.

Во время завоеванія Бухары Шахомъ Аббасомъ въ 1598 г. имъ тамъ было найдено множество евреевъ. Любопытно отмѣтить, что мѣстныя преданія упоминаютъ о существованіи евреевъ въ Китаѣ. Бухарскіе евреи, занимаясь торговлей, устроились въ Небесной имперіи и поддерживали постоянный обмѣнъ товаровъ между своей родиной и Китаемъ. Войны Шахъ-Аббаса должны были положить конецъ торговлѣ между Бухарой и Китаемъ, однако небольшія группы евреевъ, прозванные Kaifinq-Fou, остались въ Китаѣ и, вскорѣ забывъ іудейство, существуютъ тамъ и понынѣ.

II.

Общность преданій, связывающая персидскихъ евреевъ съ Бухарскими, бывшими основнымъ элементомъ страны до завоеванія монголовъ, подтверждаются родственностью языка и литературы. Эта литература почти цѣликомъ написана на персидскомъ языкѣ, но еврейскимъ шрифтомъ. Первый авторъ еврей изъ Бухары, произведеніе котораго дошло до насъ—Соломонъ-бенъ Самуилъ. Онъ составилъ еврейско-персидскій словарь, изданный въ 1900 г. М. Бахеромъ. Изъ предисловія изданія видно, что словарь былъ оконченъ въ 1338 г. въ городѣ (Gourgoung), расположенномъ на западѣ Бухары. Въ 1490 г. извѣстенъ бухарскій поэтъ Узіель Моисей сынъ Давида, создавшій литургійную поэзію на еврейскомъ и персидскомъ языкахъ. Это было въ то время, когда появился переводъ Библіи на іудейско-персидскомъ языкѣ, переводъ который и до сихъ поръ употребляется для нуждъ вѣроисповѣданія. Во второй половинѣ 17-го вѣка поэзія бухарскихъ евреевъ принимаетъ иное направленіе. Вся плеяда поэтовъ, извѣстныхъ подъ именемъ Mollah подражаютъ муллѣ Іосифу-бенъ-Исааку, создавшему новое направленіе народнаго характера. Въ 1688 году поэмой, озаглавленной „Семь братьевъ страдальцевъ", сюжетъ которой заимствованъ изъ книги Маккавеевъ и сдѣлавшейся національнымъ гимномъ бухарскихъ евреевъ, положено начало новаго направленія. Іосифомъ бенъ Исаакомъ было создано еще много поэмъ на іудейско-персидскомъ и на еврейскомъ языкахъ. Онъ умеръ въ 1755 году еще въ раннихъ годахъ.

Его современники и послѣдователи: Елиза, Убекъ, мулла Соломонъ Узіель, Давидъ-бенъ-Махажи, Венья минъ Симонъ-Тобъ, Елизаръ Каинъ и нѣкоторые другіе продолжали начинанія своего учителя и создали цѣлый рядъ литературныхъ произведеній на іудейско-персидскомъ языкѣ. Они же занимались переводомъ еврейскихъ поэтовъ среднихъ вѣковъ. Такъ былъ сдѣланъ переводъ Израила-бенъ-Нагара еврейскаго поэта Турціи 17-го вѣка.

Кромѣ этого ими были изданы переводы классическихъ авторовъ Персіи, какъ то произведенія: Саади, Фирдоуси, Жами, Низами, На-

физа, Туфили и Зерибу изъ Самаркада и Музафака. Популяризація персидскихъ классиковъ способствовала литературному образованію и эстетикѣ читателей.

Вся литературная дѣятельность евреевъ проявлялась главнымъ образомъ въ Бухарѣ. Такъ между 70 рукописями, собранными М. Е. Адлеромъ изъ Лондона, находятся только нѣсколко произведеній, написанныхъ авторами, живущими въ другихъ государствахъ, напримѣръ одинъ изъ этихъ послѣднихъ былъ уроженецъ города Герата, въ Афганистанѣ. Литературная дѣятельность не уменьшалась до середины 19-го вѣка, въ началѣ котораго встрѣчается поэтъ Ибраимъ Ибнъ-Абу-ель-Каиръ. авторъ поэмы „Khadaidad ou el Hathan", получившей извѣстность. Въ ней разсказывается исторія мученика еврея, принесеннаго въ жертву эмиромъ Массуммомъ. Всѣ компетентные писатели единогласно признаютъ большой интересъ, который представляетъ исторія литературы бухарскихъ евреевъ, даже съ точки зрѣнія исторіи персидской литературы вообще.

Вліяніе литературнаго и свѣтскаго направленія сказалось въ томъ, что евреи Бухары отдалились отъ раввинской схоластики и кабалистическихъ формулъ. Оставаясь безучастными къ движенію права, евреи Бухары довольствовались тѣмъ, что строго слѣдовали обычаямъ и требнику евреевъ персидскихъ и не вносили въ него никакихъ новшествъ. Однако прибытіе въ Бухару въ концѣ 18-го вѣка Марокскаго раввина положило конецъ такому отношенію къ религіи. Іосифъ бенъ Моисей Маймунъ эль-Магреби, покинулъ свой родной городъ Тетуанъ чтобы поселиться въ Іерусалимѣ. Но, вмѣсто того чтобы остаться въ святомъ городѣ, онъ продолжалъ свое путешествіе. Проѣхавъ черезъ Багдадъ въ Бухару, благочестивый мароккскій раввинъ былъ возмущенъ, найдя здѣсь большую общину такой безразличной и невѣжественной. Онъ рѣшилъ остаться въ Бухарѣ, открылъ здѣсь религіозную школу, постепенно вводя въ общину іудейско-испанскій требникъ. Введя его окончательно, онъ отдѣлилъ этимъ остатокъ бухарскаго еврейства отъ еврейства персидскаго. Это введеніе не обошлось безъ сопротивленія. Почти одновременно съ мароккскимъ раввиномъ въ Бухару пріѣхалъ еврей Захарія бенъ Мацліахъ, уроженецъ Іемена, который старался ввести здѣсь требникъ евреевъ Іемена.

Однако знанія мароккскаго раввина одержали верхъ надъ ревностью іеменскаго противника. Первымъ, мѣстные евреи были такъ искусно обращены къ испанскому требнику и такъ укрѣпились у нихъ введенные обряды, что теперь бухарскіе евреи не знакомые со своимъ прошлымъ, наивно думаютъ, что они, какъ и евреи сѣвернаго Марокко, требнику которымъ они слѣдуютъ, потомки изгнанныхъ изъ Испаніи.

Мы не имѣли достаточнаго количества свѣдѣній о политическомъ положеніи евреевъ Бухары до 19-го вѣка, однако, судя по ихъ торговой и литературной дѣятельности въ Бухарѣ, можно заключить, что ихъ легальное положеніе было гораздо лучше положенія ихъ персидскихъ собратьевъ. Въ древней Бухарѣ евреи должны были жить въ

отдѣльномъ кварталѣ и носить на шеѣ веревку въ знакъ униженія, кромѣ того у дверей каждаго еврейскаго дома прикалывался кусокъ гнилой матеріи для того, чтобы каждый правовѣрный могъ отличить домъ еврея отъ дома мусульманина.

Большинство населенія, сунниты, не любятъ евреевъ, которыхъ они называютъ „Джугутъ". Однако не смотря на эту нелюбовь бухарцы, такъ же какъ и персы, не считаютъ сношенія съ евреями оскверняющими мусульманъ. Впрочемъ, въ этой странѣ классическаго деспотизма, положеніе евреевъ зависитъ болѣе отъ личнаго расположенія эмира, чѣмъ отъ отношенія къ нимъ населенія. Такъ во время владычества эмира Мусема (Mousem) положеніе евреевъ стало нестерпимымъ и раввинъ мулла Хаимъ рѣшился на крайное средство для спасенія отъ окончательной гибели своихъ единоплеменниковъ. Онъ заявилъ эмиру, что желаетъ обратиться въ Исламъ. Фактъ обращенія Хаима произвелъ сильное впечатлѣніе на эмира. Церемонія обращенія была отпразднована съ большой пышностью и новый вѣрующій не замедлилъ сдѣлаться интимнымъ наперсникомъ и совѣтникомъ правителя.

Хаимъ воспользовался своей близостью къ правителю и послѣдствіемъ его стараній было то, что положеніе еврейской общины значительно улучшилось. Что же касается муллы Хаима, то онъ казалось былъ вѣренъ Исламу, однако къ концу 40 г.г. ему удалось, неизвѣстно какимъ способомъ, склонить эмира позволить ему вернуться въ свою древнюю вѣру.

Бывшій ренегатъ появился въ синагогѣ въ день прощенія и объявилъ о возвращеніи своемъ въ прежнюю вѣру. Его объявленіе было встрѣчено собраніемъ съ большой радостью. Тогда мулла Хаимъ взошелъ на возвышеніе и произнесъ слѣдующіе стихи:

„Cheh tour din el Mesalmon
Baad az Djehl sal pich mon".

Что въ переводѣ значитъ: „Такова мусульманская религія; послѣ 40 годовъ вѣчное раскаяніе".

Эмиръ Адъ-Ханъ, царствовавшій въ то время, былъ очень милостивъ къ евреямъ, тѣмъ не менѣе въ его царствованіи имѣлъ мѣсто слѣдующій случай: въ главномъ городѣ стало замѣтно употребленіе мусульманами спиртныхъ напитковъ, которые продавались евреями. Правительство запретило продавать напитки, но несмотря на это уменьшеніе пьянства не замѣчалось, тогда эмиръ позвалъ къ себѣ раввина Маллаха Пинхоса и потребовалъ отъ него выдать имена евреевъ, занимающихся продажей напитковъ. Раввинъ отказался предать своихъ. Взбѣшенный эмиръ отдалъ приказъ ввести Пинхоса и 7 знатныхъ евреевъ на высокій минаретъ (центральную башню города) и бросить ихъ внизъ, если они не обратятся въ Исламъ. Перспектива подобной смерти склонила двухъ евреевъ къ избранію религіи Пророка. Другіе предпочли смерть вѣроотступничеству и 6 евреевъ были сброшены съ высоты минарета. Противъ всякаго вѣроятія раввинъ и трое изъ его товарищей пережили это ужасное паденіе и послѣ этого среди евреевъ

и самихъ мусульманъ Маллахъ Пинхосъ почитался святымъ и память о немъ до нынѣ чтится въ Бухарѣ.

Въ правленіе Насруллы хана (1826—1860) жилъ въ Бухарѣ англійскій миссіонеръ Вольфъ, который былъ первымъ европейцемъ, проникшимъ за ограду святого города. Въ своихъ запискахъ Вольфъ указываетъ на пребываніе въ Бухарѣ 10,000 евреевъ, занимающихся производствомъ и продажей шелка. Они жили въ отдѣльномъ кварталѣ но даже и въ немъ они не имѣли права строить новые дома. Англійскій миссіонеръ, котораго туземцы долго принимали за еврея, могъ жить такъ въ Бухарѣ до 1844 года.

Въ 1847 г. путешественникъ Веньминъ II встрѣтилъ въ Бомбеѣ еврея Мессіаса уроженца Бухары, который разсказалъ путешественнику, что онъ принужденъ былъ бѣжать изъ родного города изъ за того что спряталъ въ своемъ домѣ англійскаго миссіонера. Этотъ миссіонеръ очевидно Вольфъ, далъ рекомендательныя письма Мессіасу къ своимъ друзьямъ въ Бомбей. Этотъ путешественникъ собралъ свѣдѣнія о присутствіи внутри Бухары первобытныхъ еврейскихъ племенъ.

III.

Только съ 1863 года городъ Бухара сдѣлался доступенъ европейцамъ, благодаря усиліямъ русскихъ войскъ, нахлынувшихъ въ Бухару. Въ 1868 году Ташкентъ и Самаркандъ были завоеваны русскими и съ этого времени Бухара утратила свою независимость и подпала подъ протекторатъ Россіи. Европейскимъ путешественникамъ доступъ сдѣлался болѣе свободнымъ и благодаря имъ дѣлается извѣстнымъ настоящее положеніе населенія ханства.

Изъ описаній многихъ путешественниковъ своего пребыванія въ Бухарѣ не малый интересъ представляетъ книга Лорда Гурзона бывшаго вице-короля Индіи. Въ этой книгѣ озаглавленной „Россія въ Центральной Азіи въ 1889 году и Англо-русскій вопросъ“, мы находимъ слѣдующее мѣсто, касающееся евреевъ; „Евреи Бухары народъ очень красивый, надѣленный разумомъ и ловкій; несмотря на то, что они были заключены въ восточный еврейскій кварталъ (ghetto) и долго терпѣли преслѣдованія, представительная осанка и благородство заклейменныхъ печатью избраннаго народа, были ими сохранены въ первобытномъ состояніи. Я былъ очень удивленъ найдя среди нихъ лицъ, которые могли объясняться по французски“.

Ученый Францъ Шварцъ, который жилъ въ Туркестанѣ между 1874—1890 годомъ, какъ директоръ ташкентской обсерваторіи и метеорологической станціи Туркестана, въ своей книгѣ: „Туркестанъ какъ колыбель индо-германскихъ народовъ 1900 г. (Turkestan als die Wiege der Jndogermanichen Wölker) посвятилъ евреямъ слѣдующее мѣсто:

„Какъ индусы монополизируютъ въ Туркестанѣ ростовщичество, такъ бухарскіе евреи забрали въ свои руки торговлю и промышленность этой страны. Почти всѣ работники шелководства евреи. Такъ что евреевъ узнаютъ почти всегда по рукамъ, носящимъ слѣды ремесла,

—слегка окрашеннымъ синькой. Монополизируя промыселъ шелка они кромѣ того, встрѣчаются въ качествѣ аптекарей и врачей страны.

„Жилища и одежды евреевъ Бухары такія же какъ и у сартовъ. Евреи въ высшей степени скромы и вѣжливы и даже производятъ болѣе пріятное впечатлѣніе, чѣмъ сарты и узбеки. Однако невозможно дать картину тѣхъ преслѣдованій, которымъ подвергались евреи въ прежнія времена со стороны своихъ хозяевъ—мусульманъ. Изъ обязали жить, такъ же какъ и прокаженныхъ, въ отдѣльномъ кварталѣ. Они покрывали голову какъ мусульмане, но носили „пейсы“ или двѣ полоски изъ волосъ на щекахъ, они единобрачны, ведутъ образцовую семейную жизнь и имѣютъ очень много дѣтей. Несмотря на гоненія и притѣсненія, которыя евреи всегда подвергались, они живутъ зажиточно. Евреи, устроившіеся въ кварталѣ Ташкента, построили тамъ много домовъ въ европейскомъ стилѣ.“

Русскіе даровали имъ свободу вѣроисповѣданія и гражданскія права, поэтому бухарскіе евреи считаютъ русскихъ своими освободителями и пользуются всякимъ случаемъ, чтобы способствовать интересамъ русскихъ.

Нѣкоторые изъ нихъ обрусили свою фамилію, прибавляя къ концу славянское окончаніе (напр. Аминьевъ, Давыдовъ и т. д.)

Въ 1897 году, англійскій ученый М. Адлеръ посѣтилъ Бухару и тамъ собралъ много важныхъ рукописей. Онъ исчисляетъ количество евреевъ въ Бухарѣ въ 4—5 тысячъ. М. Адлеръ посѣтилъ древнюю синагогу, которой считается пять вѣковъ и констатировалъ, кромѣ того, важность коммерческой дѣятельности евреевъ, которые организовывали караваны въ Китай,, Индію и Афганистанъ. Они овладѣли торговлей кайберскаго прохода (Khaïbar). Многіе изъ нихъ отправлялись въ Москву и даже Лондонъ и Парижъ.

Далѣе путешественникъ находитъ въ Бухарскомъ ханствѣ 300 семействъ обращенныхъ евреевъ (les Djedid) урожденныхъ персовъ, которые воспользовались своимъ жительствомъ въ ханствѣ, чтобы строго исполнять всѣ принципы іудейства. Еврейскій путешественникъ Неймаркъ (Neymark) проѣхалъ Туркестанъ къ 1885 г. Въ его описаніи путешествія, напечатанномъ въ сборникѣ Haasif (Варшава, 1889 г.), мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія: „Городъ Бухара имѣетъ около 1,000 еврейскихъ домовъ. Община еврейская управляется комитетомъ изъ 12 „kalantar“ или начальниковъ, подъ предсѣдательствомъ Molla или Nassi.

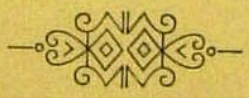
Эти послѣдніе считали себя уроженцами древняго города Балха и Зальзабара (Balkh et Salzabar). Имъ запрещено носить чалму, которую они замѣнили „tilpak“, видомъ шапки изъ мѣха и сукна. Они продолжаютъ подвергаться ограниченіямъ по пріобрѣтѣнію имущества, которыя были на нихъ наложены эмирами среднихъ вѣковъ.

Въ городѣ Самаркандѣ путешественникъ нашелъ 700 еврейскихъ семействъ, въ Кокандѣ ихъ считаютъ 20 семействъ мѣстныхъ уроженцевъ и 80 семействъ уроженцевъ Бухары. 5 семействъ изъ Бухары

устроились въ Кашгарѣ (китайской Монголіи), гдѣ гоненіе на нихъ продолжалось и стоило жизни одному еврею, какъ разъ передъ пріѣздомъ путешественника въ Бухару. Въ Ауліе-та и Ходжентѣ существуютъ также небольшія общины евреевъ. Ташкентъ же имѣетъ большую общину уроженцевъ Бухары, сверхъ того много евреевъ европейскаго происхожденія. Въ Мервѣ 20 еврейскихъ семействъ уроженцевъ Герата и 60 семействъ „Djedid" изъ Мешеда. По Джаръ-Джану (Djar-Djan) (Аму-Дарьѣ) встрѣчаютъ торговцевъ евреевъ. Путешественникъ констатируетъ внѣшнее обрусѣніе мѣстныхъ евреевъ, изъ которыхъ болѣе зажиточные подражаютъ жизни гражданъ Москвы.

Въ тоже время это сближеніе съ Россіей привело къ возобновленію сношеній съ русскими евреями. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ бухарскіе евреи начали посылать въ школы Европейской Россіи молодыхъ раввиновъ, чтобы тамъ совершенствоваться въ раввинской наукѣ и они охотно признавали авторитетъ раввиновъ европейскихъ владѣній, такъ что произведенія многочисленныхъ талмудистовъ и еврейскихъ писателей встрѣчались даже въ самой Бухарѣ. Но врожденный антагонизмъ, отдѣляющій евреевъ центральной Азіи отъ европейскихъ единовѣрцевъ сказывается послѣднее время въ томъ, что у первыхъ замѣчается наклонность отдѣлиться отъ религіозной зависимости русскихъ евреевъ. Не имѣя возможности, тамъ, гдѣ они находятся, дать прочный составъ общинной жизни въ самой Бухарѣ, раввины и знатные города создали центръ еврейскаго ученія въ Іерусалимѣ. Такъ, въ 1893 году зажиточные евреи Бухары построили въ Іерусалимѣ предмѣстье спеціально для бухарцевъ, желающихъ посвятить себя еврейскимъ наукамъ, а также и для тѣхъ евреевъ, которые, достигнувъ нѣкотораго благополучія, желаютъ поселиться въ Святой Землѣ. Нынѣ въ Іерусалимскомъ предмѣстьи бухарцевъ имѣется нѣсколько сотенъ семействъ. Ученые раввины преподаютъ тамъ молодежи законъ и еврейскій языкъ, какъ живой языкъ. Предмѣстье бухарцевъ, принимаемое за еврейскій кварталъ, богаче и опрятнѣе святого города.

Перевелъ **А. Гарлицкій.**



КОДИФИКАЦІЯ
Мусульманскаго Права.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Алжирѣ былъ обнародованъ проектъ кодификаціи мусульманскаго права, вызвавшій критику алжирскихъ мусульманъ. Считая эту критику не имѣющей основанія, Абубекръ Абдеселамъ бенъ Шоайбъ, профессоръ медресе въ Тлемсенѣ, въ своемъ возраженіи бросаетъ взглядъ на составные принципы мусульманскаго права и выясняетъ историческое значеніе четырехъ правовѣрныхъ мусульманскихъ основъ права.

I.

Составными элементами мусульманскаго права упомянутый профессоръ считаетъ слѣдующіе пять:

1. Коранъ القرآن (святая книга).
2. Сунна السنة (преданія).
3. Иджама الاجماع (соборъ).
4. Кіясъ القياس (умозаключеніе по сходнымъ случаямъ).
5. Иджтихадъ الاجتهاد (юридическій авторитетъ).

Коранъ—есть подлинное слово Божіе. Онъ состоитъ изъ 114 главъ, которыя Богъ объявилъ мусульманамъ въ теченіе 23 лѣтъ черезъ послѣдняго пророка Магомета, при посредствѣ архангела Гавріила. 83 главы были объявлены въ Меккѣ до гиджры и 31 въ Мединѣ. Первая глава, объявленная въ Меккѣ была XCVI глава, имѣющая названіе „союзъ“ (XCVI—l'union), а послѣдняя была по мнѣнію однихъ ученыхъ XXIX—„паукъ“, по мнѣнію другихъ—XL—„вѣрующіе“, и, наконецъ, по мнѣнію третьихъ, глава LXXXIII—„обмѣривающіе“. Первая глава, объявленная въ Мединѣ была II глава „корова“ и послѣдняя V—„трапеза“.

Какъ видно, Коранъ былъ обнародованъ не разомъ (цѣликомъ), а по частямъ. Расположеніе главъ и стиховъ въ хронологическомъ порядкѣ точно не извѣстно. При жизни пророка эти главы не собирались и только послѣ его смерти Зейдъ бенъ Тсабитъ собралъ, по приказанію Халифа Абубекра, всѣ разбросанные отрывки, которые образовали собраніе, называемое Кораномъ. По мѣрѣ того, какъ стихи объ-

являлись пророкомъ, его послѣдователи записывали ихъ на пальмовыхъ вѣткахъ и на тонкихъ камняхъ.

Мусульманскіе ученые раздѣляютъ стихи Корана, по степени вида отмѣны, на отмѣняющіе и отмѣненные. Первые отмѣняютъ, вторые усиливаютъ значеніе закона. Сообразно съ этимъ взглядомъ всѣ 114 главъ дѣлятся такимъ образомъ:

25 главъ заключаютъ стихи и отмѣняющіе и отмѣненные; 40 главъ заключаютъ только отмѣненные стихи, 6 главъ только отмѣняющіе и остальныя главы не заключаютъ въ себѣ ни отмѣняющихъ, ни отмѣненныхъ.

Коранъ считается основой шаріата. Все въ немъ есть и ничего онъ не оставляетъ безъ вниманія. Однако, изъ 6000 стиховъ Корана юридическими признаются только 500. Отсюда ясно, что эти 500 стиховъ не могутъ обнимать собою всѣ вопросы, да и затрагивая вопросъ, Коранъ часто не представляетъ его ясно, что вызываетъ колебанія и затрудненія. Когда былъ живъ Магометъ, встрѣчающіяся затрудненія имъ уничтожались. Но обширность территоріи не позволяла отовсюду, гдѣ исповѣдывался исламъ обращаться непосредственно къ пророку, это заставляло создавать новые авторитеты, которые и являлись въ лицѣ его асхабовъ или ближайшихъ учениковъ, видѣвшихъ его своими глазами. Со смертью Пророка, пришлось рѣшать вопросы, припоминая различные случаи изъ жизни Магомета, его рѣшенія, а позже и рѣшенія его намѣстниковъ,—это создало второй элементъ мусульманскаго права—Сунну.

Подъ Сунной подразумѣвается сборникъ разсказовъ, фактовъ и дѣйствій изъ жизни Магомета. При пророкѣ, и даже нѣкоторое время послѣ его смерти, преданія не собирались. Ученики пророка и его послѣдователи довольствовались тѣмъ, что передавали одинъ другому на память. Но когда исламъ распространился почти вездѣ, мусульманскіе ученые признали необходимымъ собрать преданія. Халифъ Омаръ приказалъ Абубекру ибнъ Мухамедову собрать хадисы (хадисъ—отдѣльное преданіе) въ сборникъ. Онъ написалъ по этому поводу во всѣ мусульманскія страны, прося прислать ему хадисы, дошедшіе до нихъ.

По мѣрѣ того, какъ хадисы прибавлялись, ихъ раздѣлили на 34 группы и придумали техническіе термины, для обозначенія каждой изъ нихъ. Эта классификація имѣетъ важное значеніе, такъ какъ обозначаетъ значеніе каждаго хадиса. Главныя собранія хадисовъ, считаемыя вполнѣ достовѣрными, слѣдующія 6: Эль Бохари, онъ собралъ до 600 тысячъ преданій и послѣ разбора ихъ призналъ несомнѣнно достовѣрными 6000 преданій; Муслима онъ собралъ 300 тысячъ, но изъ нихъ призналъ достовѣрными только 12,000 преданій, Дауда Эль Тармида, Энъ-Ниссая и Ибнъ Маджи. Два первые сборника наиболѣе извѣстны и наиболѣе распространены въ мусульманскихъ странахъ.

Авторитетъ хадиса слѣдуетъ за авторитетомъ Корана по двумъ причинамъ:

1. Потому, что Коранъ считается безусловно достовѣрнымъ, ха-

дисы же подлежатъ подтвержденію свидѣтелей, а увѣренность должна имѣть силу большую, чѣмъ вѣроятность.

2. Потому, что хадисы имѣютъ цѣлью объяснить только темныя мѣста Корана, а объясненія могутъ существовать тогда, когда есть нѣкоторыя вещи для объясненія.

Хадисы, такъ же какъ и стихи Корана, раздѣляются на хадисы отмѣненные и отмѣняющіе. Первые считаются какъ несуществующіе и только вторые имѣютъ силу. Съ распространеніемъ ислама, когда, изсякли авторитеты, рѣшающіе всякія недоразумѣнія (халифатъ раздробился), тогда стали возникать религіозныя сомнѣнія, переходящія въ ереси, грозившія цѣлости ислама: вотъ тогда стали обращаться къ собранію наиболѣе авторитетныхъ представителей, по выбору изъ каждой отдѣльной группы, различно толковавшей нѣкоторыя мѣста Корана и преданій. Составляли собранія и общимъ согласіемъ этого собранія рѣшалось то или другое и принималось общее рѣшеніе всѣми.

Такимъ образомъ, получилась—иджма, что означаетъ—единогласіе муджтахидовъ, опредѣленнаго времени, послѣ смерти пророка по поводу юридическихъ опредѣленій. Этотъ элементъ мусульманскаго права имѣетъ цѣлью точно опредѣлить смыслъ Корана и Сунны и, разъясняя, дѣлать ихъ доступными къ примѣненію. Фактъ уваженія единодушнаго согласія, какъ одинъ изъ принциповъ, составляющихъ мусульманское право, основанъ на слѣдующемъ хадисѣ: „Мой народъ никогда не долженъ согласиться на заблужденіе".

Въ иджмѣ требовался нѣкоторый логическій процессъ, когда встрѣчалось противорѣчіе и нужно было подобрать преданіе. Это участіе ума въ разрѣшеніи различныхъ вопросовъ и вывело на сцену кіясъ.

Кіясъ—значитъ законное сходство. Онъ состоитъ въ объединеніи факта, юридически еще не опредѣленнаго съ другимъ уже законно выраженнымъ. Это объединеніе основано на сходствѣ двухъ фактовъ, изъ которыхъ одинъ былъ точно выраженъ Кораномъ, Сунной или иджмой.

Примѣненіе кіяса дало поводъ къ возникновенію мнѣній, раздѣляющихся на два противоположныхъ лагеря.

Послѣдователи нѣкоторыхъ школъ, утверждали, будто-бы шайтанъ примѣнялъ кіясъ еще при Адамѣ. Когда Адамъ давалъ имена всѣмъ животнымъ существамъ, Богъ приказалъ ангеламъ поклониться Адаму. Иблисъ (сатана) отказался, говоря, что „я сотворенъ изъ огня, а Адамъ изъ глины, но кіясу я не долженъ поклоняться". Но, однако, несмотря на несогласіе нѣкоторыхъ школъ, кіясъ продолжалъ развиваться, имѣя много сторонниковъ.

Нѣкоторые ученые подтверждали даже подъ присягой, что исламъ Абу-ханифа основатель школы, которая носитъ его имя, предпочиталъ голосъ разсужденія и сравненія точнымъ словамъ пророка. Постоянно примѣняя кіясъ къ дѣлу, Абу-ханифа далъ ему четвертое мѣсто въ мусульманскомъ правѣ, почему и считается отцомъ кіяса.

Наконецъ, 5-мъ элементомъ права является иджтихадъ (юридическій авторитетъ). Иджтихадъ есть степень независимости или автори-

тета въ дѣлѣ законовѣдѣнія. Тотъ, кто достигалъ авторитета въ юридическихъ толкованіяхъ, носилъ имя „муджтахида". Въ основѣ мусульманскаго законовѣдѣнія лежитъ Коранъ—его надо знать наизусть.

Чтобы умѣть разъяснять всякій юридическій текстъ, нужно было знать его исторію, его филологическое происхожденіе, его богословское значеніе, чтобы все это постигнуть нужно было знать хорошо арабскій языкъ, всѣ преданія, которыя уясняли происхожденіе текста. Такъ что на долю мусульманскихъ юристовъ выпала большая работа. Всѣ они должны были быть даровиты, прилежны и отличаться строго благочестивой жизнью. Эти муджтахиды проявляли стараніе къ выясненію шаръ-пути къ вѣчному спасенію, чтобы его знать, надо было знать основу. Это и составляетъ то, что называется основой мусульманскаго законовѣдѣнія. Это вѣнецъ—мусульманскаго знанія, котораго достигли немногіе, а теперь и рѣдкіе. Иджтихадъ имѣетъ три главныхъ степени:

1. Иджтихадъ Эль Мотлакъ الاجتهاد المطلق (абсолютная независимость въ законовѣдѣніи).

2. Иджтихадъ фи-ль Мадхабъ الاجتهاد فى المذهب (юридическій авторитетъ, основанный муджтахидами 1-ой степени).

3. Иджтихадъ фи-ль фетва الاجتهاد الفتوى (авторитетъ, основанный на мнѣніи муджтахидовъ 2-й степени, рѣшающихъ вопросы по правиламъ той школы, къ которой они принадлежатъ).

Мусульманскіе юристы не согласны на прекращеніе первой степени иджтихада т. е. на обсолютную независимость въ законовѣдѣніи. Нѣкоторые считаютъ ее уже прекращенной четверть вѣка гиджры. Но Имамъ Ибнъ Ханбалъ основатель школы, которая носитъ его имя, напротивъ утверждаетъ, что иджтихадъ долженъ существовать, пока существуетъ исламъ.

Маликиты и шофіиты считаютъ независимость въ законовѣдѣніи прекращенной не потому, что ученые, которые могутъ достигнуть авторитета, рѣдки, а потому, чтобы помѣшать основанію другихъ школъ. Что же касается двухъ другихъ степеней иджтихада, то всѣ юристы признаютъ, что они останутся дѣйствующими до конца міра.

Мусульманскіе ученые считаютъ этотъ основной принципъ права за коментаріи Сунны.

II.

Мусульманское право имѣетъ общее названіе „Шаріатъ". „Шаръ" значитъ путь къ вѣчному спасенію, подъ шаріатомъ же разумѣется энциклопедія права. Мусульманское право имѣетъ своимъ основаніемъ религіозное начало и, по сравненію съ другими существующими правами, отличается своей точкой зрѣнія. Въ большинствѣ правъ, точка зрѣнія умозрительная, здѣсь же религіозная. Главное отличіе мусульманскаго права то, что, какъ Божій законъ, оно обнимаетъ собою всѣ стороны жизни. Такъ въ немъ есть принципъ: теократическій принципъ, коммунистическій (Байтульмаль—казна Божія), соціалистическій (Коранъ говоритъ, что всѣ люди равны, какъ дѣти Божіи), деспотическій (взглядъ

на отца, дѣда, семейная жизнь, главенство мужа надъ женой и рабство. Самый существенный принципъ—это теократическій. (Такъ шаріатъ имѣетъ значеніе и по сіе время въ Турціи и отъ его вліянія никогда не освободится, пока совершенно не измѣнится строй, но тогда это не будетъ уже мусульманское государство, ибо съ измѣненіемъ строя граждане не останутся мусульманами). Въ философскомъ смыслѣ слова, нѣкоторыми учеными, мусульманское право не признается за право, но для сущности дѣла это особаго значенія имѣть не можетъ, тѣмъ болѣе, что не мало изслѣдователей его соглашаются со словами Клемера, давшаго слѣдующую оцѣнку: „арабы въ исторіи и разработкѣ права сдѣлали такую важную работу, что имъ нѣтъ равныхъ послѣ римлянъ".

У европейскихъ христіанскихъ народовъ разумъ принятъ за основаніе права, у всѣхъ право рознится одно отъ другого въ зависимости отъ національности, а у мусульманъ право у всѣхъ одно. Національныя отличія ихъ въ правѣ нисколько не отразились, потому что въ основѣ его Богъ. Мусульманскіе ученые были болѣе самостоятельны и оригинальны въ разработкѣ своего права и, благодаря особенностямъ восточнаго ума и неимѣнію науки, главнымъ источникомъ мусульманскаго права сдѣлалась жизнь, измѣняющаяся, быстро идущая впередъ и своимъ движеніемъ увлекшая мусульманское право и давшая ему столь обширныя формы.

Итакъ, мусульманское право есть сборникъ юридическихъ постановленій, извлеченныхъ изъ основныхъ принциповъ. Различіе въ мнѣніяхъ, при выработкѣ основныхъ положеній, дало поводъ образованію нѣсколькихъ школъ, которымъ дано имя ихъ основателей. Основатели этихъ школъ слѣдующіе: имамъ Абу-Ханифа родился въ 80-мъ году и умеръ въ Багдадѣ въ 150 г. гиждры, онъ хотя и не жилъ при Магометѣ, но будучи маленькимъ, видѣлъ 4-хъ асхабовъ пророка; его отецъ былъ представленъ Алію и Алій сказалъ будто бы, что отъ него произойдетъ человѣкъ, свѣтъ котораго освѣтитъ мусульманъ. Онъ описывается человѣкомъ средняго роста, приличной наружности, съ мягкимъ голосомъ и кроткимъ обращеніемъ, съ острой памятью и логическимъ умомъ. Частое примѣненіе кіяса, отличительная черта его ученія, другой чертой надо считать гуманность, терпимость. При рѣшеніи вопросовъ, гдѣ затрагивается право, онъ отличается большой уступчивостью, стремленіемъ къ тому, чтобы обѣ стороны были удовлетворены. Онъ былъ высокой нравственности и очень преданъ своимъ занятіямъ. Не разъ ему предлагали мѣсто казія, но онъ отъ него уклонялся, боясь быть несправедливымъ. Имамъ Маликъ родился въ 94 году и умеръ въ Мединѣ въ 179 г. гиджры. Онъ выросъ въ Мединѣ, изучалъ преданія и былъ болѣе строгъ въ ихъ примѣненіи. Имамъ Шафи родился въ 150 году и умеръ въ Каирѣ въ 204 году гиджры. Онъ изъ рода корейшитовъ (родъ, изъ котораго былъ Магометъ), его отецъ былъ знаменщикомъ въ знаменитой битвѣ при Бедрѣ, въ средѣ враговъ пророка. Послѣ успѣховъ ислама, онъ призналъ авторитетъ Магомета и сдѣлался его послѣдователемъ. Послѣдователей Шафи больше въ Ара-

віи. Имамъ Ибнъ Ханбасъ родился въ 164 году и умеръ въ Багдадѣ въ 241 году. Онъ былъ ученикомъ Шафи; его ученіе отличается рѣзкостью и строгостью, доходящей до фанатизма. При жизни число его послѣдователей было больше, теперь же ихъ немного, главнымъ образомъ, въ Аравіи и Египтѣ. Послѣдователи этой школы были строгими аскетами и приближались къ суфіямъ. Абу Юсуфъ (родился въ 113 году и умеръ въ Багдадѣ въ 182 г.). Имамъ Мумамедъ (родился въ 132 году и умеръ въ Хоросанѣ въ 179 г.). Такимъ образомъ, ими были созданы 4 школы: ханифиты, шафіиты, маликиты и ханбалиты. Особенно важнаго различія между этими школами нѣтъ и разница касается только нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядовъ и юридическихъ вопросовъ, рѣшаемыхъ каждой школой по своему. Эта разница произошла отъ того, что одинъ основатель считалъ какой-либо хадисъ важнѣе другого, какъ исходящій отъ пророка, другой основатель предпочиталъ тотъ или другой стихъ Корана, ясно, по его мнѣнію, исчерпывающій разбираемый вопросъ, а третій, наконецъ, признавалъ такой-то хадисъ или стихъ Корана отмѣненнымъ.

Возможность неодинаковаго толкованія въ томъ случаѣ, когда, казалось бы, все должно быть ясно и понятно, объясняется исторіей соединенія какъ Корана, такъ и Сунны, собранныхъ уже значительно позже ихъ появленія. То же обстоятельство, что нѣкоторые хадисы были извѣстны одному и не извѣстны другому, и вообще, что не всѣ хадисы и стихи Корана были не вездѣ извѣстны, подтверждается нѣкоторыми эпизодами изъ жизни халифовъ. Такъ, Абубекръ никогда не разставался съ пророкомъ, а тѣмъ не менѣе во время своего халифства, онъ, однажды, затруднился какъ поступить, когда въ вопросѣ о наслѣдствѣ наслѣдницей явилась бабушка и только при помощи Эль Могайры и Магомедъ Ибнъ-Масламаха, которые ему заявили, что пророкъ въ подобномъ случаѣ далъ бабушкѣ 6-ю часть, Абубекръ вышелъ изъ затруднительнаго положенія (См. Нефсъ Эль-Мобинъ, Ибна Таймія, стр. 3—4).

Халифъ Омаръ не зналъ, что жена является наслѣдницей своего мужа, до тѣхъ поръ, пока Эдъ Дахакокинъ Ибнъ Софіаномъ ему не было передано, что пророкъ допустилъ женщину Ашайму Эдъ Дабаби быть наслѣдницей своего мужа. Халифъ Османъ не зналъ, что женщина должна исполнять свой идатъ (законное уединеніе) въ томъ мѣстѣ, гдѣ она жила съ мужемъ до его смерти. Онъ былъ освѣдомленъ по этому поводу Эль Каріи бентъ-Маликъ, сестрой Абу Зайда Эль Кадри, что пророкъ велѣлъ ей остаться въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ ея мужъ до окончанія идата.

Тотъ же халифъ не зналъ, что идатъ вдовы долженъ кончиться согласно рѣшенію пророка (См. то же произв. Ибнъ Таймія стр. 5).

Эти примѣры, взятые случайно указываютъ, что даже халифы не знали всѣхъ хадисовъ. Нѣкоторые хадисы, извѣстные основателямъ школъ, не имѣли точно установленнаго исната (преемства въ преданіи), почему вѣроятность ихъ внушала подозрѣніе. Нѣкоторые хадисы были выражены такъ, что имъ можно было давать двоякое толкованіе: будучи

выражены на одномъ нарѣчіи, передаваясь другимъ нарѣчіемъ, они совершенно измѣнялись. Такъ, напримѣръ, одно какое либо слово имѣло въ одномъ случаѣ значеніе опьяняющаго напитка, въ другомъ случаѣ означало качество воды (набидъ).

Съ другой стороны нѣкоторыми учеными какое либо слово изъ стиха Корана или хадиса понималось и употреблялось въ узкомъ смыслѣ, другими же въ самомъ широкомъ смыслѣ, напримѣръ, кнатъ—одними понимается какъ вино, а другими какъ вообще всякій опьяняющій напитокъ (Нефсъ эль мобинъ Ибнъ Таймія стр. 9). Наконецъ, не одинаковы были мнѣнія относительно стиховъ Корана и хадисовъ. Часто эти стихи перепутывались и отмѣняемый становился отмѣняющимъ и наоборотъ. Итакъ, упомянутыя 4 школы распространились по всему міру. Самый значительный мазгабъ (толкъ школа) по числу послѣдователей—ханафитскій. Къ ней принадлежатъ мусульмане Каира, Аравіи, Турціи, Бухары, Хивы, мусульмане Туркестана и Индіи и, вѣроятно, сюда же надо отнести мусульманъ Китая.

Всѣ школы считаются равноправными во избѣжаніе возникновенія недоразумѣній между школами въ мусульманскомъ мірѣ, установлено не возбуждать вопросовъ о разногласіи при соприкосновеніи двухъ школъ.

III.

Вкратцѣ были выяснены главные, основные принципы мусульманскаго права и нѣкоторые причины, которыми мотивируется различіе мнѣній между четырьмя правовѣрными мусульманскими школами. Эти различія мнѣній должны были, какъ мы это видѣли, въ особенности касаться многихъ толкованій нѣкоторыхъ кораническихъ стиховъ и хадисовъ, и выразиться въ признаніи однихъ обрядовъ одной школой и запрещеніи ихъ другой, въ признаніи одной школой достойными какихъ либо дѣйствій, а другой порицаемыми. Впрочемъ не малую роль сыграли и позднѣйшіе юристы въ разрушеніи согласія во многихъ случаяхъ. Такъ напримѣръ въ одномъ изъ классическихъ руководствъ по мусульманскому праву Сидикелиль видимъ слѣдующую замѣтку: „Двѣ системы поддерживаются тѣмъ взглядомъ, что есть различіе мнѣній въ толкованіи и т. д.“.

Если мы обратимся къ судьямъ, то невольно является вопросъ: почему, примѣняя право къ тому или другому случаю, они не ошибаются, рѣшая правоту одного тяжущагося и вину другого. Развѣ не было случаевъ, когда совершая предосудительныя дѣла (за денежное вознагражденіе) судьи составляютъ приговоры, которые грѣшатъ въ основѣ, но будучи основаны на текстѣ (который толкуется различными лицами разно), они остаются правыми передъ лицомъ своего начальства. На такое положеніе вещей было обращено вниманіе въ Алжирѣ въ 1905 году и компаніей финансистовъ было высказано желаніе, клонящееся къ кодификаціи мусульманскаго права. Цѣль этой работы—уничтожить различіе мнѣній, возстановить мнѣніе болѣе общее, то, которое больше отвѣчаетъ соціальному положенію алжирскихъ мусульманъ. Подобная

задача не можетъ оскорблять религіознаго вѣрованія личностей, если въ составленіи кодекса будутъ прилежны и будутъ сообразовываться съ принципомъ, который преслѣдуетъ ту цѣль, чтобы судьи судили согласно мнѣній распространенныхъ, а не своихъ личныхъ. Вотъ что сказалъ по этому поводу Сиди Келиль въ главѣ „судъ“: „Судья держится толкованія наиболѣе распространеннаго, общаго“. Руководимые похвальными чувствами, члены комиссіи, занятые кодификаціей мусульманскаго права, признали необходимость сообразованія своей работы не только съ малекитской школой, наиболѣе распространенной въ Алжирѣ, но и съ другими школами.

Комиссія сообразуется со слѣдующими двумя хадисами:

1. اصحابى كالنجوم بايهم افتديتم اهد يقم „Мои товарищи сравнены со звѣздами, они васъ всѣхъ сопровождаютъ къ средству спасенія“.

2. العلماء ورثة الانبياء „Ученые наслѣдники пророка“.

Суть этихъ двухъ хадисовъ видна изъ слѣдующаго мѣста Корана: „Въ никакой эпохѣ исламизма, великіе улемы или высокіе законовѣды не обвинены въ измѣнѣ обряда съ точки зрѣнія примѣненія. Причина въ томъ, что всѣ обряды установлены на самыхъ основаніяхъ. И, что примѣненіе законныхъ данныхъ выражается двояко: въ правовѣріи и истинѣ“.

Приведенные два хадиса и мѣсто изъ Корана ясно указываютъ, что можно избрать мнѣніе любого ученаго или асхаба пророка и безпрепятственно его примѣнять, хотя бы оно было въ полномъ противорѣчіи со мнѣніями другихъ. Если это такъ, то не понятно, почему нѣкоторые мусульманскіе ученые не соглашаются съ задачей упомянутой комиссіи, которая создалась по общему желанію. И какъ отнесутся ученые, если комиссія введетъ нѣкоторыя нововведенія, согласно слѣдующаго хадиса:

„Сентенціи перемѣняются согласно времени и мѣста“, а между временемъ пророка и нашимъ, времени прошло достаточно, чтобы имѣть право примѣнить упомянутый хадисъ. Этотъ хадисъ не доказываетъ ли, съ очевидностью, что мусульманскій законъ далекъ отъ осужденія на неподвижность.

Все упомянутое приводитъ насъ къ слѣдующей дилеммѣ: или хадисы ложны и слѣдовательно кодификація мусульманскаго права въ изложенныхъ задачахъ не осуществима, или хадисы правильны и критика по этому вопросу должна быть разсматриваема,—какъ ошибочная. А такъ какъ подлинность хадисовъ неоспорима, то ясно, что погрѣшила критика. Изъ вопросовъ, дающихъ матеріалъ критикѣ можно указать на условія, которыя требуются для законности брака („половая зрѣлость договаривающихся“). Надо думать, что подобное опредѣленіе условій вполнѣ сообразуется съ мусульманскимъ закономъ и кладетъ обузданіе на скороспѣлыя соединенія, которыя имѣютъ очень часто безпримѣрные результаты. Эта статья должна быть выражена такъ: „Бракъ дѣйствителенъ только между лицами, достигшими возраста половой зрѣлости“.

Нѣкоторое число мусульманъ несправедливо видятъ въ этой статьѣ противоположность тому, что предусмотрѣно нашимъ законовѣдѣніемъ, однако надо считать, что эта статья есть вѣрное воспроизведеніе законодательнаго ума.

Разрѣшая бракъ дѣтей въ младенческомъ возрастѣ, мусульманскій законъ, дѣйствительно предписываетъ празднованіе брака совершать въ то время, когда будущіе супруги достигнутъ половой зрѣлости. А эта зависимость празднованія брака отъ половой зрѣлости означаетъ, что бракъ можетъ быть совершенъ только между возмужалыми лицами. Установленіе совершать бракъ въ младенческомъ возрастѣ, давало возможность устраивать обманы и злоупотребленія. Мѣры, принятыя по этому поводу властями, ни къ чему не приводили.

Не лучше ли поэтому ни въ чемъ не измѣняя сущности дѣла уничтожить возможность злоупотребленій и не нужно ли въ этомъ случаѣ примѣняться къ слѣдующимъ принципамъ мусульманскаго права:

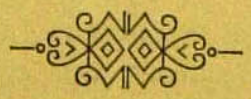
1. „Изъ двухъ золъ нужно выбирать меньшее". رتكاب الضرين اخف

2. „Внесите въ ваши опредѣленія нововведенія, которыя требуются порчей нравовъ". تحدث الناس افضنة بمثل ما اخذ ثوامرالفجور

Итакъ, въ заключеніе необходимо сказать, что работа комиссіи по кодификаціи мусульманскаго права, основана на началахъ 4 мусульманскихъ школъ и эти послѣднія заимствованы изъ принциповъ ислама, Корана, Сунны, иджмы, кіяса и иджтихада. Критика же работы комиссіи неосновательна и несправедлива. Однимъ словомъ, кодификація мусульманскаго права есть превосходное нововведеніе.

Это произведеніе учености, когда будетъ окончено, окажетъ лучшую услугу не только чиновникамъ, которымъ приходится имѣть дѣла съ мусульманами и судьямъ, которые всѣ дни проводятъ въ рѣшеніи дѣлъ, но особенно тѣмъ лицамъ, судьба которыхъ часто зависитъ отъ благопріятнаго или неблагопріятнаго толкованія судьей, примѣненнаго текста.

Перевелъ съ французскаго **А. Гарлицкій**.



Одиссеевъ Полифемъ въ киргизскихъ сказкахъ.

Въ этнографическомъ обозрѣніи за 1891 г. книжка 2 (смѣсь, стр. 202—207) мною была напечатана замѣтка, подъ заглавіемъ „*Новые варіанты сюжета о Полифемѣ*", въ которой были приведены два киргизскихъ разсказа объ одноглазомъ великанѣ (Дивѣ). Къ этому великану случайно зашли охотники: по одному разсказу—Буранъ-Батыръ, а по другому—ханъ, охотившійся съ 40 приближенными. По обоимъ разсказамъ, охотники попали къ одноглазому великану, который жилъ въ пещерѣ и поѣдалъ случайныхъ своихъ гостей. Чтобы избавиться отъ неминуемой смерти, Буранъ-Батыръ (по одной версіи), и ханъ—(по другой), ослѣпили великана и при помощи хитрости благополучно вышли изъ пещеры вмѣстѣ съ баранами, принадлежавшими великану, накрывшись шкурами зарѣзанныхъ барановъ.

Является вопросъ: какимъ путемъ сюжетъ Одиссея объ одноглазомъ Полифемѣ могъ изъ Греціи проникнуть къ киргизамъ, въ степи Средней Азіи? Можно предполагать, что этотъ сюжетъ былъ занесенъ въ Среднюю Азію солдатами Александра Македонскаго, долго стоявшими лагеремъ на мѣстѣ нынѣшняго Самарканда и доходившими затѣмъ до Сыръ-Дарьи близъ теперешняго Ходжента; но еще проще объяснять появленіе разсказа объ одноглазомъ Дивѣ въ Средне-Азіатскихъ степяхъ подъ вліяніемъ извѣстныхъ арабскихъ сказокъ Шехеразады „*Тысяча одна ночь*". Въ одной изъ этихъ сказокъ передается разсказъ богатаго Синдбада о его необычайныхъ приключеніяхъ во время торговыхъ путешествій по приморскимъ городамъ.

Во время одного такого плаванія по морю случилась сильная буря, продлившаяся нѣсколько дней и пригнавшая корабль, на которомъ онъ плылъ, къ неизвѣстному острову. Бродя вмѣстѣ съ товарищами по острову, путешественники приблизились къ какому-то громадному зданію съ неизмѣримо высокими створчатыми воротами изъ чернаго дерева; ворота были не заперты и отворились при первомъ толчкѣ. Не зная что ожидаетъ ихъ въ этомъ невѣдомомъ жилищѣ, путешественни-

ки не предвидя ничего хорошаго, все же рѣшились войти во внутренній дворъ, а оттуда въ какое-то обширное крытое помѣщеніе, гдѣ по одну сторону валялись груды человѣческихъ костей, а по другую длинные вертелы для поджариванія мяса. Это ужасное зрѣлище уже несомнѣнно уяснило несчастнымъ путешественникамъ грозившую имъ опасность.

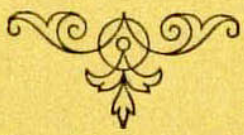
„Подъ вліяніемъ страха и внезапнаго потрясенія, ноги у насъ, разсказывалъ Синдбадъ, подкосились, и мы упали на землю, словно подстрѣленные. Черезъ нѣсколько минутъ дверь растворилась, и къ намъ вошелъ чудовищный великанъ, вышиною съ громадную пальму, весь черный, съ единственнымъ глазомъ во лбу, краснымъ, свѣтящимся, какъ раскаленный уголь; острые передніе зубы выдавались у него вмѣстѣ съ челюстью, словно у лошади; нижняя губа отвисла и лежала на груди, а длинныя слоновыя уши болтались по плечамъ, ногти на его громадныхъ рукахъ были заострены и загнуты, какъ ястребиныя когти. При видѣ такого страшнаго чудовища мы совсѣмъ обезумѣли отъ ужаса и лишились послѣдняго сознанія; а когда опомнились, гигантъ уже сидѣлъ предъ нами, кровожадно вглядываясь въ насъ своимъ единственнымъ, сверкающимъ глазомъ. Затѣмъ онъ протянулъ ко мнѣ руку, поднялъ меня за кожу затылка, захвативъ ее вмѣстѣ съ волосами, и сталъ повертывать во всѣ стороны, осматривая испытующимъ окомъ, какъ мясникъ осматриваетъ обреченнаго барана. Видно, я показался ему слишкомъ худымъ и тощимъ, потому что, отбросивъ меня въ сторону, онъ приступилъ къ такому-же осмотру другихъ. Выборъ его остановился на капитанѣ корабля, какъ на самомъ тучномъ изъ всѣхъ насъ. Великанъ взвѣсилъ его, приподнялъ раза два своей гигантской рукой, въ которой бѣдняга умѣщался весь, какъ могъ бы умѣститься развѣ только воробей въ рукѣ обыкновеннаго человѣка. Затѣмъ великанъ тотчасъ же проткнулъ капитана вертеломъ и сталъ поджаривать его на сильно разведенномъ огнѣ. Когда жаркое было готово, людоѣдъ снялъ его и удалился, вѣроятно, въ свою столовую, для съѣденія лакомаго блюда, потомъ снова вернулся къ намъ и, растянувшись на землѣ во весь свой исполинскій ростъ, крѣпко заснулъ. Храпъ его походилъ на раскаты грома или на звуки трубы въ день страшнаго суда; мы же въ своей мучительной тревогѣ, разумѣется, во всю ночь не могли сомкнуть глазъ. На разсвѣтѣ великанъ всталъ и въ ту же минуту куда-то ушелъ. Оставшись одни, мы дали, наконецъ, волю своимъ скорбнымъ чувствамъ и громкими воплями излили ихъ наружу. Сознаніе безсилія и безысходности положенія такъ угнетало насъ, что мы даже ни разу и не подумали о противодѣйствіи, а между тѣмъ смерть чудовища должна бы естественно представиться намъ единственнымъ средствомъ спасенія. Успокоившись немного и положившись на всемогущую Божію власть, мы все-таки вышли изъ своего страшнаго убѣжища и стали бродить по острову, собирая траву и кое-какіе плоды, чтобы утолить мучившій насъ голодъ, а къ вечеру поневолѣ возвратились въ жилище людоѣда, такъ какъ намъ некуда было уйти и негдѣ было

укрыться отъ него. Вслѣдъ за нами явился и великанъ... Онъ выбралъ еще одного изъ нашихъ товарищей и, поужинавъ имъ, погрузился въ крѣпкій сонъ.

При наступленіи слѣдующаго утра великанъ опять скрылся куда-то, оставивъ насъ безъ всякаго надзора; но мы уже не обманывались относительно своей видимой свободы и хорошо знали, что намъ не миновать лютой смерти. Эта мысль приводила всѣхъ насъ въ такое уныніе, что нѣкоторые хотѣли броситься въ море и убѣждали другихъ послѣдовать ихъ примѣру, находя это все-таки менѣе ужаснымъ, чѣмъ быть зажареннымъ на вертелѣ. Но одинъ изъ насъ, напомнивъ намъ о религіи, безусловно запрещающей самоубійство, совѣтовалъ не предаваться отчаянію, а придумать какое-нибудь средство избавиться отъ людоѣда. Тогда, обращаясь къ товарищамъ, я сказалъ:—Друзья мои! вы, должно быть, обратили вниманіе на большіе деревья, растущіе на берегу моря; давайте срубимъ ихъ и подѣлаемъ себѣ плоты; пусть они останутся пока на берегу, а мы постараемся нынѣ же осуществить одну счастливую мысль. Если намъ удастся это, тогда мы можемъ спокойно ожидать какого-нибудь корабля, который бы выручилъ насъ изъ этого рокового мѣста,—а если нѣтъ, то спустимъ свои плоты на море и продоставимъ себя на волю волнъ. Правда, это будетъ не безопасно; но что же дѣлать? Лучше погибнуть въ морѣ, чѣмъ въ желудкѣ этого проклятаго чудовища. Мой замыселъ, тутъ же сообщенный всѣмъ, былъ единодушно одобренъ, и мы немедленно приступили къ дѣлу. Заготовивъ плоты такого размѣра, чтобы каждый могъ выдержать по три человѣка, мы вернулись въ прежнее помѣщеніе, гдѣ намъ снова привелось быть свидѣтелями мучительной смерти одного изъ своихъ товарищей. Но на этотъ разъ мы жестоко отомстили чудовищу: какъ только раздался по обыкновенію оглушительный храпъ великана, я и еще девять человѣкъ самыхъ ловкихъ и отважныхъ взяли по вертелу, раскалили ихъ до красна и всѣ разомъ вонзили въ единственный глазъ великана. Онъ заревѣлъ отъ боли и, вскочивъ на ноги, сталъ ощупывать кругомъ, стараясь захватить кого-нибудь въ свои хищные когти; но мы затаивъ дыханіе, успѣли уже попрятаться въ надежныхъ мѣстахъ. Около часа бродилъ великанъ по всему своему обширному жилищу, обшаривая стѣны, углы, закоулки, наконецъ наткнулся на выходную дверь и, вѣроятно, потерявъ надежду отыскать насъ, вышелъ наружу. Мы тоже не замедлили выбраться изъ этого вертепа и направились къ своимъ плотамъ. Долго все кругомъ оставалось безмолвно и, не слышно рева великана, мы стали было надѣяться, что онъ померъ отъ нанесенныхъ ему ранъ, какъ вдругъ, при восходѣ солнца, снова увидали своего лютаго врага; его вели подъ руки два почти такихъ же громадныхъ великана, а впереди шли еще другіе. Въ страхѣ мы бросились на свои плоты и поспѣшили оттолкнуть ихъ отъ берега, но великаны, запасшись громадными камнями, вошли по поясъ въ воду и стали бросать ихъ въ насъ съ такой ловкостью и силою, что въ одну минуту разбили и погрузили въ море какъ плоты, такъ и людей, спасавшихся

на нихъ, уцѣлѣлъ только я (т. е. Синдбаръ) съ двумя товарищами, и то благодаря тому, что намъ удалось отогнать свои плоты на такое разстояніе, куда камни великановъ уже не могли достигать". *)

Н. Остроумовъ.



*) Тысяча одна ночь. Арабскія сказки. Новый полный переводъ Ю. В. Доппельмайеръ. Изданіе второе. Москва. 1896 г. Томъ I, стр. 200—203.

Бухарская смута.

Бухарская смута, повлекшая за собой столько жертвъ хотя и успокоилась, но всѣ сходятся на одномъ мнѣніи, что это успокоеніе временное, затишье передъ новой бурей и что будущее Бухары чревато многими печальными событіями.

Пріѣзжіе изъ Бухары, пережившіе эпоху „кровавыхъ дней" говорятъ въ одинъ голосъ, что смута улеглась только на время, что жизнь персовъ въ Бухарѣ попрежнему находится въ опасности и что муллы сунниты не успокоятся до тѣхъ поръ, пока у власти въ Бухарѣ не останется ни одинъ персъ-шіитъ.

Въ настоящее время уже ни для кого не является тайной, что кровавое волненіе въ Бухарѣ имѣло въ основѣ исключительно политическую подкладку и имѣло цѣлью свергнуть съ пьедестала бухарскихъ сановниковъ персовъ шіитовъ, приведшихъ бухарскій народъ хищническою налоговою системою къ полному обнищанію и разоренію.

Волненія въ Бухарѣ не явились случайными, они уже давно подготовлялись, ихъ можно было ожидать, и только наше бухарское политическое агентство оказалось настолько близорукимъ и неосвѣдомленнымъ, что не замѣтило того, что творилось у него подъ „самымъ носомъ".

Бухарскій народъ буквально изнываетъ подъ непосильнымъ игомъ ненавистныхъ чиновниковъ, начиная отъ высшихъ и кончая низшими.

Вся бухарская политика ведетъ исключительно къ тому, чтобы выколотить съ населенія какъ можно больше податей и это обстоятельство служило и всегда будетъ служить причиной кровавыхъ столкновеній въ Бухарѣ, до тѣхъ поръ, пока бухарскій строй не будетъ въ корнѣ реформированъ.

Бухарскій строй, несмотря на всѣ новыя вѣянія, остался тѣмъ же, какимъ онъ былъ до покоренія нашими войсками Средней Азіи. Въ 1867 году походъ русскихъ противъ Бухарскаго ханства закончился полнымъ пораженіемъ послѣдняго. Оно утратило свою внѣшнюю независимость, превратилось въ вассальное, но въ полной мѣрѣ сохранило всю свою несовершенную, чисто азіатскую систему управленія и эта система въ полной силѣ, безъ всякихъ измѣненій сохранилась до нашихъ дней.

Вотъ какъ рисуетъ эту систему приватъ-доцентъ московскаго университета П. Головачевъ.

„Вся система бухарскаго управленія скопирована съ той, которая нѣкогда существовала въ древней Согдіанѣ и Бактріанѣ. Вокругъ безотвѣтственнаго во всѣхъ отношеніяхъ эмира стоитъ придворная камарилья. Вторымъ лицомъ послѣ эмира является кушъ-беги, главный сокольничій и генералъ-губернаторъ столицы. За нимъ слѣдуютъ; диванъ-беги (канцлеръ), таксаба (мундшейхъ), мирахуръ (шталмейстеръ, караулъ-беги (начальникъ тѣлохранителя) и мирза-баши (оберъ-секретарь). Сравнительно съ этой придворной коллегіей, всѣ военные чины ханства начиная съ аталыка (главнокомандующаго), являются второстепенными и не имѣющими вліянія. По образцу придворной камарильи, организованы камарильи бековъ, имѣющихъ черты сходства съ древними персидскими сатрапами. Диванъ-беги у бека соотвѣтствуетъ кушъ-беги у эмира. Подобно тому, какъ доходныя почетныя мѣста бековъ, провинціальныхъ губернаторовъ, раздаются эмиромъ не по какимъ-либо служебнымъ заслугамъ претендентовъ, а только благодаря ихъ интригамъ и взяткамъ его приближеннымъ, такъ и должности администраторовъ и судей въ бекствахъ раздаются беками родственникамъ и знакомымъ для кормленія. Ни сами беки, ни кто-либо изъ представителей бухарской администраціи не получаютъ казеннаго жалованья, и населеніе Бухары вѣчно и усердно сосется всей этой тучей паразитовъ. Бухара представляетъ федерацію бековъ, разбросанныхъ среди пустынныхъ полей западной части страны въ плодородныхъ оазисахъ, а въ восточной—въ горныхъ долинахъ. Каждый бекъ является такимъ же самодержцемъ въ своей сатрапіи, какъ эмиръ, вообще въ Бухарѣ, но не въ смыслѣ централизаціи, а какъ безотвѣтственный и неограниченный распорядитель жизнью и имуществомъ своихъ подданныхъ.“.

Эта характеристика бухарскаго строя, данная П. Головачевымъ и напечатанная въ „Русск. Словѣ“ страдаетъ нѣкоторыми неточностями. При эмирѣ по бухарскимъ законамъ должно находиться не одинъ кушъ-беги, а два: верхній кушъ-беги и нижній кушъ-беги; первый вѣдаетъ финансами и внѣшними отношеніями, второй внутренними дѣлами. За ними ступенью ниже идетъ кази-калямъ—верховный судья и своего рода контролеръ надъ дѣйствіями обоихъ кушъ-беги. Провинціями (бегства) управляютъ беги. Бегства раздѣляются на амляки (уѣзды), управляемые амлякарами, кромѣ того въ каждомъ бегствѣ есть свой судья—казій.

Каждый изъ этихъ почти неограниченныхъ властителей имѣетъ громадный штатъ своихъ чиновниковъ, при чемъ количество ихъ указываетъ на положенія того или иного властителя въ своемъ бегствѣ и каждый бегъ старается имѣть побольше чиновниковъ. Да оно и понятно. Бухарскіе чиновники жалованья почти не получаютъ, никакими дѣлами государственными они не занимаются, а только собираютъ съ народа подати и чѣмъ больше чиновниковъ, тѣмъ больше собирается податей, тѣмъ больше получаетъ эмиръ, и тѣмъ больше перепадаетъ въ карманъ всѣмъ бухарскимъ сановникамъ.

Количество собираемаго налога по корану строго опредѣленно, но съ этимъ въ Бухарѣ не считаются. Каждый бегъ независимо отъ урожая обязанъ передъ эмиромъ, представить ему какъ можно больше податей и тотъ бегъ, что больше внесъ въ бухарскую кассу податей отмѣчается эмиромъ какъ энергичный дѣятель, одаряется подарками, приближается ко дворцу, но стоитъ только ему представить податей меньше чѣмъ въ предыдущемъ году и онъ теряетъ всѣ свои заслуги, да еще притомъ рискуетъ потерять и самую должность. Слѣдующая картинка изъ бухарской дѣйствительности даетъ очень правильное понятіе о томъ, какой порядокъ царитъ въ Бухарѣ, при выколачиваніи съ населенія податей. Каждый бегъ, послѣ того какъ пошлетъ эмиру собранныя деньги, ждетъ съ трепетомъ, какъ на это будетъ реагировать бухарскій властитель. Если онъ въ отвѣтъ пошлетъ бегу халатъ—значитъ онъ остался доволенъ и собранная сумма денегъ его вполнѣ удовлетворила. Если же онъ не пошлетъ халата, значитъ денегъ послано мало и бегъ отправляется собирать съ населенія подати во второй разъ.

Эмиръ ежегодно совершаетъ путешествіе по Россіи. Во время этихъ поѣздокъ онъ щедро награждаетъ русскихъ чиновниковъ бриллiантами и эти подарки, какъ оказывается, ложатся тяжелымъ бременемъ на бухарскій народъ. Передъ такими поѣздками эмира, бухарскіе чиновники рыскаютъ по странѣ и собираютъ съ населенія новые подати и налоги „на подарки русскимъ чиновникамъ.“ Нечего и говорить, насколько это дѣлаетъ русскихъ непопулярными среди бухарскаго населенія.

Самая система выколачиванія съ населенія Бухары податей и налоговъ носитъ чисто восточный хищническій порядокъ. Бегъ распредѣляетъ сумму требуемаго налога между амляками, амляки между волостями. И беги, и амлякары и всѣ бухарскіе чиновники жалованья не получаютъ, а потому собирается податей столько, чтобы покрыть требуемую эмиромъ сумму, да плюсъ еще средства для существованія всѣхъ бухарскихъ чиновниковъ, которые отъ высшихъ и кончая низшими оставляютъ и на свою долю львиную часть.

Даже бухарскіе судьи не получаютъ жалованья, а кормятся кліентами, при чемъ правымъ остается тотъ кто больше даетъ, а бѣднаго неимѣющаго средствъ чтобы одарить казія, ожидаетъ наказаніе плетьми съ мѣдными наконечниками.

Всѣ собранныя, такимъ образомъ, деньги поступаютъ въ личное пользованіе эмира, такъ какъ государственныхъ расходовъ онъ почти не несетъ, кромѣ содержанія двора и войска, хотя и послѣднее почти не обременяетъ казну эмира. Солдаты, получающіе въ Бухарѣ по 3 руб. въ мѣсяцъ на своемъ довольствіи, съ лихвой отрабатываютъ эмиру свое жалованье. Не неся почти никакихъ государственныхъ расходовъ, эмиръ бухарскій ежегодно получаетъ въ личное пользованіе съ населенія Бухарскаго ханства отъ 23—38 милліоновъ рублей.

Этотъ непосильный налоговой гнетъ господствуетъ въ Бухарѣ съ незапамятныхъ временъ, бухарское населеніе нищало, и со стойкостью восточнаго населенія терпѣливо сносило всѣ притѣсненія до того времени, пока во главѣ бухарскаго правительства не стали ненавистные всему населенію, презираемые имъ персидскіе чиновники.

Персы долгое время были въ Бухарѣ въ качествѣ рабовъ, приводимыхъ туда туркменами. Они исполняли тамъ грязныя работы и какъ „еретики" шіиты считались народомъ непріятнымъ, презрѣннымъ и имѣть съ ними какую либо связь считалось въ Бухарѣ позорнымъ. Съ прибытіемъ въ край русскихъ, рабство персидское было офиціально отмѣнено, но оно осталось фактически. Населеніе презирало персовъ и въ знакъ этого персы какъ паріи должны были ходить въ Бухарѣ не иначе какъ въ особой одеждѣ, отличительной отъ бухарской.

Первымъ сталъ покровительствовать персамъ нынѣшній эмиръ, мать котораго была персіанкой.

При немъ впервые, смѣщенный нынѣ кушъ-беги Астанакуль-беги— персъ былъ назначенъ на должность нижняго кушъ-беги. Назначеніе презрѣннаго перса на такой высокій постъ сильно взволновало населеніе Бухары, но оно тогда было безсильно что либо сдѣлать.

Астанакуль бегъ бій—человѣкъ очень умный, хитрый и властолюбивый, но проявиться во всей силѣ ему мѣшали: съ одной стороны верхній кушъ-беги Джанъ мирза и верховный судья Комянъ-Хаджибадарханъ-Садръ, человѣкъ въ высшей степени энергичный, умный и бывшій популярнымъ въ народѣ. Волей неволей Астанакуль бегу пришлось жить подъ контролемъ своихъ сослуживцевъ и сдерживаться въ проявленіяхъ деспотической власти.

Когда въ 1905—1906 гг. верхній кушъ-беги Джанъ мирза умеръ, въ бухарской исторіи совершился неслыханный переворотъ. Обѣ должности верхняго и нижняго кушъ-беги были соединены въ одну и на эту должность второго правителя страны послѣ эмира былъ назначенъ всѣми ненавидимый и презираемый персъ-шіитъ Астанакуль-бегъ-бій. Черезъ нѣкоторое время скончался и верховный судья и на его мѣсто по настоянію Астанакуль-бегъ-бія, имѣвшаго огромное вліяніе на эмира, былъ назначенъ ставленникъ Астанакуль-бегъ-бія, тоже персъ, ничтожная, бездарная личность.

Съ этого момента въ Бухарѣ началась эпоха владычества персовъ, приведшая страну къ окончательному обнищанію, и закончившаяся кровавыми столкновеніями послѣднихъ дней.

Попавъ вопреки желаніямъ бухарскаго народа на такой отвѣтственный постъ, фактическаго властелина страной, кушъ-беги Астанакуль-бегъ-бій прекрасно понималъ, что со стороны бухарскаго народа, презирающаго его, какъ бывшаго раба, онъ не встрѣтитъ сочувствія, а какъ разъ наоборотъ, и бухарскій народъ всѣми силами будетъ мстить этому ненавистному выскочкѣ, шіиту персу. Зная все это, Астанакуль-бегъ-бій, какъ человѣкъ недюжиннаго ума, прекрасно понималъ, что

для того, чтобы ему упрочиться въ новомъ положеніи, слѣдуетъ окружить себя персами, ненавидящими сартовъ, точно также, какъ сарты ненавидятъ ихъ, и создавъ такой сильный оплотъ изъ ненавистнаго народу элемента, противопоставить ненависти бухарскаго народа силу, въ видѣ сорганизованной банды персидскихъ чиновниковъ, занявъ послѣдними всѣ правительственныя должности въ Бухарѣ.

И Астанакуль-бегъ-бій сталъ назначать на должности бухарскихъ чиновниковъ выходцевъ изъ Персіи.

Много въ этомъ отношеніи ему помогло то огромное вліяніе, какое онъ имѣлъ на эмира. Чѣмъ объясняется это вліяніе, сказать трудно: одни говорятъ, что эмиръ, какъ сынъ персіянки, сочувствовалъ персамъ, другіе склонны въ этомъ вопросѣ видѣть нѣкоторыя „интимныя стороны" изъ жизни дворца эмира Бухарскаго.

Во всякомъ случаѣ, вліяніе на эмира Астанакуль-бегъ-бія было таково, что его слово въ Бухарѣ имѣло фактически значеніе закона.

Итакъ Астанакуль-бегъ-бій кликнулъ кличъ персамъ и сталъ имъ раздавать правительственныя должности. Нечего и говорить, что персовъ, желающихъ занять должности чиновниковъ въ Бухарѣ, нашлось не мало, и въ самое короткое время все Бухарское ханство, какъ паутиной оказалось опутанной сѣтью персидскихъ чиновниковъ и вчерашніе рабы, ставшіе вдругъ властителями, стали нещадно грабить бухарское населеніе.

Мы уже указывали, что чиновники въ Бухарѣ жалованья не получаютъ и живутъ исключительно отъ поборовъ съ населенія. При чемъ контроля надъ этими поборами нѣтъ и каждый чиновникъ беретъ въ свою пользу съ населенія столько, сколько ему заблагоразсудится.

Нечего и говорить, какъ стали грабить бухарское населеніе персы, ставшіе у кормила правленія. Всякія стѣсненія, какъ лишняя обуза, были отброшены въ сторону и это было не собираніе податей, а въ полномъ смыслѣ обворовываніе населенія, обворовываніе открытое, среди бѣлаго дня, а жаловаться некому, такъ какъ во главѣ этой банды стоялъ самъ Астанакуль-бегъ-бій, ненавистный персъ, въ интересахъ котораго было, чтобы его ставленникамъ персамъ жилось хорошо.

И дѣйствительно, персы-чиновники богатѣли чрезвычайно быстро и уѣхавъ изъ Персіи почти нищими, черезъ короткій промежутокъ времени возвращались обратно богачами.

Въ Бухарѣ установлены законами два налога: „хераджъ" налогъ съ земли и „зякетъ"—налогъ съ товара и скота

По корану „хераджъ" не долженъ превышать одной девятой части валоваго дохода. Конечно этой нормы въ Бухарѣ никогда не придерживались и брали съ населенія значительно больше. Но до владычества Астанакуль бегъ-бія все же стѣснялись брать съ населенія то, что оно не въ состояніи было дать и старались во всякомъ случаѣ не доводить населенія до обнищанія. Совершенно иначе посмотрѣлъ на это Астанакуль бегъ-бій, онъ задался цѣлью съ одной стороны выслужиться передъ эмиромъ и для этого дать въ его казну какъ можно больше де-

негъ; съ другой стороны, чтобы имѣть защитниками персовъ чиновниковъ онъ разрѣшилъ имъ брать въ свою пользу съ населенія столько, сколько они смогутъ взять, не стѣсняясь ни какими мѣрами.

И персидскіе чиновники стали брать „хераджъ" въ небываломъ размѣрѣ, превышающемъ значительно 40%. Сама система обложенія была обставлена по истинѣ растовщически. Каждый землевладѣлецъ, обмолотившій хлѣбъ, былъ обязанъ высыпать его въ кучки и подъ страхомъ наказанія не трогать, пока не пріѣдетъ чиновникъ и не опредѣлитъ количество потребнаго налога. Чиновникъ конечно не пріѣзжалъ, хлѣбъ начиналъ портиться и землевладѣльцу волей неволей приходилось ѣхать къ чиновнику, давать ему подарки и умасливъ такимъ образомъ просить, чтобы онъ пріѣхалъ опредѣлить „хераджъ".

Вотъ наконецъ чиновникъ пріѣхалъ, конечно за счетъ землевладѣльца. Количество высыпаннаго зерна онъ опредѣляетъ на глазъ и выводитъ цифру, значительно преувеличенную. Землевладѣлецъ, конечно, не согласенъ и вотъ начинается открытый постыдный торгъ, въ результатѣ котораго чиновнику опять попадаютъ въ карманъ подарки. Наконецъ, съ грѣхомъ пополамъ количество зерна опредѣлено и чиновникъ обозначаетъ „хераджъ" въ 60% съ валового дохода, изъ нихъ 40% въ казну эмира, а 20% въ пользу чиновниковъ. Мало того, „хераджъ" берется не зерномъ, а деньгами, по наивысшей базарной цѣнѣ и достовѣрно извѣстно, что бухарскіе чиновники передъ собираніемъ налоговъ искуственно повышаютъ базарныя цѣны на зерно, чтобы больше собрать денегъ.

Та же исторія повторяется съ хлопкомъ. Хлопокъ готовъ, коробочки раскрылись, но хлопководъ не имѣетъ права приступить къ сбору урожая, пока не пріѣдетъ чиновникъ и опять таки на глазъ не опредѣлить урожая и количества „хераджъ". Чиновникъ не пріѣзжаетъ, хлопокъ гибнетъ, и отчаявшійся хлопководъ ѣдетъ самъ къ чиновнику, даетъ ему взятку. Чиновникъ пріѣзжаетъ, начинается тотъ же постыдный торгъ и въ результатѣ хлопководъ окончательно раззоренъ. Не рѣдко бываетъ, что „хераджъ" превышаетъ стоимость урожая, и несчастнымъ землевладѣльцамъ, во избѣжаніе наказанія, приходится бѣжать изъ Бухарскаго ханства.

„Хераджъ" взыскивается безпощадно и чиновники не останавливаются ни передъ какими мѣрами. Если у землевладѣльца нѣтъ денегъ чтобы уплатить налогъ, то забирается его имущество; или его дочь отдается насильно замужъ и полученный калымъ поступаетъ за налоги, а если и этого мало, то въ погашеніе налоговъ сынъ землевладѣльца отдается на много лѣтъ въ кабалу къ какому нибудь богатому сарту, или его отдаютъ въ „бачи" къ богатому баю, а полученныя деньги идутъ въ казну эмира, да на прокормленіе чиновниковъ.

Поставленное въ такія невыносимо тяжелыя условія, обнищавшееся населеніе, бросаетъ насиженныя поля и бѣжитъ изъ Бухары въ Россію и Авганистанъ, и уже въ настоящее время въ Бухарѣ можно встрѣтить немало заброшенныхъ совершенно кишлаковъ, когда то цвѣтущихъ,

а теперь представляющихъ изъ себя кладбище, этотъ историческій памятникъ владычества въ Бухарѣ ненавистнаго народу кушъ-беги-Астана-куль-бегъ-бія

Второй налогъ „зякетъ“ достигаетъ $2^1/_2$ % съ цѣны товара. Эта не малая цифра увеличивается значительно еще тѣмъ, что взявъ налогъ „зякетъ“ какой нибудь чиновникъ не выдаетъ квитанціи въ его полученіи и слѣдующій чиновникъ, встрѣтивъ этотъ товаръ, снова обкладываетъ его налогомъ и бываетъ, что одинъ и тотъ же товаръ по нѣсколько разъ обкладывается налогомъ. Съ нормой въ $2^1/_2$ % чиновники не считаются, а берутъ значительно больше, стараясь какъ можно больше оставить на свою долю! Бухарскіе купцы буквально изнываютъ подъ этимъ непосильнымъ налогомъ и многіе изъ нихъ бываютъ вынуждены ликвидировать дѣла и переѣзжать на жительство въ Россію. Торговля и промышленность въ Бухарѣ за послѣдніе годы значительно падаетъ и это нужно ставить въ непосредственную связь съ варварской системой взиманія налоговъ.

Однако, одними поборами въ видѣ налоговъ еще не кончается обираніе бухарскаго населенія; эмиръ ведетъ въ Бухарѣ крупныя промышленныя дѣла, на нѣсколько десятковъ милліоновъ въ годъ. Онъ имѣетъ нѣсколько собственныхъ хлопкоочистительныхъ заводовъ. Чиновники посылаются эмиромъ скупать у населенія хлопокъ и эти покупки обыкновенно бываютъ обставлены такъ же какъ и сборъ податей. Во первыхъ, чиновники подъ угрозой прижимокъ и наказаній скупаютъ хлопокъ по значительно пониженнымъ цѣнамъ, во вторыхъ, при взвѣшиваніи хлопка камнями (камни въ Бухарѣ употребляются вмѣсто гирь) не рѣдки случаи обвѣшиванія и въ результатѣ хлопокъ на много милліоновъ рублей скупается по баснословно дешевымъ цѣнамъ. Затѣмъ эмиръ ведетъ крупныя операціи съ каракулемъ и ежегодно отправляетъ его въ Москву на сумму до пятнадцати милліоновъ рублей. Каракуль для эмира закупается бегами по провинціямъ Бухары, по цѣнамъ произвольнымъ, на 25—30% ниже настоящей его стоимости и волей неволей. населеніе вынуждается отдавать каракуль за безцѣнокъ бегамъ, боясь наказаній и произвола со стороны чиновниковъ. Затѣмъ, какъ мы уже упоминали, населенію приходится содержать за свой счетъ цѣлый штатъ мѣстныхъ чиновниковъ, платить дань судьямъ, кормить солдатъ и т. д. и т. д

Всѣ эти данныя и послужили причиной начавшейся въ населеніи зажигательной агитаціи противъ ненавистнаго персидскаго владычества, владычества бывшихъ рабовъ, а теперь такъ ужасно мстящихъ народу за свои прежнія униженія и доводящихъ его до полной нищеты, до полнаго отчаянія, до того, что бухарцамъ приходилось бросать свою родину и искать справедливости на чужбинѣ.

Сначала бухарское населеніе пробовало жаловаться на притѣсненія чиновниковъ эмиру. Но кушъ-беги имѣлъ на эмира чрезвычайно сильное вліяніе. Эмиръ не придавалъ жалобамъ своего народа никакого значенія, а обозленные чиновники послѣ этого еще болѣе повышали налоги, наказывали жалобщиковъ суровыми восточными карами.

Бухарскій народъ, видя какъ эмиръ открыто покровительствуетъ персидскимъ выходцамъ въ ущербъ своему народу, извѣрился въ самомъ эмирѣ и это послужило одной изъ причинъ возстанія.

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, какъ совершенно правильно указывалъ приватъ-доцентъ Головачевъ, и особенно пятилѣтія, значительно измѣнилась психологія бухарскаго населенія, благодаря общему подъему всего мусульманскаго міра и событіямъ въ Россіи.

Расширились торговыя сношенія бухарскихъ подданныхъ съ сосѣдними странами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, развились и аппетиты бековъ и ихъ ставленниковъ. Но, съ другой стороны, бухарцы, вообще, стали болѣе нервно, не съ прежней безропотной покорностью переносить тиранію чиновниковъ, стали сравнивать свое безправное и стѣсненное положеніе съ положеніемъ своихъ земляковъ и одновѣрцевъ въ сосѣднемъ Зеравшанѣ и вообще въ русскомъ Туркестанѣ. Вопіющіе недостатки бухарскаго режима начали особенно рѣзко бросаться въ глаза и вызывать ропотъ у населенія. Теперь бухарское населеніе уже не такъ безропотно сносило гнетъ и достаточно было одной искры, чтобы вспыхнуло грандіозное пожарище.

Многіе, знакомые съ внутренней жизнью Бухары указываютъ, что на поднятіе настроенія въ средѣ населенія большое вліяніе оказали послѣднія событія въ Персіи и Турціи. Послѣднія конституціонныя вѣянья и событія въ этихъ родственныхъ странахъ не могли не проникнуть въ Бухару. Туда явились выходцы изъ Персіи, представители стараго и новаго движенія. Коснулось Бухары и движеніе младотурокъ и нѣсколько человѣкъ турецкихъ софтъ переѣхали въ Бухару и остались тамъ на жительство.

На базарахъ, въ караванъ сараяхъ, этихъ мусульманскихъ клубахъ, живо интересовались конституціонной борьбой въ Персіи и Турціи и населеніе сравнивало свое угнетенное состояніе съ состояніемъ населенія въ обновленныхъ Персіи и Турціи и конечно, это сравненіе не шло въ пользу бухарскаго строя и населеніе еще больше убѣждалось, что этотъ строй долѣе не можетъ быть терпимымъ и если правительство Бухары не дастъ реформы, то ихъ нужно взять силой, самому населенію.

Въ Бухарѣ еще два года назадъ началась серьезная подготовка къ возстанію. Сначала возстаніе было назначено на май мѣсяцъ 1909 г., затѣмъ по какимъ то неизвѣстнымъ причинамъ, его отложили до нынѣ уже состоявшейся поѣздки эмира въ Петербургъ, предполагая во время его отсутствія совершить переворотъ и совершенно случайно возстаніе вспыхнуло раньше, во время празднованія персами праздника въ честь пророка Гуссейна „Шахсей-Вахсей“.

Повидимому, подготовка къ возстанію, коей руководили бухарскіе муллы, носила систематическій, хорошо организованный характеръ.

На это указывало то обстоятельство, что не смотря на то, что возстаніе подготовлялось два года, бухарское правительство ничего о немъ не знало и возставшимъ удалось провести даже такого умнаго

человѣка, какимъ былъ Кушъ-беги Астанакуль бегъ-бій. Ни онъ, ни его чиновники и въ мысляхъ не имѣли, что въ странѣ готовится возстаніе. Внутри страны, систематически, въ теченіе двухъ лѣтъ, шла энергичная подпольная агитація политическаго характера. Народъ былъ настолько наэлектризованъ, на столько подготовленъ, что достаточно было одного призыва старшаго муллы, чтобы все населеніе Бухары какъ одинъ человѣкъ возстало.

Раздался этотъ призывъ и дѣйствительно началось страшное побоище.

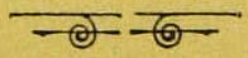
Изнывающій подъ непосильнымъ гнетомъ со стороны персидскихъ чиновниковъ, во главѣ которыхъ стоялъ Кушъ-беги, и которымъ явно покровительствовалъ самъ эмиръ, разувѣрившись въ послѣднемъ, бухарскій народъ поднялъ знамя возстанія, подъ флагомъ фанатизма. Народъ бухарскій вспомнилъ старую вражду къ шіитамъ персамъ и возстаніе, подготовлявшееся какъ политическій переворотъ,—вылилось въ безумную фанатичную рѣзню.

У персовъ ежегодно 9 января празднуется „Шахсей-Вахсей", въ честь высокочтимаго ими пророка Гуссейна; на этомъ праздникѣ религіозный экстазъ персовъ доходитъ до того, что начинается нещадное самоистязаніе шашками и кинжалами. Правовѣрные мусульмане сунниты—сарты считаютъ шіитовъ персовъ „еретиками" и не признаютъ праздника „Шахсей-Вахсей", мало того, они считаютъ этотъ праздникъ оскорбленіемъ памяти Магомета.

Въ Бухарѣ празднованіе „Шахсей-Вахсей" никогда не разрѣшалось и фанатичные персы производили празднованія всегда тайно отъ бухарцевъ.

Однако, вліяніе Кушъ-беги Астанакуль-бегъ-бія на эмира было таково, что въ этомъ году неожиданно для бухарскаго населенія персамъ разрѣшили праздновать „Шахсей-Вахсей" открыто.

Узнавъ объ этомъ, населеніе возмутилось какъ одинъ человѣкъ, было затронуто самое больное мѣсто фанатичнаго бухарскаго населенія и возстаніе, назначенное нѣсколько позже, неожиданно для всѣхъ вспыхнуло 9 января, принявъ религіозную окраску.



9 января въ столицѣ Бухарскаго ханства Старой Бухарѣ, у Самаркандскихъ воротъ на учебномъ плацу (Майдане) персы открыто праздновали „Шахсей-Вахсей", производя при этомъ ужасныя самоистязанія ножами и кинжалами. Фанатики-шіиты дошли буквально до самозабвенія. Многіе въ экстазѣ исполосовали себѣ кинжалами все тѣло. Лилась кровь, раздавались фанатичные возгласы.

Неподалеку отъ молящихся собралась небольшая кучка сартовъ-суннитовъ, студентовъ высшихъ духовныхъ училищъ, называемыхъ здѣсь муллабачами. Сарты крайне возмутились, что персамъ разрѣшили открыто совершать запрещенное моленіе и они стали высмѣивать ихъ, издѣваться надъ совершаемымъ ими моленіемъ. Возмущенные пер-

сы бросили молебствіе и вооруженные кинжалами и ножами бросились на муллобачей. Сайфетдинъ, уроженецъ кокандскаго уѣзда былъ убитъ на-повалъ. Муллы тотчасъ же разбѣжались и разнесли вѣсть объ этомъ убійствѣ по всему городу. Затѣмъ депутація изъ муллъ отправилась къ Кушъ-беги доложить ему о случившемся убійствѣ, просить наказанія убійцъ и выдачи для погребенія тѣла убитаго Сайфетдина.

Результаты отъ этой депутаціи вышли совершенно неожиданные и они какъ нельзя лучше характеризуютъ тотъ произволъ, который вынудилъ населеніе поднять знамя возстанія.

Кушъ-беги Астанакуль-бегъ-бій даже не захотѣлъ разобрать дѣла, не высказалъ ни одного слова возмущенія противъ убійцъ, а велѣлъ арестовать пришедшую къ нему депутацію и она оказалась запертой въ тюрьмѣ.

Это была послѣдняя капля, переполнившая чашу народнаго терпѣнія.

Арестъ и убійство взволновали весь городъ. Населеніе пока еще не принимало активныхъ мѣръ и начало стекаться къ Регистану, площадь передъ дворцомъ Кушъ-беги. Въ короткое время здѣсь собралась громадная толпа народа, потребовавшая отъ Кушъ-беги выдачи арестованныхъ. Вмѣсто удовлетворенія этой просьбы Кушъ-беги велѣлъ своимъ солдатамъ дать залпъ изъ ружей по собравшимся, что и было исполнено, при чемъ нѣсколько человѣкъ было ранено. Озвѣрѣвшая толпа бросилась на солдатъ и одного изъ нихъ убила, нѣсколькихъ ранила, бросилась было ко входу во дворецъ, но не была туда допущена вооруженной силой сарбазовъ. Положеніе стало критическимъ и боясь за свою жизнь, Кушъ-беги послушалъ совѣта главнаго Раиса (блюститель нравовъ) и освободилъ арестованныхъ муллобачей. Послѣ этого толпа разошлась и къ вечеру 9 января все стихло.

Однако, это было успокоеніе передъ грозной бурей. Обѣ стороны готовились къ войнѣ.

Ночью Кушъ-беги, заботившійся исключительно о безопасности своихъ единовѣрцевъ, послалъ имъ изъ своего дворца двѣ подводы нагруженныя оружіемъ, скрытымъ для безопасности въ товарѣ. По слухамъ, одна такая подвода благополучно пробралась въ персидскіе кварталы, другая была перехвачена сартами и когда послѣдніе узнали, что самъ Кушъ-беги вооружаетъ персовъ, то они окончательно рѣшили начать возстаніе противъ Кушъ-беги, и такъ всѣми ненавидимаго.

Муллы начали во всѣхъ мечетяхъ агитировать за истребленіе всѣхъ персовъ и приказывали своимъ единовѣрцамъ вооружаться кто чѣмъ можетъ. Затѣмъ они приговорили къ смертной казни высокочтимаго персами, почти какъ пророка, главнаго муллу шіитовъ Муштеида. Когда объ этомъ узнали персы, то они со всѣхъ кишлаковъ, вооружившись ружьями, шашками, ножами, кинжалами, а то и просто дубинами, стали стекаться въ Старую Бухару на защиту Муштеида.

Главныя событія разыгрались 10 января. Уже съ ранняго утра было не спокойно. Сначала среди суннитовъ разнесся слухъ, что персы напали на мечеть Джубаръ. Муллобачи тотчасъ же бросились

туда и хотѣли напасть на персидскіе кварталы, но въ дѣло вмѣшался главный Раисъ и сталъ уговаривать разойтись.

Толпа было послушалась, какъ вдругъ разнесся слухъ, что персы напали на медрессе Хіо-банъ, находящееся въ кварталѣ, гдѣ жило смѣшанное населеніе изъ персовъ и бухарцевъ. Толпа бросилась туда, часть ея успѣла проникнуть въ узкія улицы и встрѣтилась съ сарбазами (бухарскіе солдаты), которые преградили остальнымъ дорогу и такимъ образомъ, часть бухарцевъ, попавшая въ эти узкія улицы, оказалась въ западнѣ. Персы забрались на крыши и стали оттуда разстрѣливать беззащитныхъ бухарцевъ. По слухамъ, ни одному изъ нихъ не удалось спастись, всѣ были убиты и трупы неизвѣстно куда убраны. Солдаты Кушъ-беги присутствовали при этомъ побоищѣ и не принимали рѣшителько никакихъ мѣръ, а нѣкоторые изъ нихъ еще помогали персамъ.

Это побоище послужило началомъ всеобщей рѣзни, распространившейся по всему городу. Персы убивали бухарцевъ, бухарцы убивали персовъ. Въ персидскихъ кварталахъ бухарцы были безсильны что либо сдѣлать, такъ какъ тамъ персы были хорошо вооружены присланнымъ отъ Кушъ-беги оружіемъ, за то въ остальной части города персы были беззащитны и бухарцы врывались въ дома, отыскивали персовъ, и безъ всякой пощады убивали ихъ на-повалъ. Отдѣльные случаи убійствъ уже были отмѣчены мѣстной и столичной прессой, а потому мы отмѣтимъ лишь особенно выдающіеся случаи изъ этой бойни.

Сарты напали на семью одного персидскаго доктора, вырѣзали всѣхъ, спаслась лишь старшая дѣвочка. Произошло это такъ: докторъ мирно сидѣлъ въ кругу своей семьи, ничего не зная о начавшейся въ городѣ рѣзнѣ. Вдругъ въ дверяхъ слышится шумъ, толпа иступленныхъ суннитовъ врывается въ квартиру и убиваетъ доктора, стрѣляя въ него изъ револьвера. Его слуга тоже падаетъ, пронзенный кинжаломъ. Отыскиваютъ жену доктора. Та падаетъ на колѣни, хватаетъ за руки, проситъ, умоляетъ. Все тщетно. Въ нее стрѣляютъ, затѣмъ добиваютъ кинжаломъ. Троихъ младшихъ дѣтей постигаетъ та же участь. Наконецъ, гдѣ-то на дворѣ находятъ спрятавшуюся дѣвочку доктора. Ей обрѣзаютъ уши, пальцы и бросаютъ, отвлеченные новой погоней за промелькнувшимъ мимо персомъ. Дѣвочку спасаетъ татаринъ Галей и, всю окровавленную, доставляетъ въ русскій городъ.

Муллобачи узнали, что въ сараѣ Казекаленѣ скрываютъ 7 семействъ богатыхъ персовъ. Немедленно ворвались туда, отыскали и звѣрски прирѣзали, выпустивъ внутренности. Кѣмъ-то было дано знать о случившемся властямъ. Были посланы бухарскіе казаки. Оцѣпили цѣлый кварталъ, требовали выдачи виновниковъ. Всѣ отказались, стали убѣгать, карабкаться на крыши. Казаки стаскивали всѣхъ за ноги обратно. Тогда изъ толпы въ казаковъ посыпались камни и палки. Былъ данъ залпъ. Двое убиты, много схвачено и партіями, съ закрученными на спину руками, отправлены въ зинданъ (тюрьма).

Одинъ отставной бухарскій полковникъ лично убилъ 12 персовъ, чѣмъ онъ очень хвалился въ русскомъ городѣ, разгуливая по станціи. Разсказываютъ еще такой случай, характеризующій отношеніе къ русскому населенію. Въ одномъ мѣстѣ толпа бухарцевъ настигла убѣгающую толпу персовъ. Персы, мужчины были убиты и озвѣрѣвшая толпа готовилась убить дѣтей, одного изъ нихъ даже ранила. На счастье, по близости оказался русскій желѣзнодорожный сторожъ. Увидѣвъ, что сарты хотятъ убить дѣтей, онъ подбѣжалъ и прикрылъ ребятишекъ собою, взявъ ихъ подъ свое покровительство. Одного этого уже было достаточно и дѣти были спасены.

Но присутствіе европейцевъ не всегда помогало и напримѣръ въ помѣщеніи Т-ва Циндель, на глазахъ у всѣхъ были убиты три перса. Корреспондентъ „Турк. Курьера" описывалъ случай, какъ въ его собственномъ помѣщеніи было убито нѣсколько человѣкъ и вся терраса была залита кровью.

О подавленіи возстанія никто не думалъ. Кушъ-беги открыто перешелъ на сторону персовъ и окруживъ себя солдатами, занимался только тѣмъ, что снабжалъ своихъ единомышленниковъ персовъ оружіемъ. Бухарскіе солдаты открыто принимали участіе въ побоищахъ, переходя на ту или иную сторону, смотря по тому, кому сочувствовали отдѣльные солдаты; при встрѣчѣ съ толпой они къ ней присоединялись, или же отдавали ей свое оружіе. Не только солдаты, но даже бухарскіе военноначальники принимали участіе въ побоищахъ. Такъ изъ разспросовъ бухарцевъ, выяснилось, что въ рѣзнѣ по улицамъ дѣятельное участіе принимали два извѣстныхъ начальника Саидъ-Али командиръ баталіона и Мирабъ.

Количество убитыхъ 10 янв. выяснить не удалось, да и едва ли когда нибудь удастся. Трупы неизвѣстно куда скрывались, часто закапывались въ землю, прятались по крышамъ, въ узкихъ переулкахъ въ сараяхъ и т. д. Во всякомъ случаѣ 10 янв. въ Старой Бухарѣ было убито не менѣе 500 человѣкъ, по свѣдѣніямъ же бухарцевъ 10 янв. было убито болѣе 1000 человѣкъ.

По всѣмъ мечетямъ шла агитація и муллы призывали правовѣрныхъ къ избіенію персовъ.

Послѣдніе тоже не дремали. Среди персовъ разнесся слухъ, что сунниты убили Муштеида. Этотъ слухъ взбудоражилъ всѣхъ персовъ и со всѣхъ окрестныхъ кишлаковъ вооруженные они спѣшили въ Старую Бухару отомстить суннитамъ и въ короткое время ихъ набралось около десяти тысячъ человѣкъ. Муштеидъ оказался живымъ, а пришедшіе персы стали на его защиту. Вечеромъ 10 января прибыла въ Старую Бухару съ желѣзнодорожной станціи полурота и конвой политическаго агента. Казаки, идя къ городу, то и дѣло натыкались на трупы.

Поздно вечеромъ все утихло, а ночь протекла совсѣмъ спокойно.

Г. Цвилингъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Бухарская смута.

(Окончаніе).

Одиннадцатое января сравнительно прошло спокойно. Повидимому, и сунниты и шіиты собирались съ силами, организовывали ихъ для новой рѣзни. Что волненіе не улеглось, на это ясно указывали всѣ данныя. И та, и другая сторона запасалась оружіемъ. Бухарцы кликнули кличъ по кишлакамъ, и оттуда къ нимъ на подмогу двинулись единомышленники. Безпрерывно по всей Старой Бухарѣ происходили митинги, шла агитація, призывающая къ избіенію персовъ, народъ требовалъ смерти кушъ-беги. Многіе очевидцы увѣряютъ, что сами видѣли среди митинговыхъ ораторовъ турецкихъ софтъ.

Такимъ образомъ, все указывало, что страшная рѣзня снова повторится. Нужно было принять немедленно энергичныя мѣры, образумить населеніе,—но принимать эти мѣры было некому.

Эмиръ по-прежнему сидѣлъ въ своемъ Керминенскомъ дворцѣ, оставляя своихъ подданныхъ на произволъ судьбы, а кушъ-беги Астанакуль-бегъ-бій, такъ же сидѣлъ запершись во дворцѣ, сочувствуя персамъ и снабжая ихъ оружіемъ.

Обезумѣвшее фанатичное населеніе, съ руками, залитыми кровью, потерявшее все человѣческое, превратившееся въ кровожаднаго звѣря,—было предоставлено самому себѣ; о судьбѣ его никто не заботился. Чиновники, частью разбѣжались, частью спрятались во дворцѣ кушъ-беги, частью были убиты или сами убивали, смѣшавшись съ толпой.

Никакихъ мѣръ успокоенія населенія бухарское правительство не принимало. Въ сущности, въ эти дни въ Бухарѣ правительства и не было, и какъ во всѣхъ странахъ во время народныхъ возстаній и революцій—въ Бухарѣ въ дни волненій правительство испугалось народнаго гнѣва и притаилось въ своихъ пышныхъ дворцахъ.

Народъ на короткое время сталъ властелиномъ. Но плохой властелинъ тотъ, кто долгое время былъ рабомъ и гнулъ свою спину. Власть опьяняетъ такихъ людей, и въ припадкѣ этого безумнаго опьяненія во время народныхъ возстаній, исполинъ-народъ, въ обычное время тихій и покорный, превращается въ дикаго звѣря.

Однако при желаніи, бухарское правительство въ этотъ день разумными мѣрами могло предотвратить дальнѣйшія кровавыя событія. Въ Буха-

рѣ, какъ и во всѣхъ другихъ малокультурныхъ, деспотическихъ странахъ— вѣра во властелина слишкомъ велика; и стоило только эмиру бухарскому выѣхать изъ дворца, выйти къ народу, обѣщать ему смѣщеніе кушъ-беги Астанакуль-бегъ-бія и нѣкоторыя налоговыя послабленія,—какъ озвѣрѣвшее населеніе снова превратилось бы въ покорныхъ рабовъ и жизнь страны вошла бы въ обычное русло.

Но эмиръ бухарскій, повидимому, не надѣялся на свои силы, и прикрывшись тѣмъ, что по шаріату ему запрещено показываться своему народу,—онъ продолжалъ сидѣть во дворцѣ, гдѣ чувствовалъ себя въ полной безопасности.

А обезумѣвшее населеніе, какъ дикая лошадь, которой ослабили возжи, сломя голову летѣло въ бездну.

11 января убійства продолжались и въ этотъ день, по офиціальнымъ даннымъ, убито около 12 чел., хотя бухарцы увѣряютъ, что число убитыхъ въ этотъ день значительно больше, а трупы убитыхъ, также какъ и 10 января, неизвѣстно куда скрывались и только черезъ нѣсколько дней послѣ рѣзни ихъ находили всюду, даже въ помойныхъ ямахъ и въ отхожихъ мѣстахъ.

11 января для охраны русскихъ подданныхъ прибыли въ Бухару войска, состоящія изъ роты 8 турк. стрѣлковаго батальона съ 4 пулеметами и сотня 2-го уральскаго казачьяго полка подъ начальствомъ полковника генеральнаго штаба Панова. При этомъ отрядѣ находился исполняющій должность политическаго агента въ Бухарѣ г. Рѣшетовъ.

Освѣдомившись о прибытіи русскихъ войскъ, кушъ-беги указалъ имъ, что въ виду настоящаго положенія въ странѣ онъ не можетъ ручаться за сохранность русскихъ учрежденій въ Старой Бухарѣ. Въ силу этого, по городу начали разъѣзжать патрули изъ нашихъ казаковъ, на обязанности которыхъ было охранять безопасность русскихъ подданныхъ и русскихъ учрежденій.

12 января настроеніе въ Старой Бухарѣ опять поднялось. Съ сосѣднихъ кишлаковъ стали стекаться вооруженные жители. Снова возобновились убійства и въ довершеніе всего начался погромъ.

Типичный погромъ, который пережила не одна Бухара. Озвѣрѣвшая толпа разбивала лавки, грабила имущество и совершала убійства. Городъ представлялъ изъ себя страшную картину разрушеній и насилій. Русскія учрежденія и банки начали опасаться нападеній, и подъ охраной нашихъ войскъ всѣ деньги и цѣнности изъ нихъ были вывезены въ Новую Бухару.

Промышленная жизнь Бухары окончательно прекратилась, закрылись банки, всѣ учрежденія, базары, чайханэ, и шайки вооруженныхъ сновали по городу, грабили и убивали.

Появились слухи, что изъ дальнихъ кишлаковъ двигаются толпы вооруженныхъ персовъ, узбековъ, арабовъ и туркменъ.

На Бухару надвигалась многотысячная толпа, бухарское правительство бездѣйствовало и можно было предвидѣть начало новыхъ грандіозныхъ кровавыхъ событій.

Въ эту критическую минуту въ Бухару прибылъ командированный изъ Ташкента генералъ-лейтенантъ Лиліенталь. Командировка генералъ-лейтенанта Лиліенталя въ Бухару имѣла цѣлью охрану жилищъ и имущества русско-подданныхъ и вмѣшательство въ бухарскія дѣла въ томъ случаѣ, если будутъ затронуты интересы русскаго населенія, или же само бухарское правительство будетъ просить русской помощи. Прибывъ въ Бухару генералъ-лейтенантъ Лиліенталь совмѣстно съ политическимъ агентомъ г. Рѣшетовымъ посѣтилъ кушъ-беги Астанакуль-бегъ-бія, чтобы узнать, какія мѣры послѣдній намѣренъ предпринять для усмиренія возстанія.

Кушъ-беги прибытіе русскихъ войскъ, повидимому, пришлось не по вкусу. Несмотря на то, что въ городѣ не прекращались звѣрства, и бухарское правительство бездѣйствовало и продолжало бездѣйствовать, кушъ-беги заявилъ, что въ русской помощи онъ не нуждается. Казаковъ въ городъ просилъ не пускать, хотя въ тоже время заявилъ, что за безопасность русскихъ учрежденій онъ не ручается.

Это заявленіе одного изъ главныхъ правителей въ Бухарѣ, сказанное въ разгаръ убійственнаго возстанія, въ то время, когда помощь русскихъ войскъ была дѣйствительно крайне необходима и нѣсколько сотъ нашихъ солдатъ могли бы въ нѣсколько часовъ прекратить дальнѣйшія звѣрства,— ясно показываетъ, что о прекращеніи возстанія бухарское правительство и не помышляло, и быть можетъ кушъ-беги даже былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы убійства продолжались, дабы дать возможность собраться большей толпѣ персовъ, стекавшихся со всѣхъ кишлаковъ и съ помощью ихъ залить Бухару кровью суннитовъ.

Послѣ такого заявленія кушъ-беги, генералъ-лейтенантъ Лиліенталь, до полученія дальнѣйшихъ инструкцій свыше, не счелъ возможнымъ активно вмѣшаться въ бухарскія дѣла. Онъ остался съ отрядомъ внѣ города и послѣ объѣзда русскихъ учрежденій измѣнилъ только порядокъ охраны ихъ, приказалъ убрать отдѣльные посты, выставленные мѣстами на улицѣ, поставилъ сильныя охраны въ банкѣ и среди торговыхъ конторъ, а также въ почтово-телеграфной конторѣ и больницѣ.

Однако, храбрости кушъ-беги хватило не на долго. Весь гордый тонъ и самоувѣренность бухарскаго правителя лопнули какъ мыльный пузырь, когда изъ своего дворца, черезъ окно, онъ увидѣлъ на Регистанѣ, громадномъ плацу передъ его дворцомъ, тысячную толпу бухарцевъ, собравшихся здѣсь совсѣмъ не съ мирными цѣлями.

Забывъ про то, что какихъ нибудь два часа назадъ онъ гордо заявлялъ, что въ помощи русскихъ не нуждается кушъ-беги отправилъ посланца къ генералъ-лейтенанту Лиліенталю, прося помощи русскихъ и сообщая, что Регистанъ занятъ народомъ, намѣревавшимся штурмовать цитадель, единственный опорный пунктъ въ Старой Бухарѣ, гдѣ сосредоточены дворцы самого эмира и кушъ-беги, гдѣ находится бухарская казна и всѣ высшія правительственныя учрежденія.

Взятіе бухарцами цитадели было бы равносильно крупному политическому перевороту, такъ какъ въ этомъ случаѣ явилось бы явное возстаніе противъ самого эмира и его ореолу суждено было бы померкнуть, разъ на-

родъ переступилъ бы эту грань недопустимаго самимъ шаріатомъ. Извѣстно, что въ деспотическихъ странахъ нужно, чтобы была переступлена именно эта грань вѣкового раболѣпія передъ властелинами и тогда ихъ ореолъ моментально меркнетъ и вчерашній властелинъ сильный, могущественный, великій, на котораго народъ смотрѣлъ какъ на Бога, сегодня превращается въ презираемаго всѣми, ничтожнаго человѣка.

Повидимому, это обстоятельство учелъ хитрый и умный Астанакуль бегъ-бій и зная, что ненавидящій его народъ, первымъ дѣломъ снесетъ его голову,—обратился за помощью къ русскимъ.

Просьба о помощи застала генерала Лиліенталя въ русско-китайскомъ банкѣ. Тотчасъ же по просьбѣ генерала Лиліенталя поѣхалъ на Регистанъ уважаемый бухарскимъ населеніемъ, завѣдывающій русскою канцеляріею Бухарскаго правительства при политическомъ агентствѣ въ Новой Бухарѣ г. Мирбадалевъ. Ему очень скоро удалось успокоить толпу и она разошлась, очистивъ Регистанъ.

Курьезно то, что когда кушъ-беги увидѣлъ изъ своего дворца, что народъ разошелся и его жизни не угрожаетъ опасность, онъ послалъ генералу Лиліенталю извѣщеніе о томъ, что *вышло недоразумѣніе, народъ приходилъ къ нему только съ докладомъ и что въ помощи русскихъ войскъ онъ не нуждается*

Кровавыя волненія не прекращались. Утромъ, часовъ въ одиннадцать, было получено извѣстіе о томъ, что служащій кушъ-беги персъ Ходжи-Кофиръ разъѣзжаетъ по городу и разстрѣливаетъ народъ изъ винтовки. Возмущенное бухарское населеніе бросилось въ суннитскіе кварталы и стало убивать живущихъ тамъ персовъ. По офиціальнымъ даннымъ, было убито около 50 человѣкъ, хотя опять таки, по слухамъ, цифра убитыхъ значительно больше. Одновременно съ этимъ начался массовый погромъ персидскихъ лавокъ, разбиваемыхъ одна за другой, причемъ товаръ частью уничтожался, частью разносился по домамъ.

Бухарцы появились въ еврейскомъ кварталѣ и подъ угрозой погрома потребовали у бухарскихъ евреевъ оружіе. Послѣдніе сильно перепугались и исполнили требованіе. Очевидцы разсказываютъ, что въ этотъ день бухарскіе евреи ожидали погрома и если бы не присутствіе русскихъ войскъ, то вполнѣ возможно, что погромъ былъ бы въ дѣйствительности.

Несмотря на такое до крайности обострившееся положеніе, когда можно было ожидать съ минуты на минуту грандіозной рѣзни и зарева пожарища надъ всей Старой Бухарой, бухарское правительство ровно никакихъ мѣръ не принимало; кушъ-беги по прежнему бездѣйствовалъ въ своемъ дворцѣ, а населеніе даже совершенно забыло о существованіи эмира, который несмотря на то, что жилъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ раіона волненій, ни разу не выказывалъ признаковъ жизни.

Повторяю, стоило эмиру бухарскому показаться толпѣ и обѣщать самыя мизерныя реформы и все бы успокоилось и не было бы дальнѣйшихъ жертвъ.

Ознакомившись съ положеніемъ вещей, генералъ Лиліенталь снова отправился къ кушъ-беги, потребовалъ отъ него принятія мѣръ успокоенія,

или если онъ своими силами не можетъ прекратить волненій, то чтобы призвалъ на помощь русскія войска, которыя быстро успокоятъ народъ.

Однако, кушъ-беги и на этотъ разъ отказался отъ русской помощи, въ то же время не принимая никакихъ мѣръ для подавленія возстанія.

Одновременно съ этимъ, политическимъ агентомъ въ Бухарѣ была получена телеграмма отъ министра иностранныхъ дѣлъ, въ которой предлагалось передать немедленно эмиру бухарскому требованіе русскаго правительства принять необходимыя мѣры для успокоенія.

Для передачи этого требованія русскаго правительства былъ командированъ въ Кермине къ эмиру драгоманъ агентства г. Шульцъ. До полученія отвѣта отъ эмира было рѣшено въ бухарскія дѣла не вмѣшиваться, а только охранять русскія учрежденія.

Русскія войска стали готовиться къ занятію Старой Бухары. Было ясно, что въ концѣ концовъ это неизбѣжно и еще въ разговорѣ съ кушъ-беги, генералъ Лиліенталь заявилъ ему, что если на другой день вновь повторятся грабежи и убійства, то онъ съ войсками войдетъ въ городъ, займетъ цитадель и прекратитъ волненія силой.

Занятіе цитадели было необходимо, такъ какъ это единственный опорный пунктъ въ Старой Бухарѣ и только въ этомъ мѣстѣ русскія войска были бы въ полной безопасности.

Генералъ Лиліенталь, ввиду возможности занять на другой день такой большой городъ, съ кривыми узкими улицами, многочисленными базарами, считалъ свои силы недостаточными для возстановленія полнаго порядка и по его просьбѣ было получено новое подкрѣпленіе въ составѣ двухъ ротъ усиленнаго состава и двухъ сотенъ 2 уральскаго казачьяго полка.

Вечеромъ было получено сообщеніе, что вооруженныя толпы, собранныя по кишлакамъ турецкими эмиссарами, устраиваютъ митинги и намѣрены ворваться въ городъ. Дѣйствительно, слухъ этотъ подтвердился и на другой день утромъ русскими и бухарскими войсками была задержана десятитысячная толпа, направлявшаяся въ городъ.

Можно себѣ представить что за ужасное побоище было бы и во что обратилась бы Старая Бухара,—если бы эта наэлектризованная, фанатичная толпа, разныхъ народностей, ворвалась бы въ городъ.

Опять распространились слухи, что готовится еврейскій погромъ. Бухарскіе евреи, перепуганные, стали посылать телеграммы въ Ташкентъ къ раввину А. Л. Кирснеру, прося его ходатайствовать передъ генералъ-губернаторомъ о защитѣ и затѣмъ обратились за помощью къ ген. Лиліенталю. Послѣдній ихъ успокоилъ заявивъ, что погрома онъ не допуститъ и по его указанію въ европейскихъ кварталахъ были усилены наряды охраны. Всѣ русскія учрежденія стали вывозить цѣнности въ Новую Бухару.

13 января рано утромъ кушъ-беги отправилъ письмо къ генералу Лиліенталю прося его придти съ войсками на помощь къ цитадели къ $7^1|_2$ часамъ утра.

По полученіи этого письма, русскія войска двинулись въ Старую Бухару, въ полномъ порядкѣ прошли весь городъ, встрѣченныя совершенно спокойно населеніемъ и заняли цитадель.

Когда цитадель уже была занята русскими войсками и послѣднія въ ней расположились, получена была телеграмма отъ драгомана г. Шульца, въ которой сообщалось, что эмиръ бухарскій считаетъ для себя *неудобнымъ пріѣхать въ Старую Бухару и показаться народу, но что вмѣсто него пріѣдетъ наслѣдникъ Тюря-Джанъ.* Вмѣстѣ съ тѣмъ *эмиръ просилъ русскія войска городъ не занимать.*

Кушъ-беги и *политическій агентъ г. Рѣшетовъ* убѣждали генерала Лиліенталя немедленно *снять отряды и выйти изъ города.* Послѣдній наотрѣзъ отказался, заявивъ, что шутить съ русскими войсками бухарскому правительству не приходится и что разъ войска призваны и цитадель ими занята, то уйти до прекращенія безпорядковъ невозможно, что это уронило бы русское имя въ глазахъ мѣстнаго населенія.

Однако, политическій агентъ г. Рѣшетовъ настаивалъ на своемъ и генералу Лиліенталю пришлось послать телеграмму въ Ташкентъ къ командующему войсками прося указаній. Вскорѣ отъ послѣдняго была получена отвѣтная телеграмма, возлагавшая на генерала Лиліенталя отвѣтственность за продолженіе безпорядковъ.

Послѣ занятія города генералъ Лиліенталь просилъ кушъ-беги собрать въ цитадели всѣхъ муллъ суннитскаго толка. Когда послѣдніе собрались, генералъ Лиліенталь обратился къ нимъ съ рѣчью, убѣждалъ успокоиться и успокоить народъ, дабы послѣдній прекратилъ ужасную рѣзню, которая уже унесла съ обѣихъ сторонъ столько человѣческихъ жертвъ.

Муллы внимательно слушали и наконецъ заявили, что готовы начать агитировать успокоеніе.

Когда разошлись муллы, было получено сообщеніе о томъ, что громадныя толпы вооруженныхъ людей двигаются изъ окрестныхъ селеній къ городу. По наведеннымъ справкамъ сказалось, что въ полуверстѣ къ югу отъ воротъ Намаза двигается толпа въ двѣ или три тысячи человѣкъ, состоящая изъ арабовъ и узбековъ. Тотчасъ же туда были посланы войска съ пулеметами. Толпа, не дойдя до города и увидѣвъ казаковъ, остановилась.

Въ это время пріѣхали муллы и стали уговаривать толпу разойтись, доказывая, что теперь ничьей помощи больше не нужно, что жизнь населенія въ полной безопасности, такъ какъ городъ занятъ русскими войсками, которыя поддерживаютъ образцовый порядокъ.

Затѣмъ къ толпѣ съ успокоительной рѣчью обратились наши офицеры.

Все это имѣло на толпу огромное вліяніе и успокоившись, она немедленно разошлась по кишлакамъ.

Такимъ же путемъ была успокоена и разошлась толпа персовъ числомъ въ тысячу человѣкъ, направлявшаяся къ Каракульскимъ воротамъ и еще толпа персовъ, такой же численности направлявшаяся къ воротамъ Шахъ-Джаляль.

Такимъ образомъ, первыя слова умиротворенія, сказанныя населенію, дали прекрасные результаты и грандіозное побоище, съ тысячными человѣческими жертвами было предотвращено.

Это обстоятельство лишній разъ указываетъ, что бухарское правительство, при извѣстномъ желаніи, могло бы успокоить народъ въ началѣ вол-

ненiй, не было бы тогда столькихъ жертвъ но, повидимому, это было не въ интересахъ бухарскаго правительства.

Вечеромъ 13 января наши казаки объѣзжали городъ и базары. По просьбѣ жителей, генералъ Лилiенталь усилилъ охрану въ Новой Бухарѣ. Носились слухи о готовящихся новыхъ нападенiяхъ.

14 января былъ днемъ глубокаго траура въ Старой Бухарѣ.

Озвѣрѣвшее населенiе стало приходить въ сознанiе и очнувшись отъ кроваваго угара, увидѣло то ужасное, что само же оно сотворило.

Увидѣло и содрогнулось.

Въ сущности, бухарскiй народъ довольно миролюбивый и не любитель кровавыхъ эксцессовъ.

А между тѣмъ Старая Бухара представляла изъ себя ужасное зрѣлище.

По улицамъ трупы убитыхъ. Ужасные трупы, съ вывалившимися внутренностями, съ разбитыми черепами. Лужи человѣческой крови. Кровью обмазаны зданiя. Попадались дѣтскiе трупики.

Озвѣрѣвшiе фанатики никого не щадили, ни женщинъ, ни дѣтей.

А въ довершенiе ужасной картины опустѣвшiе базары, разбитыя и разграбленныя лавки.

Ужасная картина!

Довольно крови. Представители обѣихъ враждовавшихъ сторонъ обратились за помощью къ генералу Лилiенталю, для сбора труповъ.

Генералъ Лилiенталь далъ каждой сторонѣ по сотнѣ казаковъ, а въ центральныхъ мѣстахъ, кромѣ того еще по пулемету. Но опасаться волненiй было напрасно, ибо въ такую тяжелую минуту едва ли у кого нибудь поднялась бы рука.

Повторяю, 14 января въ Старой Бухарѣ было днемъ тяжелаго траура.

Населенiе слонялось по городу разыскивая трупы убитыхъ по улицамъ, во дворахъ на чердакахъ и даже въ отхожихъ мѣстахъ. По городу раздавался душу раздирающiй плачъ.

Отецъ находилъ изуродованный трупъ своего сына, сынъ находилъ трупъ отца, мужъ находилъ убитую жену, жена—убитаго мужа.

Говорятъ, что встрѣчались такiя картины, что даже люди съ крѣпкими нервами, никогда не видѣвшiе слезъ на своихъ глазахъ,—плакали.

Въ этотъ день ни одного кроваваго столкновенiя не было.

Убитыхъ было найдено сравнительно немного, такъ какъ большинство труповъ было еще раньше похоронено, на что указывали ряды новыхъ свѣжихъ могилъ на кладбищѣ.

Въ Бухарѣ наступало упоскоенiе и нужно было только соединить кому нибудь руки враждующихъ сторонъ, чтобы жизнь снова вошла въ нормальное русло.

Эта великая заслуга принадлежитъ всецѣло генералъ-лейтенанту Лилiенталю.

Онъ поѣхалъ къ мулламъ уговорить ихъ успокоить народъ и протянуть другъ другу руку примиренiя.

Старшiй мулла шiитовъ Муштеидъ, почтенный старецъ, потомокъ про-

рока, почитаемый населеніемъ, со слезами на глазахъ разсказывалъ генералу Лиліенталю о кровавыхъ событіяхъ; говорилъ, что его хотѣли убить и если бы на защиту не пришли триста человѣкъ вооруженныхъ персовъ,— то навѣрное убили бы.

По приказанію генер. Лиліенталя Муштеидъ и окружавшіе его вооруженные персы, подъ сильной охраной были отправлены за городъ.

Затѣмъ генералъ Лиліенталь объѣхалъ весь городъ, и между прочимъ былъ въ медресе.

Народъ всюду встрѣчалъ его радостно, какъ умиротворителя, устраивалъ при его приближеніи оваціи, жаловался, что такой рѣзни не помнятъ ихъ отцы и дѣды, и что до такого ужаса страну довелъ кушъ-беги Астанакуль-бегъ-бій и его приближенные персидскіе чиновники.

И вездѣ слышалась одна эта жалоба и просьба наказать виновниковъ и удалить изъ Бухары кушъ-беги Астанакуль бегъ-бія и Сеидъ-Али, одного изъ командировъ бухарскаго батальона, лично принимавшаго участіе въ убійствахъ.

Эти жалобы ясно указываютъ, что бухарскія волненія носили политическій характеръ и что это было совсѣмъ не „обычное въ мусульманскихъ странахъ явленіе", какъ высказалъ сотруднику „Русскаго Слова" полковникъ Исфандіаровъ.

Характерно отмѣтить, что изъ всѣхъ бухарскихъ чиновниковъ только Мирабадалеву, главному раису и шахризябскому беку народъ выражалъ благодарность и это были единственныя лица бухарскаго правительства, не запятнавшія себя во время рѣзни и даже наоборотъ, разумными мѣрами и увѣщаніями, не мало способствовавшія уменьшенію народнаго бѣдствія.

Населеніе просило генерала Лиліенталя довести о подвигахъ этихъ лицъ до свѣдѣнія Государя Императора.

Затѣмъ населеніе просило передать Государю Императору благодарность за присылку русскихъ войскъ, водворившихъ порядокъ.

Больше всего раздавались просьбы, *чтобы эмиръ бухарскій больше не назначалъ начальниковъ изъ персовъ и чтобы шіитамъ были даны ихъ прежнія одежды—синія чалмы.*

Муллы обѣщали персовъ больше не убивать и заняться обычными дѣлами.

Долго ожидаемый пріѣздъ наслѣдника эмира Тюря-Джана, наконецъ, состоялся и онъ прибылъ на вокзалъ желѣзной дороги.

На вопросъ генерала Лиліенталя можетъ ли онъ ручаться за спокойствіе и безопасность жителей въ Старой Бухарѣ, Тюря-Джанъ далъ уклончивый отвѣтъ.

По прибытіи Тюря-Джана нашъ политическій агентъ г. Рѣшетовъ опять повелъ ту же, довольно странную политику, предлагая русскимъ войскамъ очистить цитадель.

Однако, это странное требованіе выполнить было невозможно, такъ какъ русскіе солдаты только въ цитадели были въ полной безопасности и, повидимому, по этой причинѣ генералъ Лиліенталь до полнаго успокоенія, не счелъ возможнымъ покинуть цитадель.

Тюря-Джанъ выѣхалъ въ Старую Бухару при громадномъ стеченіи народа, который встрѣтилъ его радостно, плакалъ, жаловался на своихъ обидчиковъ Астанакуль-бегъ-бія и его приближенныхъ.

Тюря-Джанъ быстро проѣхалъ городъ, не останавливаясь, не проронивъ ни одного слова.

Такъ требовалъ бухарскій этикетъ, по которому простой народъ не долженъ видѣть своего властелина.

Такой церемонный пріѣздъ наслѣдника едва ли могъ успокоить населеніе.

Оставалось представителямъ русской власти вмѣшаться въ это дѣло, что съ большимъ успѣхомъ и выполнилъ генералъ Лиліенталь.

15 января утромъ къ генералу Лиліенталю по собственному почину явились представители мусульманскаго духовенства, депутаціи отъ купцовъ обѣихъ враждовавшихъ сторонъ и депутація отъ евреевъ для выраженія благодарности за принятіе мѣръ къ успокоенію населенія. Депутаціи просили довести до Государя Императора чувства благодарности бухарскаго населенія за оказанную ему помощь.

По предложенію генерала Лиліенталя представители враждовавшихъ сторонъ протянули другъ другу руки мира и поцѣловались.

Это было началомъ всеобщаго примиренія.

Затѣмъ представители шіитскаго и суннитскаго духовенства отправились на Регистанъ, гдѣ къ этому времени собралось громадное количество народа. Два высшихъ духовныхъ лица, представители суннитскаго и шіитскаго духовенства вышли къ народу и на глазахъ его, при всеобщемъ ликованіи подали другъ другу руки, соединенныя торжественно рукою генерала Лиліенталя и поцѣловались.

Генералъ Лиліенталь обратился къ народу съ рѣчью, въ которой указалъ, что старшіе представители ихъ примирились, что нужно кончить братоубійственную вражду, вернуться къ мирной жизни, къ обычнымъ занятіямъ.

Народъ радостными криками выражалъ свое полное согласіе.

Затѣмъ примирительныя рѣчи были произнесены многими старѣйшими духовными лицами суннитскаго и шіитскаго толка.

Картина всеобщаго примиренія была очень торжественная и произвела на населеніе сильное впечатлѣніе.

Въ 2 часа дня генералъ Лиліенталь съ главнымъ раисомъ выѣхалъ съ Регистана на базары и другія людныя мѣста, сообщая о состоявшемся примиреніи и призывая народъ бросить вражду и вернуться къ своимъ занятіямъ.

Жизнь Бухары постепенно начинала входить въ нормальное русло.

16 января генералъ Лиліенталь совмѣстно съ главнымъ раисомъ и Муштеидомъ опять объѣзжалъ городъ. Лавки уже были открыты, базары и чайханэ переполнены народомъ. Персы смѣшались съ бухарцами, мирно бесѣдовали, какъ будто никакой вражды между ними не было и никакіе внѣшніе признаки не указывали, что нѣсколько дней назадъ эти же люди перерѣзывали другъ другу горла.

17 января по внѣшнему виду въ Старой Бухарѣ закипѣла обычная

трудовая жизнь, наступило, какъ казалось, полное успокоеніе и наслѣдникъ эмира Тюря-Джанъ заявилъ, что оставаться далѣе въ Старой Бухарѣ русскимъ войскамъ не имѣетъ смысла.

Въ 3 часа дня генералъ Лиліенталь съ войсками выступилъ изъ Старой Бухары къ вокзалу. Тюря-Джанъ простился съ нашими войсками, наградивъ офицеровъ медалями и орденами.

Войска, при громадномъ стеченіи народа прошли подъ музыку весь городъ, провожаемыя до самыхъ воротъ главнымъ раисомъ и Муштеидомъ. Генералъ Лиліенталь обратился къ народу въ послѣдній разъ съ успокоительной рѣчью, а народъ въ отвѣтъ благодарилъ русскія войска за оказанную помощь.

17 января вечеромъ въ Бухарѣ мѣстами, если не было кровавыхъ волненій, то все же не замѣтно было полнаго успокоенія.

На базарахъ, въ чайханэ шли оживленные разговоры о пережитомъ. Народъ сильно взволновало появленіе брата Астанакуль бегъ-бія въ городѣ, который по прибытіи занялся *обычной работой* и несмотря на могущія повториться волненія, сталъ собирать „зякетъ".

Повидимому, даже кровавыя волненія не могутъ заставить бухарскихъ чиновниковъ забыть про взиманіе податей, и чуть ли не на другой день послѣ кровавыхъ волненій, возникшихъ именно изъ за взиманія податей, чиновники, какъ ни въ чемъ не бывало, самымъ хладнокровнымъ образомъ собираютъ тѣмъ же порядкомъ подати, забирая послѣднее имущество, если нѣтъ денегъ.

Самъ Астанакуль бегъ-бій, какъ указывали офиціальные источники, былъ смѣщенъ съ должности, на самомъ же дѣлѣ онъ нашелъ себѣ хорошій пріютъ у эмира, проживалъ въ Керминенскомъ дворцѣ, пользуясь большимъ почетомъ, окруженный всѣми благами и этотъ виновникъ народнаго бѣдствія оставался, да повидимому и останется совершенно безнаказаннымъ. За время своего *служенія* въ Бухарѣ онъ скопилъ немалыя богатства, и на кровныя деньги бухарскаго народа построитъ себѣ гдѣ нибудь въ Персіи не одинъ пышный дворецъ.

Эта полная безнаказанность виновниковъ рѣзни сильно волновала населеніе. Опять раздавались голоса, чтобы выдворили изъ Бухары всѣхъ персовъ. Раздавались голоса, что персовъ убито меньше чѣмъ бухарцевъ и нужно отомстить кровь за кровь. Въ медресе были небольшія сходки. Турецкіе эмиссары и другіе коноводы возбуждали населеніе къ новому возстанію.

Но, населеніе устало. Энтузіазмъ прошелъ. Наступило обычное восточное флегматическое состояніе и еще при томъ бухарцевъ сдерживало присутствіе невдалекѣ русскихъ войскъ, которыя при возникновеніи безпорядковъ, снова заняли бы городъ.

Наружные признаки указывали, что въ Старой Бухарѣ наступило полное успокоеніе.

„Кто бы могъ подумать, пишетъ корреспондентъ „Турк. Курьера" г. Нѣжинскій, „глядя на эти наивно блаженныя лица бухарцевъ, что въ нихъ совсѣмъ недавно, нѣсколько дней назадъ таилось столько ненависти и звѣр-

ства. Вотъ и послѣ всего этого кроваваго урагана видишь попрежнему мирно бесѣдующихъ людей, флегматичныхъ и спокойныхъ и не хочется вѣрить, что нѣсколько дней назадъ они съ яростью дикихъ звѣрей сновали по городу, вооруженные дубинами и кинжалами. Теперь нѣтъ и слѣда злобы и вражды. Всѣ улыбаются и съ удивительнымъ спокойствіемъ разсказываютъ, какъ ихъ руки были обагрены кровью, съ пафосомъ оповѣщаютъ, сколько человѣкъ пало отъ ихъ рукъ. Муллобачи, которые въ дни волненій метали искры изъ глазъ при видѣ человѣка, похожаго на перса, рыскали по всѣмъ улицамъ и сараямъ розыскивая новыя жертвы,—теперь спокойно, съ книгой въ рукахъ разсуждаютъ о догматахъ религіи, такъ же хладнокровно, съ тѣмъ же апатичнымъ восточнымъ выраженіемъ лица, какъ это они дѣлали до „кроваваго урагана".

Однимъ словомъ, въ Бухарѣ, повидимому, наступило полное успокоеніе. Опять началась обычная трудовая жизнь. Вернулись къ своимъ обязанностямъ и бухарскіе чиновники, неизвѣстно куда изчезнувшіе въ дни волненій, и теперь тѣмъ же порядкомъ, хищническимъ способомъ взимаютъ „зякетъ" и „хераджъ", забирая у неимущаго послѣднее достояніе, а если этого мало, то уводя отъ него для продажи дочь или сына.

И по прежнему бухарскій народъ стонетъ подъ непосильнымъ гнетомъ восточнаго деспотизма.

Многіе задаютъ вопросъ, можно ли считать бухарскія волненія окончательно закончившимися и можетъ ли русское населеніе Бухары проживать тамъ спокойно, не боясь за свою жизнь при повтореніи новыхъ безпорядковъ.

Конечно, если бы бухарскія волненія носили „обычный въ мусульманскихъ странахъ характеръ" какъ въ угоду бухарскому правительству заявлялъ полковникъ Исфандіаровъ, то придавать имъ важное значеніе для русскаго населенія едва ли приходилось бы. Но полковникъ Исфандіаровъ въ угоду бухарскому правительству, которому, конечно, выгодно успокоить русское правительство, дабы послѣднее не вмѣшалось паче чаянія въ бухарскія дѣла—слишкомъ разошелся съ истиной. Бухарскія волненія, подготовлявшіяся прочной, хорошо организованной подпольной организаціей носили строго опредѣленный политическій характеръ и имѣли, несомнѣнно, цѣлью произвести въ Бухарѣ крупный переворотъ.

Надежды возставшихъ не оправдались. Силы оказались не на ихъ сторонѣ. Возстаніе некультурнаго народа, вѣками гонимаго и притѣсняемаго, превратилось въ грубую безсмысленную рѣзню и грабительскій погромъ, и это погубило все дѣло.

Зарядъ народнаго энтузіазма пропалъ даромъ и нужно опять нѣкоторое время, чтобы обычно флегматичные, мирно настроенные бухарцы снова взялись за оружіе.

Когда наступитъ это время, предугадать, конечно, трудно, но всѣ данныя указываютъ, что рано или поздно, оно неминуемо наступитъ.

Населеніе долго крѣпилось и наконецъ, преступило Рубиконъ, подняло возстаніе. А разъ этотъ Рубиконъ перейденъ, разъ вѣра въ правительство рухнула и населеніе осмѣлилось поднять на него свою руку, то теперь уже его ничто не остановитъ и вспыхнетъ ли возстаніе черезъ мѣсяцъ или черезъ полгода, все зависитъ иногда отъ случая.

Населеніе не могло успокоиться уже потому, что всѣ причины, вызвавшія возстаніе, остались на лицо и никакихъ реформъ, необходимыхъ для населенія Бухары, эмиръ не далъ.

Налоговая система осталась прежней и тѣмъ же порядкомъ взимается съ населенія. У власти остались все тѣ же ненавистные народу персы-чиновники и кто знаетъ, быть можетъ Астанакуль-бегъ-бій, нынѣ находящійся при дворцѣ эмира, въ недалекомъ будущемъ снова получитъ важное назначеніе.

Виновники безпорядковъ остались совершенно безнаказанными и о судѣ надъ ними что-то совсѣмъ не слышно. Вмѣшаться въ это дѣло русское правительство не можетъ, оно имѣетъ право требовать только возмѣщеніе убытковъ, нанесенныхъ Россіи бухарскими волненіями, а само бухарское правительство—этотъ главный виновникъ безпорядковъ, едва ли окажется на такой высотѣ, что учинитъ судъ надъ самимъ собой.

При такихъ условіяхъ, когда ненормальности бухарскаго строя остались въ прежней силѣ, нельзя говорить о полномъ успокоеніи.

И дѣйствительно, если ближе присмотрѣться къ внутренней жизни Бухары, то ни о какомъ успокоеніи не можетъ быть и рѣчи.

Подавленіемъ смуты довольны только торговые классы, а истые бухарцы и особенно духовенство, только смирились передъ силой. Послѣднее особенно опасно, такъ какъ въ Бухарѣ одного клича муллъ вполнѣ достаточно, что бы все населеніе какъ одинъ человѣкъ подняло знамя возстанія, какъ это и было въ январьскіе дни.

Въ бухарскихъ чайханэ, мусульманскихъ клубахъ, во время оживленныхъ разговоровъ о прошедшихъ событіяхъ можно услышать не лестные отзывы о русскихъ, вмѣшавшихся въ бухарскія дѣла. Населеніе полагаетъ, что если бы русскіе не помѣшали, оно добилось бы необходимыхъ реформъ и если на этотъ разъ наше вмѣшательство не возстановило противъ насъ все населеніе Бухары, то при повтореніи аналогичнаго поступка русскій престижъ въ Бухарѣ окончательно упадетъ и на Россію бухарцы будутъ смотрѣть какъ на деспота.

Населеніе ожидало, что русскіе, прекративъ возстаніе, заставятъ бухарское правительство дать народу необходимыя реформы. Они напрасно ждали. Эмиръ бухарскій вернется изъ Петербурга тѣмъ же властелиномъ и никакихъ реформъ народу онъ не обѣщаетъ. Русское правительство, подавивъ бухарскую смуту, отошло въ сторону и все въ Бухарѣ осталось по старому.

Бухарское населеніе считаетъ, что русскіе не выполнили даннаго обѣщанія и только завлекли народъ въ западню.

Разувѣрившись въ русской помощи, населеніе Бухары, по слухамъ, организуется для новой борьбы.

Муллобачи покидаютъ Старую Бухару и отправляются во всѣ концы нашего края. Цѣль ихъ поѣздки неизвѣстна, но ходятъ упорные слухи, что они разъѣзжаютъ для новой агитаціи и организаціи возстанія.

Лица, пріѣхавшія изъ Старой Бухары разсказываютъ, что среди муллъ идетъ тайная агитація и что послѣдніе не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не будутъ удалены съ должностей чиновники персы и пока населенію не будутъ даны необходимыя реформы.

„Не вѣрится, пишетъ г. Нѣжинскій, чтобы то, что случилось, было такъ скоро забыто. Что то подозрительнымъ кажутся перешептыванія между муллами, что можно наблюдать въ Старой Бухарѣ довольно часто, стоитъ только собраться небольшой кучкѣ народа. И одно то, что нѣкоторые неосторожные и неопытные муллы заходятъ въ Старой Бухарѣ даже въ европейскіе мануфактурные магазины покупать револьверы и пули, наводитъ на мысль, что не такъ то ужъ все обстоитъ въ Старой Бухарѣ благополучно".

За послѣднее время въ газетахъ „Русское Слово", „Каспій" и „Баку" появились тревожные телеграммы изъ Тегерана, сообщающія, что жизни персовъ въ Бухарѣ снова угрожаетъ опасность, а „Русскому Слову" телеграфировали о томъ, что въ Бухарѣ готовится новый погромъ. Одно время эти тревожные слухи носились и въ Ташкентѣ.

Если принять во вниманіе русскую пословицу, что „нѣтъ дыма безъ огня" и вспомнить какъ хорошо организовывалась тайная подготовка къ январьскому возстанію, то можно предположить въ недалекомъ будущемъ рядъ новыхъ печальныхъ событій въ Бухарѣ.

Всѣ знатоки Бухары сходятся на одномъ мнѣніи, что считать бухарскія волненія закончившимися нельзя, что успокоеніе наступило только наружное, временное, на лицо имѣются всѣ матеріалы для новаго пожара и малѣйшая неосторожность, провокація, могутъ вызвать новый взрывъ, особенно принимая во вниманіе, что бухарское движеніе поддерживается изъ Турціи и Персіи.

Бухарскія волненія не имѣютъ исключительно мѣстное значеніе. При южномъ темпераментѣ народа, при его крайней фанатичности, волненія могутъ распространиться по всему ханству и даже перейти въ наши предѣлы.

Бухара можетъ оказаться тѣмъ костромъ, отъ котораго загорится весь Средне-Азіатскій міръ и потому въ интересахъ русскаго государства, а тѣмъ болѣе Туркестанскаго Края, примыкающаго къ Бухарѣ—не дать разгорѣться этому костру.

„Если не будутъ устранены вопіющія отрицательныя стороны бухарской администраціи, пишетъ приватъ доцентъ Головачевъ въ „Рус. Словѣ", и налоговой системы, то безпорядки начнутъ происходить во всѣхъ частяхъ Бухары, и 25,000 сброда, называемаго въ Бухарѣ войскомъ, не въ состояніи будутъ справиться съ $2^1/_2$ милліоннымъ населеніемъ страны.

Для того, чтобы русскимъ войскамъ не пришлось подавлять бухарскую революцію, нашему правительству теперь же необходимо принять энергичныя мѣры давленія на эмира и заставить его реформировать все внутреннее управленіе Бухары.

Но можно усомниться, въ состояніи ли эмиръ при всемъ своемъ желаніи, осуществить эти реформы: здѣсь нуженъ не только планъ, который не могутъ выработать его совѣтники,—необходимы еще и люди для его осуществленія. Едва ли эмиръ найдетъ ихъ среди своихъ соотечественниковъ".

О реформахъ едва ли приходится говорить, такъ какъ исторія еще не знаетъ примѣра, когда реформы, не данныя въ моментъ возстанія, были бы дарованы народу послѣ того, какъ возстаніе закончилось пораженіемъ народа; остается надѣяться на то давленіе, которое будетъ произведено на эмира изъ Петербурга, но и эта надежда слишкомъ слаба, ибо у насъ не особенно торопятся даже съ русскими неотложными дѣлами, а послѣ блестящей, брилліантовой поѣздки эмира въ столицу, тамъ бухарскія реформы еще долго могутъ пролежать подъ зеленымъ сукномъ.

На вопросъ, будутъ-ли находиться въ полной безопасности русскіе подданные въ Бухарѣ, въ случаѣ возникновенія тамъ новыхъ безпорядковъ, едва ли можно отвѣтить утвердительно.

Очевидцы бухарскихъ волненій указываютъ, что въ дни январьской рѣзни жизнь русскихъ подданныхъ въ Старой Бухарѣ находилась въ большой опасности. Если бы во время не вмѣшались наши войска и десятитысячная толпа персовъ, узбековъ и арабовъ не была остановлена у городскихъ воротъ, приготовившаяся было ринуться на городъ, то несомнѣнно въ Старой Бухарѣ произошелъ бы грандіозный погромъ и большой вопросъ, стала бы или нѣтъ эта некультурная, фанатичная лавина разбирать кто туземецъ и кто европеецъ. Бухарскимъ евреямъ одно время угрожала опасность быть разгромленными и возможно, что если бы они не отдали свое оружіе бухарцамъ—то этотъ погромъ состоялся бы въ дѣйствительности.

Вообще трудно говорить о безопасности кучки европейцевъ въ такой малокультурной странѣ какъ Бухарское ханство, населенное разноплеменнымъ, фанатичнымъ народомъ: узбеками, персами, туркменами, арабами, индусами и т. д.

Во время кровавыхъ волненій европейцамъ трудно оставаться безучастными зрителями, когда на ихъ глазахъ звѣрски вырѣзаются цѣлыя семьи, убиваются женщины и дѣти. А въ то же время стоитъ только какому нибудь европейцу вступиться за кого нибудь во время рѣзни, какъ его жизни и жизни его сотоварищей будетъ угрожать серьезная опасность быть убитыми дикой, озвѣрѣвшей толпой. Нельзя не опасаться возможности провокацій. Любители чужой собственности во время волненій могутъ нарочно пустить про европейцевъ какіе нибудь слухи, чтобы возстановить противъ нихъ населеніе и вызвавъ такимъ образомъ погромъ, поживиться за счетъ европейскаго населенія.

Кромѣ того, послѣ послѣднихъ волненій популярности русскаго населенія въ Бухарѣ нанесенъ большой ущербъ. Туземцы дѣйствительно благодарили русскихъ за возстановленіе спокойствія, но выражая эту благодарность, бухарское населеніе было увѣрено, что внеся успокоеніе русскіе примутъ мѣры къ тому, чтобы бухарскому народу были даны необходимыя реформы. На самомъ же дѣлѣ оказалось, что возстаніе подавлено, никакихъ реформъ народъ не получилъ и такимъ образомъ, вышло, что русское вмѣ-

шательство оказалось выгоднымъ только бухарскому правительству. Населеніе Бухары учло это обстоятельство и теперь виновникомъ своего пораженія считаетъ вмѣшательство русскихъ въ бухарскія дѣла. Это также въ значительной степени можетъ оказать нехорошую услугу для русскаго населенія въ Бухарѣ во время новыхъ волненій.

Передъ послѣдней поѣздкой въ Петербургъ эмиру понадобилось не мало денегъ на разные подарки русскимъ чиновникамъ. Для сбора этихъ денегъ по всѣмъ кишлакамъ разъѣзжали бухарскіе чиновники, собирали новыя экстренныя подати, указывая, что эти деньги нужны для покупки цѣнныхъ подарковъ русскимъ чиновникамъ. Бухарцы волей-неволей тащили на базаръ послѣднее имущество, платили подати и ужъ, конечно, не одно бранное слово слетало съ ихъ устъ по адресу „гяуровъ".

При такихъ обстоятельствахъ говорить о симпатіи бухарскаго населенія къ русскому не приходится и скрытая вражда можетъ неожиданно вылиться въ погромъ во время новыхъ волненій.

Для защиты русскаго населенія и русскихъ интересовъ въ Бухарѣ имѣется наше политическое агентство.

Газеты отмѣтили, что во время волненій наше политическое агентство въ Бухарѣ держалось какой то странной политики, выгодной для бухарскаго правительства, но въ ущербъ русскимъ интересамъ.

Въ то время, когда наши войска были въ полной безопасности находясь въ цитадели, русское политическое агентство настоятельно требовало, чтобы войска вышли изъ цитадели въ городъ, гдѣ имъ угрожала большая опасность быть убитыми въ узкихъ закоулкахъ туземнаго города.

Этотъ случай проливаетъ свѣтъ на то, чьи интересы защищаетъ русское политическое агентство въ Бухарѣ.

Оно слишкомъ желаетъ угодить эмиру и бухарскому правительству, игнорируя русскіе интересы.

Если русскій обращается въ агентство съ какой нибудь просьбой то начинается безконечная волокита и проситель, выведенный изъ терпѣнія уходитъ не дождавшись удовлетворенія своей просьбы. Покупка русскими земли въ Старой Бухарѣ, разрѣшенная ст. 12 договора, рѣдко разрѣшается и это конечно, дѣлается въ угоду бухарскому правительству.

Обращенія торговыхъ фирмъ въ агентство при взысканіи долговъ постоянно затягиваются на много лѣтъ и наши фирмы теперь уже считаютъ безполезнымъ обращаться въ агентство, предпочитая лучше имѣть дѣло съ бухарскими посредниками.

Въ агентствѣ почти нѣтъ лицъ хорошо знакомыхъ съ краемъ, и какъ это ни странно, въ русскомъ политическомъ агентствѣ въ Бухарѣ, призванномъ для зашиты русскихъ интересовъ, главную роль играетъ чиновникъ бухарскаго правительства Мирбадалевъ, умный и выдающійся человѣкъ, знатокъ края, пользующійся популярностью среди туземцевъ и у русскихъ торговыхъ фирмъ. Но всѣ эти качества все же едва ли даютъ право верховодить дѣлами нашего политическаго агентства бухарскому чиновнику!

Наше политическое агентство въ Бухарѣ слишкомъ раболѣпствуетъ

передъ эмиромъ, оно не въ состояніи высоко держать тамъ русское знамя и знатоки края находятъ, что русское достоинство въ бухарскомъ ханствѣ отстаивалъ только Лессаръ, да отчасти Игнатьевъ.

Офиціальныя лица находятъ, что лучшей мѣрой упорядоченія бухарскихъ дѣлъ было бы:

1) Аннексія бухарскаго ханства и введеніе въ Бухарѣ русскими немедленныхъ реформъ, но эта мѣра едва ли не своевременна.

2) Бухарское ханство поставить въ прямую зависимость отъ Туркестанскаго генералъ губернатора и черезъ послѣдняго вести всѣ сношенія съ Бухарой. При нынѣшнемъ политическомъ агентствѣ наши интересы въ Бухарѣ защищены недостаточно. Желательно учредить при эмирѣ бухарскомъ особый совѣтъ изъ лицъ, уполномоченныхъ русскимъ правительствомъ для проведенія необходимыхъ реформъ и контроля за ихъ исполненіемъ.

3) Или, наконецъ, настоятельно совѣтовать эмиру приступить немедленно къ проведенію необходимыхъ реформъ и поставить ханство въ прямую зависимость отъ туркестанскаго генералъ губернатора, съ возложеніемъ на послѣдняго контроля за исполненіемъ этихъ реформъ.

О необходимости вмѣшательства въ бухарскія дѣла настаиваетъ въ своей книгѣ „Экономическій очеркъ Бухары и Туниса", знатокъ края А. Губаревичъ-Радобыльскій.

„Въ настоящее время эмиры располагаютъ капиталомъ, не менѣе чѣмъ въ 20 мил. рублей. Этотъ капиталъ хранится преимущественно въ золотѣ, а можетъ быть и въ банкахъ въ Лондонѣ и Индіи, помѣщенный тамъ при посредствѣ пешаверскихъ купцовъ. Вѣроятно, милліона четыре у эмировъ имѣется въ подвалахъ „Арка" (дворца въ Бухарѣ), въ ямбахъ и въ теньгѣ.

„Изъ казны эмировъ ничего не расходуется на страну, а такъ какъ оба эмира и Музаффаръ и нынѣшній Сеидъ-Абдулъ-Ахатъ-ханъ весьма бережно расходуютъ и на свою личную жизнь свои средства, то они и въ видѣ расходовъ двора не возвращаютъ странѣ ничего взятаго съ нея и національный капиталъ, скапливаясь въ видѣ личной казны эмировъ, въ теченіе уже тридцати лѣтъ находится безъ всякаго движенія и вліянія на финансовую и экономическую жизнь государства.

„Такое положеніе вещей становится не отвѣчающимъ русскимъ задачамъ въ Бухарѣ и уже при назначеніи политическимъ агентомъ г. Игнатьева въ 1895 году возникало предположеніе объ иной постановкѣ органа Россіи для контроля за управленіемъ ханствомъ.

„Не сознавать того, что европейское государство—Россія должна по примѣру Франціи въ Тунисѣ руководить жизнью варварской азіатской страны для ея блага—это значитъ отказаться отъ мысли, что мы имѣемъ цивилизаторскія задачи, которыя унаслѣдовали отъ великихъ людей, умѣлыхъ сподвижниковъ незабвеннаго Императора Александра II-го освободителя

всѣхъ народовъ, племенъ и населеній громадной имперіи Бѣлаго Царя, а этотъ Бѣлый Царь уже давно въ воображеніи бухарца является спасителемъ его несчастной страны. И только отъ него бухарецъ ждетъ измѣненія своей тяжелой участи".

Это было написано пять лѣтъ тому назадъ, а позднѣйшій изслѣдователь Бухары г. Логофетъ *) уже свидѣтельствуетъ, что вѣра эта пошатнулась, что въ сердцахъ бухарцевъ уже накопилась глухая ненависть противъ Россіи. Вотъ куда ведетъ насъ близорукая политика дастархановъ и парадныхъ обѣдовъ.

Идея преобразованія бухарскаго политическаго агентства на началахъ фактическаго участія въ дѣлахъ ханства еще десять лѣтъ тому назадъ горячо отстаивалась П. М. Лессаромъ, бывшимъ въ то время политическимъ агентомъ въ Бухарѣ. Глубокій знатокъ края, онъ тогда уже указывалъ на глубокую ошибочность и гибельность для русскаго престижа робкой и неустойчивой политики невмѣшательства. Но указанія его въ свое время не были оцѣнены по достоинству, и культурныя и цивилизаторскія задачи Россіи въ Азіи были принесены въ жертву сантиментальной симпатіи къ властелину бухарскаго ханства. Это одна изъ роковыхъ ошибокъ нашей политики, и нужно ее исправить, пока не поздно.

О томъ что вмѣшательство въ Бухарскія дѣла—необходимо высказывается столичная пресса.

Въ „Голосѣ Москвы" читаемъ:

„Попытка вмѣшательства въ бухарскія дѣла уже была однажды, но кончилась неудачно.

Въ Бухару былъ командированъ ирригаціонный инженеръ, составившій, между прочимъ, смѣту на осушеніе окружающихъ Бухару болотъ, являющихся стокомъ для использованныхъ оросительныхъ водъ. Смѣта была составлена въ суммѣ около 150.000 руб., и работы предполагалось произвести за счетъ эмира. Но въ это время въ Туркестанѣ произошла смѣна генералъ-губернаторовъ. Дѣло затянулось. Наконецъ, эмиръ, выбравъ удобный моментъ, заявилъ, что онъ находитъ смѣту слишкомъ дорогой и что осушительныя работы произведетъ само бухарское правительство за счетъ бухарскихъ средствъ. На этомъ дѣло и кончилось. Болота не осушены до сихъ поръ, а свирѣпствующая благодаря этому малярія безжалостно коситъ обильную жатву. Достаточно сказать, что былъ одинъ такой годъ, въ теченіе котораго вымерла $^1/_{10}$ часть всего бухарскаго населенія.

Между тѣмъ, ирригаціонный вопросъ является для Бухары вопросомъ жизни. Природными условіями страна обречена на гибель и должна превратиться въ пустыню, но путемъ искусственнаго орошенія безводныхъ пространствъ съ одной стороны и осушенія болотъ—съ другой, плодородность страны можетъ быть очень высокой. Существующая ирригаціонная система не соотвѣствуетъ своему назначенію. Такъ, напримѣръ, пришлось отказаться отъ попытокъ культуры американскаго хлопка, требующаго значительной влаги и притомъ въ опредѣленные сроки. На бухарское правитель-

*) См. „Голосъ Москвы".

ство въ этомъ отношеніи разсчитывать не приходится, такъ какъ основной принципъ его финансовой и экономической политики чрезвычайно простъ: брать отъ страны все, что она можетъ дать, и ничего ей не возвращать. Отсюда—нищета, глубокое невѣжество и медленная, но вѣрная гибель населенія.

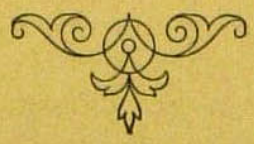
Россія не можетъ и не должна на это смотрѣть безучастно, но въ то же время очевидно, что при существующихъ отношеніяхъ съ Бухарой ничего положительнаго добиться невозможно. Туркестанскій генералъ-губернаторъ и политическій агентъ въ Бухарѣ фактически безсильны оказывать серьезное вліяніе на ходъ бухарскихъ дѣлъ. Причинъ этому множество, и среди нихъ главная—полная неопредѣленность ихъ функцій по отношенію къ Бухарѣ. Съ другой стороны—вредно отзывается на дѣлѣ и дуализмъ правительства Россіи по дѣламъ Бухары, раздѣленнаго между министерствами военнымъ и иностранныхъ дѣлъ. Первое смотритъ на Бухару, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія интересовъ стратегическихъ и меньше всего интересуется культуртрегерскими задачами, второе—настойчиво проводитъ политику невмѣшательства. Наконецъ, третье вѣдомство, заинтересованное въ бухарскихъ дѣлахъ непосредственно,—министерство финансовъ,—не имѣетъ здѣсь рѣшающаго значенія и до послѣдняго времени только отпускало средства государственнаго казначейства на расходы въ предѣлахъ бухарскаго ханства.

Гдѣ же выходъ изъ этого положенія? Выходъ только одинъ—въ полномъ пересмотрѣ существующаго положенія и коренной реорганизаціи политическаго агентства на началахъ, дающихъ ему право фактическаго руководства и контроля надъ бухарскими дѣлами".

Тѣмъ или инымъ способомъ русское правительство должно настоять на проведеніи въ жизнь бухарскихъ реформъ, должно прекратить въ Бухарѣ систему восточнаго, деспотическаго угнетенія народа, каковая можетъ въ дальнѣйшемъ цвѣтущую страну превратить въ мертвую пустыню.

Это необходимо и въ интересахъ бухарскаго народа, и въ интересахъ нашего владычества въ Средней Азіи и наконецъ, въ интересахъ русскихъ подданныхъ, заброшенныхъ волею судебъ на эту далекую окраину.

Г. Цвилингъ.



Ср. Аз. 1910 № 3

Тамерланъ Великій *)

Обитатели Рима, когда то незначительнаго итальянскаго города, сдѣлались господами всего міра, отъ Евфрата до скалъ Альбіона. Мы**) являемся наслѣдниками римской цивилизаціи, и поэтому исторія Рима по справедливости, составляетъ обязательный учебный предметъ въ нашихъ школахъ, начиная со школъ низшаго типа. Языкъ римлянъ и ихъ литература такъ же знакомы намъ, какъ наши собственные языкъ и литература. Жизнь римскихъ правителей и великихъ людей является необходимою частью общаго запаса знаній. Мы прекрасно понимаемъ характеры этихъ людей, ихъ стремленія, ихъ самыя затаенныя побужденія.

Много столѣтій спустя послѣ того, какъ Римъ пріобрѣлъ славу на аренѣ всемірной исторіи, на далекомъ востокѣ орды татаръ и монголовъ сплотились подъ главенствомъ великихъ полководцевъ и наводнили собой громадное пространство, называемое ими „обитаемый міръ", отъ Польши до Персидскаго залива и Индостана, отъ Константинополя до Китайскаго моря, отъ Кореи до Ганга. Потомки этихъ дикихъ ордъ основали въ Индіи прочную и сильную имперію, просуществовавшую до нашего времени. Спрашивается, можемъ ли мы о такихъ чуждыхъ намъ личностяхъ, какъ Чингизъ-ханъ, Тамерланъ или ихъ великіе преемники Бабуръ и Акбаръ, составить себѣ такое же ясное представленіе, какое мы имѣемъ о герояхъ римской имперіи? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ пусть послужитъ слѣдующее обстоятельство. Пьеса Шекспира „Юлій Цезарь" настолько ярко и живо описываетъ бытъ и нравы римлянъ, что легко могла бы служить учебникомъ римской исторіи даннаго періода, между тѣмъ не менѣе знаменитая пьеса Марлоу „Тамерланъ" является сплошной буффонадой и даваемое ею изображеніе великаго татарскаго хана до смѣшного не соотвѣтствуетъ своему оригиналу.

Монголы ни въ чемъ не соприкасаются съ нашею національною или расовою жизнью. Они совершенно чужды намъ. Мы въ состояніи прекрасно понимать жившихъ въ Испаніи мавровъ, и рыцарски-великодушный Саладинъ не менѣе близокъ намъ, чѣмъ, напр., Ричардъ Львиное сердце. Въ отношеніи монголовъ дѣло обстоитъ иначе. Нашъ интересъ относительно ихъ есть исключительно пытливость ума и совершенно не затрагиваетъ на-

*) Настоящая статья составляетъ извлеченіе изъ сочиненія Эдварда Холдена: „The Mogul Emperors of Hindustan" 1398—1707 г.г.

**) Подразум. англичане. Перев.

шихъ чувствъ. Притомъ, когда кто-нибудь вздумаетъ удовлетворить эту пытливость и захочетъ узнать что нибудь о нихъ, онъ встрѣчается съ исключительными трудностями, ибо не только характеръ и побужденія отдѣльныхъ лицъ этого племени совершенно чужды намъ, но и самая исторія этихъ лицъ написана въ такой странной формѣ, что приводитъ въ недоумѣніе, совершенно ставитъ въ тупикъ. Весьма легко, наприм., намъ понять, что Улугбекъ, внукъ Тамерлана, основалъ въ Самаркандѣ, въ 1437 году, величайшую въ мірѣ астрономическую обсерваторію, за сто сорокъ лѣтъ до того времени, когда Тихо де Браге воздвигъ Уранибургъ въ Даніи. Но мы почти не въ состояніи уразумѣть смыслъ тѣхъ интригъ и того насильственнаго переворота, которые низложили съ престола этого прекраснаго правителя и привели его къ смерти отъ рукъ собственнаго сына его. Какъ въ приведенномъ случаѣ, такъ и во всѣхъ другихъ послѣдовательная исторія царствованій Чингизъ-Хана и Тамерлана („хромого принца"), составленная туземнымъ писателемъ, кажется намъ совершенно безсвязной и нелогичной. Кровавыя страницы этой исторіи содержатъ описаніе настоящаго ада, который, кажется намъ безцѣльнымъ, и перечисленіе жестокостей, которыя, по нашимъ понятіямъ, не имѣютъ для себя никакого мало-мальски разумнаго объясненія.

Поэтому, если мы пожелаемъ удовлетворить свое любопытство и узнать хоть что-нибудь касательно характера и побужденій властителя, подобнаго Тимуру, намъ придется идти такимъ путемъ. Прежде всего, мы соберемъ повѣствованія людей нашего собственнаго міра, бывшихъ личными свидѣтелями дѣятельности Тимура. Эти разсказы даютъ намъ въ перспективѣ очертанія, которыя, при всей своей неполнотѣ, доступны и понятны намъ. Подробности созданной, такимъ образомъ, картины должны быть заполнены извлеченіями изъ туземныхъ писателей, и въ данномъ случаѣ намъ придется выбирать такихъ писателей и только то изъ ихъ писаній, что *намъ* кажется имѣющимъ значеніе. Послѣ этого можетъ оказаться возможнымъ, хотя и труднымъ, найти для созданной нами картины мѣсто въ томъ міросозерцаніи, которое мы унаслѣдовали отъ нашихъ предковъ римлянъ. При этомъ весьма важно ни на минуту не упускать изъ виду того обстоятельства, что Римъ имѣлъ уже за собой почти двѣ тысячи лѣтъ исторіи, когда монголы выступили на арену всемірной исторіи.

Посольство къ великому татарскому хану (1254 г.)

Въ 1248 году французскій король Людовикъ Святой отправился въ святую землю. На пути туда, въ Кипрѣ, онъ принялъ пословъ великаго татарскаго хана и вывелъ изъ ихъ словъ совершенно ошибочное заключеніе, будто ханъ обратился въ христіанство. Повидимому же, цѣлью хана было вступить съ Людовикомъ въ соглашеніе и напасть на Сарацинъ съ тылу,

въ то время какъ крестоносцы двигались-бы на нихъ съ фронта. Прибывъ въ Сирію, Людовикъ послалъ въ Татарію подъ видомъ посла нѣкоего Вильяма де Рубруквиса, монаха ордена миноритовъ. Истинною цѣлью этого посольства было соглядатайство татарской земли и обращеніе кого возможно въ христіанство. Де Рубруквисъ, по отзыву своего начальства, былъ „человѣкомъ рѣдкихъ талантовъ, отмѣннаго усердія, искренняго благочестія и высокой честности". И дѣйствительно, его письмо къ королю, дающее отчетъ объ этой необыкновенной поѣздкѣ, вполнѣ оправдываетъ эту рекомендацію и заслуживаетъ прочтенія полностью. Де Рубруквисъ выѣхалъ въ татарскую страну изъ Константинополя въ маѣ мѣсяцѣ 1253 года и прибылъ ко двору Батыя, внука Чингизъ-хана (родившагося въ 1162 году и умершаго въ 1227 году), послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ полнаго опасностей путешествія.

Подданные Тамерлана были очень похожи на подданныхъ Чингизъ-хана. Единственнымъ отличіемъ тѣхъ и другихъ являлось принятіе подданными Тамерлана Ислама, но это отличіе было въ сущности дѣла чисто формальнымъ отличіемъ, ибо къ новой религіи они относились весьма свободно. Въ виду этого, нѣтъ лучшаго способа составить себѣ понятіе о подданныхъ Тамерлана, какъ привести нѣсколько параграфовъ изъ журнала почтеннаго монаха.

„Итакъ, послѣ того, какъ мы оставили тѣ области, мы нашли татаръ. Когда мы вступили въ ихъ предѣлы, мнѣ показалось, что я прибылъ въ какой-то новый свѣтъ. Ихъ жизнь и обычаи я постараюсь описать Вашему Величеству по силѣ возможности. Татары не толко не имѣютъ постояннаго мѣстожительства, но и не знаютъ сегодня, гдѣ они расположатся завтра. Предъ ними лежитъ вся скиѳская земля, простирающаяся отъ рѣки Дуная до крайняго предѣла Востока. Каждый изъ ихъ предводителей, соображаясь съ количествомъ своего племени, знаетъ предѣлы своихъ пастбищъ, равно какъ и то, гдѣ онъ долженъ пасти скотъ зимою и лѣтомъ, весною и осенью. Свои дома они воздвигаютъ на кругломъ основаніи, сдѣланномъ изъ ивовыхъ прутьевъ, искусно обработанныхъ и соединенныхъ вмѣстѣ; крыша, сдѣланная изъ тѣхъ же ивовыхъ прутьевъ, заканчивается вверху подобіемъ колокола, который покрывается бѣлымъ или чернымъ войлокомъ. Этотъ куполъ украшаютъ они разнаго рода изображеніями.

Дома свои татары передвигали съ мѣста на мѣсто на огромныхъ, въ двадцать футовъ ширины, телѣгахъ, везомыхъ двадцатью двумя быками, запряженными въ два ряда, по одиннадцати въ рядъ. Дышло такой телѣги было чудовищной величины, подобное мачтѣ корабля. Батый, внукъ Чингизъ-хана, имѣлъ шестнадцать женъ, каждая изъ коихъ жила въ отдѣльномъ большомъ домѣ. Понятно, что, при такихъ условіяхъ, дворъ каждаго богатаго татарина кажется очень большой деревней.

По прибытіи на стоянку, дома снимались съ телѣгъ и ставились въ линію. Кровати и мебель имѣли свое опредѣленное и неизмѣнное мѣстоположеніе въ домѣ. Въ каждомъ домѣ есть маленькій тощій идолъ, который является какъ-бы покровителемъ всего дома. Необходимою принадлежностью каждаго татарскаго дома является скамейка, на которой стоитъ сосудъ съ

молокомъ и чашки для его питья. Лѣтомъ они ничего не пьютъ, кромѣ кумыса.

Что касается ихъ пищи, то позволяю себѣ доложить Вашему Величеству, что они безъ разбора ѣдятъ всѣхъ своихъ животныхъ, которыя умираютъ отъ старости или болѣзни?!"

Обычаи и законы татаръ описываются де Рубруквисомъ очень подробно. Главными наказаніями у нихъ были: сѣченіе (кнутомъ) и смертная казнь.

„По моемъ прибытіи къ этому варварскому народу, мнѣ пришло въ голову,—какъ я уже замѣтилъ раньше,—что я прибылъ въ какой-то новый свѣтъ. Первымъ вопросомъ, предложеннымъ мнѣ татарами, былъ вопросъ о томъ, были-ли мы у нихъ раньше или нѣтъ. Затѣмъ они заставили насъ очень долго ждать, выклянчивая у насъ хлѣбъ, удивляясь всѣмъ вещамъ, которыя попадались имъ на глаза, и желая получить ихъ отъ насъ. Правда, силой они ничего у насъ не взяли, но они просятъ у насъ все, что не увидятъ, и, притомъ, чрезвычайно назойливо. Если же что-нибудь подаришь имъ, то считай это потеряннымъ, ибо они неблагодарныя твари. Итакъ, мы уѣхали отъ нихъ съ такимъ чувствомъ, съ какимъ вырвались-бы изъ рукъ дьявола!"

Во время путешествія, де Рубруквисъ былъ представленъ другому внуку Чингизъ-хана Джагатаю, въ пріемную котораго онъ вступилъ „со страхомъ и застѣнчивостью". Пріемъ не былъ, однако, не милостивымъ, хотя поднесенные монахомъ подарки и были скудны.

„Я изложилъ ему апостольскій символъ вѣры, выслушавъ который онъ отрицательно покачалъ головой. Переводчикъ былъ „жалкій",—добавляетъ здѣсь де Рубруквисъ.

Вслѣдъ за представленіемъ Джагатаю, посольство отправилось „опять на востокъ, ничего не видя на пути, кромѣ неба и земли", пока не достигло своего назначенія. При дворѣ хана они нашли нѣкоторыя удобства, даже нѣчто похожее на роскошь. Но что болѣе удивительно, такъ это то, что они встрѣтили при дворѣ хана много несторіанскихъ и яковитскихъ священниковъ, массу бѣглыхъ русскихъ, венгровъ и магометанъ; одного рыцаря храмовника; нѣкоего француза Вильяма Бушье, парижскаго ювелира, съ женой родомъ изъ Меца въ Лотарингіи, и, наконецъ, какого-то англичанина. Если мы примемъ во вниманіе, что это было больше чѣмъ за сто лѣтъ до времени Тимура, то намъ станетъ понятнымъ то разнообразіе искусствъ, которыя были извѣстны въ Самаркандѣ въ его время. Кочевники, татары и монголы, остались такими же и во время Тимура, какъ они описаны де Рубруквисомъ, исключая только чисто номинальнаго принятія ими ислама. Христіанство было занесено въ Хоросанъ въ четвертомъ столѣтіи несторіанами. Въ 334 году былъ уже несторіанскій епископъ въ Мервѣ, а въ 500 году мы находимъ несторіанскихъ епископовъ въ Гератѣ и Самаркандѣ. Около 1000 года все племя кераитовъ туркменовъ приняло христіанство. Буддизмъ перешелъ въ Туркестанъ изъ Китая, а исламъ проникъ черезъ персидскую границу вскорѣ послѣ смерти Магомета. Ко всѣмъ этимъ вѣрамъ Чингизъ-ханъ относился съ полною терпимостью. Терпи-

мость Чингизъ-Хана и его сыновей перестала существовать при Тимурѣ, предоставившемъ магометанскимъ мулламъ право распоряжаться въ религіозныхъ дѣлахъ по своему усмотрѣнію. Тѣмъ не менѣе искусства архитектуры, обработки драгоцѣнныхъ металловъ, оружейное дѣло, искусство производства пряжи были уже пересажены въ эти отдаленныя и дикія страны изъ Европы, Китая, Африки, Аравіи и Персіи. Кромѣ того, астрономія, математика, поэзія и нѣкотораго рода общая ученость нашли для себя здѣсь довольно благопріятную среду. Всѣмъ этимъ подготовлена была почва для того замѣчательнаго расцвѣта нѣкоторыхъ искусствъ,—преимущественно же архитектуры, который отмѣчаетъ собою періодъ царствованія Тимура и его ближайшихъ преемниковъ.

Посольство къ Тамерлану Великому въ 1403 г.

Кастильскій король Генрихъ III (1376—1407 г.) входилъ въ дипломатическія сношенія со многими властителями Европы и Азіи, въ числѣ коихъ былъ и Тамерланъ, приславшій къ Генриху посла Магомета эль-кази съ подарками и письмомъ. Когда этотъ посолъ долженъ былъ возвратиться во свояси, Кастильскій король снарядилъ и отправилъ съ нимъ ко двору Тамерлана свое посольство. Одинъ изъ членовъ этого посольства, Рюи Гонзалесъ де Клавихо, оставилъ записки объ опасномъ путешествіи посольства. Испанское посольство выѣхало изъ Севильи въ маѣ мѣсяцѣ 1403 года и прибыло въ Самаркандъ въ августѣ 1404 года. Путь свой посольство совершило водою черезъ Средиземное и Черное моря до Трапезунда, а оттуда сухимъ путемъ черезъ Эрзерумъ, Тегеранъ, мимо Мерва черезъ Аму-Дарью въ Самаркандъ.

На пути въ Самаркандъ, въ октябрѣ 1403 года, послы были приняты Мануиломъ, императоромъ Константинопольскимъ. Здѣсь послы высказали желаніе видѣть мощи и памятники христіанской древности, которыми славились константинопольскія церкви,—а этихъ церквей, кстати замѣтить, было три тысячи. Желаніе пословъ было удовлетворено, и они осмотрѣли эти реликвіи въ сопровожденіи зятя императора. Стражемъ и хранителемъ этихъ святынь былъ самъ императоръ.

Въ Трапезундѣ, портѣ Чернаго моря, испанское посольство коснулось границъ владѣній Тимура, такъ какъ властитель этого города платилъ уже дань Монгольскому императору. „Гербъ Тимурбека", пишетъ Клавихо, „состоитъ изъ трехъ кружковъ, подобныхъ буквѣ О и расположенныхъ такимъ образомъ $^{0}{}_{0}{}^{0}$. Этотъ гербъ долженъ былъ указывать, что Тимуръ является господиномъ трехъ частей свѣта. По распоряженію Тимура, гербъ этотъ выбивался не только на собственныхъ его монетахъ, но и на монетахъ владѣтелей, Тимуру подвластныхъ! „Для испанскаго посольства было чрезвычайно выгодно путешествовать совмѣстно съ посломъ Тимура. Только благодаря этому случайному товариществу многія, случавшіяся съ путешественниками въ дорогѣ, приключенія оканчивались для нихъ благополучно. Послѣ долгаго странствованія, посольство достигло, наконецъ, Тегерана, откуда

ихъ доставили въ Самаркандъ на почтовыхъ, заведенныхъ императоромъ на всѣхъ главныхъ дорогахъ. Забота о содержаніи путешественниковъ лежала на начальникахъ попутныхъ городовъ и деревень. Путь черезъ Персію посольству пришлось совершить во время іюльскихъ жаровъ. Во время этого пути многіе изъ свиты посольства умерли, не бывъ въ силахъ вынести страшную жару, отсутствіе воды и чрезвычайную быстроту ѣзды. „Тимуръ", говоритъ въ объясненіе послѣдняго обстоятельства Клавихо „болѣе отличаетъ того, кто, загнавъ пару лошадей, проѣдетъ въ сутки 50 лигъ, чѣмъ того, кто это же разстояніе сдѣлаетъ въ три дня безъ всякаго ущерба для лошадей".

Принимая во вниманіе, что лиги Самаркандской имперіи очень длинны, Тимуръ распорядился раздѣлить каждую лигу на двѣ части и отмѣтить новыя лиги небольшими столбами. При этомъ онъ отдалъ приказъ, чтобы его подчиненные, во время своихъ путешествій, дѣлали не менѣе десяти лигъ ежедневно, а лиги эти протяженіемъ вдвое длиннѣе кастильскихъ лигъ... И тѣ не только дѣлали разстояніе, которое предписывалось приказомъ ихъ господина, но часто дѣлали по пятнадцати и даже по двадцати лигъ въ сутки".

Представимъ себѣ царство, гдѣ каждый подданный, занимающій какое-либо офиціальное положеніе, обязанъ, во время своихъ путешествій, дѣлать по меньшей мѣрѣ шестьдесятъ миль въ день, безразлично, удобно ему это или нѣтъ, нравится ему это или нѣтъ!

Путешествіе свое во владѣніяхъ Тимура Клавихо описываетъ такъ. „По прибытіи въ городъ или деревню, первымъ дѣломъ нашей партіи было розыскать начальника, для чего наши спутники хватали перваго попадавшагося имъ на улицѣ человѣка и тумаками принуждали его указать домъ начальника. Жители, знавшіе, что наши спутники принадлежатъ къ войскамъ Тимурбека, и успѣвшіе впору замѣтить ихъ прибытіе, убѣгали прочь съ такою быстротою, какъ если бы за ними гнался дьяволъ; равнымъ образомъ сидѣвшіе въ лавкахъ торговцы мгновенно закрывали свои лавочки и убѣгали съ крикомъ: „элчи!" что означаетъ: „посланникъ", приговаривая, что съ этими посланниками для нихъ наступилъ черный день".

Такое отношеніе къ путешественникамъ станетъ вполнѣ понятнымъ, если мы будемъ имѣть въ виду, что жители придорожныхъ селеній и городковъ обязаны были доставлять путешественникамъ все, въ чемъ тѣ имѣли нужду, и что за неисполненіе этого правила виновные подлежали смерти или, въ лучшемъ случаѣ, жестокому избіенію. „И такимъ то образомъ достигалось, что весь народъ трепеталъ своего властителя и его слугъ".

„Съ этими людьми Тимуръ совершилъ многія славныя дѣянія и одержалъ побѣды во многихъ битвахъ, потому что они были людьми великой храбрости, превосходными наѣздниками, отличными стрѣлками и совершенно нечувствительными ко всякаго рода лишеніямъ. Если у нихъ была пища, они ѣли; если не было, они не роптали; они переносили все: холодъ и жаръ, голодъ и жажду, лучше, чѣмъ кто-либо на свѣтѣ... Идя на войну, они не оставляютъ гдѣ-либо сзади своихъ женъ, дѣтей и стадъ, но берутъ ихъ съ собой".

Одинъ писатель, цитируемый извѣстнымъ путешественникомъ Вамбери, даетъ такое описаніе этого народа: „это народъ, который плачетъ во время своихъ празднествъ и смѣется во время битвы, который слѣпо слѣдуетъ за своимъ вождемъ; который доволенъ холодомъ и голодомъ, не знаетъ ни отдыха, ни удовольствія, не имѣетъ даже на своемъ языкѣ словъ для выраженія этихъ понятій. Они сами приготовляютъ употребляемое ими оружіе, воодушевлены одной душой и однимъ духомъ, невзыскательны въ пищѣ или одеждѣ, безжалостны, готовы вырвать неродившагося еще ребенка изъ чрева матери".

Они относились съ презрѣніемъ къ городской жизни, а земледѣліе почитали занятіемъ, годнымъ только для рабовъ, ибо, по ихъ понятію, было позоромъ кормиться „верхушкой сорной травы", какъ они называли пшеницу. Со временъ Чингизъ-хана, каждый солдатъ имѣлъ свое опредѣленное мѣсто въ войскѣ: на правомъ крылѣ, на лѣвомъ крылѣ или въ центрѣ, и эти мѣста переходили по наслѣдству отъ отца къ сыну.

„Мы встрѣчали на своемъ пути многихъ изъ нихъ, и они были такъ обожжены солнцемъ, что, казалось, они только что вышли изъ преисподней".

31 августа 1404 года Кастильское посольство достигло окрестностей Самарканда. Восемь дней держали пословъ въ ожиданіи аудіенціи, „ибо существуетъ обычай принимать посланника не раньше пяти или шести дней по его прибытіи, и чѣмъ важнѣе былъ посланникъ, тѣмъ дольше приходилось ему ждать". Наконецъ, посольство было допущено къ особѣ Тимурбека.

„Тимурбекъ сидѣлъ въ преддверіи (порталѣ), при входѣ въ чудный дворецъ; сидѣлъ онъ на полу. Передъ нимъ находился фонтанъ, высоко бросавшій вверхъ свои струи, въ водѣ плавало нѣсколько красныхъ яблокъ. Владѣтель сидѣлъ скрестя ноги на шелковыхъ вышитыхъ коврахъ, окруженный круглыми подушками. Онъ былъ одѣтъ въ шелковый халатъ, на головѣ у него былъ высокій бѣлый головной уборъ, верхушка котораго была украшена рубиномъ, обрамленнымъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями".

Посольство было принято очень хорошо, и ему было отведено мѣсто выше китайскаго посланника. Тимуръ освѣдомился о здоровьѣ испанскаго короля въ слѣдующихъ словахъ: „какъ поживаетъ король, мой сынъ? Поистинѣ, эти франки великій народъ, и я даю свое благословеніе моему сыну, королю испанскому, который живетъ на краю свѣта". Итакъ, здѣсь, при дворѣ Тимура, встрѣтились послы странъ, расположенныхъ на противоположныхъ концахъ обитаемаго свѣта,—Китая и Испаніи.

За представленіемъ ко двору послѣдовали пиршества, на которыхъ предлагалось въ изобиліи всякаго рода мясо, вареное и жареное, масса всевозможныхъ фруктовъ и напитки, которые подавались въ золотыхъ кувшинахъ. Позднѣе устраивались пирушки, за которыми присутствовали жены императора безъ обычныхъ покрывалъ. Эти пиры и банкеты происходили въ великолѣпныхъ шелковыхъ шатрахъ, вышитыхъ золотомъ и дорогими камнями.

Вотъ описаніе одного изъ пировъ, за которымъ присутствовало испанское посольство.

„Тамъ стояли золотые столы, каждый на четырехъ ножкахъ. На столахъ стояли семь золотыхъ флягъ, двѣ изъ коихъ были украшены большими жемчужинами, изумрудами и бирюзой; у устья каждой фляги былъ рубинъ. Тамъ стояли также шесть круглыхъ золотыхъ чашъ, одна изъ коихъ была украшена внутри большими жемчужинами, а въ центрѣ ея былъ рубинъ шириною въ два пальца и великолѣпной игры".

Приставленный къ посольству переводчикъ запоздалъ привести ихъ на пиръ въ положенное время, чѣмъ вызвалъ сильное неудовольствіе Тимура.

— „Какъ это случилось, что ты причинилъ мнѣ раздраженіе и разстройство? почему ты не явился съ франкскимъ посланникомъ во время? Повелѣваю, чтобы въ твоемъ носу просверлена была дыра, чтобы черезъ эту дыру пропущена была веревка и чтобы за эту веревку водили тебя по лагерю, въ наказаніе за твою провинность". Не успѣлъ Тимуръ окончить своихъ словъ, какъ приставники схватили переводчика за носъ, чтобы провертѣть въ немъ дыру.

Утѣшительно знать, что несчастный переводчикъ на этотъ разъ избѣжалъ опредѣленнаго ему Тимуромъ наказанія благодаря заступничеству офицера, состоявшаго при испанскомъ посольствѣ. Такъ какъ члены посольства, какъ показалось Тимуру, во время пира ѣли мало, то онъ послалъ имъ „десять овецъ и лошадь для ѣды и вьюкъ вина, одѣлъ также посланниковъ въ халаты и одарилъ ихъ рубахами и шляпами".

Въ другой разъ посольство присутствовало на великомъ пиршествѣ, устроенномъ по случаю бракосочетанія нѣкоторыхъ внуковъ Тимура, и на которомъ присутствовалъ также внукъ Тимура, правитель Индіи, Пиръ Мухаммедъ. Обиліе и великолѣпіе этихъ пиршествъ производили сильное впечатлѣніе на посланниковъ, но особенно удивлялись они роскошнымъ шелковымъ шатрамъ и павильонамъ, устроеннымъ на подобіе зáмковъ, со множествомъ комнатъ каждый.

На этомъ празднествѣ присутствовала главная жена Тимура. Одѣта она была „въ длинное развѣвающееся красное шелковое платье, отороченное золотымъ кружевомъ. Платье это не имѣло таліи, и пятнадцать дамъ поддерживали концы его, чтобы дать ей возможность ходить. На головѣ у нея былъ, заканчивающійся султаномъ, головной уборъ изъ краснаго сукна, очень высокій, усѣянный большими жемчужинами, рубинами, изумрудами и другими драгоцѣнными камнями и украшенный золотымъ кружевомъ. На верхушкѣ убора помѣщался родъ маленькой башни, на коей были укрѣплены три очень большихъ и яркихъ рубина, а надъ всѣмъ этимъ возвышался высокій султанъ изъ перьевъ... Ея волосы, которые были очень черны, были распущены по плечамъ, а они цѣнятъ черные волосы гораздо выше всякихъ другихъ. Ее сопровождали триста дамъ", а когда она садилась, то „три дамы поддерживали ея головной уборъ руками, чтобы онъ не свалился на бокъ". Другія жены Тимура наряжены были не менѣе пышно. „Въ этотъ день у нихъ было много потѣхи съ четырнадцатью слонами, которыхъ они заставляли бѣжать вмѣстѣ съ лошадьми и людьми, что было очень забавно. Когда они бѣжали всѣ вмѣстѣ, то казалось, что земля дрожитъ... Въ этой ордѣ, которую собралъ владѣтель, находилось около че-

тырнадцати или пятнадцати тысячъ палатокъ, что представляло собою очень красивое зрѣлище".

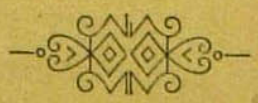
Посольство было чествуемо празднествами въ описанномъ выше родѣ каждый день своего пребыванія при дворѣ Тимура, и, наконецъ, было отпущено съ почетными подарками. Обратный путь испанскаго посольства былъ совершенъ почти тою же дорогой, по которой они пришли. Домой посольство возвратилось 24 марта 1406 года, послѣ почти трехлѣтняго отсутствія.

Описаніе путешествія испанскаго посольства цѣнно для насъ въ томъ отношеніи, что даетъ вѣрную, хотя и блѣдную, картину двора великаго воина-короля. Но, въ силу своей блѣдности, это описаніе въ то же время доставляетъ намъ и разочарованіе, такъ какъ не даетъ намъ того живого, жизненнаго облика этого великаго человѣка, который оно могло бы дать. Можетъ быть, наиболѣе цѣннымъ впечатлѣніемъ, получаемымъ нами изъ чтенія этого описанія, будетъ то, что умственное превосходство испанскихъ пословъ, которое мы подразумѣваемъ à priori и безъ разсужденія, выдѣляется гораздо меньше, чѣмъ можно было ожидать. Офицеры Тимура не кажутся намъ особенно грубыми или невѣжественными, сравнительно съ испанскими рыцарями. Дворъ Тимура не былъ простымъ сборищемъ его служащихъ. Онъ былъ организованъ по плану не менѣе правильному, чѣмъ дворъ испанскаго короля. При этомъ дворѣ особые чины имѣли и особыя преимущества. Такъ, придворный чиновникъ, имѣвшій титулъ *тархана*, владѣлъ тѣмъ правомъ, что ни самъ онъ, ни его дѣти не могли быть привлечены къ отвѣтственности за свои дѣянія, пока число ихъ преступленій не превышало девяти. Титулъ *тархана* былъ наслѣдственнымъ. Самъ Тимуръ былъ гораздо болѣе важной особой, чѣмъ любой изъ западно-европейскихъ правителей, ему современныхъ.

Въ видахъ составленія лучшаго представленія о личности Тимура, намъ необходимо теперь принять во вниманіе повѣствованія туземныхъ историковъ Индіи и собственные мемуары Тимура. При разсмотрѣніи туземныхъ исторій, мы можемъ, безъ ущерба для дѣла, оставить безъ разсмотрѣнія хронологическій перечень событій его царствованія, и это потому, что событія эти представляютъ собою ни что иное, какъ длинный рядъ разрушительныхъ набѣговъ въ широкомъ масштабѣ, въ существенныхъ чертахъ совершенно одинаковыхъ. Поэтому, описаніе и уразумѣніе одного изъ такихъ событій равносильно описанію и уразумѣнію всѣхъ.

(Окончаніе будетъ).

Съ англійскаго перевелъ **Н. Гр.**



Тамерланъ Великій.

(Окончаніе).

Жизнь Тимура въ описаніи туземныхъ историковъ.

Туземные историки и поэты сохранили и передали потомству нѣсколько разсказовъ о дѣйствіяхъ Чингизъ-хана и нѣсколько его изреченій. Эти разсказы и изреченія вполнѣ могутъ замѣнить собою описанія военной жизни Тимура. О Чингизѣ въ одномъ изъ современныхъ стихотвореній говорится такъ: „куда ни обращалъ онъ своего боевого коня, вездѣ онъ поднималъ пыль, смѣшанную съ кровью". Ниже мы приводимъ письмо Чингиза, коимъ онъ требовалъ выдачи сокровищъ Бухары. Такое точно письмо могло быть написано и Тимуромъ старѣйшинамъ любого изъ завоеванныхъ имъ городовъ, какъ разъ въ тотъ ужасный моментъ, когда его солдаты выгоняли изъ города жителей, какъ стадо барановъ, на окружающія равнины до полнаго очищенія города, и какъ разъ передъ началомъ разграбленія города. Письмо это заканчивается такъ: „ о, люди, Бухары! вы оказались повинными въ безмѣрныхъ преступленіяхъ. Поэтому гнѣвъ Бога, орудіемъ мщенія Котораго я являюсь, употребилъ меня противъ васъ. Спрашивать отчета о всякомъ имуществѣ, находящемся въ этомъ городѣ, которое осталось на виду, было-бы безполезно. Мое требованіе состоитъ въ томъ, чтобы вы выдали немедленно все то, что спрятано" Дрожащіе старѣйшины указываютъ мѣста, гдѣ скрыты сокровища. Солдаты грабятъ и растаскиваютъ городское имущество. Несчастное населеніе согнано въ кучу на поляхъ. Черезъ нѣсколько дней большое количество плѣнныхъ начинаетъ тяготить обремененное добычей войско. Ремесленниковъ и ученыхъ отдѣляютъ отъ остальной толпы и отправляютъ для заселенія какого-нибудь изъ городовъ завоевателя, напр. Кеша или Самарканда. Остальныхъ, потерявшихъ уже надежду, жителей распредѣляютъ на отрядцы въ 10—20 человѣкъ, и монгольскому воину дается приказаніе убить ихъ и доставить къ заходу солнца десять или двадцать человѣческихъ головъ на предметъ сооруженія отвратительнаго памятника, имѣющаго увѣковѣчить эту бойню. Послѣ взятія Багдада было выстроено сто двадцать такихъ пирамидъ изъ человѣческихъ головъ. Иногда

эти пирамиды строились „инженерами“ Тимура, при чемъ въ нихъ задѣлывались цѣлыя тѣла побѣжденныхъ при посредствѣ кирпича, глины и известки. Въ одномъ случаѣ для такого памятника послужили матеріаломъ двѣ тысячи плѣнныхъ, нѣкоторые изъ коихъ были еще живы.

Когда какой-нибудь завоеванный городъ подвергался разграбленію, стѣны его обычно сравнивались съ землей и на мѣстѣ этомъ высѣвалось зерно. Могилы святыхъ не только щадились, но часто украшались и расширялись. Невѣрные, т. е. не признававшіе единства Божія и посланничества Его пророка Магомета, почти неизмѣнно подвергались избіенію, опять же за исключеніемъ ремесленниковъ. „Половинѣ гарнизона были перерѣзаны глотки; другая половина гарнизона была сброшена съ укрѣпленій внизъ“,— такъ гласитъ одна запись въ дневникѣ Тимура.

Послѣ взятія Чингизъ-ханомъ Бухары, дальнѣйшая исторія завоеваній Чингиза описывается однимъ изъ пострадавшихъ въ слѣдующихъ немногихъ словахъ: „Монголы приходили, разрушали, сжигали, умерщвляли, грабили и уходили“. Въ этомъ одномъ предложеніи, можно сказать, очерчена исторія и всѣхъ набѣговъ Тимура. Всѣ они были на одинъ ладъ. Вотъ напр., собственный разсказъ Тимура объ одномъ такомъ избіеніи, имѣвшемъ мѣсто въ 1387 году. Это избіеніе, кстати сказать, было ознаменовано постройкой пирамиды изъ 70,000 человѣческихъ головъ, оштукатуренной потомъ глиной.

„Я завоевалъ городъ Испагань и я довѣрялъ населенію Испагани и передалъ въ ихъ руки замокъ. И они взбунтовались и убили три тысячи моихъ солдатъ. И я также приказалъ совершить общее избіеніе жителей Испагани“.

Состояніе подвергшейся набѣгу области описывается болѣе раннимъ писателемъ такъ: „было много такихъ, которыхъ снѣдалъ страхъ, и стоялъ глухой и невнятный гулъ, подобный рокоту барабана, закрытаго одѣяломъ“.

Экспедиція Тимура въ Индію была, безъ сомнѣнія, предпринята въ разсчетѣ на богатую добычу. Тѣмъ не менѣе его мемуары („его лживые мемуары“, какъ называетъ ихъ одинъ англійскій комментаторъ) говорятъ, что онъ былъ увлеченъ въ это предпріятіе желаніемъ добыть себѣ титулъ *гази*, побѣдителя невѣрныхъ и многобожниковъ. Касательно этой экспедиціи онъ совѣтывался съ своими князьями и вельможами. Всѣ они были на сторонѣ похода въ Индію, при чемъ одни изъ нихъ указывали на одно побужденіе, другіе на другое. Такъ, напр., князь Магометъ Султанъ относился благопріятно къ этому походу въ виду „семнадцати минъ“, находящихся въ Индіи. Одна изъ этихъ минъ, по его убѣжденію, была миною золота, другая—желѣза и послѣдняя была „мина стали“.

Завоеваніе Тимуромъ Индіи положило основаніе Монгольской Индійской имперіи и имѣетъ значеніе, главнымъ образомъ, въ этомъ отношеніи. Что касается частностей, отдѣльныхъ моментовъ этого завоеванія, то отъ другихъ набѣговъ Тимура оно отличалось только своимъ громаднымъ размѣромъ. Тимуръ перешелъ горы Гиндукушъ весною 1398 года и въ декабрѣ того же года былъ провозглашенъ императоромъ города и области Дели. Путь Тимура былъ отмѣченъ кровопролитіемъ и разрушеніемъ, и самый го-

родъ Дели былъ отданъ на пятидневное разграбленіе. Пятнадцать дней только оставался Тимуръ въ стѣнахъ города, и мартъ мѣсяцъ 1399 года застаетъ его уже далеко за предѣлами Индіи въ походѣ противъ турецкаго султана Баязета, умершаго потомъ плѣнникомъ въ лагерѣ Тимура. Пока Тимуръ былъ живъ, офиціальныя моленія въ Дели возносились отъ его имени, а послѣ его смерти отъ имени его сына.

Во время похода Тимура въ Индію, въ его руки попало болѣе ста тысячъ индусовъ-плѣнниковъ. Такое грамадное количество плѣнныхъ вызвало среди войскъ Тимура опасеніе, какъ бы плѣнные не возстали. Кромѣ того, масса плѣнныхъ являлась большой обузой для войска. Тимуру былъ данъ совѣтъ убить плѣнниковъ. „Тимуръ послушался этого разсудительнаго и мудраго совѣта и отдалъ распоряженіе привести его въ исполненіе". Согласно этому распоряженію всѣ плѣнники были умерщвлены „мечомъ священной войны". Можно думать, что самимъ кровожаднымъ палачамъ была противна эта бойня, ибо въ разсказѣ объ этомъ событіи повѣствуется, между прочимъ, что „одинъ изъ важнѣйшихъ духовныхъ лицъ, не убившій въ своей жизни даже овцы, закололъ мечомъ пятнадцать индусовъ" въ этотъ памятный день.

Ужасныя по своимъ размѣрамъ почти стихійныя опустошенія, производимыя ордами Тимура, вызывали въ подвергшихся его нашествію странахъ всеобщее убѣжденіе, что эти опустошенія являются наказаніемъ Божіимъ. Это пассивное подчиненіе восточныхъ народовъ стихійнымъ бѣдствіямъ нашло себѣ яркое выраженіе въ фатализмѣ ислама. Ниже мы приводимъ отрывокъ, который можно счесть написаннымъ о Тимурѣ, хотя, на самомъ дѣлѣ, онъ относится къ другому лицу: „въ то время, когда страница творенія была еще пустой, и ничто не приняло еще формы или облика, Высшая Мудрость, въ видахъ сохраненія правильности и порядка въ мірѣ, опредѣлила судьбу каждаго человѣка и отдала ключъ къ разрѣшенію всякаго затрудненія въ руки человѣка, одареннаго соотвѣтствующими талантами. Опредѣленное время было установлено для всего, и, когда это время приходитъ, всѣ препятствія устраняются (съ пути избраннаго человѣка)".

Хотя Тимуръ оставилъ мемуары, написанные, будто бы, имъ самимъ, однако, болѣе вѣроятно, что мемуары эти представляютъ собою трудъ его чиновниковъ, просмотрѣнный самимъ императоромъ. Передаютъ, что секретари Тимура записывали каждое важное событіе его царствованія, какъ то принято на Востокѣ, и что Тимуръ, время отъ времени, приказывалъ прочитывать себѣ эти записи, исправляя ихъ или по собственнымъ своимъ воспоминаніямъ, или по свидѣтельству очевидцевъ описываемыхъ событій. Монголы времени Тимура употребляли алфавитъ, введенный въ употребленіе несторіанскими миссіонерами. Сто лѣтъ спустя императоръ Бабуръ изобрѣлъ спеціальный алфавитъ для тюркскаго языка.

Тимуръ велъ свою родословную отъ Абуаль-Атрака, „отца тюрковъ", сына Іафета. Прапрадѣдъ Тимура былъ чѣмъ то въ родѣ перваго министра у Джагатая, сына Чингизъ-хана. Непорочное зачатіе Аланъ-Куи, общей прародительницы Чингизъ-хана и Тимура, было обязательнымъ вѣрованіемъ при дворѣ Тимура. Отецъ Тимура, Тургай, былъ вождемъ племени баруласъ

(берлаи) и правителемъ города Кеша, гдѣ Тимуръ и родился. При жизни отца, будучи еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, Тимуръ съ успѣхомъ командовалъ отрядомъ въ тысячу человѣкъ. Послѣ смерти отца и особенно по смерти покровителя Тимура Эмира Казагана, владѣтеля земель за Аму-Дарьей, дѣла Тимура оказались въ очень плохомъ положеніи. Неоднократно ему приходилось для спасенія своей жизни скрываться въ пустынѣ. Онъ самъ говоритъ, что временами у него бывало не болѣе сотни послѣдователей, а частенько всего одинъ или два. Несмотря на это, Тимуръ продолжалъ оставаться вождемъ своего племени, а потому не переставалъ быть лицомъ вліятельнымъ. Кромѣ того, приверженцы его были людьми знатнаго происхожденія, храбрыми и предпріимчивыми. Вотъ любопытный и заслуживающій вниманія собственный разсказъ Тимура о времени, когда дѣла его стали налаживаться.

„Не успѣлъ еще я окончить своихъ молитвъ, какъ вдали показались всадники. Они шли параллельно горамъ. Я сѣлъ верхомъ и подъѣхалъ къ нимъ сзади съ цѣлью узнать, какого сорта и какіе это люди. Ихъ всѣхъ было семьдесятъ человѣкъ. И я обратился къ нимъ съ такими словами: „воины, кто вы такіе?“ И они отвѣчали мнѣ: „мы слуги эмира Тимура и мы блуждаемъ по пустынѣ въ поискахъ за нимъ, и вотъ, мы его не находимъ“. И я сказалъ: „я также одинъ изъ слугъ его, какъ вамъ покажется, если я проведу васъ туда, гдѣ онъ находится?“ И одинъ изъ нихъ пришпорилъ свою лошадь и извѣстилъ трехъ начальниковъ, говоря: „мы нашли человѣка, который можетъ провести насъ къ эмиру Тимуру“. Начальники распорядились привести проводника. Когда взоры начальниковъ остановились на мнѣ, они были подавлены радостью. И они сошли съ коней, и пришли, и опустились на колѣни, и цѣловали мое стремя. Я тоже сошелъ съ коня и принялъ ихъ въ свои объятія. И я надѣлъ мой тюрбанъ на голову одного изъ нихъ и мой поясъ на другого и мой халатъ на третьяго. И они проливали слезы и я тоже. Когда пришелъ часъ молитвы, мы молились вмѣстѣ, и я устроилъ пиршество“.

Картина, рисуемая вышеприведеннымъ разсказомъ, весьма напоминаетъ намъ нравы Ирокезовъ. Описанная встрѣча могла быть встрѣчей Ункаса и Чингакгока. А послѣ пира всѣ они были готовы немедленно пуститься въ набѣгъ, убивать, жечь, мучить, воровать скотъ, сражаться или бѣжать безъ оглядки,—смотря по тому, что въ данный моментъ оказалось-бы удобнѣе.

Тимуръ „былъ хорошаго роста, блондинъ, съ открытымъ взглядомъ и обладалъ пронзительнымъ голосомъ“. Потомокъ Тимура, индійскій императоръ Джахангиръ говоритъ, что въ его время не было подлиннаго портрета Тимура. Знаменитая гравюра Рембрандта (№ 270), мнѣ кажется, отлично выражаетъ характеръ Тимура: силу, терпѣніе, лукавство; равно какъ другая гравюра Рембрандта (№ 289) можетъ сойти за портретъ Чингизъ-хана. Почти навѣрное можно сказать, что Тимуръ былъ неграмотенъ и что его мемуары написаны не его рукой, хотя, безъ сомнѣнія, они часто передаютъ его подлинныя слова. Одинъ изъ фирмановъ Тимура былъ скрѣпленъ отпечаткомъ его руки, смоченной въ красномъ чернилѣ. Всѣ его фирманы, къ

слову сказать, достойны того, чтобы быть скрѣпленными не красными чернилами, а кровью. Ниже мы приводимъ знаменитый анекдотъ о муравьѣ, находящійся въ персидской версіи жизни Тимура.

„Я принужденъ былъ однажды", разсказываетъ Тимуръ, „скрываться отъ своихъ враговъ въ разрушенномъ строеніи. Съ цѣлью отвлечь умъ отъ грустныхъ размышленій о безнадежномъ состояніи своихъ обстоятельствъ, я сталъ внимательно наблюдать за муравьемъ, который пытался втащить на высокую стѣну пшеничное зерно. Шестьдесятъ девять разъ зерно падало на землю, но насѣкомое настойчиво продолжало свое предпріятіе и на семьдесятой попыткѣ зерно достигло, наконецъ, верхушки стѣны. Неутомимость муравья ободрила меня въ это тяжелое для меня время и я никогда потомъ не забывалъ этого урока".

Почти въ самомъ началѣ своей карьеры (въ 1370 г.) Тимуръ принялъ въ свой лагерь самаго виднаго представителя потомковъ пророка эмира Сеида Беррекку (предкомъ Берреки были Али) и возвратилъ ему доходы отъ имуществъ, посвященныхъ мечетямъ или пожертвованныхъ для религіозныхъ цѣлей. Самая сердечная искренняя дружба завязалась между святымъ человѣкомъ и знаменитымъ воиномъ, дружба, продолжавшаяся до самой смерти Сеида. Можно думать, что осторожная политика первыхъ годовъ появленія Тимура на политическомъ горизонтѣ была результатомъ этой дружбы. Во всякомъ же случаѣ, несомнѣнно, что исходившія отъ Тимура широковѣщательныя изъявленія преданности исламу были обязаны своимъ появленіемъ именно этой дружбѣ. Тимуръ принадлежалъ къ сектѣ Али, т. е. былъ шіитомъ. Несмотря на всѣ старанія, мнѣ не удалось прослѣдить, когда именно потомки Тимура сдѣлались суннитами, но Бабуръ (1500 г.) ясно говоритъ, что въ его время всѣ обитатели Самарканда были правовѣрными суннитами.

Тимуровы правила управленія.

Тимуръ установилъ двѣнадцать правилъ для управленія государствомъ. Нижеслѣдующія выборки взяты изъ той части его уставовъ, въ которой идетъ рѣчь объ этихъ правилахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что во многихъ случаяхъ эти отрывки представляютъ собою подлинныя слова Тимура.

„Лицъ, отличающихся мудростью, разсужденіемъ, бдительностью и осмотрительностью, равно какъ старцевъ, одаренныхъ знаніемъ и предусмотрительностью, я допустилъ къ своимъ приватнымъ совѣщаніямъ. Я находился въ общеніи съ ними и я получилъ пользу и пріобрѣлъ опытность изъ разговоровъ съ ними. На солдата и на (обыкновеннаго) подданнаго я смотрѣлъ одинаково. И такова была дисциплина между моими войсками и моими подданными, что одни никогда не терпѣли несправедливости или притѣсненія отъ другихъ".

„Изъ среды людей мудрыхъ и благоразумныхъ, которые заслуживали всякаго довѣрія, которые были достойны быть совѣтниками въ дѣлѣ управленія государствомъ и которымъ я могъ довѣрить тайныя дѣла моей импе-

ріи,—(изъ среды такихъ людей) избралъ я нѣкоторое число лицъ, которыхъ я сдѣлалъ повѣренными моихъ тайнъ; и всѣ мои важныя и скрытыя дѣйствія и мои сокровенныя мысли и намѣренія открылъ я имъ".

„При посредствѣ вазировъ, секретарей и писцовъ я далъ порядокъ и правильность моимъ общественнымъ совѣщаніямъ; ихъ заставилъ я держать зеркало моего управленія государствомъ,—въ каковомъ (зеркалѣ) они показывали мнѣ дѣла моей имперіи и предпріятія моихъ армій и моего народа; и они держали мою казну богатой; и они обезпечивали довольство и благоденствіе моимъ солдатамъ и моимъ подданнымъ; и надлежащими и искусственными мѣрами они исправляли несчастія, случавшіяся въ имперіи; и они держали въ порядкѣ правительственные доходы и расходы; и они всячески старались увеличить изобиліе и населеніе во всѣхъ моихъ владѣніяхъ".

„Людей, свѣдущихъ въ медицинѣ навыкшихъ въ искусствѣ врачеванія, астрологовъ и геометровъ, которые существенно необходимы для достоинства имперіи, я собиралъ вокругъ себя. И при помощи врачей и хирурговъ я давалъ здоровье больнымъ, съ помощью астрологовъ я узнавалъ благосклонное или враждебное положеніе звѣздъ, ихъ движеніе и обращеніе небесъ; а съ помощью геометровъ и архитекторовъ я разбилъ сады и спланировалъ и воздвигъ великолѣпныя зданія".

„Историковъ и такихъ людей, которые обладали познаніями и свѣдѣніями, я допустилъ къ своей особѣ; и отъ этихъ людей я слышалъ о жизни пророковъ и патріарховъ, объ исторіи древнихъ царей, о событіяхъ (способахъ), посредствомъ которыхъ они достигли царской власти и о причинахъ упадка ихъ власти, и изъ этихъ исторій и разсказовъ о царяхъ, и изъ нравовъ и поведенія каждаго изъ нихъ я пріобрѣталъ опытность и знаніе; и отъ этихъ людей я слышалъ описанія и преданія различныхъ частей земного шара и пріобрѣталъ свѣдѣнія о положеніи царствъ земли".

„Я поощрялъ путешественниковъ и всякаго рода странниковъ (изъ жителей) всякой страны, чтобы они могли сообщать мнѣ свѣдѣнія и (докладывать) о дѣйствіяхъ окружающихъ народовъ; и я назначилъ купцовъ и начальниковъ каравановъ, (поставивъ имъ въ обязанность) ѣздить во всѣ государства и во всѣ страны, чтобы они могли доставлять мнѣ всѣ виды дорогихъ товаровъ и рѣдкихъ диковинокъ изъ... Индостана и изъ городовъ Аравіи... и съ острововъ христіанскихъ, чтобы они могли давать мнѣ свѣдѣнія о мѣстоположеніи и о нравахъ и обычаяхъ туземцевъ и обитателей тѣхъ странъ, и чтобы они могли наблюдать и сообщать мнѣ о поведеніи правителей всякаго государства и всякой страны въ отношеніи ихъ подданныхъ".

Наставленія Тимура касательно собиранія податей очень полны. Слѣдующія выдержки даютъ понятіе о ихъ формѣ и содержаніи.

„И я повелѣлъ, чтобы эмиры... ни въ какомъ случаѣ не требовали больше, чѣмъ (опредѣляютъ) установленныя таксы и пошлины. И на каждую область... по моему предписанію были назначены два надсмотрщика; чтобы одинъ изъ нихъ имѣлъ наблюденіе за собираніемъ налоговъ и досматривалъ за предпріятіями обитателей, чтобы они не впали въ бѣдность и чтобы ихъ начальникъ не обижалъ и не притѣснялъ ихъ.., и чтобы дру-

гой надсмотрщикъ велъ учетъ общественнымъ издержкамъ и распредѣлялъ (поступившія) подати между солдатами".

„И я отдалъ приказъ, что при собираніи налоговъ съ подданнаго, можно въ случаѣ необходимости пускать въ ходъ застращиванія или угрозы, но ни въ коемъ случаѣ не кнуты и не плети. Губернаторъ, авторитетъ котораго ниже силы плети, недостоенъ управлять. Я предписалъ, чтобы налоги и подати взимались въ такомъ размѣрѣ, чтобы они не вредили благосостоянію подданныхъ и не вели къ обезлюдиванію страны". *)

„И я предписалъ, на случай, если богатый и могущественный будетъ притѣснять болѣе бѣднаго подданнаго и повредитъ ему или уничтожитъ его собственность,—чтобы сумма равная причиненному убытку, была взыскана съ богатаго притѣснителя и отдана потерпѣвшему, чтобы (такимъ образомъ) послѣдній былъ возстановленъ въ своемъ прежнемъ имущественномъ положеніи".

„Я назначилъ *суддура*, человѣка святой жизни и славнаго достоинства, наблюдать за поведеніемъ правовѣрныхъ, чтобы онъ могъ вводить порядокъ въ нравы времени и назначать старѣйшихъ на священныя должности и поставлять въ каждомъ большомъ городѣ и въ каждомъ маленькомъ городкѣ проницательнаго судью и искуснаго въ законѣ ученаго и надсмотрщика за рынками, за вѣсами и за мѣрами".

„И я поставилъ судью для арміи и судью для подданныхъ, и я послалъ въ каждую область и въ каждое царство учителя закона, чтобы онъ отвращалъ правовѣрныхъ отъ тѣхъ вещей, которыя запрещены, и велъ ихъ къ истинѣ".

„И я предписалъ, чтобы въ каждомъ маленькомъ городкѣ и въ каждомъ большомъ городѣ были основаны: мечеть, школа, монастырь, богадѣльня для бѣдныхъ и нуждающихся и больница для больныхъ и немощныхъ, и чтобы назначенъ былъ врачъ для попеченія о больницѣ; и чтобы въ каждомъ городѣ выстроенъ былъ казенный домъ и судъ для отправленія правосудія, и чтобы назначены были надсмотрщики для наблюденія за обрабатываемыми землями и за землепашцами".

„И я повелѣлъ, чтобы они выстроили молитвенные дома и монастыри въ каждомъ городѣ, и чтобы на большихъ дорогахъ они воздвигли строенія для принятія путешественниковъ и чтобы они устроили мосты черезъ рѣки".

„И я повелѣлъ, чтобы разрушенные мосты были исправлены, и чтобы (новые) мосты были сооружены черезъ рѣчки и черезъ рѣки; и чтобы на дорогахъ воздвигнуты были караванъ-сараи, одинъ отъ другого на разстояніи перехода; и чтобы стражи и сторожа разставлены были по дорогамъ, и чтобы люди назначены были для обитанія въ каждомъ караванъ-сараѣ, и и чтобы наблюденіе за дорогами и охрана дорогъ лежали на нихъ и чтобы стражи эти отвѣтственны были за все украденное у неосторожнаго путешественника".

„И я приказалъ, чтобы *суддуръ* и судья, время отъ времени, доводили до меня свѣдѣнія о церковныхъ дѣлахъ моей имперіи, и я назначилъ

---

*) *Примѣч.* Въ казну поступала третья часть валового дохода обрабатываемой земли. Налогъ этотъ оставался такимъ и въ Индіи при преемникахъ Тимура.

судью справедливости, чтобы онъ докладывалъ мнѣ всѣ гражданскія тяжебныя дѣла, которыя случались между моими войсками и моими подданными".

Если бы вышеприведенныя правила и постановленія были единственнымъ источникомъ нашихъ сужденій о Тимурѣ, то мы думали бы о Тимурѣ, какъ о просвѣщенномъ монархѣ, нѣсколько суровомъ, можетъ быть, но не безъ милости. Въ приведенныхъ выдержкахъ мы не находимъ ничего такого, что не могло бы быть написано, скажемъ, Людовикомъ XIV французскимъ въ качествѣ наставленія губернаторамъ Дофинэ или Лангедока. Дѣло обстоитъ, однако, далеко не такъ. Какъ ни тяжка была судьба французскаго крестьянина того времени, изнывавшаго подъ полуфеодальнымъ правленіемъ его многочисленныхъ господъ,—мы знаемъ, все же, что его судьба была самой свободной сравнительно съ состояніемъ подданныхъ Тимура. Какъ же примирить приведенныя выше либеральныя правила съ извѣстными намъ и совершенно противоположными имъ фактами?

Въ данномъ случаѣ мы, прежде всего, должны помнить, что мемуары Тимура писаны были на склонѣ его жизни, когда онъ желалъ оставить по себѣ какой-нибудь памятникъ, который могъ бы поставить его наравнѣ съ самыми выдающимися личностями изъ тѣхъ царей и султановъ, которыхъ онъ одолѣлъ. Багдадъ и Дамаскъ въ то время, когда Тимуръ ихъ разрушилъ были сѣдалищами учености. Тѣ мечети и училища, которыя Тимуръ воздвигъ въ Самаркандѣ, вполнѣ могли соперничать со зданіями указанныхъ великихъ городовъ. Правитель Самарканда желалъ жить и въ воспоминаніяхъ людскихъ вмѣстѣ съ великими калифами, какъ царь мудрый и покровитель учености. Это желаніе побудило Тимура набросить на всѣ свои дѣйствія нѣкотораго рода таинственность, загадочность. Помимо того, онъ имѣлъ великое почтеніе къ законамъ Чингизъ-хана и желалъ оставить послѣ себя такого же рода кодексъ, который-бы былъ въ почтеніи у его преемниковъ. Одинъ изъ біографовъ Тимура обвиняетъ его даже въ томъ, что Тимуръ цѣнилъ законы Чингизъ-хана выше Корана, и во многихъ отношеніяхъ его управленіе доказываетъ, что обвиненіе это справедливо. Политическимъ идеаломъ Чингизъ-хана было образованіе военнаго государства, власть надъ которымъ сосредоточивалась-бы всецѣло въ рукахъ правителя. Чингизъ-ханъ жилъ достаточно долго для того, чтобы въ значительной степени, осуществить этотъ идеалъ и показать своимъ преемникамъ возможность сплотить десятки отдѣльныхъ племенъ въ нѣкоторое подобіе націи. Во дни Тимура теоретическимъ обоснованіемъ государства былъ законъ Корана. Тимуръ громко изъявлялъ свою преданность исламу, онъ былъ ревностнымъ строителемъ мечетей и щедрою рукою сыпалъ деньги на религіозныя цѣли и учрежденія, но во всѣхъ государственныхъ дѣлахъ онъ руководился законами Чингиза, а не Магомета. Магометанское правило: „всѣ магометане—братья", принижаетъ, если совсѣмъ не унижаетъ значенія народности, какъ на то часто указывалось. Тимуръ никогда не позволялъ этой теоріи замѣнить собою существовавшій съ незапамятныхъ временъ обычай, послужившій основаніемъ и источникомъ законовъ Чингизъ-хана. Я полагаю, что громадное большинство дружинниковъ Тимура мало заботилось о какой-бы то ни было религіи и было вѣрно своему

повелителю изъ-за страха наказанія и въ надеждѣ на богатую добычу. Это во-первыхъ.

Во вторыхъ, Тимуръ, въ свое время и въ своемъ родѣ, дѣйствительно былъ въ высокой степени мудрымъ государемъ. Мало того, что онъ былъ однимъ изъ величайшихъ полководцевъ. Онъ, въ тоже время, „позналъ неисчислимое преимущество, которое мудрость имѣетъ надъ силой", а опытъ научилъ его, что гражданскаго подданнаго можно отягощать только до извѣстной степени, и что полученнаго въ такомъ размѣрѣ совершенно достаточно для удовлетворенія нуждъ его армій и для блеска его царствованія. Мы не допускаемъ ни на минуту, конечно, что Тимура одушевляло искреннее желаніе блага землепашцу, какъ то было съ однимъ изъ его потомковъ, но то внѣ всякаго сомнѣнія, что долгій опытъ управленія государствомъ убѣдилъ его въ томъ, что для правильнаго поступленія налоговъ необходимо обезпечить земледѣльцу право собственности на землю. Управленіе Тимура было сообразовано съ тѣмъ, что онъ видѣлъ въ Персіи, Сиріи и Турціи. Почти всѣ его правила такого сорта, что могли бы быть написаны любымъ добрымъ мусульманиномъ, подобнымъ его другу Сеиду Берреке. Правила эти ни въ коемъ случаѣ не могутъ быть приписаны къ самостоятельной мысли Тимура. Онѣ скорѣе показываютъ, что практическая мудрость древнихъ монарховъ Востока была оцѣнена въ значительной степени, по крайней мѣрѣ теоретически, потомкомъ тюркскихъ пастуховъ. И, какъ показываетъ фактъ занесенія ихъ въ мемуары Тимура, правила эти дѣйствительно были оцѣнены. Однако, въ качествѣ дѣйствующаго кодекса законовъ во всѣхъ владѣніяхъ Тимура—онѣ усвоены не были.

Опять же мы должны помнить, что просвѣщеніе имперіи Тимура ограничивалось весьма немногими городами, а ученость—очень небольшимъ числомъ богослововъ и людей науки. Военные вожди были людьми безграмотными и глубоко необразованными*) хотя они стояли неизмѣримо выше

---

*) *Примѣч.* Культура арабовъ начала уже, однако, въ это время проникать въ верхніе слои арміи. Нижеслѣдующій анекдотъ очень интересенъ, какъ показатель того, какъ слились старые и новые идеалы благородства. „Во время преслѣдованія Багдадскаго султана (Ахметъ ханъ, 1403 г.) двое изъ офицеровъ Тимура погибали отъ жажды. Послѣ долгихъ поисковъ, они въ состояніи были добыть только два небольшихъ сосуда съ водой. Аибаджъ Огланъ (Aibaj Oghlan) опорожнилъ одинъ сосудъ и объявилъ своему товарищу Джелалъ Гамиду, что онъ умретъ, если не выпьетъ остальной воды Джелалъ вспомнилъ тогда разсказъ объ одномъ персѣ, находившемся въ такихъ же точно обстоятельствахъ, который сказалъ своему товарищу арабу: „великодушіе арабовъ такъ прославлено, что сдѣлалось общей поговоркой. Было бы отличнымъ доказательствомъ этого великодушія, если-бы, для спасенія меня отъ вѣрной смерти, ты уступилъ мнѣ и свою воду также". Чтобы поддержать репутацію своего народа, арабъ отдалъ персу свою часть воды Джелалъ продолжалъ: „я хочу подражать этому арабу и я отдамъ тебѣ свою воду, но подъ тѣмъ условіемъ, что ты извѣстишь князей нашего рода объ этомъ самопожертвованіи, чтобы, такимъ образомъ, память объ этомъ славномъ дѣяніи поспособствовала прославленію потомковъ хана Джагатая и передавалась-бы, какъ примѣръ храбрости, нашимъ потомкамъ изъ рода въ родъ". Послѣ этихъ словъ Джелалъ отдалъ свою часть воды товарищу. Пріятно отмѣтить, что этотъ благородный офицеръ остался въ живыхъ.

Разсказы Боккачіо (1350 г.) свидѣтельствуютъ, что итальянцы его времени считали арабовъ своими учителями въ рыцарствѣ и, по меньшей мѣрѣ, равными себѣ въ искусствѣ, наукѣ и цивилизаціи.—Суть приведеннаго выше разсказа, мнѣ кажется, состоитъ въ томъ, что арабское рыцарство сдѣлалось также высшимъ идеаломъ и монгольскихъ вождей 1403 года, идеаломъ грубыхъ и свирѣпыхъ потомковъ Джагатая.

простыхъ ордынцевъ. Эти послѣдніе, повидимому, ничуть не были выше индійскаго племени гуроновъ, насколько тѣ извѣстны намъ по реляціямъ іезуитовъ. Обработанная земля занимала сравнительно небольшое пространство. Громадное большинство населенія было кочевниками, и эти кочевники измѣнились очень мало до сего дня тамъ, гдѣ ихъ не тронула культура другихъ народовъ. Только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они подпадали подъ вліяніе высшихъ расъ, какъ напримѣръ въ Китаѣ или Индостанѣ, приняли они нѣкоторое подобіе культуры.

Постановленія Тимура, можетъ быть, относились теоретически ко всѣмъ частямъ его обширнѣйшей имперіи. Достовѣрно извѣстно, однако, что онѣ нигдѣ въ царствѣ Тимура не проводились въ жизнь въ томъ просвѣщенномъ духѣ, которымъ дышатъ мемуары Тимура („эти лживые мемуары"), и что въ дѣйствительности онѣ имѣли силу только на главныхъ дорогахъ и въ непосредственномъ сосѣдствѣ большихъ или значительныхъ городовъ. Испанскіе послы, какъ мы видѣли выше, свидѣтельствуютъ, что населеніе „чрезвычайно боялось" Тимура и его слугъ.

Если мы будемъ разсматривать мемуары Тимура подъ указаннымъ угломъ зрѣнія, то они окажутся для насъ весьма важными. Прежде всего, громадный интересъ представляетъ то обстоятельство, что даже этотъ неограниченнѣйшій правитель заботится о томъ, чтобы явиться предъ потомствомъ въ качествѣ просвѣщеннаго государя. Ясно, затѣмъ, что Тимуръ глубоко задумывался надъ тѣмъ, что онъ слышалъ отъ мудрыхъ людей своего двора, равно какъ и надъ тѣмъ, что онъ самъ наблюдалъ въ чужихъ странахъ, которыя превосходили его государство въ отношеніи культуры. Какъ ни велики, поэтому, его военный геній и его военные успѣхи, мы принуждены отдать равную дань удивленія и его уму въ качествѣ правителя. Тимуровы правила управленія государствомъ вошли въ обиходное употребленіе при дворѣ императоровъ, его потомковъ, съ тѣмъ только различіемъ, что ихъ способы дѣйствій, несмотря на всю свою рѣшительность, были, сравнительно съ методами Тимура, гораздо болѣе мягкими. Двѣсти лѣтъ спустя, одинъ изъ потомковъ Тимура Акбаръ сумѣлъ провести правила Тимура въ дѣйствительную жизнь, и этого одного обстоятельства оказалось достаточно для того, чтобы за Акбаромъ навсегда упрочилась слава великаго государя.

Въ своихъ семейныхъ привязанностяхъ Тимуръ обнаруживалъ пылкость и преданность. Во время походовъ жены и дѣти сопровождали его на далекія разстоянія отъ Самарканда. Въ 1382 году умерла любимая дочь Тимура, и эта потеря повергла его въ такую глубокую и продолжительную печаль, что приближенные стали опасаться за судьбу государства, интересы котораго Тимуръ совершенно забросилъ. Смерть старшей сестры Тимура и его любимой жены въ 1383 году глубоко потрясли его. Онъ весь отдался горю и совсѣмъ пересталъ заниматься дѣлами, пока, наконецъ, важныя событія не вынудили его обратить на нихъ свое вниманіе. Тимуръ любилъ своихъ сыновей и гордился ими, что не мѣшало ему держать ихъ въ ежевыхъ рукавицахъ. Современныя извѣстія передаютъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ князья, дѣти Тимура, будучи уже людьми взрослыми и заслужен-

ными воинами, подвергались наказанію палками, наравнѣ съ послѣдними рабами.

Персидскій поэтъ Гафизъ былъ современникомъ Тимура, и о встрѣчѣ ихъ существуетъ слѣдующій анекдотъ. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній Гафизъ выразился такъ: „за черную родинку на его щекѣ я отдалъ бы города Самаркандъ и Бухару". Тимуръ, упрекая поэта за этотъ стихъ, сказалъ: „Своей хорошо закаленной саблей завоевалъ я большую часть свѣта для того, чтобы расширить Самаркандъ и Бухару, мои столицы и мѣстопребыванія; а ты, жалкое творенье, готовъ промѣнять эти два города на родинку". „О, повелитель свѣта", воскликнулъ Гафизъ, „благодаря такому великодушію и дошелъ я, какъ самъ ты видишь, до крайней бѣдности". Передаютъ, что Тимуръ былъ обезоруженъ этимъ остроумнымъ отвѣтомъ, и поэтъ возвратился во-свояси съ великолѣпными подарками.

Менѣе правдоподобный разсказъ передается о шуткѣ поэта Кермани, который, въ компаніи съ другими острословами, былъ въ банѣ съ Тимуромъ. Ханъ спросилъ поэта: „въ какую сумму оцѣнилъ бы ты меня, еслибы я былъ назначенъ для продажи?" „Въ сумму около двадцати пяти асперовъ", отвѣчалъ Кермани. „Да, вѣдь, этого стоитъ простыня, что на мнѣ", возразилъ Тимуръ. „Ну, конечно, я разумѣлъ простыню, потому что безъ нея ты и гроша не стоишь".

Мемуары Тимура передаютъ нѣсколько случаевъ, когда онъ былъ милостивъ къ покореннымъ правителямъ или къ жителямъ извѣстныхъ городовъ. Всѣ эти случаи относятся къ началу карьеры Тимура, т. е. къ тому времени, когда власть его не была еще крѣпкой и есть много основаній думать, что его милосердіе въ это время вызывалось исключительно политическими соображеніями. Тимуръ всегда гордился храбростью своихъ войскъ, но нигдѣ нельзя найти указанія на то, чтобы онъ сколько-нибудь жалѣлъ или заботился о нихъ, исключая, впрочемъ, одного случая. Дѣло было при возвращеніи Тимура изъ Индіи съ добычей. „На пути встрѣтилась рѣка, переправившись черезъ которую, я раскинулъ лагерь. Такъ какъ нѣкоторые изъ больныхъ воиновъ при переправѣ черезъ рѣку утонули, то я распорядился, чтобы всѣ мои лошади и верблюды были употреблены для перевозки больныхъ и слабыхъ. Въ этотъ день все войско переправилось черезъ рѣку". Тимуръ всегда очень щедро награждалъ оставшихся въ живыхъ послѣ сраженія воиновъ. Убитыхъ же воиновъ своей арміи онъ не оплакивалъ, да строго говоря, въ томъ не было и надобности для добраго мусульманина.

Въ самомъ началѣ своей политической дѣятельности Тимуръ, по его собственнымъ словамъ, открылъ „неисчислимое преимущество, которое мудрость имѣетъ надъ силой и (то), съ какими малыми средствами могутъ быть выполнены величайшія предпріятія". Онъ никогда не забывалъ этого урока. Въ существѣ дѣла, Тимуръ былъ нисколько не храбрѣе и не искуснѣе своихъ эмировъ, но онъ былъ гораздо хитрѣе ихъ, терпѣливѣе, постояннѣе и, что самое главное, обладалъ твердой и несокрушимой волей.

Объ отношеніи Тимура къ его военачальникамъ можно судить по слѣдующей выдержкѣ изъ его мемуаровъ: „*Тимуръ поучаетъ князей и эмировъ искусству веденія войны*". „Я устроилъ совѣщаніе; я призвалъ князей, эми-

ровъ, тысяченачальниковъ, стоначальниковъ и батырей авангарда. Всѣ они явились въ мою палатку. Всѣ мои воины были храбрые ветераны и мужественно сражались на моихъ глазахъ. Но изъ нихъ не было ни одного, кто-бы видѣлъ столько сраженій и битвъ, сколько видѣлъ я, и никто изъ нихъ не могъ сравниться со мной въ количествѣ войнъ, черезъ которыя я прошелъ, равно какъ и въ пріобрѣтенной въ бояхъ опытности *). И такъ, я давалъ имъ указанія касательно способа веденія войны; какъ вести и какъ отражать атаки; какъ строить свой отрядъ; какъ поддерживать другъ друга, и о всѣхъ предосторожностяхъ, которыя должно наблюдать на войнѣ... Когда я кончилъ, они засвидѣтельствовали свое одобреніе и, тщательно запомнивъ мои совѣты, разошлись по домамъ, выражая свои благопожеланія и благодарность".

Передъ отправленіемъ въ большой походъ, снаряженіе и запасы, предназначенные для арміи, приготовлялись подъ непосредственнымъ наблюденіемъ самого Тимура. Припасы и кормъ собирались и складывались въ опредѣленныя мѣста. Каждый солдатъ обязанъ былъ явиться въ строй съ лукомъ, тридцатью стрѣлами и мѣшкомъ для воды. Кромѣ того, на каждый десятокъ солдатъ должны были быть въ запасѣ: палатка, двѣ мотыки, заступъ, лопата, серпъ, пила, топоръ, веревка, котелъ, сотня иголокъ, шило,— помимо потребныхъ верховыхъ и вьючныхъ животныхъ. Снаряженіе, какъ видимъ, было скромное, исключая развѣ большого запаса иголокъ, но въ этомъ исчисленіи снаряженія (взятомъ нами изъ сочиненія Прайса: „Исторія магометанства") опущены: сабля, щитъ, булава, копье, дротикъ,—которыми, безъ сомнѣнія, были вооружены многіе воины. Въ исчисленіи этомъ ничего не говорится также о кожаныхъ курткахъ, подбитыхъ желѣзомъ, о шлемахъ и о ватныхъ стеганыхъ кирасахъ для всадниковъ и для лошади.

Самыя арміи Тимура были огромны. Такъ, для завоеванія Китая собрано было двѣсти тысячъ опытныхъ воиновъ. На смотрѣ войскъ въ Персіи фронтъ арміи протяженіемъ былъ больше семнадцати миль. Помимо регулярныхъ войскъ, подъ знамена Тимура стекалось, въ надеждѣ на богатую добычу, много войскъ иррегулярныхъ. Многія тысячи лагерныхъ прислужниковъ и плѣнниковъ имѣли обязанностью переносить и собирать фуражъ. Монгольскіе воины Тимура были подобны авганцамъ султана Балола: „они умѣли только ѣсть и умирать". Дикость этихъ воиновъ равнялась дикости краснокожихъ индѣйцевъ. Такъ, съ цѣлію осквернить одинъ индусскій храмъ, они наполняли свои сапоги кровью священныхъ коровъ и затѣмъ выливали ее на идола. „Бывъ побѣждены,—они не просятъ милости; побѣдивъ,—не оказываютъ милосердія".

„Главнымъ предметомъ моего похода въ Индостанъ", говоритъ Тимуръ, „въ связи съ которымъ пришлось перенести тяжкіе труды и лишенія, было достиженіе двухъ цѣлей. Первою цѣлью была война съ невѣрными, врагами магометанской вѣры, и желаніе, при посредствѣ этой религіозной войны, пріобрѣсти нѣкоторое право на награду въ жизни будущей. Вторая цѣль была мірская, (именно), чтобы исламская армія могла получить выгоды че-

*) *Примѣчаніе* Дѣло происходило въ Индіи въ 1398 году. Тимуру было тогда 62 года.

резъ разграбленіе богатствъ, принадлежащихъ невѣрнымъ, ибо грабежъ на войнѣ такъ же законенъ для мусульманъ, сражающихся за свою вѣру, какъ дозволено имъ молоко ихъ матерей".

„Я не былъ въ состояніи", говоритъ Тимуръ, „осуществить мои обширныя завоеванія безъ нѣкотораго насилія и (безъ) уничтоженія большого числа правовѣрныхъ; но теперь я рѣшился сдѣлать доброе и великое дѣло, которое послужитъ искупленіемъ всѣхъ моихъ грѣховъ. Я предполагаю искоренить въ Китаѣ язычниковъ. И вы, мои дорогіе товарищи, бывшіе орудіемъ многихъ моихъ преступленій, (и вы) будете участниками заслугъ этого великаго покаяннаго подвига". Къ счастью, для невѣрныхъ Китая Тимуръ умеръ въ самомъ началѣ этой кампаніи.

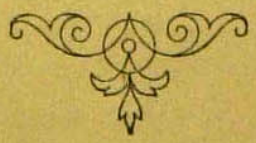
Почти сорокъ кампаній сдѣлалъ Тимуръ, опустошивъ при этомъ многія царства и племена. „Онъ уничтожалъ имперіи, какъ иной вырываетъ траву". Онъ проникалъ въ глубь Сибири, гдѣ лагерь его разбивался на разстояніи почти полуторы тысячи верстъ отъ Самарканда. Его войска опустошали юго-восточную и южную Россію вплотъ до рѣки Дона и до Азовскаго моря. Его нашествіе на Индію привело его въ Дели и далѣе. Грузія, Малая Азія, Арменія и Сирія были завоеваны, и великія города—Смирна, Алеппо, Багдадъ и Дамаскъ были разрушены. Онъ только что начиналъ кампанію противъ Китая, какъ смерть постигла его въ трехстахъ миляхъ къ востоку отъ Самарканда, въ 1405 году. Такіе поразительные военные успѣхи предполагаютъ въ побѣдителѣ военный геній высшаго порядка и вполнѣ оправдываютъ данное Тимуру наименованіе „великаго".

Нельзя сказать, чтобы Тимуръ *управлялъ* своимъ обширнымъ царствомъ. Правильнѣе сказать, онъ опустошалъ и грабилъ свои владѣнія. Во всякомъ случаѣ, дань съ завоеванныхъ имъ земель и подносимые ему подарки обогащали его казну. Отъ Персидскаго залива до Каспійскаго моря, отъ Чернаго моря до Гангеса монеты всѣхъ подвластныхъ Тимуру странъ имѣли девизъ Тимура, въ знакъ зависимости этихъ странъ отъ него.

Тимуръ поручилъ своимъ писцамъ записывать все, что бы онъ ни говорилъ, „даже до послѣдняго момента моего существованія". Это приказаніе было выполнено буквально, ибо одинъ изъ манускриптовъ его мемуаровъ оканчивается такъ: „ночью (19 марта 1405 года), призывая имя Аллаха, я впалъ въ безпамятство и предалъ свою чистую душу Создателю".

Съ англійскаго перевелъ **Н. Гр.**

Банки Грановский Т. Н.



Секта „бехаистовъ", ученіе и исторія ихъ.

Посвящается памяти сестры-человѣка, Клеоники.

„Отъ души благодарю васъ за интересныя и важныя свѣдѣнія о бехаистахъ.
Очень радъ буду общенію съ докторомъ Каномъ.

Левъ Толстой.

14 января 1910 г.
Ясная Поляна".

Прологъ.

Какъ извѣстно, мусульманство въ Персіи стало распространяться во время халифа Омара I великаго, окончательно же утвердилось по истеченіи многихъ столѣтій.

Персидскимъ народомъ было замѣчено, какъ нѣкоторые народы, такъ и арабскія племена, принявшіе мусульманство, такъ или иначе теряли свою политическую самостоятельность. Все и вся должно было покоряться халифу, и халифатъ внѣ себя не признавалъ чьей бы то ни было гражданской самобытности.

Персидскій народъ, чтобы не подвергнуться этой участи—подчиненія халифату, послѣ убійства зятя пророка Алія, объявилъ и сталъ признавать единственнымъ законнымъ халифомъ Алія, а его дѣтей правопреемниками, съ титуломъ „имамы".

Ересь возникшая отсюда, не могла дать большого повода арабскому халифату вести религіозную войну съ Персіей, да еще потому, что халифатъ былъ занятъ войнами въ Сиріи, у парисовъ Египта и др. мѣстахъ. Такъ острота религіознаго лозунга халифата—„всѣхъ невѣрующихъ, превратить въ вѣрующихъ"—прошла, такъ какъ побѣдители—арабы, обогащаясь на счетъ побѣжденныхъ народовъ, успокаивались, и надѣялись, что со временемъ сторонники Алія — шіиты, сольются со сторонниками халифа—суннитами (что замѣчается сейчасъ).

Но мирные религіозно-догматическіе споры между шіитами и суннитами продолжались, и поэтому персидскому народу понадобились спеціалисты-богословы.

Во всѣхъ ближайшихъ къ Аравіи персидскихъ городахъ, а затѣмъ постепенно и по всей Персіи, открывались духовныя училища т. н. „медрессэ". По этой причинѣ свѣтское образованіе было отодвинуто на задній планъ, а впослѣдствіи и совсѣмъ заглохло.

Ученый „молла", въ превосходной степени „муштеидъ" пользовался всяческимъ покровительствомъ какъ со стороны народа, такъ и правительства, отчего матеріальное положеніе духовенства персидскаго сильно росло.

Званіе „моллы" стало завиднымъ и заманчивымъ. Если кто-либо имѣлъ малѣйшую возможность, учился арабскому языку и богословію, для пріобрѣтенія не только „небесныхъ", но въ особенности земныхъ благъ.

Немудрено поэтому, что впослѣдствіи образовалось такъ много духовныхъ лицъ, которыя молчаливымъ соглашеніемъ образовали изъ себя касту-іерархію, объявившую затѣмъ себя и непогрѣшимой.

Каста эта постепенно забрала въ свои руки не только духовную, но и всю гражданскую жизнь страны. Даже политическая власть персидскихъ мусульманскихъ царей зависѣла часто отъ этой касты. Она изъ защитниковъ отечества превратилась въ „чудовищнаго спрута", обхватившаго своими щупальцами не только всѣ жизненныя проявленія персидскаго народа, но своею тяжестью придавило всякое свободное дыханіе его.

На „помощь" духовенству явились „сеиды", т. н. потомки Алія (безусловно сомнительныхъ по Шиллеру: „Исламъ"). Сеиды эти считались неприкосновенными. Они по праву своего происхожденія требовали отъ народа $^1/_5$ часть его доходовъ, иногда же являлись и претендентами на персидскій престолъ, какъ „имамы", которымъ завладѣвали небезуспѣшно (шахъ „сеидъ" Ашрафъ заключилъ даже политическій договоръ съ русской императрицей Анной Іоанновной). Духовенство и сеиды шли рука объ руку, дабы парализовать окончательно независимое сужденіе гражданской власти.

Въ ближайшую къ намъ эпоху, гражданская власть, видя свое безсиліе и зависимость, протянула руку примиренія союзникамъ, и такимъ образомъ, образовался „тріумвиратъ", жестоко эксплоатировавшій народъ. Персидскій народъ измучившись въ тискахъ „соединеннаго спрута", искалъ выхода изъ своего невозможнаго положенія.

Выходъ этотъ оказался въ ученіи „бабидовъ", переименовавшемся потомъ въ ученіе „бехаистовъ".

Немного въ сторону.

Если-бы персидскій народъ политически и догматически не отпалъ бы отъ халифата, не было бы арабско-персидскихъ войнъ впослѣдствіи, которыя не только остановили движеніе халифата на западъ, но своей обособленностью и географическимъ положеніемъ Персія раздѣлила халифатъ на части. Если бы Персія присоединилась бы къ ортодоксальному мусульманству—халифату, то политическая карта Европы врядъ ли имѣла бы тѣ цвѣта, которыми теперь разрисована...

Баба и Бэха-Улла.

Лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ, уроженецъ города Шираза, сеидъ-Али-Магомедъ, мусульманинъ шіитскаго толка, объявивъ себя предтечей мессіи-Бога, который имѣетъ въ скорости появиться, училъ, что всѣ пророки, проповѣдывавшіе культъ Бога: Моисей, Христосъ и Магомедъ, а такъ-же учителя человѣчества Конфуцій, Заратустра и др., и боги идолопоклонниковъ: Ибну, Вишну и др. суть одно и тоже, олицетвореніе одного и того-же Бога, т. е. что Богъ въ разныя времена и подъ разными лицами и наименованіями являлся народамъ и училъ добру и братству. Для окончательнаго же утвержденія братства народовъ на землѣ явится мессія.

Сеидъ-Али-Магомедъ предсказывая появленіе мессіи, себя называлъ только „дверью" Бога, чрезъ которую пройдетъ мессія (дверь по арабски „бабъ", отсюда "бабизмъ", „бабиды")

За нарушеніе цѣльности догматовъ шіитскаго мусульманизма, по наученію тавризскаго духовенства, Сеидъ-Али-Магомедъ былъ убитъ чернью въ Тавризѣ въ 1860 г. По словамъ бехаистовъ, онъ былъ распятъ какъ Іисусъ Христосъ на крестѣ.

Сеидъ-Али-Магомедъ что бы помирить шіитское духовенство со своимъ ученіемъ, даже зятя пророка Алія причислилъ къ „олицетвореніямъ", но это его не спасло, какъ не спасло отъ церковной эпитеміи и отлученія англійскаго сапожника-философа Іакова Бэма за ученіе, что духовная троица одно и то-же, что троица природы: духъ, матерія, и энергія.

Въ лицѣ мессіи явился уроженецъ предмѣстья города Тегерана— „Нури" Бэха Улла Мазандарани (откуда и произошло „бэхаисты"). Бэха-Улла за свое космополитическое ученіе былъ высланъ персидскимъ правительствомъ—по настоянію духовенства изъ предѣловъ Персіи. Поселившись въ Багдадѣ, онъ какъ олицетвореніе Бога продолжалъ учить народъ. Но такъ какъ ему и тамъ не дали покоя, онъ переселился въ городъ Акка въ Сиріи, недалеко отъ Яффы, гдѣ и утвердился потомственно.

Послѣ смерти Бэха-Улла въ 1891 году, ему наслѣдовалъ сынъ его Абдулъ-Бэха. Послѣ смерти и этого „олицетворенія" (бехаисты обыкновенно говорятъ: „послѣ ухода изъ этого міра"...) мессіянство перешло къ сыну его—Хазрети (священный) Аббасъ-эфенди, благополучно здравствующему, и указаніямъ и велѣніямъ котораго, безпрекословно подчиняются всѣ общины бехаистовъ міра.

Изъ ученія бехаистовъ.

Всѣ люди братья по природѣ, поэтому должны быть братьями не только въ Богѣ, т. е. духовно, но и матеріально на землѣ. Частной собственности не должно существовать, а все должно принадлежать общинѣ—міру. Война между народами какъ между братьями не должна

быть допустима и считается смертельнымъ и непростительнымъ грѣхомъ. Ношеніе всякаго оружія строго воспрещено, какъ воспрещены и трости, которыя разрѣшаются только калѣкамъ и немогущимъ. Употребленіе напитковъ въ разныхъ видахъ, какъ и употребленіе табака, опіума и гашиша во всѣхъ разновидностяхъ строго воспрещается. Вообще всякія одурманивающія и возбуждающія средства воспрещаются.

Тайны и догматы ученія

Бракъ обязателенъ, но только моногамный и не ранѣе достиженія обоими полами 15 лѣтняго возраста. Брачный союзъ совершается при единоутробныхъ родителяхъ и девяти свидѣтеляхъ. Женихъ платитъ родителямъ невѣсты 19 золотниковъ золота, но не менѣе. Рожденіе ребенка ничѣмъ не знаменуется и обрѣзаніе никакого значенія не имѣетъ. За прелюбодѣяніе супруги имѣютъ право развестись, но всегда мужъ женѣ выдаетъ годовое содержаніе. Послѣ изгнанія виновнаго супруга, невиновный можетъ на другой-же день заключить новый брачный союзъ, если не произошелъ между супругами миръ.

Покойника хоронитъ община, надъ которымъ читается установленная молитва. Молитва обязательна три раза въ день, становясь лицомъ къ Сиріи. Въ молитвѣ славится величіе и благость Бога покровителя общинъ, и меньше всего упоминается о личномъ счастьи. Въ загробную жизнь вѣрятъ: доброму воздастся доброе и наоборотъ.

Изъ текущей жизни бехаистовъ.

Въ городѣ, гдѣ образовалась община строится молитвенный домъ, т. н. „мешрегилескеръ". Изображенія пророковъ допускаются въ немъ, но изображенія эти болѣе какъ простого рисунка, значенія не могутъ имѣть. Въ нѣкоторыхъ городахъ выстроены школы для свѣтскаго образованія и школы обязательны для всѣхъ общинъ. Въ каждомъ городѣ имѣется страннопріимный домъ, мѣстонахожденіе котораго держится (въ Персіи) въ секретѣ. Имя вновь присоединеннаго къ общинѣ сохраняется въ строжайшей тайнѣ. Женщины общины той страны, гдѣ теократически-политическіе законы повелѣваютъ закрытіе лица (Персія, Турція и др.) обязаны закрывать лицо, въ другихъ же странахъ могутъ быть открытыми. Для разбора возникающихъ недоразумѣній или преступленій между общинниками, учреждается судебный трибуналъ изъ девяти человѣкъ бехаистовъ, выбранныхъ общиною по запискамъ. Выборные члены „совѣта девяти" несмѣняемы, если нѣтъ предосудительныхъ поступковъ за ними. Вина одного члена не простирается на другихъ. За убійство полагается выкупъ, и только при настояніи родственниковъ убитаго употребляется моисеевскій законъ. Недовольная сторона рѣшеніемъ „совѣта девяти", по какому бы то ни было дѣлу, *пока существуютъ правительственные органы—судъ и администрація*, дѣло свое

можетъ перенести въ эти учрежденія. Община подчиняется всѣмъ законамъ и обычаямъ той страны, гдѣ она проживаетъ, ничего не оспариваетъ и ничему не сопротивляется.

Бехаисты въ Персіи сдѣлали громадные успѣхи; ежегодно къ этому ученію присоединяются болѣе тысячи человѣкъ. Нѣтъ слова, что революція послѣднихъ лѣтъ много помогла имъ въ этомъ. Не меньше успѣваютъ и въ Индіи, а также и въ Америкѣ. Намъ удалось видѣть фототипическое изображеніе вашингтонской общины, въ вашингтонской школѣ бехаистовъ.

Изъ бесѣды съ бехаистами.

На почти инквизиціонный вопросъ, что бехаистъ подразумѣваетъ подъ словомъ „Богъ", получены слѣдующіе отвѣты:

Богъ—это сливки молока *). Богъ—это общеніе людей **). Богъ—это суть міра ***).

На замѣчаніе же, что сливки — уже предполагаютъ молоко; общеніе—есть достояніе самого человѣка, и что суть міра—не есть апріорное понятіе и можетъ быть наоборотъ,—полученъ слѣдующій отвѣтъ: Богъ—это разумный духъ, который можетъ желать и не желать. Колебаніе воли этого духа проявляется въ созданіи и разрушеніи видимаго міра ****). Вотъ этотъ именно духъ и воплотился въ лицѣ Бэха - Улла. И тогда, когда всѣ пророки и учителя человѣчества являются фазисами этого Бога, Бэха-Улла—его полнолуніе.

Изъ исторической жизни общинъ.

Дочь богатыхъ родителей изъ Казвина, гдѣ отецъ ея, принадлежа къ кастѣ духовенства, занималъ генеральскій чинъ этой іерархіи — по имени Кюретель-Эйнъ, выступила на площадь еще при жизни Бэха-Улла, съ проповѣдью новаго ученія.

Она появлялась въ мечетяхъ, въ домахъ и публичныхъ зданіяхъ, и съ закрытымъ лицомъ призывала людей вѣрить одному ученію, гдѣ единственное спасеніе человѣка.

Несмотря на насмѣшки толпы, она, обладая громадной энергіей и имѣя единственное желаніе просвѣтить народъ, преслѣдовала свою цѣль. Она побывала въ Хамаданѣ, Зянчанѣ, Казвинѣ и др. мѣстахъ и наконецъ, пріѣхала въ Тегеранъ. Духовенство вездѣ и всюду не только встрѣчало враждебно, но преслѣдовало ее и строило козни.

Наконецъ, въ Тегеранѣ, забравшись въ мечеть и поднявшись на проповѣдное сидѣнье, т. н. „машберъ", начала учить народъ.

Сравни: *) „Автопричина"—Спинозы.
**) „Нусъ"—Анаксаюра.
***) „То онъ"—Сократа.
****) „Деміургъ"—Аристотеля.

Духовенство тегеранское, не выдержавъ этого вызова и „оскорбленія“, возмутилось. Проклявъ дѣвицу, синклитно отдалъ „фетву“ для ея умерщвленія. Тогда чернь тегеранская, нравственно и юридически считавшая себя неприкосновенной (фетва освобождаетъ отъ всѣхъ грѣховъ) изрубила дѣвицу у порога той мечети, гдѣ она учила.

Въ 1888 году, въ Хамаданѣ, мѣстныя власти по назначенію духовенства, закрыли школу бехаистовъ. Къ этому времени въ Хамаданъ пріѣхалъ членъ американскаго миссіонерскаго общества докторъ Хулесъ. Имъ была открыта протестантская школа, въ которой преподавателемъ назначилъ одного армянскаго протестанта. Въ теченіе года школа была переполнена учениками разныхъ возрастовъ. По истеченіи года, учитель, желая высказать свое удовольствіе по поводу успѣшности протестантизма, заявилъ аудиторіи: „слава Богу, что сумѣлъ просвѣтить столько народу и въ теченіе короткаго времени пріобрѣлъ столько послѣдователей протестантизма“. Тогда вся аудиторія, какъ одинъ человѣкъ, поднялась и заявила учителю: „мы бехаисты, а не протестанты“ и демонстративно ушла, прекративъ посѣщеніе школы.

Въ 1900 году, въ Рештѣ, на мусульманскомъ кладбищѣ былъ похороненъ бехаистъ. По наученію духовенства, толпа выкопала покойника и потащивъ по улицамъ, выбросила трупъ за городомъ. Утромъ другого дня, эта самая чернь трупъ облила керосиномъ и подожгла. Узнавъ объ этомъ, губернаторъ (нынѣшній Сепехдаръ) приказалъ зарыть трупъ въ лѣсу.

Въ 1906 году, въ Іездѣ, было перебито много бехаистовъ. Чернь приступила и къ дому одной уважаемой семьи. Вытащивъ двухъ дѣтей 7—9 лѣтъ изъ дому, за которыми послѣдовала и мать, чернь заявила матери ихъ: „если дѣтей не вернешь къ религіи дѣдовъ, то убьемъ ихъ“. Дѣти со страху потеряли сознаніе. Тогда мать ихъ, обнаживъ свою грудь, сказала дѣтямъ: „да будетъ проклято молоко этихъ грудей, которымъ васъ вскормила, если вы отречетесь отъ нашего ученія!“ Послѣ сказаннаго матерью, чернь изрубила дѣтей и трупы бросила къ ногамъ матери. Мать не принявъ трупы дѣтей, сказала убійцамъ: „разъ я дѣтей моихъ пожертвовала Богу, назадъ не беру“.

Въ 1908 году, въ г. Тавризѣ, по наученію духовенства, чернь поздно вечеромъ, предательскимъ вызовомъ выманила на улицу изъ одного дома троихъ бехаистовъ. Двухъ изъ нихъ убила тутъ-же, а хозяина повела на площадь и подъ насмѣшками толпы изрубила его.

Въ 1909 году, въ Кашанѣ, чернь хотѣла закрыть свѣтскую школу бехаистовъ по наученію духовенства, но революціонный меджлисъ воспретилъ совершеніе насилія.

Въ томъ-же году, въ Хоросанской провинціи въ одной изъ деревень было убито три человѣка, принадлежавшихъ къ этой сектѣ. Роль палача исполнилъ по собственному желанію одинъ изъ муштеидовъ. По слухамъ, преступники арестованы.

Гоненія на бехаистовъ продолжались вездѣ и всюду, и только революція положила конецъ въ Персіи физическимъ, отчасти-же и нравственнымъ страданіямъ ихъ.

Ваше сіятельство
Левъ Николаевичъ,

Разрѣшите прошу васъ, высказать мое мнѣніе о дѣвицѣ Кюретель-Эйнъ.

Отдавая дань уваженія терпѣнію и страданію бехаистовъ, я изъ этого ученія пока вижу лѣсъ, превращающійся въ уголь, чувствую процессъ выдѣленія углерода, но я не могу обнять и понять во что превратится углеродъ: „въ чистый брилліантъ или въ простой ядъ-препаратъ".

Можно положительно сказать, что персы съ головы до ногъ матеріалисты и средствами не гнушаются для богатѣнія, общежитіе же ихъ малымъ отличается отъ общежитія животныхъ.

Женщина въ мусульманскомъ мірѣ, какъ извѣстно, никакими гражданскими правами не пользуется, въ Персіи же безправіе ее доведено до безправія животнаго. Если еще принять въ разсчетъ время—лѣтъ 40—50 тому назадъ, то фактъ выступленія женщинъ на площадь съ проповѣдью, становится поразительнымъ.

Въ персидской семьѣ кромѣ духовныхъ, другихъ книгъ не существуетъ, и въ которыхъ кромѣ лжи и сказокъ ничего путнаго нѣтъ. Даже библейскія событія съ евреями превращены въ событія съ мусульманами-шіитами.

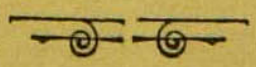
Такимъ образомъ, дѣвица Кюретель-Эйнъ не имѣла никакой возможности просвѣтить себя какими-либо другими книгами и выработать себѣ какой-либо идеалъ.

Я не допускаю мысли, чтобы дѣвица эта живого Бэха-Улла приняла за библейскаго бога и пожертвовала бы себя ему. Да и въ библіи нѣтъ подобныхъ примѣровъ, если не считать хитрость Юдифи, обстоятельство, ничего общаго съ настоящимъ не имѣющее.

Не иначе, какъ въ душѣ дѣвицы жилъ дѣйствительный Богъ, новое же ученіе послужило электрической искрой, которая воспламенила всѣ органы души ея, и чтобы спасти своихъ непосредственныхъ братьевъ отъ окружающаго ихъ обмана и несправедливости, выступила въ защиту новаго ученія и приняла вѣнокъ мученичества.

П. Х. Полизоиди.

Рештъ (Персія)
20 марта 1910 года.



Очерки Бухары.

Пламя нашего революціоннаго движенія безповоротно стало принимать широкіе размѣры съ 9 января 1906 года, съ момента яко-бы неожиданнаго появленія народныхъ массъ въ Петербургѣ, активно заявившихъ о своихъ наболѣвшихъ ранахъ... Теперь, ровно черезъ 4 года, вдругъ заволновалась Бухара, эта страна, полная произвола и безправія.

Какъ движеніе въ Россіи не могло начаться внезапно, безъ видимыхъ причинъ, такъ тѣмъ болѣе—волненія въ Бухарѣ не могли явиться неожиданностью на нашемъ задремавшемъ политическомъ горизонтѣ. Кто знаетъ существующее положеніе въ странѣ благородной Бухары, кто изучилъ душу азіата съ присвоеннымъ ему фанатизмомъ, тотъ неколеблясь можетъ сказать, что—съ одной стороны—безпорядки въ Бухарѣ подготовлялись въ теченіе многихъ лѣтъ, съ другой—они имѣютъ причину болѣе глубокую, чѣмъ вражда на религіозной почвѣ. Мнѣ кажется, что послѣдняя является лишь поводомъ, главнѣйшая же причина кроется въ ужасѣ внутренней жизни сосѣдней съ нами страны. Постараюсь подтвердить эту мысль той картиной, которая запечатлѣлась во мнѣ при нѣсколькихъ посѣщеніяхъ Бухарскихъ владѣній.

Я не буду останавливаться на фактическихъ данныхъ тревожныхъ январьскихъ дней, т. к. эти свѣдѣнія можно почерпнуть изъ статей въ „Средн. Азіи", „Турк. Курьерѣ", „Турк. вѣдомостяхъ" и др. періодическихъ изданіяхъ. Всѣ они достаточно обрисовали, что происходило у насъ подъ бокомъ, я хотѣлъ бы остановить вниманіе читателя на анализѣ ужасной рѣзни.

Среди религіозной вражды, дошедшей до взаимнаго избіенія между шіитами и суннитами, можно было подмѣтить стремленіе къ власти. Чѣмъ инымъ, какъ не этимъ (кромѣ фанатизма) можно объяснить требованіе вооруженной толпы о смѣнѣ кушъ-беги,—намѣстника эмира? Одного религіознаго фанатизма здѣсь мало. А разъ умы людей направлены были къ захвату власти, очаговъ правленія страной, то, слѣдовательно, тѣ же умы захотѣли и рѣшили использовать эту власть болѣе цѣлесообразно для блага народа, чѣмъ то было до сихъ поръ. И если забитые, обнищавшіе и полуголодные бухарцы приступили къ такому рѣшительному шагу, то это одно показываетъ, что ихъ молчаливому терпѣнію насталъ конецъ, и что поворота къ прошлому едва ли

можно добиться какими-нибудь полумѣрами, со стороны какого бы правительства—русскаго или бухарскаго—онѣ не исходили—Къ разлагающемуся организму надо примѣнить самыя радикальныя средства; только тогда можетъ быть удастся спасти незараженную часть, дать ей окрѣпнуть и на ней уже строить всѣ надежды на лучшее будущее... Конечно, все можетъ заглохнуть, обстановка какъ-будто останется неизмѣнившейся, но все это будетъ твориться не иначе, какъ именемъ Россіи, ибо навѣрно каждый бухарецъ убѣжденъ, что сила бухарскаго правительства находится на концѣ русскаго штыка! Бухарское правительство, несомнѣнно, чувствуетъ величіе Россіи, но очень жаль, что оно часто, прикрываясь этимъ величіемъ, какъ щитомъ, творитъ за нимъ произволъ, компрометируя тѣмъ русскую власть въ Ср. Азіи.

Итакъ, для уясненія главнѣйшихъ причинъ послѣднихъ событій въ Бухарѣ, остановимся прежде всего на административномъ устройствѣ этой страны.

Вся Бухара подраздѣляется на *бекства*, соотвѣтствующія нашимъ губерніямъ; во главѣ ихъ стоятъ *беки*, ставленники самого эмира.

Бекъ выполняетъ функціи административныя, судебныя, полицейскія, финансовыя—словомъ бекъ—почти неограниченный властелинъ въ той области, которая ему вручается.

Въ дѣлахъ судебныхъ бекъ разбираетъ болѣе сложные, а вѣрнѣе—болѣе доходные процессы, и утверждаетъ всѣ приговоры, за исключеніемъ смертной казни. Впрочемъ, по словамъ нѣкоторыхъ, бекъ иногда самъ приводитъ въ исполненіе смертную казнь, немедленно донося объ этомъ эмиру. За проступки виновные подвергаются ударамъ палками, шрафу, аресту и конфискаціи имущества, въ размѣрахъ по усмотрѣнію бека.

Въ административномъ отношеніи беку подчинены амлякдары,—нѣчто вродѣ нашихъ уѣздныхъ начальниковъ. Судьба амлякдаровъ—всецѣло въ рукахъ бека.

Беку принадлежитъ право полнаго контроля надъ всѣми подвѣдомственными ему должностными лицами; контроль этотъ ведется черезъ особыхъ, состоящихъ при бекѣ, чиновниковъ.

Не подумайте, что главная обязанность бека по отношенію къ населенію заключается въ заботахъ о его благосостояніи,—ничего подобнаго; главная цѣль, которая преслѣдуется бекомъ—возможно больше высосать съ населенія всякаго рода денежныхъ сборовъ; а т. к. отъ размѣра представляемой эмиру суммы налоговъ и податей зависитъ судьба каждаго бека, то станетъ понятно, какой ужасный произволъ царитъ въ области финансоваго обложенія народа.

Обычное мѣстопребываніе бека—цитадель главнаго города ввѣренной ему провинціи. Цитадель эту бекъ по собственному желанію покинуть не можетъ, а долженъ каждый разъ испрашивать разрѣшеніе эмира. Отсюда получается то, что „губернаторъ“ даже не знакомъ съ границами своей „губерніи“; не знаетъ, да и не хочетъ знать, насущныхъ нуждъ своихъ жителей.

Въ непосредственномъ вѣдѣніи бека находится рядъ должностныхъ лицъ, которыя выполняютъ уже болѣе узкія функціи въ дѣлахъ управленія провинціей.

Наибольшимъ вліяніемъ при бекѣ, видимо, пользуется *раисъ*.

Въ Бухарѣ нѣтъ писаныхъ законовъ; тамъ существуетъ одинъ коранъ, который удовлетворяетъ не только религіозныя потребности населенія, но и даетъ указанія на всѣ случаи жизни, до обрядовъ и суда включительно. Раисъ является знатокомъ корана. На немъ лежитъ обязанность слѣдить за правильностью выполненія населеніемъ законовъ, прежде всего духовныхъ, а попутно и всѣхъ остальныхъ; кромѣ чисто контролирующей дѣятельности, раисъ несетъ еще обязанности чисто судебныя. Онъ разбираетъ тяжбы населенія, доходящія до бека, подыскиваетъ мѣста корана, указывающія какой отвѣтственности подлежатъ преступники и вмѣстѣ съ этимъ является непремѣннымъ членомъ особаго суда, каждый разъ организуемаго распоряженіемъ бека по болѣе важнымъ дѣламъ. За незначительные проступки раисъ наказываетъ провинившихся безъ всякаго суда, щедро награждая ихъ ударами плети.

На обязанности раиса лежитъ также установленіе и объявленіе населенію цѣнъ на продукты земледѣлія и скотоводства въ базарные дни. Базаръ не открывается до тѣхъ поръ, пока раисъ не объявитъ разцѣнки. Послѣдней всѣ торговцы должны придерживаться; нарушители же подвергаются немедленному наказанію плетьми.

Въ базарный день раисъ обыкновенно утромъ посѣщаетъ бека, пьетъ тамъ чай, ѣстъ пловъ, совѣщается о текущихъ дѣлахъ, докладываетъ беку о количествѣ припасовъ, доставленныхъ населеніемъ на базаръ, о намѣчаемыхъ цѣнахъ и затѣмъ, сѣвъ на богато убраннаго коня, выѣзжаетъ на базаръ.

Особу раиса въ такихъ случаяхъ охраняютъ 4—6 человѣкъ, пѣшкомъ двигающихся въ нѣкоторомъ отдаленіи впереди и сзади коня раиса. Одинъ изъ тѣлохранителей имѣетъ при себѣ аршинъ, другой гири, третій широкую и толстую кожаную плеть. Пользуясь мѣрами длины и вѣса, раисъ контролируетъ таковые же у торговцевъ и, если замѣтитъ у кого-нибудь не установленные образцы, немедленно, въ присутствіи толпы, наказываетъ провинившагося плетью, доводя удары до нѣсколькихъ десятковъ. Такому же наказанію попутно подвергаются и всѣ тѣ, которые открыто на базарѣ курятъ табакъ изъ чилима (что въ Бухарѣ воспрещается), или увлекаются танцующими мальчиками. Мнѣ приходилось наблюдать, съ какимъ страхомъ и трепетомъ относится неселеніе къ личности раиса; шепотъ, извѣщающій о прибытіи грознаго судьи идетъ далеко впереди; все, что можетъ, прячется въ сосѣдніе закоулки, торговцы же положительно дрожатъ, когда получатъ приказаніе показать вѣсы или аршинъ для ихъ повѣрки. Раисъ все это продѣлываетъ почти молча,—окружающіе его научились понимать взоръ капризнаго повелителя...

Однимъ изъ видныхъ помощниковъ бека является еще *кази*, т. е. судья—спеціалистъ.

Кази, насколько удалось выяснить, несетъ всѣ функціи предварительнаго судебнаго производства, помогаетъ раису, а также является совѣщательнымъ членомъ суда при бекѣ. Кази совершаетъ также сдѣлки нотаріальнаго характера.

Кромѣ упомянутыхъ лицъ, при бекѣ состоятъ *аголюкъ, дагъ-баши* и цѣлый штатъ чиновниковъ для различныхъ порученій и командировокъ, затѣмъ 1—2 дѣлопроизводителя (*мирза*) и громадная свора прислуги.

Каждое бекство въ административномъ отношеніи подраздѣляется на *амляксгва* (амлякдарство), которые могутъ быть приравнены къ нашимъ уѣздамъ. Обыкновенно каждое амляксгво, а иногда и нѣсколько ихъ, вручается особому должностному лицу—*амлякдару*.

Объединеніе нѣсколькихъ амляксгвъ въ однѣ руки какого-нибудь амлякдара происходитъ, видимо, оттого, что болѣе ловкіе амлякдары постепенно забираютъ въ свои руки большія площади для полученія большихъ доходовъ въ свою же пользу.

Амлякдары назначаются бекомъ и ему же подчиняются.

Главная обязанность амлякдара заключается въ сборѣ съ населенія своего раіона налоговъ и податей и представленія собраннаго беку.

Забота о благоустройствѣ жителей порученнаго раіона, видимо, совершенно отпадаетъ. Этимъ только и можно объяснить то явленіе, что многіе амлякдары не живутъ въ предѣлахъ своего амляксгва, а избираютъ для этого города, дающіе имъ больше удобствъ въ личной жизни. Амлякдары покидаютъ свои резиденціи только тогда, когда имъ необходимо произвести подсчетъ урожая даннаго года, или разобрать на мѣстѣ какое-нибудь крупное происшествіе. Болѣе мелкія распоряженія они дѣлаютъ черезъ подчиненныхъ имъ аминовъ и аксакаловъ, пользуясь для этого своими джигитами (конными ординарцами).

По отношенію къ населенію амлякдары пользуются правомъ разбирательства мелкихъ ссоръ, примиреніемъ враждующихъ сторонъ, или наказаніемъ ихъ палками, въ размѣрѣ по собственному усмотрѣнію, или наложеніемъ штрафа въ свою пользу. Преступниковъ они арестовываютъ лишь временно, до передачи ихъ въ тюрьму, находящуюся въ городѣ, при цитадели бека.

Большинство амлякдаровъ совершенно невѣжественны: они даже не знаютъ границъ своихъ амляксгвъ; обо всемъ справляются у аминовъ и аксакаловъ; иногда происходятъ горячіе споры о томъ, къ какому, напр., амляксгву принадлежитъ данный кишлакъ, гдѣ проходитъ граница амляксгва и т. п. Объясняется это тѣмъ, что почти ежегодно амлякдары перемѣщаются изъ одного амляксгва въ другое, так. образ., вновь назначенный не успѣетъ ознакомиться съ однимъ раіономъ,—къ чему онъ впрочемъ и не стремится,—какъ попадаетъ въ другой. Частая же смѣна амлякдаровъ продѣлывается для того, чтобы они не успѣли примѣниться къ мѣстнымъ условіямъ, когда—оріентируясь въ

обстановкѣ — могли бы больше грабить народъ и меньше представлять награбленнаго своему беку.

Почти всѣ амлякдары имѣютъ при себѣ мирзу (писарь, дѣлопроизводитель), который и ведетъ переписку подъ непосредственнымъ руководительствомъ и присмотромъ своего амлякдара.

Бываютъ случаи, что мирза является ставленникомъ бека,—это продѣлывается въ видахъ негласнаго надзора за дѣятельностью амлякдара.

Слѣдующую ступень въ іерархической лѣстницѣ административнаго устройства Бухары занимаютъ *амины*—помощники амлякдаровъ. Должность амина существуетъ не во всѣхъ бекствахъ.

Амины назначаются амлякдарами изъ числа коренныхъ жителей даннаго раіона, обыкновенно раньше занимавшихъ должность аксакала.

Амины являются наиболѣе свѣдущими людьми изъ всей бухарской администраціи; у нихъ можно получить свѣдѣнія не только о благосостояніи жителей, но также и о проходимости дорогъ, переваловъ, о существованіи переправъ на рѣчкахъ и т. п. свѣдѣнія, столь цѣнныя для путешественника по Бухарскимъ владѣніямъ. Амины являются непосредственными исполнителями воли амлякдара, его ближайшими помощниками въ дѣлѣ собиранія податей и надзора за населеніемъ. Въ распоряженіи аминовъ имѣются аксакалы селеній.

Аксакалы (старшины) существуютъ почти въ каждомъ кишлакѣ (селеніи); иногда нѣсколько небольшихъ кишлаковъ состоятъ въ вѣдѣніи одного аксакала.

Должность аксакала является выборной. Выборы производятся жителями даннаго кишлака ежегодно, внѣ зависимости отъ времени года. Вновь избранный аксакалъ представляется амлякдару, преподнося послѣднему нѣсколько сотъ тенегъ (серебрян. монета=15 коп.) и нѣсколькихъ барановъ. Амлякдаръ утверждаетъ выборы, что внѣшнимъ образомъ выражается тѣмъ, что онъ угощаетъ новаго аксакала, послѣ чего одариваетъ его халатомъ, собственноручно набрасывая послѣдній на плечи.

Если избранный аксакалъ не оправдаетъ ожиданій односельчанъ, то они выбираютъ новаго, представляютъ его амлякдару и так. образ., предыдущій отстраняется отъ занимаемой должности.

Право выборовъ аксакаловъ и устраненія ихъ отъ должностей принадлежитъ, въ нѣкоторыхъ бекствахъ и амлякдарамъ, но они это право проявляютъ рѣдко. Устраненіе аксакала отъ его обязанностей со стороны амлякдара чаще всего является вслѣдствіе нерадѣнія аксакала въ дѣлѣ собиранія всевозможныхъ налоговъ.

Кромѣ перечисленныхъ должностныхъ лицъ, въ бекствѣ существуетъ еще дополнительная категорія людей, занимающихъ должности болѣе спеціальнаго назначенія. Къ нимъ принадлежатъ мирабы, дарга и зякетчи.

Мирабы слѣдятъ за распредѣленіемъ и пользованіемъ водой жителями, а также заботятся объ исправномъ состояніи ирригаціонной системы.

Дарга, состоя при амлякдарахъ въ числѣ 2—8 человѣкъ, собираютъ свѣдѣнія о количествѣ засѣваемыхъ хлѣбовъ, объ урожаѣ даннаго года; слѣдятъ за уборкой хлѣбовъ, за тѣмъ, чтобы хлѣбъ никуда не увозился съ гумна; обмолоченный и провѣянный хлѣбъ опечатываютъ личной печатью тамъ же на гумнѣ, когда онъ еще въ видѣ кучи зерна; наконецъ, дарга присутствуетъ при окончательномъ опредѣленіи амлякдаромъ количества зерна, съ тою цѣлью, чтобы выяснить, сколько должно пойти въ пользу казны.

Зякетчи—лица, состоящія при бекахъ или амлякдарахъ, а иногда назначаемыя въ данное бекство прямо центральнымъ правительствомъ и занимающіяся особымъ сборомъ, такъ называемымъ *зякетомъ*. Послѣдній установленъ съ живности и продаваемыхъ на базарѣ товаровъ. Потому и зякетчи бываютъ 2 разрядовъ. Одни безотлучно находятся въ городѣ и собираютъ зякетъ съ привозимыхъ сюда товаровъ; другіе—объѣзжаютъ въ лѣтнее время предѣлы бекства, ведутъ подсчетъ скота и опредѣляютъ размѣръ зякета съ каждаго владѣльца.

Всѣ вышеупомянутыя лица, начиная съ бека и кончая аксакаломъ, а равно дарга и зякетчи никакого содержанія отъ правительства не получаютъ; *безъ исключенія вся администрація живетъ на счетъ населенія*, при этомъ поборы съ жителей никто не контролируетъ. Задача каждаго, власть имущаго человѣка, возможно лучше обставить свое существованіе и обезпечить неустойчивую будущность. А такъ какъ ни одно административное лицо не увѣрено въ прочности своего пребыванія на той или иной должности, то, понятно, является самая ужасная картина обиранія обнищавшаго населенія. Весь капиталъ трудящагося класса переливается въ широкіе и бездонные карманы слугъ эмира. Больше всего народныя средства сосредоточиваются, конечно, у престола безграничнаго владыки страны золотыхъ звѣздъ.

Поголовнаго обиранія населенія, разумѣется, не могло бы быть только въ томъ случаѣ, если бы эмиръ и высшія административныя лица подавали хорошіе примѣры своею закономѣрною скромностью и слѣдили бы въ этомъ направленіи за низшими инстанціями. Но этого, конечно, не будетъ, пока того рѣшительно не потребуетъ наша власть, ибо и эмиръ и каждый его подданный не увѣрены, что завтра Бухара обратится въ русскую губернію. Отсюда выводъ простой: пока у власти, грабь населеніе во всю!...

Въ такомъ положеніи вещей, видимо, не вполнѣ оріентированы представители нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Если бы послѣдніе не закрывали глаза передъ всѣмъ происходящимъ тамъ, то, вѣроятно, предприняли бы мѣры къ тому, чтобы Бухара не обращалась въ нищаго и во всякомъ случаѣ не протестовали бы противъ огласки путемъ печати распорядковъ внутренней жизни Бухары. Факти-

чески книга Д. Н. Логофета „Страна безправія“, кажется первая, которая порвала цѣпи спеціальной цензуры по Бухарскому вопросу...

Картина интенсивнаго обнищанія населенія обрисуется еще рѣзче, если прослѣдить самый порядокъ взиманія податей (*хераджъ*).

Собственно, идея, положенная въ основу взиманія хераджа заслуживаетъ одобренія: она является какъ-бы подоходнымъ налогомъ, но въ жизнь эта идея проводится до того уродливо, что приходится только ужасаться!

Начнемъ съ того, что съемъ хлѣбовъ съ полей производится не по усмотрѣнію земледѣльца, а лишь послѣ приказанія амлякдара. Одновременность жнитвы, устанавливаемая властями, съ одной стороны вредно отражается на распредѣленіи рабочихъ силъ, съ другой же—она даетъ возможность организовать болѣе строгій контроль надъ сборомъ урожая.

Кромѣ указаннаго неудобства бываютъ нерѣдко случаи, когда созрѣвшій хлѣбъ сильно обсыпается на корню и хозяинъ можетъ помочь этому горю только лишними горькими слезами.

Какъ только обмолоченный и провѣянный хлѣбъ будетъ собранъ на гумнѣ въ кучи, немедленно же является дарга.

Основаніе хлѣбнаго конуса и въ нѣсколькихъ мѣстахъ его боковую поверхность дарга обмазываетъ глиной и кладетъ на ней свою печать. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы зерномъ не пользовались въ отсутствіи дарги.

Какъ только весь урожай даннаго раіона будетъ опечатанъ, амлякдаръ начинаетъ объѣздъ хырмановъ (гумно) въ сопровожденіи многочисленной свиты, куда входятъ: амины, аксакалъ кишлака, мулла (духовное лицо), мирза амлякдаръ, мирабъ, кузнецъ, приготовлявшій серпы и, наконецъ, цирюльникъ, постоянно брѣющій хозяина хырмана.

Амлякдаръ на глазъ опредѣляетъ количество обмолоченнаго хлѣба, а въ зависимости отъ этого и количество зерна, требуемаго въ уплату казнѣ. Хозяинъ обыкновенно не соглашается съ опредѣленіемъ амлякдара; начинаются споры и, если они скоро не приводятъ къ желаемому амлякдаромъ концу, то производится перемѣриваніе зерна мѣшками. Выяснивъ, так. образ., дѣйствительное количество собраннаго зерна, амлякдаръ опредѣляетъ долю, требуемую въ казну и эту послѣднюю тутъ же записываетъ. Нужно, замѣтить, что казенный паекъ не только превосходитъ закономъ установленную норму ($^1|_{10}$), но возрастаетъ еще также и потому, что амлякдаръ отлично помнитъ ненасытную алчность бека, который въ концѣ концовъ потребуетъ съ него значительный кушъ.

Опредѣливъ величину хераджа (доли въ пользу эмира), амлякдаръ приказываетъ отсыпать зерно себѣ. Примѣру амлякдара слѣдуютъ всѣ, прибывшіе съ нимъ и въ результатѣ трудившемуся земледѣльцу остается отъ $^1|_3$ до $^1|_2$ всего собраннаго съ поля хлѣба.

Когда амлякдаръ объѣдетъ, так. образ., все амлякство, онъ подсчитываетъ общее количество хлѣба, слѣдуемаго въ уплату казнѣ (хераджъ) и сообщаетъ эту цифру беку. Послѣдній, собравъ подобныя

свѣдѣнія со всѣхъ своихъ амлякствъ, сообщаетъ полученную сумму эмиру. Сборъ указанныхъ статистическихъ данныхъ заканчивается обыкновенно къ октябрю каждаго года.

Вмѣстѣ съ величиной хераджа эмиру представляются справочныя цѣны на продукты земледѣлія текущей осени.

Эмиръ выбираетъ какую-нибудь одну категорію цѣнъ и, какъ говорятъ, именно ту, которая наиболѣе выгодна для него, и затѣмъ сообщаетъ ее беку. Послѣдній, черезъ амлякдаровъ, объявляетъ полученную, так. образ., правительственную расцѣнку всему населенію.

Каждый земледѣлецъ, какъ только узнаетъ объ установленной вышеупомянутымъ порядкомъ цѣнѣ, обязанъ представить аксакалу ту сумму денегъ, которая соотвѣтствуетъ стоимости количества зерна, записаннаго амлякдаромъ при раздѣлѣ (на хырманы) собраннаго урожая текущаго года. И вотъ здѣсь начинаетъ раскрываться ужасная картина настоящаго народнаго бѣдствія.

Всѣ торопятся продать несъѣденные запасы хлѣба, чтобы изъ вырученныхъ денегъ извѣстную часть представить въ эмирскую казну; цѣны на рынкѣ сразу начинаютъ сильно падать... У кого не хватаетъ хлѣба для перевода его на деньги, выгоняютъ на базаръ послѣднюю скотину, несутъ свой домашній скарбъ, отдаютъ на время своихъ мальчиковъ для услугъ развращенной администраціи!...

Собираемыя такимъ путемъ средства постепенно концентрируются въ рукахъ бека, а послѣдній представляетъ ихъ эмиру.

Если аппетиты высшихъ административныхъ лицъ и эмира удовлетворены, то начинается періодъ отдариванія себѣ подчиненныхъ халатами и лошадьми, цѣнность которыхъ возрастаетъ пропорціонально впечатлѣнію, полученному отъ сбора податей этого года.

Если же получается неудовлетворенность, то начинается рядъ экстренныхъ ревизій и тогда идетъ перетасовка и смѣщеніе тѣхъ должностныхъ лицъ, которыя недостаточно приложили стараній по выжимкѣ послѣднихъ соковъ изъ несчастнаго населенія.

Изъ всего сказаннаго о порядкѣ сбора хераджа, можно придти къ ошибочному заключенію, что какъ будто бекъ остается въ сторонѣ отъ всякихъ доходовъ, что онъ служитъ якобы только передаточной инстанціей между эмиромъ и низшей администраціей. Но фактически, разумѣется, это далеко не такъ. Бекъ обезпечиваетъ себя гораздо больше, чѣмъ кто-либо изъ чиновъ, правящихъ Бухарой. Дѣло въ томъ, что каждый амлякдаръ, представляя народныя деньги беку, всегда прилагаетъ еще не одну тысячу тенегъ (серебрян. монета) въ безконтрольное пользованіе бека.

Произрастающіе незерновые продукты земледѣлія облагаются по площадямъ засѣванія. Такъ, въ извѣстныхъ мнѣ бекствахъ съ клевера установлено взимать въ пользу эмира по 90 коп. съ танапа (въ десятинѣ 4 танапа), а съ такой же площади дынь и арбузовъ по 1 р. 5 к. винограда—1 р. 80 коп. въ годъ.

Зякетный сборъ съ живности въ тѣхъ же бекствахъ установленъ

такой. Съ каждыхъ 40 барановъ, коровъ и быковъ по 1 головѣ; съ 20 козловъ—также по 1 головѣ.

Зякетъ представляется не въ видѣ живности, а той суммой денегъ, которая соотвѣтствуетъ общей стоимости скота, выпавшаго на долю казны. При этомъ расцѣнка скота устанавливается эмиромъ.

Зякетному сбору подлежатъ также всѣ мануфактурные, колоніальные и др. товары, продающіеся на рынкахъ Бухары. Въ этомъ отношеніи исключеніе составляютъ товары, ввозимые въ ханство русско-подданными.

Въ обложеніи зякетомъ замѣчается слѣдующее оригинальное явленіе. Подобно тому, какъ было у насъ, въ древней Руси, что всѣ товары обкладывались извѣстнымъ сборомъ при провозѣ ихъ черезъ „заставы"; или подобно внутренней таможенной системы, существовавшей когда-то въ Германіи,—въ Бухарѣ товаръ можетъ быть обкладываемъ пошлиной (зякетомъ) нѣсколько разъ. Стоитъ только торговцу переѣхать изъ одного бекства въ другое, какъ тамъ снова придется вносить зякетъ. Разумѣется, такая система не только не способствуетъ развитію торговли, но она больнѣе всего отражается на тощемъ карманѣ покупателя.

Кромѣ упомянутыхъ главнѣйшихъ видовъ налога, подданные эмира оплачиваютъ положительно каждый свой шагъ при веденіи судебныхъ дѣлъ, при совершеніи сдѣлокъ, такъ сказать, нотаріальнаго характера и т. п. При этомъ, установленныхъ закономъ пошлинъ, гербоваго сбора, таксировки труда совершенно не существуетъ. Дѣло выигрываетъ всегда тотъ, кто больше даетъ денегъ. Въ судахъ царствуетъ не справедливость, а полнѣйшій произволъ.

Скажу еще про одинъ обычай, существующій въ странѣ и вредно отражающійся на томъ же полуголодномъ населеніи.

Дѣло въ томъ, что каждая поѣздка эмира за предѣлы своего ханства обходится ему не дешево. Нужно нести не только громадные дорожные расходы, но также хорошо отплачивать за то удивительное вниманіе, которое онъ встрѣчаетъ со стороны представителей высшей власти....

Для того же, чтобы возмѣстить расходы по шикарно обставляемыхъ поѣздкахъ, эмиръ при возвращеніи въ свою страну установилъ обычай принятія отъ населенія такъ называемой *бокчи*. Бокча заключается въ томъ, что каждый бекъ, въ знакъ своихъ вѣрноподданнѣйшихъ чувствъ, повергаетъ къ стопамъ властелина сумму денегъ, размѣръ которой зависитъ отъ способностей бека награбить ее съ жителей бекства. Обыкновенно бокчу отъ имени бека доставляетъ въ Кермине (ж. д. станція высадка эмира въ мѣсто постоянной резиденціи) одинъ изъ амлякдаровъ, по назначенію бека. Амлякдаръ этотъ, вынужденный оказывать знаки вниманія всѣмъ высшимъ лицамъ, стоящимъ у кормила правленія Бухары, въ свою очередь, деретъ съ населенія елико возможно больше съ тѣмъ, чтобы не нести расходы изъ собственнаго кармана.

Существованіе обычая бокчи не только вредно отражается на пла-

тежеспособности населенія, но что еще хуже—подрываетъ авторитетъ Россіи, т. к. бухарская администрація увѣряетъ жителей, что бокча нужна эмиру возмѣстить расходы, сдѣланные имъ *для русскихъ.*

Изъ всего изложеннаго видно, что земледѣлецъ, несмотря на высокіе урожаи хлѣбовъ, не богатѣетъ, а продолжаетъ влачить свое жалкое существованіе только благодаря тому, что почти $^2/_3$ собраннаго съ поля богатства онъ вынужденъ перевести на деньги, чтобы получить возможность расплатиться съ своимъ ненасытнымъ правительствомъ, олицетворенномъ въ лицѣ одного эмира.

Прогрессивное обнищаніе населенія, видимо, никого не трогаетъ. Самъ же эмиръ ничего не давая своимъ подданнымъ, заботится только о накапливаніи милліоновъ въ прочныхъ европейскихъ банкахъ. Говорятъ, онъ ежегодно получаетъ до 18 милл. рублей! На царящій же вопль населенія онъ закрываетъ глаза. Пришлось слышать такой разсказъ. Одинъ изъ бековъ ходатайствовалъ передъ своимъ властелиномъ о необходимости введенія широкихъ реформъ въ странѣ, объ искорененіи царящаго произвола и совѣтовалъ отпустить на это средства изъ казны. Въ это время въ рукахъ эмира была перепелка*). Въ отвѣтъ на совѣты бека, эмиръ съ яростью схватилъ безобидную сѣренькую птичку и началъ рвать съ нея перья, приговаривая: „вотъ такъ я общиплю свой народъ, прежде чѣмъ дамъ ему какія нибудь реформы“.

Таково плачевное состояніе Бухарскаго ханства!

Умѣстно задаться вопросомъ, нужно ли принимать какія-нибудь мѣры съ нашей стороны для рѣшенія такъ называемаго „Бухарскаго вопроса“?

До сихъ поръ это дѣло лежало въ тиши дипломатическикъ кабинетовъ, но событія послѣдняго времени, полагаю, даютъ право высказываться каждому, желающему внести скромную лепту въ обсужденіе затрагиваемаго вопроса.

Рѣшеніе судьбы „благородной Бухары“ относится къ вопросамъ государственной важности, а потому оно требуетъ къ себѣ самого серьезнаго и безпристрастнаго отношенія. А для этого лучшій путь—путь историческаго метода.

Если взглянуть на карту, то мы увидимъ, что поступательное движеніе Россіи въ Средн. Азію достигло своихъ естественныхъ границъ лишь на юго-западѣ и крайнемъ юго-востокѣ**). Въ промежуткѣ между этими двумя раіонами, какъ бы клиномъ, вдается въ предѣлы Имперіи Бухарское ханство, имѣющее на югѣ свою естественную границѣ преграду—р. Аму-Дарью.

Так. образ., если понадобилось-бы безпристрастно выравнить южную пограничную линію Русскаго Туркестана, то невольно подсказывается логическое рѣшеніе: границей между названными государствами (Россія и Авганистанъ) должна быть р. Аму-Дарья. Что это естествен-

*) Въ Бухарѣ существуетъ развлеченіе—бой перепеловъ.

**) Не вполнѣ цѣлесообразное рѣшеніе Памирскаго вопроса является частностью.

но служитъ доказательствомъ факта существованія нашихъ пограничныхъ постовъ вдоль названной рѣки.

Выгодно-ли въ настоящее время „выравнивать“ наши Сред.-Азіатскія границы?

При изслѣдованіи этого вопроса приходится принимать во вниманіе причины двухъ порядковъ: внѣшнія, или скорѣе политическія и внутреннія, или экономическія.

Къ нашей политикѣ въ Сред. Азіи всегда ревниво относилась Англія. Поэтому зоркость правительства этой страны вѣроятно не будетъ ослаблена и при рѣшеніи Бухарскаго вопроса. Однако, можетъ-ли Англія отвѣтить чѣмъ-нибудь рѣшительнымъ на аннексію Бухары Россіей? Полагаю, что ничего непосредственно угрожающаго нашимъ интересамъ въ Средней Азіи со стороны Великобританскаго кабинета послѣдовать внезапно не можетъ. Исторія указываетъ, что въ вопросахъ Средней Азіи Россіи надо придерживаться принципа „ничего, кромѣ наступательнаго“.

Возможно, конечно, предположить, что въ противовѣсъ мѣропріятіямъ въ Туркестанѣ Англія осложнитъ нашу политику на другихъ фронтахъ Имперіи. Но, полагаю, что такаго рода предположеніе явится запоздалымъ, т. к., если бы Бухарскій вопросъ щемилъ сердце англичанъ, то они, вѣроятно, уже успѣли бы это выказать за самое послѣднее время; однако, такого направленія мыслей въ политическихъ кругахъ Великобританіи что-то не замѣтно. Послѣ Англо-Русскаго соглашенія 1907 г. на фронтѣ Средн. Азіи наступило затишье,—центръ тяжести политической лихорадки перешелъ въ страны къ западу отъ Туркестана.

И такъ, если немедленно же, безъ проволочки въ дипломатическихъ сферахъ, объявить о включеніи Бухары въ предѣлы Россійской Имперіи, то со стороны Лондонскаго кабинета едва ли послѣдуетъ какая-нибудь серьезная и внезапная угроза... Разрѣшеніе Бухарскаго вопроса скорѣе надо отнести къ области внутреннихъ преобразованій Имперіи, до чего никакая иностранная держава не смѣетъ прикоснуться.

Но, если это такъ, то можетъ быть сама благородная Бухара, къ стати сказать объединенная силою русскаго оружія, рѣшится протестовать противъ полнаго и окончательнаго присоединенія ея къ Имперіи? На это можно дать только одинъ отвѣтъ. Разъ будетъ безповоротно рѣшена судьба страны золотыхъ звѣздъ, то, полагаю, что съ протестомъ бухарскаго правительства можетъ считаться только тотъ дипломатъ, который выше всего ставитъ сохраненіе существующаго спокойствія, а не достиженіе важныхъ государственныхъ задачъ.

Наконецъ, если Бухара захочетъ поддержать свой протестъ вооруженной силой, то кто же можетъ сомнѣваться въ томъ, что эта задача ей не по плечу! Въ Бухарѣ нѣтъ войскъ, у нея есть „опереточная армія“, которая—думаю—разбѣжится при первомъ же орудійномъ выстрѣлѣ. Мы теперь видѣли, что для водворенія внутренняго порядка въ

январьскіе дни и то потребовалось русское вмѣшательство. Фактъ перваго появленія русскихъ войскъ въ столицѣ Бухары исторически знаменателенъ...

Невозможность борьбы съ Россіей, какъ я наблюдалъ за время поѣздокъ по Бухарѣ, сознается не только образованными бухарцами, но и всѣми, кто слышалъ объ имени русскаго. Престижъ Россіи настолько великъ, что передъ нею трепещетъ всякій бухарецъ. Мнѣ кажется, что даже свойственный азіатамъ фанатизмъ и тотъ не разбудитъ дикій и совершенно забитый народъ благородной Бухары. Наконецъ, если даже предположить, что угрозами и вліяніемъ духовенства бухарскому правительству и удастся всколыхнуть темную народную массу, то эта масса будетъ способна сыграть лишь жалкую цѣль для разстрѣла и ни въ коемъ случаѣ не можетъ явиться „вооруженнымъ народомъ", съ которымъ пришлось бы считаться европейски обученнымъ войскомъ.

Такова военно-политическая часть Бухарскаго вопроса.

Что касается экономическаго положенія Бухары, то справедливость требуетъ отмѣтить, что матеріальное благосостояніе ея постепенно падаетъ.

Богатство страны вообще оцѣнивается не только сокровищами, скрытыми въ самой природѣ, но и степенью культурнаго состоянія народа, утилизирующаго эти сокровища.

Культурное же состояніе (изслѣдованной мною части) Бухары—самое плачевное. Народъ тамъ полудикій, обѣднѣвшій до предѣловъ полнаго нищенства; онъ заботится только о томъ, чтобы выполнить свои несложныя, но тяжелыя обязанности передъ произволомъ мѣстной администраціи. Бухарское правительство, живя и богатѣя на народныя деньги, ничего своему народу не даетъ: тамъ нѣтъ правительственныхъ школъ, нѣтъ почты и телеграфа, нѣтъ больницъ.

Если-бы со стороны бухарскаго правительства было обращено вниманіе на серьезную борьбу съ саранчей; если бы это правительство хоть чѣмъ-нибудь помогло населенію въ области земледѣлія; если, наконецъ, представителей власти оградить рамками закона, а судъ хоть долей справедливости, то народъ сталъ бы крѣпнуть и богатѣть, а слѣдовательно и экономическое состояніе страны стало возрастать.

Пока же плодороднѣйшія площади Бухары цѣнны лишь, какъ громадныя площади земли, годныя для будущаго земледѣлія.—И въ этомъ смыслѣ, если рѣшено будетъ воспользоваться названными бекствами, то такое рѣшеніе надо приводить возможно скорѣе, пока есть возможность съ меньшими затратами оживить замирающій край.

Если кромѣ всего изложеннаго вспомнить, что Россія „считаетъ свои задачи въ Средней Азіи культурно-просвѣтительными", то станетъ ясно, что великая держава не можетъ закрывать глаза на „современное ужасное состояніе Бухары", гдѣ до сихъ поръ таится система инквизиціи, гдѣ жизнь человѣческая зависитъ отъ милости бека, гдѣ золото ставится выше чести и совѣсти. А поэтому „Бухарскій вопросъ, могущій крайне неблагопріятно въ будущемъ отразиться на общемъ госу-

дарственномъ хозяйствѣ, долженъ быть немедленно разрѣшенъ въ нужномъ направленіи",—Бухару надо сразу объявить включенной въ число областей Туркестана и, отказавшись отъ принципа невмѣшательства—немедленно же начать мѣропріятія внутренняго характера для привитія населенію идеи порядка и справедливости. Эти мѣропріятія (въ общихъ чертахъ) намѣчены Д. Н. Логофетомъ въ главѣ „Что нужно Бухарѣ".

Бухара должна быть русской.

Такой взглядъ складывается не только у тѣхъ, которые знакомятся съ положеніемъ ханства, но, полагаю, что это убѣжденіе вселилось въ сознаніе самого властелина благородной Бухары. Чувствуя недолговѣчность своего трона, онъ обезпечиваетъ свою загадочную будущность накапливаніемъ громадныхъ денежныхъ средствъ; объ арміи же—единственной опорѣ власти и защитницѣ сомостоятельности въ международномъ положеніи—онъ совершенно забылъ. Такое пренебреженіе къ элементарнымъ понятіямъ основъ государственности, полагаю, не является результатомъ необдуманности.

Эмиръ, конечно, не вѣритъ въ долговѣчность своего ханства; онъ знаетъ, что положеніе Бухары, какъ самостоятельнаго государства внутри другого, болѣе могучаго—неестественно, а потому рано или поздно слово *ханство* будетъ замѣнено *губерніей*.

Многіе небезосновательно думаютъ, что къ указанной перемѣнѣ можно подойти постепенно, а не сразу, какъ высказывалось выше. И дѣйствительно, промежуточнымъ этапомъ къ главной цѣли вырѣшенія Бухарскаго вопроса можетъ быть принята слѣдующая комбинація.

Всѣ дѣла съ высшими государственными установленіями Бухара должна вести только черезъ Туркестанскаго генералъ-губернатора; въ этомъ отношеніи не должно быть исключенія и для представителей министерства иностранныхъ дѣлъ, состоящихъ нынѣ при эмирѣ.

Предложить эмиру немедленно же приступить къ широкимъ и рѣшительнымъ государственнымъ реформамъ. А такъ какъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что это не подъ силу Бухарскому правительству, то образовать при эмирѣ особое высшее учрежденіе коллегіальнаго характера изъ русскихъ авторитетныхъ людей и предоставить имъ руководительство въ области новыхъ преобразованій. Во главѣ такого учрежденія можно поставить такого знатока Бухары, какимъ является генералъ Лиліенталь. Для лучшаго же контроля за проведеніемъ въ жизнь указаній изъ Бухары—столицы, учредить въ главныхъ городахъ ханства (напр. при бекахъ) особыхъ комиссаровъ. Такъ образ., вся Бухара покроется наблюдательно-административными пунктами. Такой способъ дастъ возможность не только быстро проводить реформы, но и измѣнять нѣкоторыя детали ихъ въ зависимости отъ мѣстныхъ условій.

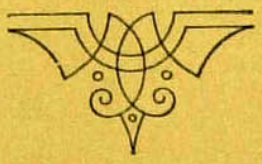
Затѣмъ, немедленно же связать столицу съ главными административно-торговыми центрами телеграфомъ и дорогами, годными для колеснаго движенія; открыть въ этихъ же центрахъ почтовыя отдѣленія.

Эти мѣропріятія дадутъ возможность быстро оріентироваться въ обстановкѣ, а значитъ и быстро принимать то или иное рѣшеніе.

Благоустроенные же пути несомнѣнно отразятся на развитіи торговли въ положительномъ смыслѣ.

Что касается бухарской арміи, то таковую безусловно надо распустить, оружіе конфисковать, а вмѣсто сарбазы для охраны внутренняго порядка и цѣнностей, командировать въ распоряженіе русскихъ комиссаровъ нашихъ великолѣпныхъ казаковъ, или небольшія пѣшія части.

Щекотливый вопросъ о личности эмира страны золотыхъ звѣздъ можно обойти, предложивъ ему новую резиденцію, которую, конечно надо обставить соотвѣтственно занимаемому нынѣ положенію. Это серьезно отразиться на русскомъ казначействѣ не можетъ, т. к. эмиръ самъ обладаетъ громадными средствами, измѣрять которыя надо не рублями, а милліонами....

Бухара должна быть русской и въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь.

Энпе.